

№ 13 (132) 2012
Выпуск 23

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профес-
сионального образования «Белгородский госу-
дарственный национальный исследователь-
ский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за соблюдением
законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
и.о. ректора НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
и.о. проректора по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.А. Шатовалов,
доктор исторических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора:

И.Н. Болгов,
доктор исторических наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

И.Т. Шатохин,
кандидат исторических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

В.Н. Шилов,
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ответственный секретарь

В.В. Василенко,
кандидат исторических наук
(НИУ «БелГУ»)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

**Belgorod State University
Scientific Bulletin**

**History Political science Economics
Information technologies**

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

О предполагаемой миграции андроновцев в Индию из Евразий-
ской степи и Средней Азии во II тыс. до нашей эры.

А.А. Семененко 5

Еще раз к вопросу о позднеантичном храме в Тиритаке:
синагога. **А.Л. Ермолин 11**

Смерть и страдания на Боспоре. **Е.А. Красникова 14**

«Экфразис» Христорора Коптского. **Н.Н. Болгов,
М.М. Сеница 19**

Грамматики высших школ позднеантичного Востока.

О.Н. Елизеева, А.М. Болгова 32

Представления о знатности и критерии ее определения в город-
ском социуме на примере Флоренции XIV-XV веков.

И.А. Краснова 40

Испытание огнем 1498 года. **Е.П. Тельменко 51**

Античное наследие в трактате Петра Скарги и его роль
в переходе к рационалистической линии рецепции античного
наследия в творчестве отечественных авторов.

М.П. Самойлова 59

Виленский археологический съезд и польско-русские противо-
речия в Северо-западном крае. **А.С. Смирнов 67**

Трансформация теории «распространения демократии» «мозго-
выми центрами» США во второй половине 1980-х – первой поло-
вине 1990-х годов. **С.Н. Белевцева 75**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Начало Ливонской войны: набег русских войск в Ливонию зи-
мой 1558 года. **В.В. Пенской 82**

Проблема соотношения Киевской губернии и Гетманской Ук-
раины в годы петровских реформ в российской историографии.

Я.А. Лазарев 89

Формирование нового социального статуса у представителей
различных сословий Российской империи в условиях деструк-
турирования сословного строя пореформенного периода (соци-
ально-психологический аспект). **В.А. Шатовалов,
К.Н. Лобанов 99**

Введение всеобщей воинской повинности в России в отечест-
венной историографии середины XX – начала XXI веков.

М.И. Гончар 105

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный университет)

В.И. Бортников, доктор политических наук, профессор (Волынский национальный университет им. Леси Украинки, г. Луцк, Украина)

Н.А. Гаврилюк, доктор исторических наук (Институт археологии национальной академии наук Украины)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С.Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

Н.П. Тельнов, доктор истории (Институт археологии Национальной академии наук Республики Молдова)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотърновский университет «Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Э.М. Цагин, доктор исторических наук, профессор (Московский государственный педагогический университет)

Статьи представлены в авторской редакции.

Подготовка к печати *Т.Г. Лагутина*;
оригинал-макет *И.Г. Оноприенко, В.В. Василенко,*
Н.А. Гапоненко
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Подписано в печать 18.09.2012
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 22,55
Тираж 1000 экз.
Заказ 273

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 18078

Оригинал-макет тиражирован
в издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Протекция в среде чиновничества Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.: социально-психологическая классификация **И.Т. Шатохин 113**

Источники о материальном обеспечении служащих местных государственных учреждений России в середине XIX века.

В.А. Иванов 118

Формирование модели взаимодействия государства, общества и Церкви по развитию системы охраны материнства и детства в Центральном Черноземье во второй половине XIX – начале XX веков. **Е.Г. Иванова 123**

Некоторые аспекты типологии монастырей Верхнего Поволжья во второй половине XVIII – начале XX веков.

В.В. Денисов 128

К истории православного внешкольного образования в России во второй половине XIX – начале XX веков: церковные воскресные школы. **К.В. Козлов 134**

Московский торговый договор (1925 г.) и германская политика лавирования между Востоком и Западом.

П.В. Макаренко 141

Из истории борьбы с оппозицией в партийных организациях советской провинции в 1925-1926 гг. : «Дело группы Нечаева» в Белгородском уездном комитете ВКП(б) Курской губернии.

Е.Ю. Прокофьева 146

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Модели политического участия: проблемное поле теоретического анализа. **Т.С. Болховитина 154**

Выборы в истории России: динамика альтернативности и конкурентности. **В.Н. Шилов, А.П. Рылкина 162**

«Назначение» губернаторов в России: итоги эксперимента.

Е.В. Реутов 174

Политика Европейского Союза в области образовательных программ в контексте интенсификации процессов мобильности молодежи. **А.И. Никитенко 181**

Сведения об авторах 187

Информация для авторов 189

№ 13 (132) 2012
Issue 23

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University, Belgorod National Research University Press. The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Acting Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Acting Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

V.A. Shapovalov,

Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief

N.N. Bolgov,

Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatokhin,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Belgorod National Research University)

V.N. Shilov,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific Bulletin**

**History Political science Economics
Information technologies**

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

**История Политология Экономика
Информатика**

CONTENTS

WORLD HISTORY

On the putative Andronovan migration into India from Eurasian steppe and Central Asia in the II millennium B.C.

A.A. Semenenko 5

Once again on the late-antiquity temple in Tirithaca: synagogue.

A.L. Yermolin 11

Death and suffering on the Bosporus. **E.A. Krasnikova 14**

«Ekphrasis» of Christodoros Coptic. **N.N. Bolgov,**

M.M. Sinita 19

Professors of grammar in higher schools of late antique East.

O.N. Eliseeva, A.M. Bolgova 32

Criteria of nobility and concepts of its determination in a town community on the example of the city of Florence in XIV-XV centuries. **I.A. Krasnova 40**

Fire trial in the year of 1498. **E.P. Telmenko 51**

Ancient heritage in the treatise of Peter Skarga and its role in the transition to the rationalist line of ancient heritage reception in the works of homeland authors. **M.P. Samoylova 59**

The archeological congress in Wilno and the Russian-Polish controversy in the North-West Territory. **A.S. Smirnov 67**

Transformation of the theory of «distribution of democracy» by the U.S. «think tanks» in the second half of 1980s – first half of 1990s.

S.N. Belevtseva 75

RUSSIAN HISTORY

Beginning of Livonian war: Russian troops raid in Livonia, winter 1558. **V.V. Penskoj 82**

On the correlation of Kievan gubernia and the Hetmanate during the Petrin reforms in Russian historiography. **Ya.A. Lazarev 89**

Formation of new social status among the representatives of different estates in the Russian empire in conditions of destructuring the estate composition in the post-reform period (socio-psychological aspect). **V.A. Shapovalov, K.N. Lobanov 99**

Introduction of universal military service in Russia in Russian historiography of the middle of XX – beginning of XXI century.

M.I. Gonchar 105

Patronage among the officialdom of the Russian empire in the second half of XIX – early XX cent.: socio-psychological classification.

I.T. Shatokhin 113

Editorial Assistant

V.V. Vasilenko,
Candidate of Historical Sciences
(Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Historical Sciences, Professor (Magnitogorsk State University)

V.I. Bortnikov, Doctor of Political Sciences, Professor (Volyn National University after Lesya Ukrainka, Lutsk, Ukraine)

N.A. Gavrilyuk, Doctor of Historical Sciences (Institute of Archeology of National Academy of Sciences of Ukraine)

A.V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Belgorod National Research University)

E.A. Molev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in History (University of Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Senior Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

S.B. Sorochan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

N.P. Telnov, PhD in History (Institute of Archeology of National Academy of Sciences of Moldova)

I.M. Todorov, PhD in History, Associate Professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

E.M. Shagin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow State Pedagogical University)

The articles are given in the authors' editing.

Prepared for release *T.G. Lagutina*;
dummy layout by *I.G. Onoprienko, V.V. Vasilenko, N.A. Gaponenko*
e-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Passed for printing 18.09.2012
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 22,55
Circulation 1000 copies
Order 273

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Sources about material maintenance of Russian local officials in the middle of the XIXth century. **V.A. Ivanov 118**

Formation of model of interaction of the state, society and Church on development of the motherhood and childhood protection system in the Central Chernozem region in the second half of XIX – beginning of the XX centuries. **E.G. Ivanova 123**

Some aspects of the typology of monasteries of the Upper Volga region in the second half of XVIII – beginning of XX centuries.

V.V. Denisov 128

On the history of the Orthodox out-of-school education in Russia in the second half of XIX – beginning of XX centuries: church Sunday school. **K.V. Kozlov 134**

Moscow Trade Agreement (1925) and the German policy of maneuvering between East and West. **P.V. Makarenko 141**

From the history of the fight with the underground opposition in the Party organizations of the Soviet province in 1925-1926: «The case of the Nechaev's group» in Belgorod Committee of the Kursk province.

E.Yu. Prokofieva 146

POLITICAL SCIENCE

Models of political participation: the problem field of the theoretical analysis. **T.S. Bolkhovitina 154**

Elections in history of Russia: dynamics of alternativeness and competition. **V.N. Shilov, A.P. Rylkina 162**

"Appointment" of governors in Russia: experiment results.

E.V. Reutov 174

The European Union policies in sphere of education programmes in the context of intensification of youth mobility.

A.I. Nikitenko 181

Information about Authors 187

Information for Authors 189

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(34)

О ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ МИГРАЦИИ АНДРОНОВЦЕВ В ИНДИЮ ИЗ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО II ТЫС. ДО НАШЕЙ ЭРЫ

А.А. СЕМЕНЕНКО*Воронежский колледж
«Номос»**e-mail: 31071976@bk.ru*

Хотя в научной литературе широко распространено мнение о миграции отождествляемых с индоариями андроновцев в Индию во II тыс. до н.э., данная гипотеза не подтверждается никакими историческими источниками.

Ключевые слова: индоарии, Андроновская культурно-историческая общность, археологический комплекс Бактрия–Маргиана, предполагаемая миграция, теория бильярдного шара.

Среди отечественных и западных историков (археологов и лингвистов) и их сторонников в Индии господствует мнение о том, что прародина индоариев располагалась в ареале распространения носителей андроновской культурно-исторической общности, проникших во II тыс. до н.э. в северо-западную часть полуострова Индостан через территорию археологического комплекса Бактрия–Маргиана¹. Но эта точка зрения не обоснована никакими историческими свидетельствами из Южной Азии.

Одним из наиболее авторитетных представителей данной теории в России является автор книги–лозунга «Арии — путь на юг» (2008) Е.Е. Кузьмина. Однако рассмотрим 25–ю главу её монографии «The genesis of the Indo-Aryans» в книге «The origin of the Indo-Iranians» (2007).

¹ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Изд. 2–е, испр. и доп. М., 1983; Parpola A. The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the Dāsas // Studia Orientalia Societas Orientalis Fennica. Vol. 64. Helsinki, 1988. P. 195–302; Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. L., 1991; Зданович Г.Б. Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия / Науч. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск, 1995. С. 21–42; Parpola A. The problem of the Aryans and the Soma: Textual–linguistic and archaeological evidence // The Indo-Aryans of Ancient South Asia: language, material culture and ethnicity / Ed. by G. Erdosy. Berlin–NY., 1995. P. 353–380; Sharma R. Sh. Looking for the Aryans. Madras, 1996; Encyclopedia of Indo-European Culture / Editors J.P. Mallory and D.Q. Adams. L. and Chicago, 1997; Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. М., 1999; Lubotsky A. The Indo-Iranian substratum // Mémoires de la Société Finno–Ougrienne 242. Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvaerminne Research station of the University of Helsinki 8–10 January, 1999 / Ed. by Ch. Carpelan, A. Parpola and P. Koskikallio. Helsinki, 2001. P. 301–317; Lamberg-Karlovsky C.C. Archaeology and language; Reply // Current Anthropology. Vol. 43. No. 1. 2002. P. 63–75 and 84–88; Witzel M. Central Asian Roots and Acculturation in South Asia: Linguistic and Archaeological Evidens from Western Central Asia, the Hindikush and Northwestern South Asia for Early Indo-Aryan Language and Religion // Linguistics, Archaeology and the Human Past / Ed. by O. Toshiki. Kyoto, 2005. P. 87–211; Anthony D.W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze–Age Riders from the Eurasian Steppes shaped the Modern World. Princeton, 2007.

Автор утверждает, что «арии были первыми мигрантами на юг», но при этом указывает, что «по-прежнему отсутствуют доказательства того, что эта первая миграционная волна пересекла южные границы БМАК [археологического комплекса Бактрия–Маргиана. — Прим. наше. А.С.]»².

И это действительно так. Как отмечает далее Е.Е. Кузьмина, на полуострове Индостан не зафиксировано ни одного археологического признака андроновской материальной культуры. Так, по словам автора, у неё «нет информации о том, что в Индии были обнаружены дома андроновского типа»³. Выражение желания обнаружить в Южной Азии «хотя бы пригоршню фрагментов керамики ведических ариев», т.е. андроновцев, сопровождается у Е.Е. Кузьминой следующим характерным признанием: «Если бы только это было так!»⁴ По мнению автора, на Курукшетре, где должна была произойти описываемая в Махабхарате битва с предполагаемым участием индоариев-андроновцев, во время раскопок 1958 г. «был обнаружен кельт андроновского типа»; в связи с этим Е.Е. Кузьмина спустя полвека выражает надежду на то, что «последуют новые находки андроновского оружия в Южной Азии»⁵. Даже если согласиться с тем, что данный кельт действительно был андроновского типа, это никоим образом не доказывает миграции андроновцев в Индию и их участия в военных столкновениях на её территории: он вполне мог попасть туда мирным путём через обмен или куплю-продажу. Говоря о важнейших признаках андроновской культурно-исторической общности — лошади и колеснице — Е.Е. Кузьмина отмечает, что датировка их появления на субконтиненте «по-прежнему остаётся предметом для дискуссий»⁶. Рассуждая об археологических следах погребальных церемоний индоариев в Индии, Е.Е. Кузьмина с сожалением констатирует, что «они оставляют мало надежды для археолога... следы первых ариев, мигрировавших в Индию, нужно искать не там, а на их прародине, где находятся кенотафы!»⁷ Т.о. предлагается парадоксальное «решение» проблемы — свидетельства проникновения андроновцев в Южную Азию надо искать не в ней, а в ареале распространения андроновской культурно-исторической общности. Даже если согласиться с автором в том, что первые мигранты на полуостров были похоронены на родине (хотя такое предположение представляется маловероятным, поскольку в таком случае следует говорить о набеге, а не о миграции), возникает вопрос о том, где же были похоронены «арии» второй (и третьей?) волны, которые уже должны были остаться на субконтиненте. Обращаясь к антропологическим данным, Е.Е. Кузьмина указывает, что «в Индии подавляющее большинство населения не менялось с Харапских времён»⁸. Фактически антропологи констатируют стабильное существование человеческой популяции в изучаемом регионе без сколько-нибудь заметных вливаний извне не с харапской эпохи (с 3100 г. до н.э.), а с 4500 и по 800 гг. до н.э.⁹ В заключительной части рассматриваемой главы Е.Е. Кузьмина обращается к результатам первых генетических исследований по этой проблематике, которые (из-за малого количества данных) склонялись в пользу миграционной теории¹⁰. Однако последующие расширенные исследования генетиков не только опровергли возможность и вероятность ин-

² Kuz'mina E.E. The origin of the Indo-Iranians / Transl. by S. Pitina and P. Prudovsky. Ed. by J.P. Mallory // Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Leiden, 2007. P. 322.

³ Ibid. P. 327.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 328.

⁶ Ibid. P. 336; Danino M. The horse and the Aryan debate // Journal of Indian History and Culture of the C. P. Ramaswami Aiyar Institute of Indological Research. Chennai. September 2006. No.13. P. 33–59.

⁷ Kuz'mina E.E. The origin of the Indo-Iranians. P. 340.

⁸ Ibid. P. 345.

⁹ Hemphill B.E., Lukacs J.R., Kennedy K.A.R. Biological Adaptations and Affinities of Bronze Age Harappans // Harappa Excavations 1986–1990: A Multidisciplinary Approach to Third Millennium Urbanism / Edited by R.H. Meadow. Monographs in World Archaeology. No. 3. Madison Wisconsin, 1991. P. 137–182; Kennedy K.A.R. Have Aryans been identified in the prehistoric skeletal record from South Asia? Biological anthropology and concepts of ancient races // The Indo-Aryans of Ancient South Asia: language, material culture and ethnicity. Berlin–NY, 1995. P. 32–66.

¹⁰ Kuz'mina E.E. The origin of the Indo-Iranians. P. 345–346.

доарийской миграции в Индию во II тыс. до н.э., но и недвусмысленно указали на автотонное происхождение носителей индоарийских диалектов на субконтиненте¹¹.

Один из крупнейших специалистов по археологии Средней Азии Б.А. Литвинский писал: «До сих пор широко распространена теория, что арийцами, пришедшими в Среднюю Азию, а также Иран и Индию, были андроновские племена. Я сам много лет придерживался и развивал эту теорию. Но материалы раскопок и исследования В.И. Сариниди поколебали мою убежденность... Ведь ни в Иране, ни в Индии нет следов андроновской культуры»¹². К.Ч. Ламберг–Карловски категорически утверждает: «Нет ни одного артефакта андроновского типа, который был бы обнаружен в Иране или в Северной Индии!»¹³

Вслед за В.И. Сариниди Б.А. Литвинский склонился к мнению о том, что создатели БМАК были индоиранцами, но считал, что андроновцы всё-таки участвовали в формировании данного археологического комплекса и вместе с его носителями позднее проникли в Северо-Западную Индию, где обнаруживаются «многие общие черты с БМАК»¹⁴.

Ввиду отсутствия прямых и положительных свидетельств миграции степняков Евразии в Южную Азию сторонники инвазионистов/иммиграционистов на Западе также стали использовать разработанную Дж.П. Мэллори гипотезу Kulturkugel (теорию распространения культуры через переход её от этноса–носителя к этносу–контактёру подобно сообщению импульса от одного шара другому в бильярде)¹⁵. Так, лингвист М. Витцель указывает на следы проникновения керамики андроновского типа на территорию БМАК, но признаёт, что здесь эти следы обрываются, в то время как характерные для самого БМАК артефакты обнаруживаются на ряде памятников умирающей Синдху–Сарасватской (Хараппской) цивилизации (в Кветте, Мергархе, Мохенджо Даро и Хараппе). Поэтому М. Витцель предлагает экстраординарный сценарий, согласно которому иммигрирующая индоарийская цивилизация андроновцев присоединяется к цивилизации БМАК, трансформирует её и «запускает бильярдноеподобное распространение этой инновационной культуры. В конце никто в начальной стадии этого процесса генетически может быть ни с кем не связан в заключительной стадии этого процесса. Именно это, судя по всему, произошло в случае с ариянизацией Ю[жной] Азии»¹⁶. Согласно его представлениям носите-

¹¹ Kivisild T., Rootsi S. et al. The Genetics of Language and Farming Spread in India // Examining the farming/language dispersal hypothesis / Edited by P. Bellwood & C. Renfrew. Cambridge, 2002. P. 215–222; Kivisild T. et al. The Genetic Heritage of the Earliest Settlers Persists Both in Indian Tribal and Caste Populations // American Journal of Human Genetics. 2003. 72. P. 313–332; Sahoo S. et al. A prehistory of Indian Y chromosomes: evaluating demic diffusion scenarios // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. January 24, 2006. Vol. 103. No. 4. P. 843–848; Sengupta S. et al. Polarity and Temporality of High-Resolution Y-Chromosome Distributions in India Identify Both Indigenous and Exogenous Expansions and Reveal Minor Genetic Influence of Central Asian Pastoralists // The American Journal of Human Genetics. Vol. 78. February 2006. P. 202–221; Skulj J. et al. Indo–Aryan and Slavic linguistic and genetic affinities predate the origin of cereal farming // Proceedings of the Sixth International Topical Conference Origin of Europeans, Ljubljana, June 6th and 7th 2008. Ljubljana: Založništvo Jutro, 2008. P. 5–39; Mirabal Sh. et al. Y-Chromosome distribution within the geo-linguistic landscape of northwestern Russia // European Journal of Human Genetics. 2009. 17. P. 1260–1273; Sharma S. et al. The Indian origin of paternal haplogroup R1a1 substantiates the autochthonous origin of Brahmins and the caste system // Journal of Human Genetics. 2009. 54. P. 47–55; Underhill P.A. et al. Separating the post-Glacial coancestry of European and Asian Y chromosomes within haplogroup R1a // European Journal of Human Genetics. 2009. P. 1–6; Metspalu M. et al. Shared and Unique Components of Human Population Structure and Genome-Wide Signals of Positive Selection in South Asia // The American Journal of Human Genetics. 89. December 9, 2011. P. 731–744.

¹² Литвинский Б.А. Виктор Иванович Сариниди — легенда археологии Центральной Азии // У истоков цивилизации. Сборник в честь 75–летия В.И. Сариниди / Ред. М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова. М., 2004. С. 18.

¹³ Lamberg-Karlovsky C.C. Archaeology and language: the case of the Bronze Age Indo-Iranians // The Indo-Aryan controversy: evidence and inference in Indian history / Ed. by E.F. Bryant and L.L. Patton. L., 2005. P. 168.

¹⁴ Литвинский Б.А. Виктор Иванович Сариниди. С. 18; см. также: Litvinsky B.A., P'yankova L.T. Pastoral tribes of the Bronze Age in the Oxus Valley (Bactria) // History of Civilizations of Central Asia / Ed. A.H. Dani, V.M. Masson. Vol. I. Delhi, 1999. P. 379–394.

¹⁵ Bryant E.F. The quest for the origins of Vedic culture: the Indo-Aryan migration debate. N.Y., 2001. P. 216–217.

¹⁶ Witzel M. Central Asian Roots and Acculturation in South Asia: Linguistic and Archaeological Evidences from Western Central Asia, the Hindikush and Northwestern South Asia for Early Indo-Aryan Language and Religion // Linguistics, Archaeology and the Human Past / Ed. by O. Toshiki. Kyoto, 2005. P. 145, 167–169, 190; Witzel M. Indocentrism: autochthonous visions of ancient India // The Indo-Aryan controversy: evidence and inference in Indian history. L., 2005. P. 347; Witzel M. The Home of the Aryans [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.people.fas.harvard.edu/~witzel/AryanHome.pdf.

ли индоарийских диалектов полностью «арьянизировали» создателей БМАК, включая их язык и культуру; потом часть последних продвинулась далее в Пенджаб и таким же образом «арьянизировала» местное население¹⁷. Е.Е. Кузьмина присоединяется к гипотезе Kulturkugel в изложении Дж.П. Мэллори и М. Витцеля¹⁸.

К.Ч. Ламберг–Карловски указывает, что российские исследователи, работающие в степях Евразии, практически единодушно считают носителей андроновской культурно-исторической общности индоиранцами, в то время как учёные России и среднеазиатских стран, раскапывающие памятники БМАК, так же единодушно называют индоиранцами его создателей. Между тем Андроново и БМАК резко различаются по своим характеристикам и условиям обитания. К.Ч. Ламберг–Карловски отмечает, что обе группы исследователей цитируют в поддержку своих выводов отрывки из Ригведы и Авесты, которые «достаточно общи для того, чтобы допустить индоиранский характер равнинных индейцев Северной Америки». Более того, как отмечает автор, нет никаких археологических следов влияния БМАК на степь, и есть лишь незначительные свидетельства андроновского присутствия в ареале распространения БМАК; отсутствуют следы интенсивных и продолжительных контактов между носителями двух культур и доказательства того, что у них был общий предок. Вывод К.Ч. Ламберг–Карловски весьма неутешителен: «нет никаких неопровержимых археологических данных для подтверждения или... для опровержения теории о том, что либо одна [из этих культур. — Прим. наше. А.С.], либо обе, либо ни та, ни другая (не) являются индоиранскими»¹⁹. Учёный отмечает, что археологический поиск индоиранцев остаётся безрезультатным, а «когда индоиранцев идентифицируют с археологическими данными, это делается посредством голословных утверждений, а не демонстрации»²⁰.

Как подчёркивает К.Ч. Ламберг–Карловски, во II тыс. до н.э. единственной проникающей в Иран и Северную Индию археологической культурой был БМАК.²¹ Но при этом учёный критически оценивает разработанную Дж.П. Мэллори теорию симбиоза андроновцев с носителями БМАК, приведшего к формированию древних иранцев и индоариев, указывая, что «именно эта «форма симбиоза» является столь безнадежно неуловимой (utterly elusive)!»²²

В своей недавней работе автор концепции Kulturkugel Дж.П. Мэллори соглашается с тем, что андроновский материал, обнаруживаемый на памятниках БМАК, отсутствует к югу от подступов в Иран и Северную Индию. Также исследователь указывает, что предлагаемое В.И. Сарияниди отождествление носителей БМАК с проникшими из Анатолии (теория индоевропейской прародины Т.В. Гамкрелидзе — Вяч.Вс. Иванова) предками древних иранцев не объясняет последующей связи его урбанистической цивилизации со степными культурами иранцев железного века и с индоариями Южной Азии. Дж.П. Мэллори констатирует: «Степная теория сама по себе является важнейшим звеном, связывающим азиатских индоевропейцев и европейцев. Но, за исключением фиксации присутствия андроновцев на памятниках БМАК, мы далеки от того, чтобы быть способными объяснить то, как они смогли занять лидирующие позиции [в обществе] или как их язык мог быть принят намного более многочисленным населением к югу от ареала их обитания. Что касается взаимосвязей между степными областями и Индией, ситуация ещё хуже. Существуют случайные параллели между двумя регионами... но аргументы, на основании которых евразийская степь и Северная Индия объединяются в некую форму исторических взаимоотношений, имеют тенденцию опираться на ряд общекультурных параллелей, которые в высшей степени интересны, но не обоснованы чётким следом археологических памятников, способным убедить учёных в том, что существовала культур-

¹⁷ Witzel M. Early Indian history: linguistic and textual parametres // The Indo-Aryans of Ancient South Asia: language, material culture and ethnicity / Ed. by G. Erdosy. Berlin–N.Y., 1995. P. 113.

¹⁸ Kuz'mina E.E. The origin of the Indo-Iranians. P. 323–325.

¹⁹ Lamberg-Karlovsky C.C. Archaeology and language: the case of the Bronze Age Indo-Iranians. P. 168.

²⁰ Ibid. P. 169.

²¹ Ibid.

²² Ibid. P. 171.

ная траектория, по которой новый язык был принесён в Индию, что вызвало фундаментальные лингвистические сдвиги»²³.

Эти высказывания одного из ведущих мировых индоевропейцев-инвазионистов/иммиграционистов говорят ни больше, ни меньше, как о его отказе от собственной теории бильярдного шара (Kulturkugel), с помощью которой он пытался объяснить проникновение индоариев в Индию, не оставляющее никаких археологических следов.

Но археологи постсоветского пространства по-прежнему продолжают использовать *ad hoc* эту концепцию. В том же самом сборнике, где размещена вышеупомянутая статья Дж.П. Мэллори, цитируется его работа 2002 г. с изложением теории бильярдного шара... А именно крупный украинский археолог В.В. Отрощенко целиком и полностью принимает её: «Дж.П. Мэллори излагает концепцию чёрного ящика (kulturkugel). Согласно ей андроновская культура могла передать свою социальную организацию и язык носителям БМАК, но при этом принять от них материальную культуру. То есть, в чёрный ящик третьей критической полосы влетает с севера миграционная пуля с одним наконечником (андрон-индоиран-степь), а вылетает далее на юг та же пуля, но уже с другим острием (БМАК-индоиран-степь). Подвергается изменению материальная составляющая миграционной пули, каковая в таком модифицированном виде всё же достигает Северо-Западной Индии (кладбища Кветта, Мергар, Сибири на Правобережье Инда). Открытым остаётся вопрос о том, что же заставило население... БМАК изменить язык и социальную организацию в пользу пришлых варваров? Тут Дж.П. Мэллори обращается к этнографическим и лингвистическим сопоставлениям. В целом же предложенная модель генезиса древних индоиранцев является наиболее согласованной с совокупностью археологических фактов, а потому может быть принятой в качестве рабочей гипотезы относительно миграции индоарийской ветви индоиранцев. Иранская же ветвь имеет, вероятно, свою историю миграции на территорию Большого Ирана и собственный «чёрный ящик»»²⁴.

Таким образом, полное отсутствие следов проникновения отождествляемых с индоариями андроновцев через ареал распространения БМАК в Индию объясняется с помощью использования «чёрного ящика» и серии неизвестных, а в итоге этого странного уравнения гипотетические индоарии-андроновцы становятся исторически существовавшими индоариями-ригведийцами. Экс-руководитель Археологической службы Индии Б.Б. Лал категорически отвергает возможность отождествления носителей проникающего в Южную Азию БМАК с индоариями, указывая, что ни одного памятника этой культуры к востоку от Инда нет²⁵. Как указывает сам М. Витцель, БМАК является городской цивилизацией с интенсивным использованием при строительстве кирпичей²⁶. Э.Ф. Брайент подчёркивает это и добавляет, что для БМАК характерны церемониальные центры со следами культа огня и ритуального использования галлюциногенов в храмах, в то время как Самхиты индоариев храмов не упоминают²⁷. Е.Е. Кузьмина признаёт, что гипотеза Kulturkugel не соответствует описаниям материальной культуры ариев в Ригведе²⁸.

Попытка лингвиста М. Витцеля расширить сферу проникновения БМАК на левобережье Инда в Пенджаб (Хараппу) является целиком и полностью необоснованной. Как показывают раскопки Дж.М. Кенюйера — являющаяся прямой и непосредственной преемницей Синдху-Сарасватской (Хараппской) цивилизации археологическая культура Поздней Хараппы с теми же самыми биологическими носителями просуществовала в

²³ Mallory J.P. The Indo-European Homeland and the Steppe Hypothesis: Research Agenda // Индоевропейская история в свете новых исследований: сборник научных статей (Сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова). М., 2010. P. 78–79.

²⁴ Отрощенко В.В. К вопросу об этнической принадлежности населения срубно-андроновского блока культур // Индоевропейская история в свете новых исследований: сборник научных статей (Сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова). М., 2010. С. 165 и 168–169.

²⁵ Lal B.V. Let not the 19th Century Paradigms Continue to Haunt Us. Inaugural Address delivered at the 19th International Conference on South Asian Archaeology, held at the University of Bologna, Ravenna, Italy, on July 2–6, 2007 // Purātattva. No. 37. 2006–07. P. 1–19.

²⁶ Witzel M. Early Indian history. P. 103.

²⁷ Bryant E.F. Concluding remarks // The Indo-Aryan controversy: evidence and inference in Indian history / Ed. by E.F. Bryant and L.L. Patton, 2005. P. 491–492.

²⁸ Kuz'mina E.E. The origin of the Indo-Iranians. P. 325–326.

Пенджабе с 1900 по 1300, а на некоторых поселениях до 1000 г. до н.э., т.е. столетия после упадка самого БМАК²⁹.

Таким образом, можно однозначно говорить о том, что на данном этапе археологические, антропологические и генетические исследования опровергают гипотезу о миграции носителей Андроновской культурно-исторической общности в качестве предков риг-ведийских индоариев в Южную Азию во II тыс. до н.э.

ON THE PUTATIVE ANDRONOVAN MIGRATION INTO INDIA FROM EURASIAN STEPPE AND CENTRAL ASIA IN THE II MILLENNIUM B.C.

A.A. SEMENENKO

Voronezh College «Nomos»

e-mail: 31071976@bk.ru

Although the opinion about the migration of Andronovan people, identified with the Indo-Aryans, into India in II Millennium B.C. is widespread in the scientific literature, this hypothesis is not validated by any historical sources.

Key words: Indo-Aryans, Andronovo family of cultures, Bactria–Margiana Archaeological Complex, putative migration, Kulturkugel model.

²⁹ Kenoyer J.M. Culture change during the Late Harappan period at Harappa: new insights on Vedic Aryan issues // The Indo-Aryan controversy: evidence and inference in Indian history. L., 2005. P. 23–26, 30–32.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ХРАМЕ В ТИРИТАКЕ: СИНАГОГА

А.Л. ЕРМОЛИН

Центр археологии и морских цивилизаций Университета г. Хайфа, Израиль

e-mail: doryerm@mail.ru

В работе на основе анализа археологического материала делается вывод о значительном присутствии адептов иудаизма в среде населения позднеантичного Боспора. В этой связи один из наиболее важных памятников – храм VI в. из Тиритаки – интерпретируется как синагога, а не церковь.

Ключевые слова: Боспор, иудаизм, синагога, храм, позднеантичный.

На всей территории Европейского Боспора пока не найдено ни одного точно интерпретированного христианского храма (остатков), хотя при раскопках Тиритаки были выявлены развалины культового здания IV-VI вв. н.э., считавшегося до последнего времени христианским храмом. При детальном рассмотрении дошедшего до нас материала, выясняется, что к христианству это здание отношения не имеет.

Остатки базилики были выявлены и раскопаны еще в 1935 г.¹, там же на территории базилики была найдена капитель ионического ордера с вырезанным на ней крестом². Именно на основании этой находки и был сделан вывод о принадлежности помещения к христианской конфессии. Но в заполнении помещения (базилики) были найдены и фрагменты еще двух мраморных коринфских капителей³ и мраморной базы. Необходимо выяснить, какая из капителей использовалась в базилике. В отличие от капителей, база была найдена «in situ», следовательно, надо определить, какая из капителей соответствует параметрам базы. Ионийская капитель имеет размеры: высота с импостом 0,21 м, высота без импоста 0,07 м, верхняя плоскость импоста 0,71 x 0,45 м, нижний диаметр углубления под колонну 0,30 м. По Витрувию отношение диаметров колонны верхнего и нижнего составляет 11:13 (или 6:7 в зависимости от высоты колонны) (Vitr., III, 3, 12-13), т.е. нижний диаметр колонны или верхний диаметр базы будет составлять 0,30 м : 11 x 13 = 0,35 м.

Размеры коринфской капители: высота 0,43 м, диаметр нижнего основания 0,40 м. Для подобной капители база должна быть 0,40 : 11 x 13 = 0,47 м (при соотношении 6:7 – 0,46 м).

Размеры базы: высота 0,20 м, размер плиты основания 0,58 м x 0,98 м, верхний диаметр 0,45 м. Из вышесказанного можно сделать вывод, что базе соответствует коринфская капитель, а капитель с крестом происходит из другого здания. Большая вероятность, что это здание находилось на территории Тиритаки, но колонны в нем были меньшего размера. Возможно, это был небольшой христианский храм, подобный храму св. Иоанна Предтечи в Керчи. Именно этот тип храма, четырехстолпный, трёхапсидный крестово-купольный храм, сформировался к VI в. н.э. на всей территории Византии. Одним из важнейших элементов христианского храма является апсида – алтарный выступ, ориентированный на восток. В базилике, раскопанной на территории Тиритаки, апсиды нет, об этом писал и В.Ф. Гайдукевич⁴, нет даже места для нее, т.к. юго-восточная стена (где могла бы быть апсида) находится на самом краю довольно крутого обрыва, где ее пристроить практически невозможно. Ориентирована тиритакская базилика СЗ – ЮВ (рис. 73). Правда в реконструкции базилики, сделанной В.Н. Зинько, появляется маленькая апсида, но это обстоятельство ничего не меняет.

Теперь необходимо внимательно рассмотреть раскопанные остатки «храма». На сохранившемся южном участке стены был зафиксирован дверной проем (рис.73), в 0,8 м от него в фундаменте расчищена ниша, ниже уровня дверного проема на 0,5 м. Ниша бы-

¹ Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // Материалы и исследования по археологии. № 25. 1952. С. 67-72.

² Там же. С. 70. Рис. 80.

³ Там же. Рис. 81.

⁴ Там же. С. 69.

ла облицована мрамором. Размеры ниши: 1,15 м x 0,75 м x 0,55 м (высота сохранилась не полностью). В.Ф. Гайдукевич определил эту нишу как крещальню, что, на наш взгляд, маловероятно, т.к. если ребенка еще можно туда поместить, то при крещении взрослого возникли бы определенные трудности, да и для крещальни это совсем не характерное местоположение. Далее следует обратить внимание на юго-восточную стену. Вместо колонн с этой стороны зафиксированы основания прямоугольных столбов. В христианском храме подобные элементы не предусмотрены, но если предположить, что это не христианская базилика?

Напомним об ориентации этой «базилики». Она скорее характерна для синагоги, чем для христианской церкви, например, синагога V в. н.э. в Херсонесе⁵. Поскольку не всегда было возможно, чтобы синагога была обращена к Иерусалиму, законоучители установили, чтобы направление соблюдалось настолько, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Христианские же храмы всегда ориентировались апсидой на восток. Соотношение длины и ширины в тиритакской базилике: 11,5:10. Подобные пропорции (11:10) имели ранние синагоги и вплоть до V в. н. э.

Кратко и четко дает описание и отличительные черты ранних и поздних вариантов синагог С. Вольфсон: «В раннем типе синагог должны были присутствовать четыре признака: – роскошно орнаментированный фасад, направленный на Иерусалим; – стена, находящаяся напротив входа, должна была быть прямой, без апсиды; – наличие поперечного ряда колонн; – пол, облицованный каменными плитками. Планировка древних синагог не была достаточно удобной, и с середины III до начала IV вв. н.э., в период, называемый переходным, имели место попытки внести определённые изменения во внутреннюю планировку зданий. Они не были четко сформулированы, не были разработаны единые подходы к строительству и поэтому синагоги, в каждом конкретном случае, представляют собой самостоятельные типы. Однако следует отметить общие элементы, отличные от раннего периода: – закрылись двери, ранее направленные на Иерусалим, и на их месте появились ниши – апсиды, в которых разместился кивот – арон ха-кодэш. Отметим, что ранее он был переносным и находился в пристройке к основному зданию; – появилась "бима" – возвышение в синагоге, на котором стоит стол или пюпитр для чтения Торы. Отсюда раввин произносил свою проповедь, и на ней трубили в шофар по праздникам. Бима расположилась перед кивотом; – около кивота, ниже уровня пола оборудовалась "гениза" – помещение для архива синагоги, а также для хранения определённых ценностей; – открылись боковые двери, возросла нагрузка на внутренний двор, в котором появляются дополнительные помещения, выполняющие различные функции; – вместо каменных плиток пола появляются мозаики. Они еще не имеют каких-либо сюжетов, в некоторых случаях представляют собой лишь геометрические фигуры, однако, это уже был явный шаг вперед. Процесс завершился к V веку»⁶.

В плане тиритакская «базилика» очень напоминает планы синагог первых веков на Голанах⁷. Остатки столбов у юго-восточной стены указывают на то, что здесь находилось какое-то сооружение; в ранних христианских храмах еще не было иконостаса, но в синагогах этого времени (IV-V вв. н.э.) уже существует алтарная перегородка, за которой находился Арон Ха-Кодеш – синагогальный ковчег, вместилище для свитков Торы. Рядом с алтарем, ниже уровня пола была расположена гениза – хранилище для архива и общинной казны. Ниша, выявленная в тиритакской базилике, и являлась генизой. Размеры ее очень напоминают размеры Ковчега Завета – два с половиной локтя в длину и полтора в ширину и высоту, т.е. около 1,25 м × 0,75 м × 0,75 м. Размер ниши в базилике Тиритаки 1,15 м × 0,75 м × 0,55 м (высота полностью не сохранилась). Что касается уровня пола, то, проанализировав доступный материал, можно сделать вывод, что он находился на уровне порога бокового входа и на уровне низа сохранившейся базы колонны. Вход в базилику достоверно зафиксирован только на юго-западной стороне; что же касается центрального входа с северо-западной стороны, то там не было отмечено каких-либо деталей дверного

⁵ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь. 1999. С. 32.

⁶ Вольфсон С. Древние синагоги Галилеи и Голан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sergwolfson.co.il/articles/9.htm>

⁷ Stern, Ephraim. The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. Jerusalem, 1992. P. 538.

проема и, следовательно, говорить о проходе в этом месте совершенно нет оснований. Полукруглое сооружение из камня у северо-западной стены является ничем иным, как основанием (фундаментом) бимы. Размеры этого «порога» 3,0 м x 1,5 м, что вполне достаточно для бимы. Что касается еще двух (?) входов, то они могли быть на месте полностью разобранных участков стен.

В рассматриваемом контексте стоит упомянуть также находку фрагментов амфор с дипинти в виде меноры⁸. На первый взгляд не совсем ясно, для чего на амфорах делать подобные рисунки, а делались они еще до обжига, по сырой глине, но если учесть тот факт, что иудейская диаспора в разы была меньше христианского (?) и языческого населения, становится совершенно понятно назначение подобных знаков.

Здесь необходимо вспомнить о кашруте. Кашрут – термин в иудаизме, означающий дозволенность или пригодность чего-либо с точки зрения Галахи. Галаха запрещает использовать вино, относительно которого существует подозрение в том, что его могли использовать иноверцы в своих религиозных обрядах. Поэтому спиртные напитки из винограда должны производиться исключительно религиозными евреями, начиная с этапа выдавливания сока из винограда. Это же относится и к посуде, в которую разливают вино. Т.е. изображение меноры указывало на то, что это вино является кошерным. Оно могло быть привозным или изготавливаться на месте.

И последнее уточнение конструктивных особенностей синагог. Колонны в синагогах несли на себе второй этаж – галерею (вейбершул) – женскую часть синагоги (эзрат нашим), которая могла иметь занавес (мехицца). В плане галерея была П-образной. Вход на неё обычно был снаружи. Исходя из того, что стены тиритакской «базилики» имеют небольшую толщину и не могли нести каменное арочное перекрытие, вероятнее всего, синагога имела открытое деревянное стропильное перекрытие с черепичной кровлей.

Из вышесказанного можно сделать выводы, что здание в Тиритаке, открытое раскопками в 1935 г., являлось именно синагогой. Время её постройки, скорее всего, IV в., так как согласно плану, оно относится к переходному периоду.

Еще во второй половине XIX в. были выявлены следы иудейских некрополей в районе Керчи. В описании, составленном А.Е. Люценко в 1876 г., говорится, что в районе Павловской батареи была раскопана 21 могила с сильно истлевшими скелетами, ориентированными на восток. Все захоронения оказались весьма однообразными и не отличались большим количеством находок. Известны еще два надгробия, найденные у шоссе, которое вело в Керченскую крепость. Одно из них обнаружено у лазарета в 1899 г., другое у Цементной слободки в 1912 г. Возможно, и здесь со временем удастся обнаружить остатки еврейского кладбища III-IV вв.⁹

Из вышеизложенного можно сделать вывод: на Боспоре существует довольно многочисленная иудейская община со своими молельнями – синагогами и отдельными иудейскими кладбищами.

ONCE AGAIN ON THE LATE-ANTIQUITY TEMPLE IN TIRITHACA: SYNAGOGUE

A.L. YERMOLIN

*Center for Marine Archaeology
and Civilizations, University
of Haifa, Israel*

e-mail: doryerm@mail.ru

In this paper, based on the analysis of archaeological material finds a significant presence of adherents of Judaism-dance among the population of the Late Bosphorus. In this regard, one of the most important monuments – the temple of the VI cent. of Tirithaca – interpreted as a synagogue, not church.

Key words: the Bosphorus, Judaism, synagogue, temple, Late Antique.

⁸ Зинько А.В. Амфоры с минарами из раскопок ранневизантийской Тиритаки // Боспор Киммерийский и варварский мир в античности и раннем средневековье. XII Боспорские чтения. Керчь, 2011. С. 131-132.

⁹ Лейбин С.Г. Обзор памятников еврейской культуры в Крыму // Евреи Крыма: очерки истории / ред. Д. Лунев. Симферополь – Иерусалим, 1996. С. 75-78.

УДК 94(38).08.09

СМЕРТЬ И СТРАДАНИЯ НА БОСПОРЕ*

Е.А. КРАСНИКОВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: malaya555@yandex.ru*

Данная статья продолжает рассмотрение темы человека на Боспоре, его чувств и эмоций. Страдание и любовь – одни из важнейших эмоциональных сфер человека, играющие особую роль в его нравственном становлении. В данной работе мы остановимся подробнее на рассмотрении страданий боспорян, связанных со смертью. Значительная часть эпитафий содержит в себе упоминание о загробном мире, что указывает на значимость этого вопроса для боспорцев. Уникально проявившееся на Боспоре сочетание «греческой» и «варварской» культур дало в результате своеобразный симбиоз восприятия человека и отношение к передаче чувств и эмоций.

Ключевые слова: Боспор, смерть, страдания, эпитафии.

Непросто добиться продуктивного рассмотрения эмоциональной жизни человека в рамках социальной истории в целом. Анализ мира чувств вообще и, тем более, анализ его истории, крайне сложен.

Настоящее исследование – это рассмотрение нами еще одного из аспектов изучения человека на Боспоре. Занимаясь изучением эмоционального состояния людей на Боспоре, мы условно обозначили для себя две основные проблемы: это методы передачи чувств боспорскими мастерами и методологические подходы для изучения нами данного вопроса. В числе методологических сложностей следует назвать переход от отдельных исследовавшихся казусов к обобщениям. Тесно связанный с нерешенными проблемами исторического синтеза, этот переход предполагает специальный анализ путей интеграции микро- и макроистории.

Что касается подбора и интерпретации источников, то памятники художественного творчества – это как раз и есть эмоционально окрашенное материальное воплощение ценностных характеристик общества. Отражение в искусстве его «понятийного аппарата», выявление эстетических образов и норм позволяют проникнуть в систему идеалов общества и глубинные области верований¹.

Страдание и любовь – одни из важнейших эмоциональных сфер человека, играющие особую роль в его нравственном становлении. «Человек страдающий» и «человек любящий» – едва ли не важнейшие феномены в истории создания высших нравственных идеалов человечества, и интерес к ним более чем оправдан². В данной статье мы остановимся подробнее на рассмотрении страданий боспорян, связанных со смертью.

Значительная часть эпитафий содержит в себе упоминание о загробном мире, что указывает на значимость этого вопроса для боспорцев. Насколько хорошо они представляли себе дальнейший путь души, судить сложно из-за недостаточной информативности источников. Представление о географии подземного мира и о поселении благочестивых покойников в отдельном, отведенном для них его месте, широко распространяется со II в. до н.э. примерно до II в. н.э. В основном подобные уточнения сводились к упоминанию Аида: «Гражданку Амиса, блистательную Клеопатру... похитил горестный Аид...» (КБН, 124), «...ненавистный горестный Аид унес в подземный мрак...» (КБН, 126); и Мойры: «...и твою мощь внезапно угасила Мойра» (КБН, 123), «...скончался от убивающей всех по воле Мойр старости» (КБН, 132).

* Работа подготовлена при поддержке внутривузовского гранта БелГУ 2012 г. для аспирантов и студентов.

¹ Жижина Н.К. Гипсовый рельеф в погребальных памятниках европейского Боспора первых веков новой эры (по материалам коллекции Гос. Эрмитажа). Автореферат диссертации. СПб., 2007. С. 23.

² Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 2000. С. 11.

Древние эллины воспринимали смерть как неизбежность, срок которой определен судьбой. Погребальные обряды древнейших обитателей северопонтийских стран указывают на их уверенность в загробном существовании и, вместе с тем, что в потусторонней жизни умерший сохраняет то общественное положение, которым он пользовался при жизни³.

Семантика рельефов вызывает большой интерес. В ее расшифровке ученые видят взаимосвязь жизни умершего с потусторонним миром. Развивались на Боспоре и представления об умершем, как о герое. Апофеоз героя, прошедшего жизнь и даже преодолевшего смерть, что в итоге приносило полное блаженство вечного существования, художники показывали путем изображения загробных трапез, спокойно стоящих всадников, как бы ожидающих встречи с богиней, которая обеспечит им бессмертие⁴.

Большинство эпитафий делает акцент на уточнение обстоятельств смерти. Наиболее распространены описания ухода из жизни из-за болезни: «Алчная болезнь стубила тебя, Калус...» (КБН, 123); часто встречаются стелы погибших в бою: «Так умер ты от толпы неприятелей. Ведь и троянский Гектор пал среди передовых бойцов» (КБН, 136).

У греческих существовали представления о том, что счастлив человек, погибший во цвете лет на поле боя. Такой уход из жизни является составной частью «достойной смерти» и наградой за доблесть и благочестие. Такой человек приобретает героическое бессмертие, но, в то же время, в мире живых ему должен остаться вечный памятник (курган либо статуя) над могилой⁵.

Следует отметить, что на Боспоре надгробные рельефы и статуи, как и эпитафии (два основных источника по данной тематике), создавались над могилами, а не внутри них, в отличие, например, от древнего Египта: эпитафии, как и изображения на стелах, были созданы не для потустороннего мира, а для живых – как память об умерших, как выражение продолжающейся связи с ними. Это еще одно свойство, присущее только боспорским погребальным сооружениям – замкнутость их структуры, обращение смысла «внутри». За редким исключением мифологическое значение сооружения не выводится наружу, как это было обычно в македонских гробницах-храмах, не объясняется зрителю на фасаде⁶.

На стенках саркофагов изображаются и персонажи мифа о Ниобидах. Помещенные в конкретный изобразительный контекст, они указывают на взаимосвязь, существовавшую между произведением искусства и представлениями древних о взаимоотношениях богов и людей. Они отражают понимание безусловной зависимости человеческой жизни от воли богов и соблюдения человеком принятых поведенческих норм, о связи мира земного с миром потусторонним. Изображение Ниобид на стенках саркофагов – это устойчивый элемент погребальной символики, воспринятый боспорянами и получивший в интерпретации местных мастеров оригинальное художественное значение⁷.

Особо стоит отметить эпитафию 121. Реконструкция мировоззрения по 4 строчкам написанной, возможно, на заказ эпитафии – задача трудная, но не более несбыточная, чем идентификация художественного стиля по фрагменту. Неординарность эпитафии Гекатея бросается в глаза: «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий».

Э. Бирман отождествлял «круг страданий» с кругом предопределений и, соответственно, в Гекатее он видит орфика. А.Д. Нок показал, что «знай» указывает на убежде-

³ Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII-V вв. до н.э.) // Советская археология. 1964. №2. С. 15.

⁴ Зубарь В.М., Русяева А.С. На берегах Боспора Киммерийского. К., 2004. С. 197.

⁵ Археология и социология смерти: древнегреческие погребальные обряды (анализ исследований 80-х годов) // Личность и общество в религии и науке античного мира (современная зарубежная историография): реферативный сборник. К XVII международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990 г.). М., 1990. С. 106.

⁶ Савостина Е.А. Античность и варвары: возможность сопоставления культур // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Ч. II. Новочеркасск, 1993. С. 165.

⁷ Жижина Н.К. Указ. соч. С. 20.

ние поэта и не обязательно – Гекатея. По его заключению, он – скромный философ, который нашел верный путь принятия важных решений⁸.

Данная эпитафия представляет собой целостное выражение мировоззренческой позиции и жизненного пути умершего. Возможно, погребенный, действительно, покончил жизнь самоубийством. В таком случае, переживание скорби индивидом, существовавшее в реальной жизни, ставило перед творцами литературных произведений вопрос о моральном оправдании самоубийства по личным причинам.

По мнению Ю.Ю. Марти, стихотворная эпитафия намекает на безвременную трагичную кончину Гекатея, которой он добровольно содействовал, закрепив таким образом, за собой славу высшей мудрости не словом только, но и жизнью⁹. На наш взгляд, этот вывод вряд ли можно считать обоснованным. Славу мудрости Гекатей закрепил не добровольным уходом из жизни (прямого подтверждения чему в эпитафии, кстати, тоже нет), а познанием «священных решений».

Поэт нашел тактичный способ сказать о том, что умерший не получил какого-то особенного образования, отсутствие которого ему, однако, не повредило. Но не самоучение выше образования, а мудрость, обнаруживаемая в жизни, выше мудрости, обнаруживаемой «в речах». Эта важная мысль, зафиксированная на стеле, дает нам определенное представление о мировоззрении боспорцев, об их ценностях и значимости познания окружающего мира.

Подробнее нам хотелось бы остановиться на теме смерти детей и их погребения. В искусстве Боспора эллинистического периода много внимания уделялось изображению детей. Мастера достигли значительных успехов в создании реалистического образа ребенка со всеми внешними особенностями его возраста.

Эпитафии же, в свою очередь, раскрывают в полной мере любовь жителей Боспора к своим детям. Нередко считается, что древние греки не радовались рождению дочерей, воспитание и устройство которых требовало больших средств и забот. Выходя замуж, они покидали родной дом. Однако, например, эпитафия 124 (как и многие другие эпитафии Боспора) свидетельствует об обратном. Богатые надгробные памятники с эпитафиями устанавливались над могилами и сыновей, и дочерей. Также ярко выражена и любовь к родителям. «Под этой плитой... лежит Эммида..., принявшая самые последние почести от сына Энея. Да ниспошлют ему боги сладостные дары за почтение к родителям».

Антропоморфные изваяния и детские погребения – это сюжет, нашедший отражение на материалах некрополей Китея и Илурата. Подавляющее большинство антропоморфных изваяний в Китее сопряжены с детскими погребениями, преимущественно младенческими. Особый поворот детская тема приобретает в связи с захоронениями лошадей, сопровождающими детские погребения, сюжет, который присутствует в равной степени на обоих некрополях. Погребальный инвентарь присутствовал в большей части неповрежденных захоронений¹⁰. Интересно отметить, что самыми богатыми погребениями были в ряде некрополей детские – им сопутствует зачастую наибольшее количество инвентаря. Они же часто являлись и наиболее бедными – совсем без оного.

Полифункциональность останков детей на некрополе может быть подтверждена обнаружением их не только в детских могилах в качестве объекта обряда. Так, на северном участке некрополя Илурата была открыта грунтовая, частично облицованная известняковыми плитами могила Н 7. В ней была погребена не рожавшая женщина 50–60 лет, с бронзовой фибулой, плохо сохранившимся бронзовым медальоном, красноглиняной ойнохойей. Костяк, особенно в области таза был посыпан семенами и зернами. В могиле была также найдена краснолаковая чашечка с фрагментом детской бедренной кости. У склепа Н–1 была раскрыта грунтовая могила Н–90 со скоплением костей мужчины до 20 лет, женщины или подростка, мужчины 40–50 лет, женщины, а также фрагментом челюсти новорожденного и старческой челюстью. Конечно, наличие останков детей в

⁸ Панченко Д.В. Эпитафия Гекатея (CIRB 121). Конфессия, философский топос или выбор пути? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 29.

⁹ Панченко Д.В. Эпитафия Гекатея (CIRB 121). Конфессия, философский топос или выбор пути? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 33.

¹⁰ Тульпе И.А. Некрополи для детей (по материалам раскопок некрополей Илурата и Китея в 1968–1998 гг.) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 47–49.

этих погребениях может быть случайным и нехарактерным. Однако, в пределах сакрального пространства некрополя в непо потревоженных могилах случайности маловероятны. И в женском погребении зерно на бесплодном лоне старухи корректируется с детской ногой (анатомический код нижнего мира?) в глубине глиняной вселенной (чашка).

Рассмотренный археологический материал дает основание выделить особое отношение к ребенку как объекту обряда и одновременно, как к средству. Ребенок синонимичен зерну или яйцу, это вариант зерна, плодородного жизненного начала. Младенец – это потенциальная жизнь. Смерть ребенка преждевременна, и это опасно для социума, как всякое нарушение миропорядка. Поэтому кажется, что в целом, младенческие погребения обставлялись особенным образом. Семя, не успевшее прорасти и дать плод, не исполнено своей функции в одном (живом) качестве, но должно исполнять ее в другом. Может быть, поэтому сопроводительный инвентарь младенца, новорожденного содержал так много хтонически-плодородного, эротического – избыточно много: то ли, чтобы избытком жизни вытеснить избыток смерти, нарушивший порядок; то ли недавний выходец из лона, из другого мира и уже опять готовый в обратный путь, к переходу, был мостиком, медиатором миров¹¹.

Касаясь вопросов отношения к смерти и восприятия загробного мира на Боспоре, нельзя еще раз не подчеркнуть, что греческая колонизация Северного Причерноморья была выражением двустороннего процесса. Античное и варварское искусство – диаметрально противоположные художественные системы, но взаимное проникновение античной культуры и мира варваров привело к сложению оригинального феномена в его художественных формах, особенно выразительно на Боспоре. В боспорском искусстве первых веков новой эры были созданы художественные образы, вобравшие в себя черты греческого мифологического антропоморфизма, условные, но исполненные внутреннего смысла зримые элементы миропонимания, близкого и понятного местным жителям. Античная составляющая боспорского феномена на поздних этапах его развития демонстрировала изношенность своей образной системы и ее способности к воспроизводству. Гораздо жизнеспособнее образы греческого мифологического и художественного творчества, обогащенные мистическим, иррациональным началом местных верований, обычаев и традиций, оказались именно в среде провинциального искусства городов Северного Причерноморья.

«Наша идентичность ... вечно реконструируется в отношениях с другими странами и с их культурными ценностями»¹². Насколько оправдано изучение культурных изменений в качестве отдельного явления отдельного народа? При изучении Боспора, с его неоднородным этническим составом населения, этот вопрос встает еще острее.

В результате ассимиляции пришлого и туземного населения на Боспоре должна была создаваться своеобразная греко-варварская культура, которая придает ему во всех отношениях такой своеобразный облик, какого мы не встречаем нигде в другом месте античного мира¹³. Эти свойства уже сами по себе заслуживают того, чтобы история Боспора стала предметом тщательного изучения.

Таким образом, через призму местной поэтической традиции нам удалось проследить некоторые аспекты взаимоотношений людей и их отношения к жизни и смерти, определившие их мировоззрение. Так, возможно, что уникально проявившееся на Боспоре сочетание «греческой» и «варварской» культур дало в результате своеобразный симбиоз восприятия человека и отношение к передаче чувств и эмоций. В связи с этим объясняется и значительный драматизм, внутренняя напряженность образов, реалистичная передача боли в художественных произведениях боспорских мастеров в сравнении с остальной античной ойкуменой.

И, как видим, если наши предыдущие исследования «человека любящего» пока-

¹¹ Тульпе И.А. Некрополи для детей (по материалам раскопок некрополей Илурата и Китея в 1968-1998 гг.) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 52-53.

¹² Carstens, Anne Marie. Cultural Contact and Cultural Change: Colonialism and Empire // Rome and the Black Sea Region. Domination, Romanisation, Resistance / Edited by Tønnes Bekker-Nielsen. Aarhus University Press, 2006. P. 121.

¹³ Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.-Л., 1953. С. 271.

зывали, что отношение к человеческим качествам поменялись не так сильно, и многие критерии в выборе достойной супруги или супруга, отношения к родителям и детям соответственно, сохранились и сегодня (древние люди так же любили и страдали), то отношение к смерти и загробной жизни достаточно сильно деформировалось.

DEATH AND SUFFERING ON THE BOSPORUS

E.A. KRASNIKOVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: malaya555@yandex.ru

This article continues the review of the topic of man on the Bosphorus, his feelings and emotions. Suffering and love – one of the most important spheres of man's emotion, which play a special role in his moral formation. In this article we will discuss in more detail on the "suffering" Bosphorians connected with death. Much of the epitaphs contains a reference to the afterlife, which indicates the importance of this issue for Bosphorians. A unique combination manifested in the Bosphorus "Greek" and "barbarian" cultures resulted in a unique symbiosis perception of man and attitude to the transfer of feelings and emotions.

Key words: the Bosphorus, death, suffering, epitaphs.

«ЭКФРАСИС» ХРИСТОДОРА КОПТСКОГО***Н.Н. БОЛГОВ, М.М. СИНИЦА***Белгородский государственный национальный исследовательский университет**e-mail: bolgov@bsu.edu.ru*

В данной работе представлен первый полный русский перевод ранневизантийской поэмы Христорора Коптского (начало VI в.) «Описание (Экфрасис) статуй в общественном гимнасии Зевксиппа», включенной в Палатинскую (Греческую) антологию в качестве ее II книги. Произведение является важным источником по истории ранневизантийского культурного синтеза, адаптации античного изобразительного искусства в христианской столице.

Ключевые слова: Христорор, Константинополь, поэма, статуи, континуитет.

Ранневизантийский культурный синтез, адаптация христианством античного наследия и континуитет – одни из наиболее важных проблем мирового антиковедения. Однако, взгляд византийцев на собственно античные памятники, органично вписавшиеся в топографию Константинополя, еще не изучен¹. Источником такого рода может служить «Описание статуй в общественном гимнасии Зевксиппа» Христорора Коптского, писавшего в царствование императора Анастасия (491-518). Его эпические поэмы (в т.ч. одна на христианский сюжет) утеряны. В «Палатинскую антологию» включен занимающий всю II книгу экфрасис, описывающий в 408 гекзаметрах 80 статуй богов, героев и исторических персонажей.

Комплекс терм и гимнасия Зевксиппа был построен Септимием Севером в Византии в начале III в.

По Гесихию Милетскому, это название возникло потому, что они были расположены возле храма со статуей конного Зевса.

Иоанн Малала (XII, 20) указывает, что ранее на агоре Византия находился памятник Богу Зевксиппу (фракийская ипостась Солнца). Построенные на агоре бани Севера (памятник был заменен статуей Аполлона на акрополе), поэтому и стали называться «Зевксипп».

Иоанн Лид (De mag. III, 70) относит название «Зевксипп» лишь к агоре древнего Византия, отмечая, что она получила свое название от царя Зевксиппа, при котором будто бы мегарейцы переселились в Византий.

Бани и гимнасий являлись своего рода музеем редких произведений искусства. Их и описал Христорор, поэт из египетского города Коптос, в начале VI в., во времена императора Анастасия².

Бани поражали роскошью архитектуры и искусства. Их статуи были взяты из разных мест ойкумены – Греции, Малой Азии, Рима. Бани следовали тенденциям в архитектуре своего времени; таким местам и памятникам, как Дворец Сената на Форуме, Дворец Лавса, которые были украшены статуями мифологических героев и не только, исторических деятелей, правителей, становясь частью более новых форм изящной архитектуры.

Через вход многочисленные представители гражданской публики проникали в комплекс бань. Большой зал использовался, прежде всего, для общественных купаний, кто-то мог заниматься атлетикой в сочетании с активным отдыхом. Служащие комплекса брали оплату в зависимости от того, чем занимался посетитель, и от того, сколько часов он пробыл в помещении.

Популярность бань Зевксиппа среди граждан столицы была огромной, они в большом количестве занимали все помещения бань так, что иногда там проводились общественные акции граждан столицы. Кроме того, там происходило огромное количество уве-

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта НИУ «БелГУ» 2012 г.

¹ Bowersock G. Hellenism in Late Antiquity. Ann Arbor, 1990.

² Величко А.М. История византийских императоров. Т. 1. М., 2009. С. 585-621.

селительных дел, благодаря открытым на этих площадях коммерческим лавкам и проектам. Даже представители церкви и монахи могли быть замечены здесь. Тут бедные люди могли проявить внимание к своим покровителям. Таким образом, бани были местом как частной, так и общественной жизни, далеко не всегда благочестивой.

Леонтий Византийский сообщает, что бани находились рядом с Ипподромом, но не были непосредственно соединены с ним, так как были закрыты для выхода туда³.

Жанр экфрасиса пользовался большим распространением в ранневизантийской поэзии (Агафий «На изображение архангела Михаила»; Павел Силенциарий «Освящение купола храма св. Софии»). «Описания» Христорора вполне сходны с текстами Филостратов и Каллистрата, но даны в стихах.

В принципе единая поэма распадается на определенное количество коротких эпиграмм, которые фокусируют внимание на одной или на небольшой группе статуй в банях, представляющих совокупность форм одного рода.

Нами был проанализирован количественный и персональный состав текста экфрасиса. Он дает определенное представление о массовых вкусах жителей провинциального Византия – города эпохи Северов. Вместе с тем, их описание на рубеже V-VI вв. говорит об определенной актуальности и популярности их фигур в ранневизантийской столице.

Среди «героев» экфрасиса 38 статуй относятся к богам (9) и мифологическим персонажам (29), преимущественно Троянского цикла (из них по 3 статуи посвящены Аполлону и Афродите). 9 статуй посвящено различным жрецам, 1 – безымянному атлету. Остальные 42 изображают реальных исторических персонажей: это историки – 3 (Фукидид, Геродот, Ксенофонт), ораторы – 3 (Эсхин, Демосфен, Исократ), философы – 6 (Платон, Аристотель, Пифагор, Анаксимен, Демокрит, Гераклит), поэты – 13 (Гомер – 2, Гесиод, Сапфо, Терпандр, Стесихор, Пиндар, Симонид, Еврипид, Кратин, Эринна, Менандр, Вергилий), писатели – 1 (Апулей). Государственных деятелей – 6 (Перикл, Алкивиад и Харидем из Афин, Пирр, Цезарь и Помпей). Римлян – всего 5 (Эней, Цезарь, Помпей, Вергилий, Апулей), остальные 75 греки. 13 статуй – женские, 67 – мужские.

Таким образом, в Константинополе начала VI в. нашли свое место в «массовой культуре» многие персонажи классической мифологии и истории. Показателен огромный перевес греков, что вносит некоторые коррективы в репрезентацию Константинополя как Нового Рима и христианской столицы⁴: данный памятник наследует скорее традиции классической Эллады⁵.

Далее предлагается полный перевод поэмы Христорора. Часть эпиграмм была переведена и опубликована ранее С.С. Аверинцевым⁶ (20 из 80-ти). Остальные эпиграммы (60) переведены М.М. Синецей под редакцией Н.Н. Болгова. Таким образом, русский читатель впервые знакомится полностью с важным источником по позднеантичной и ранневизантийской культуре и искусству.

ОПИСАНИЕ ИЗВАЯНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ ГИМНАСИИ, КОТОРЫЙ ИМЕНУЕТСЯ ЗЕВКСИПОВЫМ

1. Деифоб⁷

Первым стоял Деифоб, на алтарь стопы опирая,
В медных доспехах, отвагой кипя, дерзновенный воитель!
Так он в троянскую ночь у дверей пылавшего дома
Некогда встал, Менелаю оружием вход заградивши.
В точности был он подобен идущему; верно художник
Сгорбленный злостью хребет изваять сумел под доспехом, -

³ Иваницкая Я.Ю., Болгов Н.Н. Античные памятники Константинополя. Белгород, 2011. С. 70. См. также: Janin R. Constantinople Byzantine. Paris, 1964.

⁴ Подробнее см.: Иваницкая Я.Ю. Христианизация позднеантичного общества в контексте внешних репрезентаций. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2011; Harris J. Constantinople: Capital of Byzantium. Hambledon, 2007.

⁵ Lee A.D. Pagans and Christians in Late Antiquity. L.-N.Y., 2000; Geffcken J. The last days of Greco-Roman Paganism. Amsterdam, 1978.

⁶ Памятники византийской литературы IV – IX веков. М., 1968. С. 138-141.

⁷ Пер. С.С. Аверинцева.

Ярое бешенство боя! Глаза исподлобья взирали,
Будто следили с опаской движенья врагов подступавших;
Щит округленный он шуйцей вперед выставлял, а десницей
Меч высоко воздымал, и рвалась рука изваянья
Плоть врага растерзать, беспощадным железом пронзая, –
Если бы только природа движенье дозволила меди!

2. Эсхин⁸

Был там и муж Кекропид, громоблещущей речи искусством
Дивный Эсхин. Округленные щеки под мягкой брадою
В складки стянулись, как будто стоял он на площади шумной,
Яростным спором волнуем, вития!

3. Аристотель⁹

Поодаль виднелся

Сам Аристотель, премудрости вождь. Покоясь, стоял он,
Руки перстами сплетя; однако, и в меди безмолвной
Мысль не утихла его, но, мнилось, в труде неустанном
Вечным раздумьем была занята. Ланиты втянулись,
Время усилий ума многодумного взору являя,
А пронизательный взор обличал высокую мудрость.

4. Демосфен¹⁰

Звонкоголосый меж ними вития блистал Пеанийский,
Мудрый родитель речей громкозвучных, во граде афинян
Некогда пламень возжегший властительного Убежденья.
Не был облик спокойным: чело омрачала забота,
В сердце разумном глубокие думы чредой обращались,
Словно сбирал он в уме грозу на главы эматийцев.
Скоро, скоро от уст понесутся гневные речи
И зазвучит бездыханная медь!.. Но нет, – нерушимо
Строгой печатью немые уста сомкнуло искусство.

5. Еврипид

Статую я Еврипида носящую имя увидел,
тайно под сердцем Трагедии Музам служа, он размыслил
Скромность воспеть: потому созерцаемы были творенья,
если когда на аттической сцене тирс колебался.

6. Палефат

Лавром кудрявые волосы ведь Палефат отличил прорицатель
увенчав, кажется же проливающим глас прорицанья.

7. Гесиод, 8. Полиид, 9. Симонид

С горными Музами, мне, Гесиод же Аскрийский, казалось
общался, медью же вынужден к Вакха неистовству был он,
Вывести песню стремился – богов вдохновенье. А рядом
с ним прорицатель другой снова фебовым лавром
ты, Полиид, украшался: из уст колебаемых был ты
воли богов прорицать шум готов уж: однако искусство
связкой безмолвной сдержало тебя. Даже ты, Симонид,
также не смог усыпить любви к пению нежной,
лиры священной струну еще жаждешь ударить руками.

⁸ Пер. С.С. Аверинцева.

⁹ Пер. С.С. Аверинцева.

¹⁰ Пер. С.С. Аверинцева.

Тот, кто ваял тебя, с медью помог, Симонид,
песню приятную соединить: почитая тебя же, пожалуй,
пеньем безмолвная медь ритмам откликнется лиры.

10. Анаксимен¹¹

Анаксимен многоумный стоял между них, обращая
В духе своем многосложный узор божественной мысли.

11. Калхант¹²

Зрелся меж них и Калхант Фесторид, премудрый провидец:
Мнилось, грядущее было пред зраком его, но молчал он,
Тайной предведенья кроя, – скорбя ли по рати ахейской,
Или страшась за царя многозлатной, великой Микены.

12. Пирр

Смотришь на львенка – градов истребителя из Эакидов,
Пирр сын Ахилла, как в руки схватить он стремится оружие
медное, в спутники что он не смог получить от искусства –
нагого ведь его сделали: чудится, с выси взирает,
как бы к ветрам Илиону открытому взор направляя.

13. Амимона, 14. Посейдон

Розоперстную вижу Амимону, что на пьедестале восседает,
Кудри связав позади, власа скрепив на макушке,
лоб открытым держа, свой взор вверх бросает
статуя, с черными видя морского супруга власами.
Близ явлен он сам – широкогрудый, темнокудрый бог:
весь нагой, и волосы струятся, с головы спадая,
влажного дельфина держит пред собою он рукою,
деве он дары везет любимой, что, женясь, сосватал.

15. Сапфо¹³

Звонкоголосая Сапфо, пчела Пиерид, восседала,
Тихо покоясь, но в сердце слагала лесбийская дева
Сладкозвучную песнь, и музы ей ум обуяли.

16. Аполлон

Феб стоял, с треножника рекущий: и венец свободный
сзади связан был длинных волос; но в меди
нагим сделан был, потому ль как всем, кто к богу
вопрошал, Аполлон обнажал замысел Мойр правдивый,
иль потому, что всем он подобно являлся: солнца был ведь
Феб владыка, чистый же нес далековидимый свет.

17. Афродита¹⁴

Подле Киприда виднелась, и дивно по блещущей меди
Сладкая нега была разлита. Обнажились перси,
Но округленные бедра скрывались под ризой просторной,
И на главе золотая повязка кудри стянула.

¹¹ Пер. С.С. Аверинцева.

¹² Пер. С.С. Аверинцева.

¹³ Пер. С.С. Аверинцева.

¹⁴ Пер. С.С. Аверинцева.

18. Алкивиад¹⁵

Зрел я меж них Клиниада: сей муж среди всех выдавался
Прелестью дивной; пленительный блеск озарял изваянье.
Был он таков, как в прославленном граде аттическом древле
Мудрости дивной советы творил средь мужей кекропийских.

19. Хрис¹⁶

Хрис недалече стоял, Аполлонов служитель, десницей
Скиптр держа золотой, на главе же почтенной имея
Светлый Фебов венец: выдавался он ростом огромным,
Древнему роду мужей присущим. Просителем, мнится,
Он пред Атридом стоял. Глубоко брада опустилась,
А по плечам разлилось несплетенных кудрей изобилье.

20. Юлий Цезарь¹⁷

Юлий Кесарь блистал поодаль, что некогда дивным
Множеством вражьих щитов украсил Рим велелепно.
Он подымал на плечах убор грозноокой эгиды,
В крепкой же длани Перун потрясал, веселясь несказанно,
«Зевсом вторым» нареченный устами племен авсонийских.

21. Платон

Стоял Платон богоподобный, Афинам прежде показавший
дороги тайные божественно творимых добродетелей.

22. Афродита

В месте другом благородного дочь, Афродита золотая,
вижу, нагая блистает: на грудь же богини, извившись,
вышитый пояс ее от шеи высокой спадает.

23. Гермафродит¹⁸

Был там и Гермафродит изящный обличьем, – ни мужа
Вид, ни жены, но двоякий. Его от Гермеса родила
(знаешь и сам ты, пожалуй) Киприда о персях прекрасных.
Словно у девы, набухшие груди круглились четою,
Но в остальном он подобрался облику мужеской плоти,
Той и другой красоты обоюдную прелесть являя.

24. Эринна

Девой Эринна посажена, звонкоголосая дева,
нить не ошупывает, что запуталась сложно, но молча
шлет Пиерийской пчелы капли меда.

25. Терпандр

Не оставь благозвучного Терпандра, кого объявил бы
ты тотчас дышащим, не статую видя немую:
движимый сердцем он песнь сочинил для мистерий,
и мню, как когда-то в Эвроты потоках воронки,
пением лиры священной вмиг усмирил преступленья
соседей воюющих, живших в Амиклах.

¹⁵ Пер. С.С. Аверинцева.

¹⁶ Пер. С.С. Аверинцева.

¹⁷ Пер. С.С. Аверинцева.

¹⁸ Пер. С.С. Аверинцева.

26. Перикл, 27. Пифагор

Дивлюсь же узревший тебя я, Перикл, что и этому в меди немому оратору нрав прикрепляешь, как будто еще Кекропидов, граждан Афин рассуждаешь законно, иль битву готовишь Пелопонесских сражений. Рядом поставлен, блистал Пифагор, самосский мудрец, но он на Олимпе сиял бы, я мыслю, природой однако же вынужден меди мысли потоков заботам: как ведь считаю чистое небо измерит лишь только глазами.

28. Стесихор

Стесихора заметил я звонкоголосого, некогда Геей Сицилийской вскормленного, Аполлон же гармонии лиры научил, еще в матери чреве когда он являлся: ведь рожденну и к свету пришедшему только созданию на уста соловей тайно где-то во мраке блуждавший сел и бросает вверх звучную песню.

29. Демокрит

Привет от меня, Демокрит, земли слава Абдерской был ты прекраснейших свойств распознавшим законы природы, тонкое ведь разобрал многознающей таинство Музы; всегда же смеялся образа жизни неверным дорогам, видя прекрасно, что старое все постоянно минует.

30. Геракл, 31. Авга, 32. Эней

Геракл же без первых волос на браде был показан, яблоки в льва убивавшей ладони златые несущий, Ливийской земли дар счастливый. Вблизи же его жрица Паллады поставлена рядом, девою Авга, покров закинув на плечи: не помогала власам ведь повязка с главы; была ты с поднятыми кверху руками, и так призывала ты дочь светлоокою Зевса Афины Аркадской Тегей холмов у подножья. Ты ж будь благосклонен, потомок Троянской земли – щита сотрясатель, сверкая, Эней, Троянцам советы несущий: твоих же очей блеск вдохновенный вокруг милосердие льет мудрое, дивно вещая о роде златой Афродиты.

33. Креуса

Дивлюсь, созерцая Креусу, печали красую покрытой, с Энеем супружеством соединенную; с двух потому что сторон повязкой с главы своей щеки стянула обе и, одев все вокруг доходящим до ног покрывалом, и плакала так; а медные слезы невесты пророчили от копиедержца Арея кормильцу – земле Илиона аргиевскими быть пораженному же щитоносцами.

34. Гелен

Нисколько не сдерживал злобу Гелен: жестоким к отчизне являлся, скорей всего движимый гневом еще; поднимал же десницей для возлияния чашу: как я полагаю, войску аргиевян он благо пророчит, сосуду вскормившему последние самые беды явить бессмертных молящий.

35. Андромаха

Андромаха стоит розоногая дочь Этиона, и вовсе не проливающая полных стонов рыданий, как ведь считаю, в битве еще не сражен шлем потрясающий Гектор, также еще щитоносных надменные сыны Ахейские Дарданцев всю землю добычей не взяли кормящую.

36. Менелай, 37. Елена

Был же заметившим я Менелая воинственного, но он в победе радостен: жаром согрет был ведь радости сильной видя близ розоворукою, бывши в согласии дочь Тиндарея – Елены дивлюсь же приятному образу, какая и в этом медном наряде казалась желанною очень: краса ведь пылкою страстью дышала и в бездыханном искусстве.

38. Одиссей, 39. Гекуба

Одиссей был прославлен, разумом крепким блистая, не в стороне ведь от замыслов многопроворных Улисс находился, но мудрой мысли красу проявляя еще; а душою громко смеялся: Трою губящий всю с радостью хитрою мыслью своей. Гектора мать, ты ж поведай, кто тебя слезы струить, претерпевшая много Гекуба, научил из бессмертных в безмолвном ваянье? Ни медь не сдержала несчастье твое, ни неживое искусство жалости к горести неисцелимой твоей не имеет; но слезы еще проливая стояла ты подле: как я наблюдаю, уж не над несчастною участью Гектора, не над терпящей тяжкое горе в скорби Андромахой, но плачешь над павшей отчизной твоей – покровом завесив, лицо накрываешь, страданья являя, доносят печаль же одежды – ведь пояс ослабив глубоко, до обуви края спадают; страданием крайним разум твой связан, сосуд же, присутствуешь в коем, слезы струит, а они же искусством гасятся, жаждущим засуху слать нецелимым мученьям.

40. Кассандра

Кассандры же мыслью оракул, однако в молчанье упреки провидица слала родителю, мудрой свершенная страстью, как и прорицала страданья последние родины.

41. Пирр, 42. Поликсена

Пирр был другой разрушитель градов: на кудрях же шлем коневласый не держит, копьё не вращает, но все же он обнаженный блистает, и без брады же держа подбородок; десница ж поднятой была, как свидетель победы, и косо смотрел на тяжелые слезы из глаз Поликсены: скажи Поликсена, несчастная дева, какая нужда принудила в меди безмолвной тебя проливать потаенные слезы? повязку с главы почему же к лицу притянувши стоишь ты, как будто стыдливо, но в жертвенной скорби? потому ль что тебя кто твой град уничтожил добычей Пирр забрал Фтиец? нисколько красота не защита тебя ж, поражая стрелою намеренья Неоптолема, как та, что ловила когда-то убийством родителя Пирра ведя в тенета самим выбранной смерти нежданной! Верно клянусь, если образ разумный теперешний в меди

твой бы царь Пирр увидал, сразу б к общему ложу
быстро повел бы, отцовской судьбы бросив память!

43. Аякс Локриец

Дивлюсь я Эанту могучему духом, Оилея семя
ужасное, он же Локриды земли был защитой.
Предстал во всем юности блеске: совсем не имея
цветенья волос на браде, но лишь сверху щетинки:
нагой весь, имея сложение крепкое тела – отвагой
он был отягчен, побужденный воинственной Энио страстью!

44. Энона, 45. Парис

Гневом Энона же в сердце кипела, ведь ревности горькой
духом кипела снедаема, Париса, ее кто забывший,
зрела очами в неистовстве; тайную же посылала угрозу,
десницей имевшего тяжкую долю отвергнув супруга –
пастух же, казалось, стыдился, очей отводя взгляд блуждавший
к другому, несчастный любовник, стыдился ведь где-то
Эноны тяжелые слезы увидеть, нимфы Кебрена.

46. Дарет, 47. Энтелл

Высохшей кожи ремнем руки Дарет опоясал,
вестником боя кулачного, ярость несущим: отвагою
крайне подвижных очей веял горячий порыв.
Энтелл на Дарета враждебный же взор простирая,
вращал в руках цестус в неистовстве, члены калечащий:
жажды убийства угрозу рождал он в кулачном бою.

48. «Атлет»

Был же, искусство борьбы изучив, муж могучий:
если Филоном чудовищным слыл, или же Филаммоном,
или Милон – Сицилийской защита земли, – Аполлон это видит:
ведь не учился я их различать и не стремился
славное имя назвать дерзновенно, однако любое
мужеством веяло; борода же космами в ваянье тянулась
и страх вынуждала в борьбу допускать,
и головы трепетали власа: крепко с обеих сторон же
мышцы стянувшись вздувались напрягшись
свирепо, оба, соединяя ладонями же,
кулака крепко сжатыми были, камню подобны,
и крепкие жилы сильный хребет поднимали спины,
шею прекрасно согнув, по широкому месту взбираясь.

49. Харидем

Мной Харидем созерцался, что Кекропидова был предводитель
в Аттике войска, имея своей послушное воле.

50. Меламп

Иль созерцаешь Мелампа благого: провидца ж священный
образ являлся; казалось, божественный глас прорицатель
устаи в безмолвье с дыханьем тяжелым простерший.

51. Панфой, 52. Фимет, 53. Лампон, 54. Клитий

Панфой был Троянцам советы несущий, однако опасность
мудростью не удержал уже он от Аргивского войска.
народа старейшина замысл запутанный носит Фимет
в безмолвья пучинах укрывшись; иль ведь теснится,

взирая, какую бы мудрость еще за Троянцев замыслить.
Лампон же подобный печальному был созерцаем:
но он не имел еще в духе упадка – от смятения в битве
Троянцам страдавшим рождал исцеленье советом. А дальше
беспомощный Клитий поставлен: имел с двух сторон же
вместе сплетенные руки – вестники тайной печали.

55. Исократ

Здравствуй, ораторов свет – Исократ, ты, кто в меди
красой привлекаешь: кажешься ведь разумные мысли явившим,
хоть и безмолвным трудом тебя в меди ковало искусство.

56. Амфиарай

Поставлен же Амфиарай, имея огнем сияющий волос,
увенчанный лавра венком: тайной же колебаем печалью,
так как предвидел всем, где корова легла – Фив мужам
мужей от Аргивских назад возвращавшихся, гибели день.

57. Аглавс

Аглавс здесь стоит прорицавший, молва ж существует –
провидца родитель богами разумного он Полиида:
пышнолиственным лавром увенчанный волос блистал же.

58. Аполлон

Облик длинновласый Дальновержца бога, облик песни
повелителя, с неукротенными цветущими власами в блеске:
кудри свободно распавшись по обоим краям спадают,
вьются локоны – прорицателя очами же кружит он,
как бы искусством провидца людей от мук избавляя.

59. Аякс Теламонид

Духом могучий предстал Теламонов Эас обнаженный,
первый пушок не имея в браде; но блистая наружным
цветом отцовским – стянувший повязкою кудри:
шлем не имел ведь, оружие рукой не схвативший,
щит из семи бычьих кож на плече не держа, но отвагу
рода являл Теламонид упорством!

60. Сарпедон

Сарпедон предстоит, вождь ликийцев – силой мужскую
страшен был: младыми рожденными только власами
цвета вина край заострен бороды: на кудрях же
шлем держит; стан обнажен, но в наружности семя
Зевса означено: от очей обоих ведь сверканье
посылал как отец благородный.

61. Аполлон

И третий пышнокудрый треногорекший Аполлон был,
что в красе созерцаем: кудрявые локоны дикими ведь сбегали
с обеих сторон: приятная ж бога являлась наружность
ведущая медью красу: бог простирает же очи,
как бы прорицает с треножника пристально глядя.

62. Афродита

Изумлен я и третьей златой Афродитою снова –
лоно покровом сокрыла: возле сосков же извитый
вышитый пояс расслаблен, прелесть в себе заключая.

63. Ахилл

Сражавший копьем безбрадый блистает Ахилл богоравный,
нагой от доспехов – однако смотрел он, оружие вращая
десницей, а шуйцей щит медный поднятым державший,
с осанкой искусной: битвой грозя, дерзновенной отвагой
он изумлял – ведь истинный очи являли
норов Арея воинственного Эакида.

64. Гермес¹⁹

Был там и легкий Гермес о жезле золотом, и десницей
Он на стопе укреплял окрыленной плесницы завязки,
В путь устремиться готовясь: уже изогнул он для бега
Быструю правую ногу; слегка опершись на колено
Левой рукой, он зрак устремлял к беспредельному небу,
Словно внимал с прилежаньем родителя властному слову.

65. Апулей²⁰

Неизреченные тайны латинской музы безмолвно
В духе своем созерцал Апулей, италийской сирены
Дивный питомец, вскормленный для оргий премудрости тайной.

66. Артемида

Сестра-близнец Феба – в горах бродящая дева
стоит Артемида, однако не лук дальномечущий, и не колчан же,
вмещающий стрелы, на плечи поднят – у колен же девичий
хитон подпоясан с богатой каймой, и волос нескрепленный
венок по концам посылается вверх дуновением ветра.

67. Гомер²¹

Одушевленная медь Гомера являла, и не был
Облик ни мысли лишен, ни разума – речи единой
Недоставало ему. Чудеса явило искусство!
Подлинно бог потрудился над хитроизваянным ликом.
В сердце мысль обращая, не в силах поверить я, будто
Смертный искусник сей труд созидал, хлопоча перед горном:
Нет, – но Паллада сама, многоумная, мудрой рукою
Облик знакомый смогла повторить: ведь она обитала
Некогда в этой груди, воспевая дивные песни,
Так он стоял, мой отец, Аполлону в певцах сопредельный,
Муж богоравный, Гомер, старцу подобился видом
Дряхлым. Но в нем и самая старость сияла отрадой,
Дивно его увенчав и украсив святым благолепьем,
Важным и кротким, любовь и почтение сердцу внушавшим.
Локон седой и извитый бежал по вые склоненной,
Подле ушей ниспадал, разветвлялся в хитрых блужданиях;
Книзу свободно легли, просторно лик обрамляя,
Мягкоизвитой брады завитки, и она не сужалась
Остро, но вольно лилась, велелепным украсив убором
Персей его наготу и усладу почтенного лика.
Было открытым чело, и сиял на челе обнаженном
Ум, назиданий благих исполненный. Брови вздымались,
И не напрасно подъятыми их изваяло искусство
Зоркое: свет был отъят у четы очей сиротившей.

¹⁹ Пер. С.С. Аверинцева.

²⁰ Пер. С.С. Аверинцева.

²¹ Пер. С.С. Аверинцева.

Все же он не был подобен слепцу убогому видом:
Прелесь и в зраке померкшем жила. Не без умысла, мнится,
В нем очевидным явило художество нашему взору
Мудрости свет неугасный, в разумном сердце сиявший.
Впальми чуть приметно содеяла старость ланиты,
В складки стянув, – но на них, украшая облик почтенный,
Строгая важность почил и милые с нею Хариты.
Подле божественных уст Пиерийские пчелы витали,
Словно вкрут сот медоносных. Меж тем, десную и шуйцу
Он от обеих сторон простирал, опираясь на посох,
Словно при жизни, и чутко склонял со вниманием ухо:
Мнилось, призыв Аполлона слышал певец издали
Или кого из сестер Пиерид. Но дух сокровенным
Был помышлением занят, и ум извлекал непрестанно
Из потаенных святилищ плоды многохитростной мысли,
Браням слагая хвалу, Пиерийской сирены напевы.

68. Ферекид

И, здоровой мыслью сверкая, стоял Ферекид из Сирова:
был пастухом основ мудрости богобоязненным, очи
ввысь простирал – небеса наблюдал, изучая.

69. Гераклит²²

Был там и муж богоравный, великая слава эфесян,
Древний мудрец Гераклит, что некогда первым о жалкой
Доле смертного рода пролил сострадательно слезы.

70. Кратин²³

Разумом дивный Кратин изваяньем меж них красовался:
На властодержцев афинских, коварных душою мздолюбцев,
Некогда он ополчился грозой в сокрушительных ямбах.
Дал он комедии славу, шутливую музу возвысив.

71. Менандр²⁴

Подле стоял и Менандр, что в Афинах, прекрасных устройством,
Некогда ярко сиял, как звезда комедии новой.
Часто он девичью страсть выводил и лукавые тайны,
Буйство любви и невинности кражу без брака и свадьбы;
Много он ямбов родил на служение милым харитам,
Прелесь украшенной речи с любовной усладой сливая.

72. Амфитрион

Амфитрион же сверкал, не знающий брака, волосы лавром
увенчав, всякому зоркому видится же прорицатель; однако
не прорицателем был: над Тафийцами как знак победы –
многолетний венок, прикрепленный на голову, носит
твердый в сраженьях супруг благородный Алкмены.

73. Фукидид

Извиваясь умом, Фукидид предстоял многомудрый, мышлением –
что в «Истории» были – народа ораторов нрав проявлявший:
гордо правую руку держал, как прежде, воспевавший
Спарты Распрю суровую против потомков Кекропа –
Жнеца, много сжавши Эллады кормильцев.

²² Пер. С.С. Аверинцева.

²³ Пер. С.С. Аверинцева.

²⁴ Пер. С.С. Аверинцева.

74. Геродот

Не избегу же соловья божественного я Галикарнаса –
глубокосведущего Геродота, кто осветил древнейшие известья,
молву о двух материках привел, о вечности ползущей
деяниях молву, девяти Музам посвящая труд свой,
смешав красноречиво Ионийской цветы речи.

75. Пиндар

Фив Огигиевых Геликонский поставлен же лебедь -
Пиндар желанноречивый, кого Аполлон сребролукий
питал от горы Геликон Беотийской, и песне созвучной
его научил: ведь рожденному только младенцу
на звучны уста сели пчелы слетая и соты
с воском и медом создали как мудрой свидетели песни.

76. Ксенофонт

Ксенофон же сиял, щитоносный Афин горожанин,
прежде кто возгласил силу Кира из Ахеменидов,
подражал же Платоновой Музы он звучному нраву -
деянья любящей истории лучшие фрукты сложил он
с лирики каплями любящих бодрствовать пчел.

77. Алкмеон, или Алкман

Стоял же Алкман – прорицателя славного имя,
но был не провидец быковый, на гриве не носит он также
лавр остролистый: я ж Алкмана увидя, считаю, что этот
прежде лиры благозвучающей упражнялся искусству,
Дорийцам прекрасно звучащие песни струнами придумав.

78. Помпей²⁵

Вождь Авсонийский, Помпей, похвалялся славной добычей
Он побежденных исавров, отваге его уступивших:
Грудю мечей исаврийских пятой попирал он, ликуя,
Ибо согнул под рабский ярем строптивую выю
Тавра, смиренного крепкой петлей и тенетами Ники.
Светом явился сей муж человекам! А славное семя
Роду царя Анастасия, равного богу, началом
Было. Сие несомненным явил нам царь непорочный,
Ратью своей умирив племена земли исаврийской.

79. Гомер

Другой же Гомер укреплен, но не вождь красноречья
чудесный Мелета прекрасно текущего сын он, я мыслю,
но тот, кого мать у Фракийского берега рождала –
Моеро – Византия слава, когда ж был ребенком,
питали его героическим словом сведущие Музы:
трагедии мудрому так упражнялся искусству, украсив
стихами Византий родной свой.

80. Вергилий²⁶

Милый земле авсонийской, напев воздымающий лебедь,
Дышащий сладостной песнью Вергилий меж них красовался,
В коем второго Гомера вскормило латинское слово.

²⁵ Пер. С.С. Аверинцева.

²⁶ Пер. С.С. Аверинцева.

«EKPHRASIS» OF CHRISTODOROS COPTIC

N.N. BOLGOV, M.M. SINITSA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

This paper provides the first complete Russian translation of early byzantium poem of Christodoros Coptic (the beginning of the VI C.) «Description (Ekphrasis) statues in the public gymnasium Zeuxippos», included in the Palatin (Greek) anthology as her book II. Work is an important source for the history of early Byzantine cultural synthesis, adaptation of the ancient art in the Christian capital.

Key words: Christodoros, Constantinople, poem, statues, and continuity.

ГРАММАТИКИ ВЫСШИХ ШКОЛ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВОСТОКА

О.Н. ЕЛИСЕЕВА, А.М. БОЛГОВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

В работе дается перечень учителей грамматики высших школ восточных провинций Римской (Ранневизантийской) империи позднеантичного времени. Сделаны наблюдения над распределением учителей по провинциям, об академической мобильности, о роли личности учителя.

Ключевые слова: школа, Византия, провинция, учитель, грамматика.

В период Поздней античности (IV–VI вв.) в Римской (Ранневизантийской) империи продолжала существовать сложившаяся ранее система высшего образования¹. Главными учебными заведениями того времени были специализированные школы – риторические² (так как умение хорошо говорить было необходимо в любом виде деятельности), юридические, медицинские, грамматические, философские языческие, богословские христианские³. Позднейшей модели универсального образования к тому времени еще не сложилось⁴. В указанных школах огромную роль играла личность учителя, руководителя (схоларха), который собственно и определял содержание образования, исходя из своих интересов и потребностей.

В 1997 г. Р. Кастер⁵ составил список учителей грамматики (грамматистов) в высших школах восточных провинций империи (т.е. в территориально-культурном комплексе Ранней Византии), включая латинскую Африку, которая с середины V в. находилась в орбите политики Константинополя, а с VI в. вошла в состав Византии. Используя его подготовительные материалы, можно сделать просопографический анализ и новые наблюдения над персональным составом «профессоров»-грамматистов Ранней Византии.

В Константинополе IV–VI вв. работали 30 грамматистов. Из них в IV в. – 8; в V в. – 12; в VI в. – 10. Латинских грамматиков известно из общего числа – 11. Точно известных уроженцев столицы нет, все приехали из других городов империи.

Из Африки известно 20 имен грамматистов. Из них 11 работали в IV веке (времена латинской провинции). 6 работали в вандалский период V – нач. VI вв. Трое относятся к византийскому VI веку. Все известные по языку грамматики – латинские. Только о двоих точно известно, что они работали в столице провинции – Карфагене.

В Египте установлены имена 60 специалистов. К концу III в. относится деятельность 4-х учителей, к IV в. – 25, к V в. – 18, к VI в. – 12. Из 60-ти в Александрии работали 20; 7 – в Панополе, 6 – в Гермополе.

В Азии (Азиане) известны по именам 9 учителей грамматики. 2 из них – латинские. К IV в. относится 1, к V в. – 3, к VI в. – 5.

В Понтике работали 8 грамматистов. Конец III – IV вв. – 5, VI в. – 3. Один – латинский. 4 из известных по имени учителей работали в Никомедии (Вифиния), трое – в Галатии, один – в Кесарии Каппадокийской.

В Македонии (включая Грецию) известны 4 учителя. Один – кон. III в., один – IV в., два – V в. Трое из четырех работали в Афинах.

На Востоке (Oriens) известны по именам 39 грамматистов. Двое из них относятся к концу III в., 17 – к IV в., к V в. – 6, к VI в. – 14. Два учителя – латинские. 14 работали в Антиохии⁶, 5 – в Газе Палестинской, 3 – в Исаврии, 3 – в Киликии, 2 – в Финикии (Берит),

¹ Огнев А., диакон. Система образования в Византийской империи // Мир Византии. Белгород, 2007. С. 116–121.

² Kennedy, George Alexander. Classical rhetoric and its Christian and secular tradition from ancient to modern times. Chapel Hill, 1999.

³ Гольцева О.Е. Светские и духовные образовательные центры в Ранней Византии (IV–VII вв.) // Наш Анабасис. Вып. 2. Н. Новгород, 2005. С. 22–27.

⁴ Каждан А.П. Византийская школа // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 209–214.

⁵ Kaster R.A. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, 1997.

⁶ См. о наиболее важном: Cribiore R. The school of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, 2007.

2 – в Кесарии Палестинской, 1 – в Осроэне. Для этого региона характерна частная смена мест работы, по два места отмечено у 6 педагогов.

Можно отметить в качестве общего места, что в работе преподавателя высшей грамматической школы в Ранней Византии имела место активная жизненная и академическая мобильность. Место рождения и место профессиональной деятельности (там, где они известны) практически не совпадают ни в одном случае. Характерны частые смены мест работы. Данная динамика сохраняется в течение всего периода IV-VI вв., не претерпевая принципиальных изменений.

Также можно отметить, что некоторые из учителей грамматики были одновременно и учителями риторики, а также «софистами».

Особо отметим, что роль латинского языка была важна в латиноязычных регионах (Африка) и столице, что подтверждает роль латыни как государственного языка. В остальных провинциях Востока предпочитали учиться греческому.

Таким образом, на примере грамматистов высшей школы, мы видим, что традиции античного высшего образования, распространившиеся на все провинции Римской империи, в полной мере сохранялись в период Ранней Византии. Для них были наиболее важны личность учителя⁷ и академическая мобильность по различным городам и провинциям. Более крупные учреждения, позднеантичные «университеты», подобные Афинской школе, к VI в. были уже закрыты⁸.

Таблица 1

Грамматики высших школ восточных провинций Поздней империи⁹

Имя	Территория	Датировка	Примечания
КОНСТАНТИНОПОЛЬ			
Никокл		IV в.	Из Спарты
? Акакий		355 г.	
Дидим		до 357 г.	Из Египта, ранее из Антиохии
Эвантий		ум. 358 г.	Латинский грамматик
Хрест		358 г.	Латинский грамматик; из Африки
? Гарпократион		358 г.	Более вероятно софист, чем грамматик; из Египта через Антиохию
Аммоний		IV в.	Из Александрии
Элладий		IV – нач. V вв.	Из Александрии
Павел		V в. (до 419 г.)	Латинский грамматик (возможно); позднее епископ новатиан
Сириан		нач. V в.	
Теофил		нач. V в.	Латинский грамматик
Гораполлон		Кон. IV – 1-я треть V вв.	Из Египта
? Орион		Нач. – 1-я пол. V в.	Из Александрии; очень сомнительно – из Константинополя
Диоскорий		Сер. V в.	Из Мир Ликийских
Ор		1-я пол. – 2-я треть V в.	Из Александрии
Кледоний		Сер. – 2-я пол. V в.?	Латинский грамматик
? Гиперехий		3-я четв. V в.	Из Александрии переехал в Константинополь?

⁷ Wilson N.G. *Scholars of Byzantium*. Baltimore, Md., 1983.

⁸ Cameron, Alan. *The End of the Ancient Universities* // *Cahiers d'Histoire Mondiale / Journal of World history / Cuadernos de Historia Mundial*. 10. 1967. P. 653-673.

⁹ Сост. по: Kaster R.A. *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkeley, 1997.

Пампрепий		476-478 гг.	Из Панополя; ранее жил в Афинах
? Феоктист		2-я пол. V в.	Латинский грамматик; в Константинополе?
Евгений		2-я пол. V – нач. VI в.	Из Августополя (Фригия Salutaris)
Стефан		кон. V – 1-я пол. VI вв.	
Присциан		кон. V – нач. VI вв.	Латинский грамматик; из Цезареи (Мавретании Цезарейской?)
Урбан		нач. VI в.	Латинский грамматик; получил образование в Александрии
Специоз		1-я треть VI в.	Латинский грамматик или ритор; из Африки
Метродор		1-я треть – 1-я пол. VI в.	Из Тралл (Азия)
Иоанн Лид		2-я четв. VI в.	Латинский грамматик; одновременно <i>praefectianus</i> ; из Филладельфии (Ликия)
? Евтих		1-я пол. VI в.	Латинский грамматик; деятельность предположительна, но, скорее всего, в Константинополе
? Дамохар		2-я треть VI в.	Родился на о. Кос; возможно, работал в Константинополе
Гермолай		2-я треть VI в.?	
Метродор		V–VI вв.?	Возможно, идентичен с Метродором из Тралл, см. выше
АФРИКА¹⁰			
Флавий		Кон. III – нач. IV вв.	Позднее в Никомедии
Виктор	Цирта / Константина (Нумидия)	Нач. IV в. (ок. 303; расцвет деятельности 320)	
? Элий Донат		Сер. IV в.	Позднее в Риме; из Африки?
Аноним		Сер. IV в.	Африканец в Риме
? Проб		IV в.	Из Африки? Переезжает в Рим?
Хрест		до 358 г.	Из Африки; переезжает в Константинополь
Анний Намптой	Тубурбон Маиус (Африка Проконсульская)	361 г.	
Аврелий Августин	Тагаста	372/73 г.	Позднее преподавал риторику в Карфагене, Риме, Милане
Небридий		до 385 г.	Родился в Африке; <i>subdoctor</i> в Милане
Максим	Мадавра	Сер. IV в.	
Домиций Руфин	Иомний (Мавретания Цезарейская)	IV–V вв.	
Кресконий		Нач. V в.	
Фелициан	Карфаген	Сер. V в.	
Юлиан Померий		кон. V в.	Позднее в Арле; возможно, преподаватель риторики в Африке
Помпей		Сер. V – VI вв.	
? Кальбул		кон. V – нач. VI вв.	

¹⁰ Африка – регион латинский и скорее западный для империи, но с VI в. – часть Восточной империи.

Калькидий ? Специоз		Сер. V – нач. VI в. 1-я треть VI в.	Латинский грамматик или ритор; деятельность в Константинополе
Фауст	Карфаген?	Нач. – 1-я пол. VI в.	
Флавий Кресконий Корипп		1-я пол. VI в.	Впоследствии <i>palatinus</i> (придворный) в Константинополе
ЕГИПЕТ			
Лоллиан Омоевс <i>signo</i>	Оксиринх	253/60 г.	
Паниск	Панополь?	Сер. III в.	
Аврелий Герод	Каранис	299 г.	
Аноним ("Старик")	Каранис	299 г.	
Аврелий Плутсион	Филотерис (Арсиноитский ном)	300 г.	
Сарапион	Оксиринх	Кон. III – нач. IV вв.	
Трифидор	Панополь?	кон. III – нач. IV вв.	
Аноним	Оксиринх	кон. III – нач. IV вв.	
Кабрий	Панополь	Ум. в нач. IV в.	Возможно, идентичен следующему
Кабрий	Панополь	Ум. в нач. IV в.	Возможно, идентичен предыдущему
Евтих	Панополь	Ум. в нач. IV в.	
Теон	Панополь	Нач. IV в.	
? Клеобул		Нач. IV в.	Из Египта, далее в Антиохии; не известно, что он учил в Египте
? Дидим		Нач. IV в.	Из Египта, далее в Антиохии и Константинополе; не известно, что он учил в Египте
? Аполлинарий		Род. после 290 г.; ум., возможно, в 362 г.	Род. в Александрии, учил в Бейруте и Лаодикее; не известно, учил ли он в Египте
Аноним = Сосистрат	Арсиноитский ном?	337 г.	
? Эвдемон		Нач. – кон. IV в.	Из Пелузия; получил грамматическое образование в Египте, не известно, преподавал ли там; много путешествовал
? Гарпократион		Сер. IV в.	более вероятно – софист, чем грамматист; уроженец Египта, преподавал в Антиохии и Константинополе; не известно, преподавал ли в Египте; путешествовал
? Эвдемон		сер. IV в.	более вероятно, софист, чем грамматист; уроженец Египта, который преподавал в Антиохии и (?) Тарсе, не известно, что он учил в Египте
? Диокл		IV в.	
Паллад	Александрия	ок. 320? – кон. IV в.	
Аммоний	Александрия	IV в.	Позднее в Константинополе

Элладий	Александрия	IV в.	Позднее в Константинополе
Аврелий Феодор	Гермополь	398 г.	
Аретузий	Антинополь	IV в.	
Аноним		IV в.?	
Феодосий	Александрия	Кон. IV – нач. V вв.	Возможно, идентичен со следующим
Феодосий	Александрия	Кон. IV – нач. V вв.	Возможно, идентичен с предыдущим
? Агагодемон		Кон. IV – нач. V вв.	Предположительно, в Египте
? Офелий		кон. IV – 1-я треть V вв.	Предположительно, в Египте
Гораполлон	Александрия и (?) в других городах Египта	кон. IV – 1-я треть V вв.	Позднее в Константинополе; род. в Пенебуфисе (Панополитанский ном)
Геракламмон	Гермополь	Кон. IV – нач. V в.; не ранее 391 г.	
Аврелий Урсенуфий	Гераклеопольский ном	411	
Гиеракс	Александрия	нач. V в.	
Орион	Александрия	Кон. IV – сер. V в.	Род. в Фивах Египетских; обучал еще где-либо
Аммонян	Александрия (возможно)	сер. V в.?	
? Ор		сер. V в.	Александриец в Константинополе; не известно, учил ли он в Египте
? Пампрепий		В Египте с 440 г., не позднее 472 г.	Из Панополя; учил в Афинах и Константинополе, но не очевидно – в Египте
Асклепиад	Александрия	V в.	Грамматик или философ, или и то, и другое
? Гиперехий	Александрия?	3-я четв. V в.	Родился или учился в Александрии, или и то, и другое; позднее в Константинополе?
Флавий Гораполлон	Александрия	3-я треть V в.	Родился в Пенебуфисе (Панополитанский ном)
Гарпократ	Александрия (возможно)	3-я треть V в.	
Флавий Гер...	Гермополь	2-я пол. V в.	
Флавий Пифиодор	Гермополь	2-я пол. V в.	
Аноним	Гермополь?	2-я пол. V в.	
? Роман	Александрия?	кон. V – нач. VI в.	
? Гиероним	Гермополь	Кон. V – нач. VI вв.	Из Елузы, первоначальная карьера в Египте, затем в Гермополе; более известен как софист, чем грамматик.
Стефан	Александрия	Кон. V – нач. VI вв.	Из Газы?
? Стефан	Александрия?	519-538 гг.	Локализация весьма сомнительна
Аврелий Кир	Антеополь	1-я пол. VI в. (до 539 г.)	
? Колуф		Время неизвестно; нач. VI в.?	Место рождения неизвестно; возможно, египтянин (по его имени)

? Георгий		1-я пол. VI в.?	Деятельность в Египте очень малоизвестна
Иоанн Филопон	Александрия	кон. V – 3-я четв. VI вв.	
Анатолий	Александрия	сер. VI в.	
Иоанн	Александрия?	до 568 г.	
? Серен		IV-VI вв.?	
Феодосий	Панополь?	IV-VI вв.	
Гесихий	Александрия	V-VI вв.	
Аноним (-мы)		V-VI вв.	
Аноним	Афродито?	VI в.	
АЗИАНА			
Аврелий Трофим	Алтымтас Курткёй	2-я четв. III – IV	
? Диоскорий		2-я четв. – 2-я пол. V в.	Род. в Мирах (Ликия), неизвестно, что учил там; деятельность в Константинополе
? Евгений		2-я пол. V – нач. VI в.	Род. в Августополе (Фригия Salutaris), неизвестно, что учил там; деятельность в Константинополе
? Диоген	Кизик	IV-VI вв.?	
Адамантий	Сарды?	до 580 г. (кон. V – нач. VI вв.?)	Латинский грамматик
Мартирий	Сарды?	до 580 г. (1-я пол. – сер. VI в.?)	Латинский грамматик
Метродор	Траллы	1-я треть – 1-я пол. VI в.	Позднее в Константинополе
Дамохар		2-я треть VI в.	Род. на о. Кос; возможно, деятельность в Константинополе
? Феодорет		Время неопред., до 568 г.?	Смирна или Филадельфия?
ПОНТИКА			
? Леонтий	Никомедия	кон. III в.	
? Вавила	Никомедия	нач. IV в.	
Флавий	Никомедия	кон. III – нач. IV вв.	Латинский грамматик; из Африки
? Акакий	Никомедия?	355 г.	Более вероятно – Константинополь
? Фалерий	Тавий (Галатия)	393 г.	Более вероятно, ритор, чем грамматик
? Иоанн	Кесария (Каппадокия? Возможно, более вероятно – Палестина)	1-я четв. VI в.	Грамматик и (или позднее) пресвитер
Аноним	Сикеон (Галатия I)	2-я треть – 3-я четв. VI в.	
Филумен	Моссина / Эпистратон (Галатия I)	2-я пол. VI в.	
МАКЕДОНИЯ			
Аполлоний	Афины	260/268 гг.	
? Никокл		1-я пол. – 3-я треть IV в.	Род. в Спарте, неизвестно, учил ли там; деятельность в Константинополе
? Фильтатий	Афины	нач. V в.	
Пампрепий	Афины	От конца 472 до мая 476 г.	Род. в Панополе, по-видимому, не учил в Египте; позднее деятельность в Константинополе

ВОСТОК (ORIENTS)			
Луперк	Берит (Финикия)	Родился или процветал незадолго до 268/270 гг.	
? Манипп или Марсипп	Кархар (Касхар)	276/282 гг.	профессия и аутентичность сомнительны
Аноним	Аназарб (Киликия)	1-я треть IV в.	
Аполлинарий	Берит (Финикия)	1-я пол. IV в.	Род. в Александрии; неизвестно, учил ли там
Аноним	Антиохия (Сирия)	329-334 гг.	
Дидим	Антиохия (Сирия)	1-я пол. IV в.	Из Египта; позднее в Константинополе
Клеобул	Антиохия (Сирия)	1-2 трети IV в.	Из Египта
? Феспезий	Кесария (Палестина)	2-я треть IV в.	Более известен как ритор, чем грамматик
Юлий	Антиохия (Сирия)	умер 355/356 г.	
Тиберин	Антиохия (Сирия)	358 г.	Из Аравии
Александр	Антиохия (Сирия) – Гелиополь (Финикия)	2-я треть IV в.	
Эвдемон	Элуза (Палестина) – Антиохия (Сирия)	2-я четв. – кон. IV в.	Из Пелузия; нет уверенности, был ли он грамматиком или ритором
? Гарпократион	Антиохия (Сирия)	до 358 г.	Из Египта, позднее в Константинополе; более вероятно, софист, чем грамматик
? Эвдемон	Антиохия (Сирия) – Тарс (Киликия)	2-я четв. – 2-я треть IV в.	Из Египта
Аноним	Антиохия (Сирия)	1-2 трети IV в.	
Каллиоппий	Антиохия (Сирия)	2-я пол. IV в.	
Данай	Место не определено, возможно Восток (Oriens)	2-я пол. IV в.	
Дифил	Палестина	3-я треть IV в.	Не его родная провинция
? Антиох	Антиохия (Сирия)	кон. IV в.	Грамматик или ритор?
? Орион		1-я четв. – 1-я пол. V в.	Из Египта; возможно, деятельность в Кесарии (Палестина?)
Алиппий	Селевкия (Исаврия)	Сер. V в.	
Олимпий	Селевкия (Исаврия)	сер. V в.	Возможно, идентичен со следующим
? Солимний	Селевкия (Исаврия)	сер. V в.	Учитель или студент; возможно, идентичен с предыдущим
Исоказий	Эги (Киликия)	2-3 четв. V в.	Позднее софист в Антиохии
Иоанн	Антиохены рогоchiaie	4-я четв. V в.	Грамматик – пресвитер
Алиппий	Газа (Палестина) – Антиохия (Сирия)	4-я четв. V – 1-я четв. VI в.	
Стефан	Газа (Палестина) – Антиохия (Сирия)	4-я четв. V – 1-я четв. VI в.	
Гиерий	Газа (Палестина) – Антиохия (Сирия)	4-я четв. V – 1-я четв. VI в.	Латинский грамматик
? Стефан		4-я четв. V – 1-я четв. VI в.	Из Газы(?), неизвестно, учил ли там; деятельность в Александрии
? Гиероним		4-я четв. V – 1-я четв. VI в.	Из Елузы (Палестина), неизвестно, учил ли там; деятельность в

			Египте; более известен как софист, чем грамматик
Руфин	Антиохия (Сирия)	сер. V – VI в.	Латинский грамматик
Тимофей	Газа (Палестина)	кон. V – нач. VI вв.	
Сергий		нач. VI в.	Возможно, Восток (Oriens) – Сирия? Бероя
? Веронициан	Антиохия (Сирия)	нач. VI в.	
Иоанн	Кесария (Палестина?)	1-я четв. VI в.	Грамматик и (или: позднее) пресвитер
Иоанн	Газа (Палестина)	1-я пол. VI в.?	
? Георгий		1-я пол. VI в.?	Место неопред.
Аркадий	Антиохия (Сирия)	кон. V – сер. VI в. (возможно, ближе к поздней дате, чем к ранней)	
Эферий	Апамея (Осроэна)	Дата неопред.: возможно, не до кон. V – нач. VI в.	

PROFESSORS OF GRAMMAR IN HIGHER SCHOOLS OF LATE ANTIQUE EAST

O.N. ELISEEVA, A.M. BOLGOVA

Belgorod National Research University

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

The paper gives a list of high school grammar teacher in the eastern provinces of the Roman (Early Byzantine) Empire, late antiquity. Made observations on the distribution of teachers by province, of academic mobility, the role of the teacher's personality.

Key words: school, the Byzantine Empire, the province, a teacher, a grammar.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗНАТНОСТИ И КРИТЕРИИ ЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ГОРОДСКОМ СОЦИУМЕ НА ПРИМЕРЕ ФЛОРЕНЦИИ XIV-XV ВЕКОВ

И.А. КРАСНОВА

*Ставропольский
государственный
университет*

e-mail: teilman@mail.ru

В статье рассматривается проблема трансформации дефиниций «знатность» и «рыцарство» в городском социуме Флоренции. Для изучения используется сравнительный анализ «Эпистолы» Лапо да Кастильонкьо (2-я пол. XIV в.) и трактата о знати Винченцо Боргини (2-я пол. XVI в.). Рефлексия, в ходе которой возникало представление о неопределенности границ между знатью и народом, прослеживается на основе текстов, отражающих различные культурные срезы: проповедей Ремиджо Джиролами (XIII в.); новелл Франко Саккетти, «Историй» и «Политико-морального трактата» Джованни Кавальканти, позволяющих аргументировать процессы социально-культурного синтеза между грандами и пополанами, не исключая процессами противостояния и борьбы. В городском обществе старая знать быстро приобрела новые черты, адаптируясь к реалиям коммунального устройства, тогда как пополаны усваивали ценности и атрибуты рыцарского сословия и представителей знати.

Ключевые слова: знатность, город, Флоренция.

На рубеже XX и XXI вв. в зарубежной историографии, особенно итальянской, повысился интерес к проблемам социальной структуры городских сообществ средневековья и, в частности, к тем трансформациям, которым подвергались слои знати внутри стен города¹.

В современной историографии бытует точка зрения, что городская знать Флоренции сложилась к концу XII в. Ее основными признаками стали: самоидентификация с *societas militum*, доступ к некоторым источникам дохода – во Флоренции к дорожным пошлинам с чужеземцев, синьориальные права на имеющиеся в собственности земельные владения за пределами города, участие в высшей власти: коллегия консулов, управляющая коммуной до складывания института Подеста, избиралась только из представителей знати². Ряд исследователей стремится рассмотреть социальные аспекты проблемы, прослеживая динамику изменений в слоях знати, становящейся неотъемлемой частью городского социума, несмотря на наличие земельных владений и феодальных прав в сельской округе³.

Обращаясь к отражению социально-политических реалий в обыденном сознании флорентийских граждан с конца XIII и на протяжении XIV-XV вв., даже при самом поверхностном рассмотрении нельзя не обратить внимания на то, что в нем значительное место занимали ментально-психологические установки, так или иначе связанные с ос-

¹ Maire Vigueur J.-C. Cavalieri e cittadini. Guerra, conflitti e società nell'Italia comunale. Bologna, 2004; этому автору удалось аргументировать важность и центральное место этой темы в плане политическом и социальном. В плане военной истории значимы труды Альдо А. Сеттия: Settia A.A. De re militari. Pratica e teoria della Guerra medievale. Roma, 2008, а также Паоло Грилло: Grillo P. Cavalieri e popoli in armi. Le istituzioni militari nell'Italia medioevale. Roma-Bari, 2008; Grillo P. Cavalieri e fanti negli eserciti comunali italiani // Cavalieri e città / a cura di Franco Cardini, Isabella Gagliardi, Giuseppe Ligato. Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19-21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 121-136. См. также обобщающую вводную статью Ф. Кардини: Cardini F. Introduzione. Cavalieri e città nella società italiana medievale // Cavalieri e città / A cura di F. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III convegno internazionale di studi. Volterra, 19-21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 5-25.

² См.: Cammarosano P. Il ricambio e l'evoluzione dei ceti dirigenti nel corso del XIII secolo // Magnati e popolani. Atti del quindicesimo convegno di studi del Centro italiano di studi di storia e d'arte. Pistoia, 1997. P. 17-40; Artifoni E. L'estinzione dei quadri consolari e l'emergere dell'regime podesteriale // Storia di Torino. I. Dalla preistoria al comunale medievale / A cura di G. Sergi. Torino, 1997; Capitani O. Città e comuni // Storia d'Italia. Diretta da G. Galasso. Torino, 1981. Vol. IV. P. 1-57. Овидио Капитани исследовал институциональный аспект: «старый правящий слой, обозначаемый скорее как орган управления»: P. 37.

³ Maire Vigueur J.-C. Flussi, circuiti e profile // I podestà dell'Italia comunale. Parte I. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec. – metà XIV sec.) / A cura di J.-C. Maire Vigueur. Nuovi Studi storici. Roma, 2000; Faini E. Firenze nell'età romanica (1000-1211). L'espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. Firenze, 2010. P. 359-361.

мыслением разделения городского общества на грандов и пополанов. Формы восприятия этого комплекса социальных противоречий, унаследованные от XIII в., хотя и сохраняли свою актуальность в XIV в., не развивались, тем не менее, равномерно, они то приобретали самостоятельное и первостепенное значение в политике города-государства и рефлексиях представителей социума, то, сглаживались, отодвигались на второй план, принимали латентный характер, скрываясь под оболочкой иных социальных антагонизмов⁴.

В конце XIII – XIV вв. для обозначения знатных людей в городском обществе употреблялось несколько понятий: «нобили», «магнаты» и «кавалеры» (рыцари). В преамбулах к официальным документам латинские термины «nobiles» и «magnates» использовались как синонимы⁵.

Рефлексия о критериях знатности, начало которой положил Данте Алигьери, занимала умы граждан Флорентийской республики и отражалась в оставленных ими записях и сочинениях.

Письмо-трактат Лапо да Кастильонкьо (1316-1381), происходящего из знатного рода, флорентийского политика, образованного юриста и влиятельного функционера партии гвельфов, написано предположительно в 70-е гг. XIV в. в виде наставления старшему сыну Бернардо⁶. Руководствуясь стремлением дать нравственно-этическое поучение сыну, Кастильонкьо в первых двух частях строил его в духе отвлеченно-философского сопоставления воззрений Данте Алигьери и Бартоло да Сассоферрато, пока в третьей части речь не заходила о представителях его древнего и знатного рода Да Квона. Пространное, отмеченное элементами схоластики, рассуждение Лапо да Кастильонкьо в значительной степени являлось компиляцией трактата известного легиста Бартоло да Сассоферрато «Дигесты», в чем автор открыто признавался: «прославленный Доктор, Мессер Бартоло да Сассоферрато в Дигестах на Закон, который начинается «Si ut propones», в рубрике о достоинстве очень упорядоченно эту материю изложил»⁷.

«История флорентийской знати» Винченцо Боргини (1515-1580)⁸ была составлена во 2-й пол. XVI в., воплотив исследовательские и просветительские намерения флорентийского эрудита⁹. Главная цель Боргини – изучение, выражаясь современным языком, социально-политической дифференциации флорентийского общества и истории отдельных знатных фамилий, поэтому в основной части его сочинение наполнено конкретно-историческим контекстом, в котором флорентийские граждане отгесняли на задний план выдающихся деятелей античной истории.

Некоторый элемент терминологического анализа содержится в письме-трактате Лапо да Кастильонкьо¹⁰. Наставляя сына, Лапо заявлял о своих целях: «информировать тебя о происхождении Нобилей или Плебеев; и сообщить о количестве Грандов и Пополанов в городе Флоренции». Законовед, прежде всего, употреблял две пары терминов, обозначающих основные социальные слои города: во втором случае использовались общепринятые дефиниции итальянского языка; в первом – латинизированные названия, чаще применяемые в официальных документах и трактатах. Относительно понятия «магнаты», он отмечал, что оно является не столь употребимым, как «нобили», и распространен-

⁴ Вряд ли можно полностью согласиться с мнением Г. Сальвемини, который пытался рассматривать отношения грандов и пополанов как классовое противостояние: Salvemini G. La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti / A cura di E. Sestan. Milano, 1972. В большей степени аргументированным представляется вывод о том, что социальные контрасты не являлись постоянно действующим фактором в конце XIII – 1-й пол. XIV в. См.: Medici D. I primi dieci anni del priorato // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978. P. 224-225. Помимо Н. Оттокара мнение Сальвемини подвергал сомнению итальянский историк Фьюми, считавший, что все случаи антагонизмов между грандами и пополанами определялись борьбой политических фракций: Fiumi E. Fioritura e decadenza dell' economia fiorentina // Archivio Storico Italiano. CXVII. 1959. P. 430.

⁵ См.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. Torino, 1962. P. 132. Н. Оттокар утверждал, что термин *magnati* в конце XIII в. встречался только в латинских текстах и суть ничто иное, как латинский перевод слова «гранд».

⁶ Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccellentissimo messer Lapo da Castiglionchio cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze. Bologna, 1753.

⁷ Ibid. P. 10.

⁸ См о нем: Степанова Л.Г. Боргини // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 1. М., 2007.

⁹ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Pisa, 1974.

¹⁰ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 1.

но, главным образом, во Флоренции¹¹. Он также использовал термин «знатность», «какую на нашем *volgare* мы называем «благородство» (*gentilezza*)»¹².

Винченцо Боргини стремился определить важное для него понятие «знатность», используя термины «*nobiltà*», отмечая, что дефиниция «*nobile*» позаимствована из латинского языка, и «благородство» (*gentilezza*)¹³. Два сходных по жанру, но различных по целям и отчасти по форме и содержанию произведения, заключавшие попытку исследования указанного сюжета, разделены почти 200-ми годами.

Оба автора, ссылаясь на античных мыслителей и примеры¹⁴, позаимствованные из древнеримской истории, а также на высказывания Данте Алигьери, величайшего для них авторитета¹⁵, определяли два главных критерия знатности: происхождение и доблесть. Лапо да Кастильонкьо начал свое письмо с рассуждения о том, что родиться плебеем – более полезно, чем грандом: «...начиная, скажу, что было бы более полезно родиться Плебеем, чем Нобилем, и это покажу я прежде на моральных доводах и демонстрациях, а затем уж на ясных и достоверных примерах»¹⁶. Далее он приводил аргументы с морально-философской точки зрения. Безнравственный образ жизни и «каждая совершенная ошибка» будет скорее прощена плебею, не имевшему «древних предков и домашних наставников», которого нельзя упрекнуть в дегенерации. Избрание добродетельного пути «тем более светло, чем из большей темноты выходят». И в этом выборе «ничем тебе не помогут ни родственники, ни деды, ни прадеды, ни советчики, ни учителя: только поступая хорошо, ты обретишь добрую репутацию... и будешь прославлен, назван отцом и основателем своего рода». Далее правовед разбирал случаи, когда «плебею дается возможность приобрести новую славу, самому стать нобилем и предоставить знатность потомкам, не отбирая ее у других»... «Намного лучше самому основать знатность, нежели получить ее уже основанной другими»¹⁷. Эту сентенцию Лапо да Кастильонкьо заключал следующим выводом: «Отсюда следует, что, если я, рожденный плебеем, обрел доблесть, став знатным..., то такая знатность более достойна хвалы, чем, если бы я нашел ее основанной другими,... получается поэтому, что лучше родиться доблестным плебеем, чем доблестным нобилем»¹⁸. Множество примеров античных царей и властителей низкого происхождения иллюстрируют заключение автора: «Разве не заблуждение – впасть в доuku из-за низкого происхождения, каковое вовсе не лишает ни надежды на царствование, ни обладания собственными успехами? Любой корень темен и жалок, но разве, тем не менее, ветви не пышны и цветущи? И кто же доискивается, от какого корня исходит продолжающий его плод, каков бы ни был корень?... Благородство обычаев и незапятнанность жизни ни единым пятном спасают даже от памяти о низком происхождении... Поэтому, сын мой, следи не за тем, чтобы быть нобилем, а за тем, чтобы тебе не

¹¹ Ibid. P. 29.

¹² Ibid. P. 2.

¹³ Borghini V. Storia della nobiltà. Note 1-2. P. 43-44.

¹⁴ Лапо да Кастильонкьо упоминал книгу Макробия «Сон Сципиона» (Lib. De Somnio Scipionis. Cap. IV. C. 8), 6-ю книгу Энеиды Вергилия (Энеида. Кн. 6. Стих 621); Инвективу против Марка Туллия Цицерона Саллюстия (Declam. C. Crispi Sallustii // Cic.), Сенеку (Controvers. 6.), стих Горация Флакка (Sat. Lib. I. Vers. 45), Платона (Dialogo de Regno): Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 2, 4, 5, 6, 7. Винченцо Боргини цитировал Лактанция и Сенеку – Note 11, P. 46; Тита Ливия – Note 29, P. 64; 87-88; Цицерона – P. 88-89, давал краткий анализ социальной дифференциации в Древнем Риме для последующего сравнения с Флоренцией – P. 66-67, 73; в качестве примеров приводил Сципиона, Сульпиция, Брута, Луция Суллу: Borghini V. Storia della nobiltà. Note 9, P. 45; P. 73-74, P. 104.

¹⁵ Лапо да Кастильонкьо заявлял: «...Данте, поэт на *volgare* из Флоренции, прославленный в памяти и в рассказах, каковой об этой материи, то есть о знатности, сочинил моральную канцону на *volgare*... (Данте. Пир. P. 150) – Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 11-12. В. Боргини, также часто цитировавший великого поэта: Borghini V. Storia della nobiltà. Nota 16. P. 49-50 – Данте. Божественная Комедия. Чистилище. XXXIII. 97; P. 65-66 – Данте. Пир. IV. 3, так высказывался о нем: «Великий поэт и не в меньшей степени философ, прекрасный сочинитель канцон»: Borghini V. Storia della nobiltà. Nota 26. P. 65-66. Он также ссылаясь на Декамерон Боккаччо (VI,6). Лапо да Кастильонкьо, кроме того, высоко ценил авторитет Ф. Петрарки: «Франческо Петрарка, сиятельный Поэт, говорил в одной эпистоле, каковая предназначалась мне, и каковое высказывание в возрасте, более нежном, чем твой, запало мне в ум...»: Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 31. Он также ссылаясь на Trionfo della Castità Франческо Петрарки – V. 84. См.: Ibid. P. 9.

¹⁶ Ibid. P. 4 (Declam. C. Crispi Sallustii // Cic.).

¹⁷ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 4. Автор ссылаясь на Саллюстия.

¹⁸ Ibid. P. 4-5.

скорбеть из-за своей низкой и подлой души»¹⁹. Для Лапо да Кастильонкьо несомненно превосходство личного благородства и доблести над знатностью происхождения.

Для Боргини высокое происхождение являлась одной из главных составляющих знатности, но не исчерпывающей ее содержания²⁰: «Следует различать, что знатность обладает двумя свойствами. Одно, которое как бы тело, – кровь, то есть род, которое очень долго длится в почестях, степени знатности, но она содержит также честь (духовную часть), оценку и некое оказываемое ей почтение...»²¹. Именно доблесть (*virtu*) считал Боргини «самым подобающим и главнейшим атрибутом знатности, ибо многие, имеющие его при отсутствии всяких иных, могут быть абсолютно уверены в том, что они принадлежат к знати»²².

Используемая терминология отличалась широтой толкования и неопределенностью. Винченцо Боргини указывал, что при определении понятия «знатность» во Флоренции трудностей возникает больше, чем при попытке понять различия между патрициями и плебеями в Римской республике²³. Пытаясь отразить в дефиниции «знатность» коррективы, вносимые запросами городского социума, оба автора вкладывали, опираясь на античные источники, в это определение важнейший для них смысл – степень участия гражданина в публичной жизни. Для Лапо да Кастильонкьо нет сомнений в том, что «возведение в достоинство Приората делает Нобилем, как не делает этого собственное происхождение. И, таким образом, мы видим, что в нашем обычае считать, что обладание достоинством делает человека Нобилем...»²⁴. Ссылаясь на первую книгу «Этики» Аристотеля и Бартоло да Сассоферрато, флорентийский легист выделял три категории знатности: «знатность теологическая и сверхприродная», о которой Лапо да Кастильонкьо рассуждал не слишком охотно: «Эту знатность мы оставим Теологам». Вторая – знатность натуральная или «прирожденная», данная от природы. Третья – знатность политическая и гражданская²⁵. Обращаясь к опыту разных городов, в частности, помимо Флоренции, Перуджи и Венеции, он констатирует, что знатность или достоинство могут происходить от статутов и обычаев города. Воля городского сообщества имеет непосредственное отношение к определению знатности: «...Город может нарушить свои статуты и обычаи, и может город достоинство и знатность, если решения побуждаемы общим разумом, не приняты как знатность. Городские статуты регулируют и умеряют дерзость знатных, а народ, видя их многие привилегии, подавляет иных, отстраняя нобилей от должностей, высывая лиц высокого положения из городов»²⁶. При этом Лапо да Кастильонкьо ссылаясь на авторитет Аристотеля в 5-й книге Политики²⁷.

Такому же плану следуют рассуждения В. Боргини: «Действия *virtu* как составляющей части *nobiltà* проявляется в республике и общественных делах, управлении ради общего блага; и от нее рождается, ею поддерживается и прирастает знатность...»²⁸. Участие в публичных делах эрудит XVI в. считал одновременно и предпосылкой, и основным атрибутом знатности: «Главная предпосылка знатности... есть публичные почести, относящиеся к правлению и общественной деятельности в магистратах, посольствах, коллегиях»²⁹. Он выделяет участие в общественных делах, как самый важный атрибут знатности: «Признаки знатности... очень многочисленны, но среди других первыми и наиболее надежными являются магистраты, и это верно по сути, хотя и следует внести некоторые рассуждения...»³⁰.

¹⁹ Ibid. P. 8.

²⁰ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Pisa, 1974. Note 3-14. P. 44-49.

²¹ Ibid. Nota 14. P. 48-49.

²² Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Nota 17. P. 50.

²³ Ibid. P. 65.

²⁴ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 11.

²⁵ Ibid. P. 18-19.

²⁶ Ibid. P. 24.

²⁷ Ibid. P. 26-27.

²⁸ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Nota 8. P. 45.

²⁹ Ibid. Nota 16. P. 49.

³⁰ Ibid. Nota 21. P. 53. Рассуждения касались различий между магистратами в разных городах: например, в отличие от Рима, во Флоренции наиболее важным магистратом являлась партия гвельфов.

При попытке сравнивать два произведения, можно отметить некоторое структурное сходство: в первой части того и другого текста содержатся общетеоретические рассуждения о знатности и рыцарском достоинстве, далее следуют своеобразные исследования конкретного материала. Авторы отражали в своем изложении разные культурные эпохи, хотя в равной степени признавали высочайшими авторитетами античных мыслителей и великого Данте. Но Лапо ди Кастильонкьо в большей мере обращался к авторитету Св. Писания и выдающихся теологов³¹. Труд Винченцо Боргини почти не содержит ссылок на Писание и церковные авторитеты, но, помимо Данте, он также упоминает светских писателей Боккаччо и Франко Саккетти³². Лапо да Кастильонкьо, будучи ученым юристом, черпал доводы, помимо Дигест Юстиниана и комментариев Бартоло Сассоферрато, в сборниках городских законодательств³³, которые он сравнивал, приводя правовые казусы и процедуры, в то время как Боргини выступал прежде всего как историк, прибегая к соответствующим источникам, главным образом, к хронике Джованни Виллани³⁴. Его труд не отмечен схоластическими рассуждениями, на которых строятся первая и вторая часть «Эпистолы» Лапо да Кастильонкьо. Оба произведения различаются по содержанию. Если сознание Лапо да Кастильонкьо обращалось к противоречию между грандами и пополанами, которое он на античный манер определял как противостояние нобилей и плебеев, то для Боргини оно явно отодвигается на второй план. В своей вводной части эрудит XVI в. упоминал лишь о Микеле ди Ландо, одном из предводителей чомпи³⁵, в другом месте он утверждал, что бедные селяне и сервы могут добиться знатности только через участие в общественных делах и публичные почести³⁶. В книге Боргини в большей степени видна устоявшаяся определенность представлений о знатности, бесконечные колебания между знатностью и плебейством, статусами грандов и пополанов, видимо, в значительной мере утратили для него актуальность.

Однако текучая динамика взаимных переходов состояний знати и народа, чаще толкуемая в терминах «нобили-плебеи», представляла большой интерес для Лапо да Кастильонкьо, которого волновал вопрос о том, при каких условиях плебеи могут стать нобилиями, а знатные, деградируя, утратить свой статус: «Очень большое число происходящих из грубых плебеев становились знатными и известными, благодаря своим доблестям более, чем рожденные от нобилей или имеющие знатное происхождение»³⁷. Важнейшей составляющей частью знатности он полагал «достоинство» (*degnità*)³⁸, имея в виду определенный комплекс личных качеств, получивших общественное признание: «достоинство и есть знатность, потому что всегда делает человека отличным от плебея»³⁹. Возвращаясь от доблести древних римлян к современной ему действительности, Лапо да Кастильонкьо был убежден в актуальности этой проблемы: «Если... некий крестьянин становится доблестным человеком (*valente uomo*), он таким образом приобретает знат-

³¹ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 9. Здесь он ссылается на Псалмы Давида, цитируя: «Если Господь не хранит город, напрасным будет бдение того, кто его хранит»; Матв. Сар. 23; 12; Луку. Сар. 1; 52; Марка Сар. X: 43 – P. 11. Кастильонкьо обращался к истории Адама, Каина и Авеля (Книга бытия. IV) – P. 14; Экклесиаста (17; 10: 5-6; 8); Иова (21) – P. 16-18; Послания апостола Павла к Коринфянам (15:43; 4:10; I. 4) – P. 17, 22; Левит (18) – P. 19. Он ссылался на авторитет Фомы Аквинского и Бонавентуры – P. 13, 18; на высказывания Кардинала Ости и папы Иннокентия III – P. 19-20, 28.

³² Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. О Боккаччо – Note 12. P. 48; 27. P. 60, 65-66 – ссылается на письма и новеллы Декамерона (IX, 10; VII, 9; VIII, 9), на Саккетти – Nota 25. P. 58.

³³ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 21-29.

³⁴ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Note 27. P. 59-60; P. 67.

³⁵ Ibid. Nota 18. P. 50-51. «Микеле ди Ландо был бедным, родился в деревне, был связан с самым низким ремеслом, но возвысился по случаю, будучи насильственно сделан Гонфалоньером справедливости, обязанности которого он исполнял не столь уж плохо. Ему также было предоставлено рыцарство и почести высшей степени, каких удостаиваются нобили... Можно или нет назвать Микеле ди Ландо нобилем – это дело рассуждения».

³⁶ Ibid. Nota 29. P. 64.

³⁷ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 6.

³⁸ Ibid. P. 10. «Достоинство» подразумевало добрую молву о человеке; а также обозначало должность (сан), которая имеет приложение к достоинству и соединяется с ним, как, например, должность Епископа, Священника, Кавалера, Доктора или Канцлера; иной раз «достоинство» используется для обозначения некоторых качеств, по которым данная персона может отличаться от плебеев; прежде всего, «благородство сравнительно с вульгарностью». Есть также именованное «достоинство», и оно разделяется на многие степени, и видится в званиях «многочуваемый» (*illustre*), почтенный (*spettabile*), светлейший (*clarissimo*)...».

³⁹ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 10.

ность, не делаясь при этом нобилем, потому что его крестьянскую грубость невозможно полностью очистить, но его сыновья и внуки становятся нобилиями, поскольку каждодневно мы видим крестьян, которые достигают какой-либо степени гражданства, также как сын и внук, родившиеся от плебея, ставшего доблестным человеком»⁴⁰. Городская реальность проступает и в осознании одного важного явления действительности, вызывающего сомнения у автора: «... в тех городах, которые управляются народом, те, кто зовутся нобилиями, менее признаны, как это показывают налагаемые на них наказания, из которых ясно, что нобиль карается сильнее, чем незнатный. Это проявляется также и в допуске ко многим должностям, из которого нобили исключены. И поэтому ясно, что они не могут называться нобилиями по той причине, что они признаны не более, а даже менее. И согласно этому... дефиниция знатности не относится к ним»⁴¹. Лапо отмечает неопределенность и ненадежность статуса нобилей в итальянских городах: «...Равным образом из предоставления должностей и наделения ими некоторыми способами устраняются нобили: и дело обстоит так, что для них это представляется злом, но, тем не менее, это ведет ко благу и устраивает его [городское общество], потому что народ, видя их многие привилегии, к которым они предназначены, подавляет иных, отстраняя от должностей нобилей согласно порядку правосудия. И это мы видим относительно частных персон, которые по высоте своего состояния устраняются из городов теми, кто заставляет их перемещаться в другие». Это вынуждает автора констатировать расплывчатость самой дефиниции: «Но города по своим статутам устанавливают, что никто не является нобилиями просто, то есть изначально..., и теперь само понятие «знатность» становится бесформенным, то есть лишенным определенной формы, каковая знатность есть безымянная...»⁴². Но городские статуты точно также наделяют пополана высоким статусом: «Знатность состоит в признании за кем-то обладания (*tribuire*) достоинством; поэтому тот пополан, который имеет должность по достоинству или по знатности, обладает юрисдикцией, и тогда этого без сомнения достаточно, чтоб можно было утверждать его знатным, и нет нужды в том, будет ли эта воля изъясняться словами или делами, как то законами подтверждается»⁴³.

Уже упомянутый выше итальянский исследователь конца XIX – нач. XX вв. Гаэтано Сальвемини отмечал важную специфическую черту, отличающую знать внутри коммунального сообщества, подмеченную еще задолго до принятия Установлений справедливости хронистом Оттоном Фрейзингенским: флорентийской знати не в такой степени был присущ отличительный признак германских знатных родов – благородство от рождения. Из-за неотчетливой выраженности этого атрибута неопределенность значения вышерассмотренных терминов ощущалась самими горожанами уже в XIII в. Уже к концу XIII в. стали терять определенность критерии, по которым то или иное лицо можно было отнести к сословию грандов города и контадо. В 1286 г. возникла необходимость составить каталог домов грандов, в который, в конце концов, вошло 140 фамилий. Уже тогда нотариусы и юристы, работающие над этим списком, испытывали немалые трудности в определении признаков, позволяющих отличить грандов от пополанов. Они выработали два основных принципа, но лишь один из них можно считать относительно надежным и определенным – наличие рыцарского звания с учетом того, что к этому времени рыцарские шпоры имелись и у представителей пополанских домов. Второй признак был полностью субъективным – «молва» (*fama*), то есть общественное мнение, которое могло быть различным в отношении одних и тех же фамилий. Вообще вопрос о том, кого можно считать грандом, а кого нельзя оказался весьма запутанным и для флорентийских юристов XIV в., среди которых постоянно шли дебаты о том, могут ли рыцари пользоваться привилегиями воинского сословия, если они занимаются торговлей и ручным ремеслом. Что выше – честь кавалера или честь ученого доктора, если в рыцари можно произвести 10 или более человек за один день, а ученым трудно стать и за 1000 лет? Что является главным показателем знатности, богатство или добрые нравы?⁴⁴ Очень скоро этот список, закрепляю-

⁴⁰ Ibid. P. 15.

⁴¹ Ibid. P. 26.

⁴² Ibid. P. 28.

⁴³ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P 26-27.

⁴⁴ Salvemini G. La dignita cavalleresca. P. 131-134. Франко Саккетти любил сопоставлять простолудинов с самыми знатными синьорами, чтобы подчеркнуть достоинство первых, их мудрость и благородство души,

щий за градами их обязанности в обществе, перестал быть постоянным. Уже в 1292 г. в него были внесены первые изменения, которые затем регулярно повторялись: одни фамилии вычеркивались, другие вносились⁴⁵ – следствие контроля государства над социальной структурой общества.

Но если граждане избирались комендантами и Подеста в города и селения контадо на 1 год, то рыцарские шпоры навешивались в обязательном порядке, даже и против желания горожан становиться кавалерами. Лапо да Кастильонкьо почти не уделял внимания рыцарскому званию, хотя и признавал его наличие признаком знатности: «И поэтому ясно, что сегодня не служба в войске делает человека нобилем, но им становится тот, какового народ признает», по этой причине придворные рыцари, как считал автор, не могут считаться знатными, как и представители Ордена Веселящихся братьев, потому что народ их таковыми не признает⁴⁶.

По мнению В. Боргини, придававшего рыцарскому званию большее значение, оно являлось важнейшим признаком знатности. Но он сразу же констатировал новшества, связанные с этим важнейшим критерием знатности: «В наш век, из-за нашествия варваров в Италию и разрушения истинной Римской империи, вводятся новые обычаи, новые мнения, новые правила и новые нравы... И они касаются рыцарства (*cavalleria, militia* от лат. *Miles* – воин), которое по своей природе выступает важнейшей степенью знатности и надежным указателем на ее наличие, ничуть не сомнительным и не заключающим в себе никакой внутренней двусмысленности (обмана) и темных мест»⁴⁷. Однако все было ясно, пока военное искусство являлось прерогативой грандов, а пополаны не руководили войсками и редко становились рыцарями... Но затем и пополаны стали доказывать, что они ценят и понимают военное искусство и, управляя во время войны, начали руководить войсками как предводители и полководцы, а не только участвовать как солдаты, и появились тогда «рыцари-пополаны». Но если в начале рыцарское достоинство жаловалось за личные заслуги и доблесть как заслуженная награда, то затем «народ начал раздавать их согласно своим собственным страстям». Потом, когда расширилось флорентийское контадо, «пополаны стали призываться в правители (Подеста и Капитанами в селения и крепости), «для придания веса их именам и их полномочиям их делали Судьями и Кавалерами», о чем «так чувствительно сожалел Франко Саккетти в одной из своих новелл»⁴⁸. Флорентийский эрудит констатировал с сожалением: «Признаков знатности..., как и путей распознавания ее... есть множество в случаях, когда она не унаследована от предков»⁴⁹.

Обращение к другим жанрам доказывает, что тема знатности и рыцарского достоинства в городском обществе привлекала внимание представителей церкви писателей и историков. Весьма почитаемый во Флоренции XIII в. проповедник и известный интеллектуал эпохи Ремиджо деи Джиролами в одной из проповедей, произнесенной в церкви Санта Мария Новелла, клеймил морально-этический упадок рыцарства во Флоренции. Он сравнивал 4 типа рыцарей: выходцы из аристократических фамилий, рыцари удачи (случая), то есть купившие рыцарский титул за деньги, приобретшие его по протекции или получивших за особые заслуги перед коммуной; рыцари, преследуемые судьбой, то есть неспособные поддерживать социальный уровень, к которому принадлежали; и, наконец, святые, то есть рыцари по Божьему соизволению, включенные в ряды небесного воинства. Доминиканец Джироламо, естественно, вечность небесного рыцарства предпо-

утверждая что простой крестьянин по благородству сердца может быть сравним с королем Филиппом V Валуа. См.: Саккетти Ф. Новеллы / Пер. В.Ф. Шишмарева. Л., 1962. Нов. 195. В уста мессера Иннаморато он вкладывал такие слова: «Там сословие или пустословие, как хотите, а только, что касается рождения, то родились мы на свет на один лад». – Нов. 143.

⁴⁵ Об этих изменениях списка грандов см.: Salvemini G. La dignita cavalleresca nel Comune di Firenze. P. 25, 138-139; Catalano F. Stato e società nei secoli. Pagine di critica storica. Messina-Firenze, 1968. Vol. I. P. 230-231; Guidi G. Il governo della città-Repubblica di Firenze del primo quattrocento. Firenze, 1981. T. II – Gli istituti «Di Dentro», che componevano il governo di Firenze nel 1415. P. 122.

⁴⁶ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 25.

⁴⁷ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Nota 23. P. 54; 25. P. 57.

⁴⁸ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Nota 24-26. P. 57-59.

⁴⁹ Ibid. Nota 27. P. 59.

читал рыцарству светскому. Самое большое значение он придавал тому, чтобы не утрачивалась этика рыцарского сословия⁵⁰.

Под пером упоминаемого В. Боргини известного новеллиста Франко Саккетти, составившего свой сборник новелл около 1392 г., воспроизводились ситуации, в которых часто действовали реальные персонажи, современники писателя. В последнее время у специалистов по социальной истории заметно возобновление интереса к сборнику новелл Саккетти, позволяющему с учетом специфики жанра сообщить ценные сведения, характеризующие ментальные установки и социальные отношения в городском обществе. В частности, к нему обращается Франко Кардини, иллюстрируя свое положение о двух различных рыцарских парадигмах. С одной стороны, это «старые магнаты», носители идеала «аристократического кавалера», «заступника бедных» и «покровителя вдов и сирот», прославляемого эпической и авантюрной литературой. С другой – вырабатывалась парадигма рыцарей из «новых богачей», «парвеню» с деньгами и властью, для которых афиширование рыцарского достоинства было «выражением тщательной и неукоснительной защиты привилегий, коррелирующей с доступом к власти либо возвышением в обществе»⁵¹. О новеллах Саккетти, как ценном источнике, упоминает и современная исследовательница Изабелла Гальярди, черпая из него аргументы при изучении символов и коннотаций рыцарских ритуалов и церемоний⁵².

Часть новелл отражает рефлексию Франко Саккетти, который сам происходил из знатного рода, по поводу смешанности признаков и неопределенности границ при попытках отличить знатных и незнатных. С одной стороны, писателя занимает сюжет о девальвации самих понятий знатность и рыцарская честь, который апробируется в различных новеллах о «народных рыцарях», в качестве которых фигурируют те самые Подеста и коменданты, производимые коммуна в рыцари: некий ремесленник-башмачник, который «ввиду своего намерения сделаться кастеляном (комендантом)», тотчас отправляется в мастерскую самого Джотто, чтобы заказать рыцарский герб; некий бедный нобиль, «благородный только по общераспространенному неправильному словоупотреблению», который промышлял бродяжничеством и воровством в округе Флоренции; еще «один рыцарь из флорентийских Барди, «человек очень маленького роста, почти никогда не только не обращавшийся к оружию, но даже и не ездивший верхом, откупавшийся от поединков флоринами, хотя и заказавший себе нашлемник с медведем»⁵³. Наконец, рефлексия о подлинной знатности и рыцарской чести выражается непосредственно: «Во Флоренции к стыду и позору дворянского звания, которое, как я вижу, низводится до коношни и свиарника, был возведен в дворянство некий старый человек, страдавший подагрой, который ссужал постоянно деньги в рост и блистал богатством. Немного лет тому назад возводили во дворянство мастеров, ремесленников, даже булочников, и хуже того, чесальщиков шерсти, шерстобитов и жуликов-барышников. Из-за таких отвратительных дел дворянство можно назвать не *cavalleria* а *casaleria*... Какой-нибудь судья, чтобы стать Подеста, превращается в дворянина... бывает и хуже, когда нотариусы становятся дворянами..., и пенал превращается в золотые ножны... О, несчастное рыцарство, ты пошло ко дну!»⁵⁴. Несомненно, аллюзия на производимых в рыцари булочников, чесальщиков шерсти и шерстобитов относится к недавно пережитому автором восстанию чомпи и последующему режиму младших цехов (1378-1382).

Жанр плутовской новеллы предписывал известную амбивалентность ситуаций, поэтому у Ф. Саккетти имеются новеллы обратного свойства, содержащие насмешки над

⁵⁰ Salvemini G. *La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze ed altri scritti*. Firenze, 1896. P. 27; Milano, 1972. P. 110-120. Ottokar N. *Il Comune di Firenze alla fine del Dugento*. Torino, 1962. P. 90-97; Catalano F. *Stato e società nei secoli*. Messina-Firenze, 1967. P. 230-231. См. также: Gagliardi I. *Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici* // Cavalieri e città a cura di Franco Cardini, Isabella Gagliardi, Giuseppe Ligato. Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19-21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 168.

⁵¹ Cardini F. *L'autunno del medioevo fiorentino. Un "umanesimo cavalleresco"? // Mito e storia nella tradizione cavalleresca del Basso Medioevo*. Spoleto, 2005. P. 522-525.

⁵² Gagliardi I. *Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici* // Cavalieri e città / A cura di Franco Cardini, Isabella Gagliardi, Giuseppe Ligato. Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19-21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 173.

⁵³ Саккетти Ф. *Новеллы* / Пер. В. Ф. Шишмарева. Л., 1962. 63, 146, 150.

⁵⁴ Саккетти Ф. *Новеллы*. 153.

пустым тщеславием рыцарей, а также чрезмерной сложностью, пышностью и изощренностью их ритуалов. В первом случае можно привести в пример образ надменного Кантино Кавальканти, «участника турниров и фехтовальщика, стоящего торжественно и гордо», но ставшего смешным и жалким, «когда к нему в штаны вдруг забралась мышь», а также Уголотто дельи Альи, который «предпочитал постоянно говорить по-немецки, держал сокола», но был крайне суеверен и панически боялся смерти, из-за чего подвергался насмешкам и жестоким мистификациям, «пугавшим его по ночам до смерти»; некоего из Пацци, «настоящего дворянина, превосходно знающего толк в охоте на птицу и всякую дичь, ...в езде верхом», но промышлявшего тем, что «давал деньги в рост»; во втором – издевку над обрядом посвящения в рыцари, вложенную в уста некоего шута, производящего в рыцари пьяницу, сидя на нем верхом⁵⁵. В новелле о «молодом дворянине Адимари», надменном и невежливом», поскольку, проезжая по городу, он так расставлял ноги в стороны, что занимал всю улицу, писатель вкладывал в уста великого Данте слова собственного осуждения: «Он заслуживает большего наказания, ведь, как я полагаю, злоупотребление правом коммуны есть величайшее преступление»⁵⁶. В некоторых новеллах предстают благородные представители знати, например, Ридольфо да Камерино, умеющие поставить на место зарвавшихся простолюдинов⁵⁷. Саккетти, проявляя ностальгию по прежним понятиям о рыцарской чести и достоинстве, представлял в своих новеллах, используя градацию Ф. Кардини, серию образов «нового рыцарства», рожденного в условиях городского социума и тесно в него инкорпорированного, но неизбежно утрачивающего традиционные атрибуты рыцарского сословия.

В историописании также встречаются проявления ностальгии по настоящей знати. Джованни Кавальканти, который считал себя представителем знатной фамилии⁵⁸ и писал о происхождении своего рода «Но у нас имеется еще и другой разряд нобилей, и среди них мы, а мы прибыли вместе с синьором Германии, каковой пришел в сопровождении Карла Мартелла; и мы наше происхождение ведем от четырех братьев, из которых один остался во Флоренции, и в Терме (Термах) устроил первое свое пристанище, и от него пошли те, что из Монте Кальви». Джованни Кавальканти считал, что в первую очередь следует написать о представителях древних родов, происходящих от ветеранов Суллы, которые основали город. Опираясь на авторитет Данте, писатель выражал рефлексию по поводу малочисленности и вырождения знатных родов во Флоренции: «Знаменитому Данте казалось, что его фраза «Как мало в нас знатности по крови»⁵⁹ выражала скорее осуждение, чем похвалу. Этими словами он показывал, что республика оскудела благородными людьми; его высказывание доказывало, что все общество состоит из плебса. Я говорю об этом не для того, чтобы упрекнуть этого великого человека, ибо в произнесенных им словах не заключается никакой клеветы на республику. Угодно Господу, чтобы всякое сообщество всегда в своих деяниях уравнивалось особыми (нарочитыми) людьми, и так же не могут обходиться особые люди без плебеев, как плебеи без именитых

⁵⁵ Там же. 76, 78, 128, 82. Последняя новелла стала предметом тщательного исследования в статье Изабеллы Гальярди, которая характеризовала ее как «наиболее горькую и жестокую пародию на церемонию производства в рыцари». Перед синьором Милана Бернабо Висконти и его двором шут совершал пародийный обряд, обмазывая пьяного слугу навозом, и говоря: «Ты сделал его рыцарем омоченным, я сделаю его рыцарем огаженным». См.: Gagliardi I. Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici. P. 175-176.

⁵⁶ Саккетти Ф. Новеллы. 114. По мнению Сакетти «этого не мог простить весь род Адимари», «что и стало главной причиной изгнания Данте из Флоренции, что явилось позором для его коммуны».

⁵⁷ Там же. 90. Мораль Саккетти: «О, сколь следует хвалить синьора, если он... показывает великодушные и широту своего сердца, делающую его великим и возносящую его до звезд».

⁵⁸ Cavalcanti G. Trattato politico-morale // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973. P. 105-106. Хронист Джованни Виллани причислял род Кавальканти к старой гвельфской знати Флоренции – «благородным семействам», но с оговоркой «недавние выходцы из купечества». – Виллани Д. Новая хроника или история Флоренции / Пер., статья и прим. М.А. Юсима. М., 1997. V. 39. С. 131; VI. 33. С. 153. О том же свидетельствует хроника Малиспини: Storia fiorentina di Ricordano e Giacotto Malispini / Per cura di F. Costèro. Milano, 1880. Cap. C. P. 99; Cap. CIV. P. 105. Согласно исследованиям современных итальянских историков, Кавальканти во 2-й пол. XII в. уже входили в узкий круг политической элиты. Представители этого рода избирались в консулат, в следующем столетии они находились в составе лиц, управляющих гвельфской партией: Tarassi M. Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978. P. 112-113.

⁵⁹ Данте Алигьери. Божественная Комедия. Рай. XVI («О скудная вельможность нашей крови!»).

людей...»⁶⁰. Древними и по-настоящему знатными фамилиями этот историк готов был считать, помимо потомков древних римлян – ветеранов Суллы, еще два поколения знати: тех, кто вел свое происхождение от остготов Теодориха и от франков, которых привел в Италию Карл Мартелл⁶¹.

С другой стороны, Кавальканти, приобщившемуся к античной культуре через переведенные на *volgare* труды древнеримских мыслителей, прежде всего, Валерия Максима, был свойствен дуализм, отмеченный у Боккаччо и Франко Саккетти. Доказывая свои постулаты, он приводил примеры в двух планах: поступки флорентийцев, своих современников и не столь отдаленных потомков, но также и древних римлян и греков. Рассказ о том, как стал царем незаконнорожденный Сервий Туллий, Кавальканти снабдил собственной сентенцией: Если хочешь знать, не следует пренебрегать незаконнорожденными детьми, следует презирать порочных и преступных взрослых людей. Почитайте тех, кто доблестны, не смотрите при этом ни на низость положения, ни на высоту родства, ни на избыток богатства; потому что исток всякого благородства всегда коренится в доблестных делах, откуда и проистекает, что все знатные люди древности становились доблестными благодаря своему добронравию...»⁶². В данном случае важен жанр произведения: Кавальканти писал свой трактат как морально-нравственное наставление для воспитания знатного юноши Джино ди Нери Капони. Но его сентенция, написанная явно под влиянием труда Валерия Максима, отличалась злободневностью в духе его времени.

Само понятие «знатность» стало наполняться иным содержанием: наряду с критериями, преимущественно характеризующими сословие грандов – рыцарское звание, выполнение воинских обязанностей, знатное происхождение, владение землями и замками, наличие многочисленной свиты-консортерии, состоящей из родичей и вассалов, вырабатывались новые – длительность срока обитания в городе, частота пребывания на государственных постах, влияние в коммунальном обществе и политическая активность членов рода. Эти проблемы в достаточной мере занимали умы флорентийского общества, начиная с конца XIII в. Помимо высказываний Данте Алигьери можно привести и суждения Дино Компаньи, изложенные в его моральной канцоне «О достоинстве»: «Честь не наследуется от предков, какими бы древними и знатными они не были..., но прочно гнездится в людях добропорядочных и доблестных»⁶³. Эти темы были весьма актуальны в речах флорентийских магистратов. Например, на заседании Совета коммуны 1433 г. член этой коллегии Федерико Малавольти заявил: «Синьоры! Нет никакой разницы между плебеем и благородным ни в способе рождения, ни в способе смерти, а только в образе жизни, ибо благородный человек ненавидит позор, а плебей, может быть тоже ненавидит, но не осознает этого. Добрые нравы моих предков, от которых я происхожу, сделали меня благородным, за мной не водилось дурных дел, и, чтобы не потерять доброго их наследия, я не прислушивался к дурным советам... Я не хочу потерять своего имени, поскольку оно благородно, и никогда не совершу предательства и других предосудительных поступков»⁶⁴. Все рассуждения такого рода в публичных речах флорентийских политиков были, конечно, не более, как формой репрезентации, за которой часто скрывались эгоистические соображения собственной выгоды и далеко идущий расчет, но для нас показательно, что для политической культуры городского социума республики были характерны такие риторические фигуры.

Внутри городских стен шел постоянный процесс социальной «переплавки» основных слоев населения со времен образования коммуны. Трудно отрицать противоречия между знатью и народом, то есть грандами и пополанами, в которых, прежде всего, убеж-

⁶⁰ Cavalcanti G. Trattato politico-morale. P. 103.

⁶¹ Ibid. P. 102-109.

⁶² Cavalcanti G. Trattato politico-morale. P. 113.

⁶³ Цит. по: Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. М., 1977. С. 48.

⁶⁴ Cavalcanti G. I storie fiorentine. Firenze, 1838. T. I. P. 524-526. Если верить Кавальканти, то, используя именно такую риторику, Федерико Малавольти, состоявший в партии противников Медичи, отказывался выполнить поручение своих сообщников – тайно задушить ночью Козимо Медичи, брошенного в Стинке. Для исполнения этой миссии Федерико Малавольти специально назначили комендантом Стинке.

дает городское законодательство, но умы флорентийцев, безусловно, тревожила граница между сословиями. Ее размывчатая неопределенность, как следствие социально-культурного синтеза, отражалась как в рефлексиях обыденного сознания, так и в различных культурно-идеологических пластах представителей городского социума.

CRITERIA OF NOBILITY AND CONCEPTS OF ITS DETERMINATION IN A TOWN COMMUNITY ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF FLORENCE IN XIV-XV CENTURIES

I.A. KRASNOVA

Stavropol State University

e-mail: teilman@mail.ru

In the given article the problem of transformation of such definitions as «nobility» and «knighthood» in urban community of Florence is examined. For study the comparative analysis of Lapo da Castiglionchio's «Epistola» (second half of XIV century) and treatise about nobility by Vincenzo Borgini (second half of XVI century) is used. Reflection, during which there was a representation about uncertainty of borders between nobility and common people, is traced on the basis of the texts reflecting various cultural sections: the sermons of Remigio Girolami (XIII century); Franco Sacetti's novels, «Histories» and «Politic-moral treatise» of Giovanni Kavalcanti, allowing us to give reason for processes of welfare synthesis between grants and popolans, not excluding oppositions and struggle. In an urban society old nobility got new features quickly, while adapting to realities of the municipal arrangement, whereas popolans acquired values both attributes of knightly estate and representatives of nobility.

Key words: nobility, city, Florence.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ 1498 ГОДА

Е.П. ТЕЛЬМЕНКО

*Ставропольский
государственный
университет*

e-mail: teiltman@mail.ru

Анализ событий 1497–1498 гг. во Флоренции свидетельствует о кризисе режима, установленного в городе доминиканским монахом Джироламо Савонаролой. Среди них – отлучение и запрет на проповеди, которые лишают монаха возможности прямого воздействия на паству. Методы, которыми Савонарола пытался восстановить свои позиции в городе на рубеже зимы-весны 1498 г., дестабилизировали внутреннюю ситуацию и обострили отношения флорентийцев с Римской курией. Костер стал мыслиться многими горожанами как действенное средство разрешения накопившихся проблем.

Ключевые слова: Флоренция, Джироламо Савонарола, отлучение, Папа, чудеса, испытание огнем (ордалия).

1498 г. стал годом падения режима, установленного во Флоренции городским пророком – доминиканским монахом Джироламо Савонаролой. Одним из событий, ускоривших конец савонаролианского правления, стало испытание огнем, состоявшееся 7 апреля 1498 г. Вопрос, кто и почему был заинтересован в его проведении, представляется до сих пор актуальным.

Для разрешения поставленной проблемы необходимо воссоздать последовательность событий, итогом которых стала огненная ордалия. Предшествующий 1497 г. был весьма тяжелым для монаха и его сторонников. Противостояние Савонаролы и папы привело к тому, что Александр VI Борджиа 12–13 мая отлучил фра Джироламо от Церкви. Официальными причинами отлучения стали: проповедь монахом еретического, извращенного учения; отказ подчиниться папе и явиться в Рим по его вызову; нежелание объединить свои монастыри¹ с прочими обителями Тосканы в единую конгрегацию². Акт отлучения был направлен во Флоренцию с Джованни Камерино, который так и не добрался до города на Арно, остановившись в Сиене, и передал бреве Понтифика через горожан – «недрузгов» доминиканского проповедника³. Отлучение было торжественно провозглашено в июне означенного года лишь в нескольких городских церквях, клир которых был оппозиционно настроен в отношении приора Сан Марко. Так очевидец событий, Лука Ландуччи, в «Дневнике» оставил следующую запись: «18 июня 1497 г. папа прислал отлучение брата Джироламо, каковое провозгласили в это утро в Санто Спирито, Санта Мария Новелла, Бадиа и других церквях. Я слушал, как читали его в Санто Спирито ... провозглашал его брат Леонардо, проповедник и противник брата Джироламо»⁴. При этом часть духовных и светских лиц во Флоренции, как отмечает в своем сочинении Якопо Нарди, «не пожелали принять бреве, поскольку подобный акт не был передан апостолическим секретарем, как положено»⁵. Помимо формального предлога последователи Савонаролы имели и внутренние причины противиться отлучению, полагая монаха «хорошим и истинным католиком», о чем свидетельствовали подписи более чем 500 человек, собранные в Сан Марко⁶. Однако, сам брат Джироламо все же предпочел воздержаться от произнесения проповедей.

Очевидно, причиной наступившего молчания доминиканского монаха стало не только бреве папы, но и активизация противников режима, который установил этот Отец города во Флоренции. Так, говоря об отлучении, Франческо Гвиччардини заметил: «Счи-

¹ Реформированные Савонаролой монастыри в 1493 г. были отделены от Ломбардской в самостоятельную Тосканскую конгрегацию.

² Nardi J. *Istorie della città di Firenze / a cura di Agenore Gelli. Vol.1. Firenze, 1858. P.101*; Гвиччардини Ф. *История Флоренции // Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост., вступит. статья, комментарии Л.М. Брагиной. СПб., 2002. С. 120.*

³ Nardi J. *Op. cit. P. 102.*

⁴ Landucci L. *Diario fiorentino dal 1450 al 1516. Firenze, 1883. P. 153.*

⁵ Nardi J. *Op. cit. P. 103.*

⁶ Гвиччардини Ф. *История Флоренции. С. 120.*

тают, что папа сделал это по собственной воле, но он сделал это тем охотнее, что его подстрекали во Флоренции»⁷. Недовольство в отношении монаха испытывали не только священники прочих городских церквей и представители других монашеских орденов, терпевшие паству и доходы из-за популярности монастыря Сан Марко. Порядки, установленные фра Джироламо и его сподвижниками, были не всем по душе: очищение города от пороков посредством действий детских отрядов (порой, весьма агрессивных), замена светских праздников духовными процессиями и прочие действия, уподоблявшие город большому монастырю, влекли за собой усталость, более того – раздражение от подобного образа жизни определенной части горожан. Примечательно, что именно в начале мая 1497 г. молодые противники монаха – компаньаччи – устраивают акцию в соборе Санта Мария дель Фьоре с целью сорвать проповедь брата. Накануне праздника Вознесения они замыслили поджечь церковь, но затем реализовали другой план – испачкали кафедру нечистотами и поместили на нее дохлого осла; однако выходка не удалась, ранним утром 4 мая служители собора успели очистить церковь от скверны. Компаньаччи не отступились, и во время проповеди Савонаролы подняли шум и суматоху; в итоге, брату пришлось прервать свое выступление и удалиться в сопровождении вооруженных сторонников в Сан Марко⁸. «5 мая 1497 г. Синьоры постановили, – сообщает Л. Ландуччи, – чтобы впредь, без их разрешения, брат не смел проповедовать... и велели убрать все помосты и скамьи для детей из церкви Санта Мария дель Фьоре»⁹.

Здесь стоит отметить, что 3 мая был издан приказ Синьории о запрете всех публичных проповедей, за исключением дня Вознесения Господня, формальным предлогом послужила угроза чумы. Тот факт, что постановление было направлено против Савонаролы, итальянский исследователь Р. Ридольфи подтверждает необычным для такого рода документов указанием разобрать деревянный амфитеатр в Санта Мария дель Фьоре, сооруженный для слушателей Савонаролы, поскольку других подобных построек во флорентийских церквях нигде не было¹⁰. Для современника же событий, каким был Ландуччи, – о чем свидетельствует приведенная выше цитата из его «Дневника», – антисавонаролианский смысл указа Синьории был более чем очевиден.

Итак, после провозглашения отлучения в июне 1497 г. и вплоть до февраля 1498 г. Савонарола прекратил свои публичные проповеди. Одной из причин стало ослабление позиций «плакс» – его сторонников. Франческо Гвиччардини в своей «Истории Флоренции» отмечает три основания случившихся перемен. Во-первых, это определенный цикл смены настроений среди народа: «... в обычае у народа, после того, как он поддерживает какое-то предприятие, перевернуться безо всякой причины, в противоположную сторону». Во-вторых, существенную роль сыграло отлучение, которое «отдалило от монаха многих сторонников и превратило в его врагов всех тех, кто был нейтрален и придерживался середины, – они сочли, что предосудительно и недостойно хороших христиан не повиноваться повелениям папы». И, наконец, в-третьих, рост активности оппозиции: «многие порядочные юноши, страстные, горячие», были объединены в союз компаньаччи под руководством Доффо Спины; они «происходили из хороших домов», «имели оружие» и «держали всех в страхе», таком, что даже горячий сторонник монаха Паолантонио Содерини ввел туда своего сына Томмазо, «чтобы обезопасить себя в случае неблагоприятных обстоятельств»¹¹. Кроме того, возможно в душе проповедника еще теплилась надежда на благополучное разрешение ситуации с папой: сторонники монаха не оставляли попыток переубедить понтифика снять запрет и отлучение.

В итоге, так и не получив добрых вестей из Рима, опираясь исключительно на поддержку благоприятно настроенной в отношении его Синьории, в воскресенье 11 февраля 1498 г. монах вновь начинает проповедовать. Лоренцо Виоли, записавший это выступление в Санта Мария дель Фьоре, отметил, что при появлении Савонаролы на кафед-

⁷ Гвиччардини Ф. История Флоренции. С. 120.

⁸ Landucci L. Op. cit. P. 147-148; Nardi J. Op. cit. P. 100; La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze, 1937. P. 107-109. Далее – La Vita...

⁹ Landucci L. Op. cit. P. 148.

¹⁰ Цит. по: Чентти Т.С. Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. М., 1998. С. 128.

¹¹ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 129-130.

ре народ выказал величайшее ликование, и «от радости по поводу возвращенного слова, стал петь «Тебя, Господи, хвалим»¹². Сам брат предварил свою проповедь цитированием следующего псалма¹³: «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня, многие говорят душе моей: «нет ему спасения в Боге». Но Ты, Господи, щит предо мною, слава моя, и Ты возносишь голову мою...». Смысл псалма, с которого Савонарола начинает последний цикл проповедей на темы «Исхода», как и последующие тексты его выступлений перед папской паствой, свидетельствуют о том, что монах сознательно идет на обострение ситуации с папой, и понимает, что итогом может стать полное поражение, потому единственным упованием и опорой доминиканца и его паствы является Господь.

В проповеди 11 февраля фра Джироламо уподобляет своих сторонников – «добрых христиан» – воинству, которое готовится к новой битве. «Мы провели смотр, и возвратились на поле (битвы – *Е.Т.*), и в любом случае хотим сразиться и победить. И дьявол также провел смотр, созвав своих солдат, которые, когда отлучением от церкви, когда злословием, не стремятся ни к чему, кроме зла...»¹⁴. Очевидец событий – Н. Макиавелли в своем письме послу Флорентийской республики в Риме Риччардо Бекки, описывая ситуацию на рубеже февраля-марта, отметил означенную выше суть проповедей монаха: Савонарола, прежде всего, стремится «сплотить свою партию для защиты». Необходимость подобных шагов была обусловлена, во-первых, реакцией папы, который своим бреве от 26 февраля потребовал от Синьории направить фра Джироламо в Рим, во-вторых, грядущей сменой состава городского правительства, и опасениями отсутствия поддержки с его стороны. По этой причине, как замечает Макиавелли, монах действует, «внушая ненависть к противникам», а также «запугивая всех словом «тиран»¹⁵. Все это неизбежно вело к обострению противостояния сторонников и противников брата. Из-за монаха, – характеризует ситуацию Ф. Гвиччардини, – «страсти накалились и возродились раздоры..., угасшие было несколько, когда он не проповедовал». Ему вторит в своей «Истории Флоренции» Якопо Нарди, указывая, что следствием активности монаха стали «значительное разделение и раскол (в тексте «схизма» – *Е.Т.*), волнение и смятение среди людей»¹⁶.

Поэтому, «чтобы не дать повода для гнева своих врагов», доминиканец 2 марта объявляет о переносе проповедей из собора в церковь Сан Марко. Здесь, под защитой стен своего монастыря, а также обретя заступничество новой Синьории¹⁷, он стал проявлять большую смелость: Савонарола «произносит проповеди весьма грозные, порицая суровым образом, больше, чем когда-либо клир»¹⁸, «настраивает всех против верховного понтифика, на которого обратил ныне свои злые укусы, отзываясь о нем, как о самом последнем негодяе»¹⁹.

Гнев папы вылился в очередное бреве, в котором горожанам под страхом отлучения запрещалось посещать проповеди доминиканца. Правительство Флоренции собирает «широкую пратикку» – консультативное совещание городских магистратов, которое, после бурных и продолжительных споров, издает 17 марта приказ, предписывающий Савонароле прекратить выступления. На следующий день монах, перед тем, как проститься с папской паствой, произносит проповедь, «снова протестуя от имени Бога, и выказывая отвращение к порокам клира, грозя Риму и Флоренции различными опасностями и близящимися наказаниями, и утверждая, что необходимо сейчас прибегнуть ко Христу, как главе и универсальной причине, не имея иного средства для исправления и реформирования Церкви»²⁰. Фра Джироламо иллюстрирует означенную мысль несколькими примерами: в случае ненадлежащего поведения послушника в монастыре, следует обратиться за принятием необходимых мер к его наставнику, далее – к приору, а затем и к другим вышестоящим лицам, если богохульствует горожанин, следует прибегнуть к его приходскому

¹² Predica I // Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo. Roma, 1955. Vol. 1. P. 3.

¹³ Пс. 3:1-9.

¹⁴ Predica I // Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo. Roma, 1955. Vol. 1. P. 7-8.

¹⁵ Макиавелли Н. Указ. соч. С. 27, 29-30.

¹⁶ Nardi J. Op. cit. P. 114; Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 129.

¹⁷ Выше упоминалось, что 3 марта 1498 г. Синьория ответила на бреве папы от 26 февраля, взяв фра Джироламо под защиту.

¹⁸ Nardi J. Op. cit. P. 114.

¹⁹ Макиавелли Н. Указ. соч. С. 30.

²⁰ Nardi J. Op. cit. P. 116.

священнику, далее – к епископу; и так, в обоих случаях, вплоть до папы, «который является причиной более универсальной, чем все прочие», если же и папа не предпринимает надлежащих действий, остается обратиться к «Папе небесному, то есть Христу», «этому последнему средству»²¹.

Именно в то время, когда Савонарола был вынужден замолчать, и возникает интрига с испытанием огнем. Один из монахов-францисканцев – Франческо ди Пулья, проповедовавший в церкви Санта Кроче, 25 марта, в день Благовещения, объявил, что готов войти в огонь вместе с братом Джироламо с тем, чтобы доказать ложность учения доминиканца и действительность его отлучения. Францисканец напомнил, что «этот самый фра Джироламо неоднократно заявлял публично, что там, где не хватает рациональных доводов для утверждения истинности проповедуемых им вещей, не стоит пренебрегать доказательствами, основанными на знаках сверхприродных»²². Здесь стоит отметить, что Савонарола накануне сам дал повод для подобных утверждений. 25 февраля 1498 г., в воскресной проповеди на масленичной неделе, доминиканец объявил пастве о своем желании собраться в день карнавала и молить о знамении, если высказанные им ранее слова происходят не от Бога²³. О том, что означенный опыт был произведен 27 февраля, пишут в своих трудах П. Бурламакки и Я. Нарди²⁴.

Вызов минорита был принят не Савонаролой, а его ближайшим сподвижником фра Доменико да Пеша, доминиканцем, заместившим своего собрата в деле проповедования. Кто говорил о брате Доменико, как «человеке простом, имевшем репутацию праведника», кто полагал «высокомерным и глупым»²⁵. Стоит предположить, что это был страстный последователь отца Джироламо, в своем рвении легко поддающийся на провокации (видимо, в этом заключалась его «простота» или «глупость»). Так, годом ранее Доменико да Пеша и Франческо ди Пулья, проповедуя во время Великого поста в Прато, уже вступали в конфликт по поводу «слуги Божьего фра Джироламо»: минорит предложил разрешить спор при помощи костра и доминиканец принял вызов; испытание должно было состояться «на третий день Пасхи», однако брат Франческо, сославшись на «дела большой важности» по приказанию «вышестоящих», «сбежал, оставив дело незавершенным»²⁶.

Поскольку речь шла об ордалиях и участии в них духовных лиц, в отношении чего IV Латеранский собор (1215 г.) высказал свое отрицательное мнение²⁷, инициаторы подобных акций должны были испытывать «некоторые сомнения ... из-за противоречия со священными канонами»²⁸, а понимание неправомочности такого рода действий, возможно, придавало означенным вызовам исключительно риторический характер, ибо спорщики мало верили в вероятность их осуществления. Если это предположение верно, то отсылки монахов на библейские примеры и ранние прецеденты нельзя толковать однозначно – как способ оправдания возможности участия в испытаниях. Так, приведенный выше пассаж из речи брата Грегорио, – где монах вызывается простоять в огне 8 часов, – трактуется Ф. Кордеро как отсылка на историю Гелена – епископа Гелиополя. Примечательно, что в проповеди от 7 марта 1496 г. Савонарола также обратился к этому примеру, рассказывая, что Гелен, видя, что некий еретик остается при своем мнении и, не

²¹ Predica XXII // Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo. Roma, 1956. Vol. 2. P. 297-298.

²² Nardi J. Op. cit. P. 117.

²³ Монах обратился во время проповеди с просьбой к своей пастве: «Я хочу, возлюбленные, чтобы мы вместе вознесли молитвы в день карнавала... И я хочу взять святое причастие в руки, и чтобы всякий помолился о том, что если эта вещь от меня, и если я обманываю, чтобы Христос обрушил на меня огонь с неба, и чтобы Ад поглотил меня... Напишите об этом повсюду, пошлите известия в Рим и повсеместно ... но если это от Бога, просите, чтобы Господь явился и продемонстрировал знак, что это его дело». См.: Predica III // Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo. Roma, 1955. Vol. 1. P. 95.

²⁴ La Vita... P. 110-111; Nardi J. Op. cit. P. 114-115.

²⁵ Первая характеристика принадлежит Франческо Гвиччардини, второе определение дал Паоло Соменци в письме к Людовико Моро от 29 марта 1498 г. Цитата из письма Соменци заимствована из исследования Ф. Кордеро; примечательно, что раздел этого труда итальянского историка, посвященный фра Доменико имеет заголовок, не нуждающийся в переводе – «Domenico l'idiota». См.: Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 130; Cordero F. Op. cit. P. 381.

²⁶ La Vita... P. 140.

²⁷ 18 правило IV Латеранского собора.

²⁸ La Vita... P. 143-144.

находя другого пути, предложил испытание огнем силы веры. Епископ первым пошел на эту процедуру: он разместился посреди огня и полчаса пел гимны; после того, как еретик не пожелал войти в огонь, и народ захотел сбросить его туда, епископ не позволил им этого²⁹. Мысль, которую при этом монах внушал пастве, заключалась в том, что к подобного рода чудесам вера должна прибегать только в крайнем случае, когда она не в силах защититься иначе. Сходные утверждения Савонарола озвучил и после того, как францисканцы и доминиканцы заключили соглашение об испытании, а Синьория вновь разрешила ему проповедовать. Говоря о значении чудес, он подчеркивал, что «они совершаются лишь по необходимости, когда не хватает разумных доводов и опыта; а поскольку христианская вера была всячески испытана и истинность его предсказаний доказана множеством примеров, тот, кто закоснел в дурной жизни, вполне может обойтись и без чудес, чтобы не искушать милосердие Божие»³⁰.

Из этой речи от 1 апреля 1498 г., – дословно воспроизведенной в жизнеописании П. Бурламакки, – следовало, что «никто не принуждается верить» в пророчества монаха «больше, чем желает»; что он не стремится доказать с помощью огня недействительность отлучения; что он мог бы, – но только вместе с представителями Рима, и только для доказательства истинности своего учения, – «без колебаний войти в огонь, как Сидрах, Мессах и Авденаго³¹ в раскаленную печь, не за мои достоинства, но во имя Бога, который таким образом может подтвердить любую истину и проявить свое величие». Кроме того, фра Джироламо настаивал, что «никто не должен входить (в огонь – *Е.Т.*), если не будет избран и вдохновлен Богом», и, сославшись на опыт своего дальнего предшественника Иоанна Гуальберто³², – который «несмотря на то, что был человеком большой святости, тем не менее, не стал входить в огонь, напротив, послал туда одного из своих монахов», – обосновывал таким образом участие фра Доменико в испытании³³.

В этой проповеди в Сан Марко были затронуты все те положения, которые выносились на испытание огнем. Так, согласно договору, заключенному противниками и заверенному нотариусом республики, брат Доменико собирался защищать следующие тезисы, связанные с учением Савонаролы: Церковь необходимо реформировать, она будет наказана, после этого обновится, и будет процветать; Флоренция также после наказания обновится, и будет процветать; неверующие обратятся, и это должно произойти в скором будущем; отлучение фра Джироламо недействительно, и кто его не соблюдает, то не грешит³⁴. Договор, о котором идет речь, фиксировал прежде уже означенную позицию Франческо ди Пулья – взойти на костер исключительно вместе с отцом Джироламо, в то время как на состязание с братом Доменико должен пойти другой представитель ордена Св. Франциска, в итоге им стал Джулиано Рондинелли. Учитывая отрицательную позицию Савонаролы³⁵, можно предположить, что обе стороны рассчитывали на то, что испытание так и не состоится. Однако вмешательство Синьории сделало его практически неизбежным: акт договора, удостоверенный Франческо д'Оттавиано д'Ареццо, государственным нотариусом в должности Риформаджиони, флорентийское правительство предложило подписать всякому, кто пожелает принять участие в ордалии. Кроме того, 30 марта Синьория собрала очередную «пратику», на которой было решено провести испытание 7 апреля 1498 г.³⁶

²⁹ Predica XX // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria. Roma, 1971. Vol. 2. P.74-75.

³⁰ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 131.

³¹ Дан. 3: за отказ поклониться золотому истукану, сделанному Навуходоносором, были брошены в печь, и остались невредимы.

³² Иоанн Гуальберто (ок. 985-1073) – основатель ордена валломброзианцев; Иоанн обвинил архиепископа Флорентийского в симонии, один монах его ордена добровольно подвергся испытанию огнем, чтобы доказать истинность этого заявления.

³³ La Vita... P. 144–146.

³⁴ См., например: La Vita... P. 142; Nardi J. Op. cit. P. 117; Cambi, Giovanni. Istorie / a cura Fr. Idelfonso di San Luidgi // Delizie degli eruditi toscani. Tomo XXI. Vol.2. Firenze, MDCCLXXXV. P. 115.

³⁵ Бурламакки упоминает, что во время подписания договора Савонарола увидел в палатце Синьории дьявола. Посетило ли действительно это видение монаха, либо является позднейшей выдумкой «плакс» и результатом их рефлексии событий, последовавших за испытанием огнем, мы не можем судить; однако «видение» может быть дополнительным аргументом в пользу того, что отец Джироламо был однозначно против проведения экспериментов с огнем. La Vita... P. 143.

³⁶ Nardi J. Op. cit. P. 118–119; La Vita... P. 148.

Представляется, что действия Синьории нельзя объяснить исключительно возросшим на нее давлением со стороны противников монаха, составившим заговор с целью его дискредитации и убийства, как заявляли авторы ряда просавонаролианских источников³⁷. Другая гипотеза, состоящая в том, магистраты пытались каким угодно способом снять напряжение в городе и прекратить борьбу враждебных партий³⁸, также кажется неудовлетворительной: исход эксперимента был непредсказуем, он мог обернуться, напротив, эскалацией противостояния. Основанием для сомнений служит анализ противоположных мнений о целесообразности ордалии, высказанных участниками консультативного совещания, собранного Синьорией, произведенный в исследованиях П. Виллари и Ф. Кордеро³⁹. Уже сам факт созыва «пратики» свидетельствует об осторожности, проявляемой синьорами, их желании не просто выслушать мнения авторитетных горожан, но разделить с ними ответственность за принятие важных решений. Таким образом, совещание способствовало выявлению общего настроения: судя по всему, и противники, и сторонники брата, по разным причинам, желали проведения испытания⁴⁰. Возможно, именно давление общественного мнения на синьоров связано с тем, что городское правительство санкционирует ордалию. Этому способствовало также отсутствие официальной реакции со стороны Рима: Понтифик не поддерживал идею эксперимента с огнем, однако, так и не направил брече с запретом⁴¹.

Источники отмечают эйфорию, которая охватила сторонников Савонаролы накануне ордалии. Свое желание войти в огонь высказали практически все братья Тосканской конгрегации. Достаточно сравнить их подписи в договоре об испытании огнем с формулировками францисканцев. Упование на Господа и вера в благополучный исход – основной мотив записей монахов Св. Доминика: «обязуюсь произвести испытание огнем и выйти из него невредимым и без ущерба»; «уповая на помощь Бога, и без какого-либо сомнения, войти и выйти целиком невредимым, и это заявляю не для своих заслуг, но только во славу всемогущего и милосердного Господа нашего Бога, Отца, Сына и Святого Духа, и во славу святейшей Девы Марии и всего небесного Царства и для спасения избранных Богом, ныне живущих и будущих»; «ясно чувствуя, что я выйду без всякого препятствия, не из-за моих заслуг, а по величайшей силе и благодати Божьей, для его прославления, славы, чести и для всего небесного царства, я вновь подтверждаю, что я не сгорю благодаря Господу моему Иисусу Христу». Меньшие братья, напротив, проявили больший рационализм, граничащий с пессимизмом: «я думаю, что сгорю, но для спасения душ, я чрезвычайно рад этому»; «изъявляю свою величайшую готовность ... для освобождения народа от большого заблуждения войти в огонь... и принять всяческое мучение»⁴². Помимо доминиканцев, свою готовность к участию в испытании выразили и сторонники Савонаролы из числа мирян: мужчины, женщины, дети⁴³. Безусловно, подобное рвение импонировало городскому пророку, в определенном роде это был триумф веры и доверия.

Моральный подъем среди «плакс» проявил себя и в день испытания. Утром Савонарола отслужил торжественную мессу в Сан Марко, произнес «пылкую проповедь», в

³⁷ См., например: La Vita... P. 150; Filipepi S. Cronica // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola. Firenze, 1898. P. 483-484.

³⁸ Это мнение высказывал Ф. Гвиччардини; Ф. Кордеро указал на сходную позицию современного итальянского исследователя Р. Ридольфи. См.: Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 130; Cordero F. Op. cit. P. 390.

³⁹ Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. М., 1995. Т. 2. С. 110-111; Cordero F. Op. cit. P. 390-393.

⁴⁰ «Все это понравилось гражданам обеих партий», – пишет Ф. Гвиччардини. Я. Нарди также отметил, что «... не только враги, но и друзья брата жаждут подобного эксперимента». Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 130; Nardi J. Op. cit. P. 118.

⁴¹ В своем Жизнеописании П. Бурламакки пишет, что подобное брече было издано, но пришло во Флоренцию с опозданием: «По этому поводу я хочу открыть еще одну вещь: для выяснения этой истины великолепные флорентийские Синьоры написали Александру VI, Великому Понтифику, чтобы он разрешил это испытание; по этому поводу Понтифик и собравшаяся Консистория Кардиналов, заключили, что этого ни в коем случае не нужно делать, и об этом Великий Понтифик написал в ответе великолепным флорентийским Синьорам, но письмо пришло после свершившегося. Папа Александр боялся, что в случае успеха, он потеряет митру, потому не давал разрешения». См. La Vita... P. 144. П. Виллари в своем исследовании высказывает сомнение в том, что подобное брече вообще существовало. Виллари П. Указ. соч. Т. 2. С. 455.

⁴² La Vita... P. 147-148.

⁴³ См., например: Nardi J. Op. cit. P. 118.

которой призвал своих сторонников поститься в этот день на хлебе и воде и непрерывно молиться за благополучный исход ордалии. При этом монах, воодушевляя паству, выказал твердую уверенность в победе: «Открылось мне вот что: если испытание состоится, победа будет за нами, и фра Доменико выйдет невредимым, но сделает он это или нет, этого Господь мне не открыл»⁴⁴. Все утро «плаксы» распевали псалмы, а в назначенный час торжественной процессией двинулись к площади Синьории⁴⁵. Все, что предпринимают сторонники Савонаролы, разительно отличалось от поведения противников. Францисканцы появились на площади без какой-либо пышности и торжественности, все время пребывали «в молчании». Доминиканцы, напротив, шествовали в торжественных облачениях; фра Доменико в красной рясе и с крестом в руках; отец Джироламо нес в ковчежце Святые Дары; братья с красными распятиями и белыми свечами; их сопровождал народ, освещая процессию факелами; все распевали псалмы, среди которых «Да восстанет Бог, и расточатся враги его»⁴⁶. «По всем улицам слышался топот множества ног, и видно было многих, которые проливали слезы из-за набожности и духовного воодушевления, которые они испытывали от предстоящего представления», – так характеризует процессию «плакс» С. Филипепи. Сходным образом описывает ее П. Бурламакки: «Настолько великий шум происходил от народа, которого было неисчислимое множество, что, казалось, воздух и земля сотрясаются под ногами; от Божественного Величия (*Divina Maestà*) страх и ужас охватили врагов истины»⁴⁷. Псалмы, гимны, литании и молитвы продолжились и по прибытию на место ожидания – в лоджию Ланци. «Казалось, – отмечает в своей «Хронике» Филипепи, – что здесь скорее готовятся к свадьбе, а не вступлению в огонь». Все это можно назвать перформансом, рассчитанным на мощное психологическое воздействие.

Однако то, что затем произошло на площади, способствовало снижению эффекта от подобной демонстрации силы духа. Создается впечатление, что ни участники, ни Синьория не рассчитывали на практическое воплощение идеи с испытанием. Фра Джироламо в своих публичных выступлениях изначально не одобрял эксперименты с чудесами, подчеркивая, что инициатива ордалии исходит от противоположной стороны, а накануне выразил сомнение в том, что этот акт состоится. Синьория до последнего дня ждала реакции папы. Францисканцы, по свидетельству просавонаролианских источников, накануне требовали гарантий от синьоров в том, что дело не дойдет до реального вхождения в огонь. Кроме того, апологеты Савонаролы утверждали о существовании заговора между миноритами и правительством города с целью если не убийства, то дискредитации брата и его последователей. Если последнее предположение является истинным, то выбранная на площади тактика затягивания начала испытания была опасной для обеих сторон. Но, очевидно, это был единственный достойный выход из создавшейся ситуации, поскольку, согласно условиям договора об испытании, отказ от вхождения в огонь был равносильным поражению. Инициативу диспутов, разгоревшихся на площади, приписывают францисканцам, сначала предположившим, что одежда фра Доменико заколдована, а затем развернувшим споры о вхождении в огонь с крестом и Святыми Дарами. Но и противоположная сторона охотно включилась в обсуждение. В результате, по причине дождя и наступившего вечера, Синьория приказала обеим партиям разойтись.

Народ несколько часов «скучал и томился в ожидании» начала действия, а вместо этого получил иного рода «спектакль» – препирательство между противниками, «к большому стыду этих монахов, как будто эта вещь предпринята для выяснения и опровержения светского (вопроса – *E.T.*), а не нашей веры, и не зависит от божьего суда», – как охарактеризовал общие настроения Якопо Нарди⁴⁸. Ситуация, которая в итоге сложилась в городе, характеризуется в источниках такими словами, как «неудовольствие», «неудовлетворение», «смятение». Она нашла выход в последовавшей через два дня осаде монастыря Сан Марко, закончившейся взятием под арест Савонаролы, судебными процессами над городским пророком и его казнью.

⁴⁴ Ibid. P. 148.

⁴⁵ См. описание процессии: Nardi J. Op. cit. P. 119-120; Cambi G. Op. cit. P. 119.

⁴⁶ Пс. 67.

⁴⁷ Filipepi S. Op. cit. P. 481-482; La Vita... P. 149.

⁴⁸ Nardi J. Op. cit. P. 120.

Представляется нецелесообразным считать случившееся весной 1498 г. исключительно происками враждебной партии. Изложенный выше материал свидетельствует, что действия самого фра Джироламо во многом спровоцировали подобный исход. Растущий конфликт с папой, усугубленный отлучением, отход части сторонников, требовали, по мысли монаха, активных действий по усилению своих позиций в городе. Избрав агрессивную тактику, он, по сути, идет ва-банк: в качестве главного врага был избран Понтифик, противостояние с ним мыслилось как основа для сплочения общества и обосновывалось волей и поддержкой Господа; последнее доказывалось не только при помощи рациональных доводов, но и инспирированием чудес. Ожидание сверхъестественных знаков – есть результат проповедей и действий доминиканца на рубеже зимы-весны 1498 г., именно они породили страстное желание флорентийцев осуществить огненную ордалию, неопределенный исход которой стал началом конца для Савонаролы.

FIRE TRIAL IN THE YEAR OF 1498

E.P. TELMENKO

Stavropol State University

e-mail: teilman@mail.ru

The analysis of events in the years 1497-1498 in Florence indicates the crisis of regime which had been established in this city by the Dominican monk Girolamo Savonarola. These events included excommunication and prohibition for preaching which deprived the monk an opportunity of a direct impact on the congregation. The methods, by which Savonarola tried to restore his position in the town in the late winter and spring of 1498s, destabilized the internal situation and strained relations of Florentines against the Roman Curia. The fire was thought by many citizens as an effective means of solving the issues.

Key words: Florence, Girolamo Savonarola, excommunication, Pope, miracles, trial by fire (the ordalia).

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В ТРАКТАТЕ ПЕТРА СКАРГИ И ЕГО РОЛЬ В ПЕРЕХОДЕ К РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ

М.П. САМОЙЛОВА

*Нижегородский государственный
лингвистический университет*

e-mail: mp.samoilova@gmail.com

В статье рассматривается трактат средневекового польского писателя Петра Скарги с точки зрения его значимости для рецепции античного наследия отечественными авторами в ходе католическо-православной полемики второй половины XVI века. В статье дан анализ рецепции античных логических методов и их использования для насущных потребностей эпохи.

Ключевые слова: рецепция, античное наследие, Петр Скарга, схоластика, силлогизм.

XVI век стал временем интенсивного проникновения античного наследия в культуру России, что немедленно отразилось в содержании текстов отечественных общественно-политических и религиозных писателей, а именно в православно-католической полемике конца XVI – начала XVII вв. Данная полемика уже достаточно хорошо изучена в исторических и литературных трудах с конца XIX в. – XX в. Однако вопросу о рецепции античного наследия в этой полемике до сих пор не уделялось внимания в отечественной науке. Рецепция здесь означает восприятие и включение социально-политических, исторических и культурных явлений античности в культурные практики, в тексты отечественных писателей в качестве неотъемлемой части. В этом отношении рецепция как процесс и как результат должна являться предметом историографического анализа. Некоторое внимание этому вопросу уделено в монографии Г.С. Кнабе «Русская античность»¹, однако глава, посвященная XVI в., рассматривает лишь самые общие принципы взаимодействия античных начал с жизнью и культурой нашей страны и народа в указанный период.

Исследуя смену ориентиров в освоении материала античности в восточнославянской духовности позднего Средневековья, переход от византийской традиции к западноевропейскому рационалистическому опыту, нельзя не обратиться к работам виленского иезуита Петра Скарги, чье сочинение «О единстве церкви Божией под одним пастырем и о греческом от этого единства отступлении» (1577) «не только определило содержание и направленность идейной борьбы между католиками и православными в период подготовки и проведения унии, но и стало своего рода колыбелью рождения западнорусской полемической литературы»². Данный трактат также интересен с точки зрения смены ориентиров в освоении античных начал в русской общественно-политической литературе, поскольку вызвал желание и привел православных авторов к необходимости использовать против католиков их же «оружие», т.е. рационалистические методы античной философии.

Содержание трактата Скарги, безусловно, не раз привлекало внимание ученых, однако в своих работах они обращали внимание главным образом на социально-политическую проблематику произведения, тогда культурно-исторический и логический его аспект оставался вне поля зрения³. А между тем книга Скарги во многом предопреде-

¹ Кнабе Г.С. Русская античность. СПб., 2000. С. 63.

² Замалеев А.Ф., Зоц В.А. Отечественные мыслители позднего Средневековья, конец XIV – первая треть XVII в. Киев, 1990. С. 124.

³ Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной унии 1595-1596 гг. М., 2003. (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 22; Сер. II, Исторические исследования). С. 246 и далее. Замалеев А.Ф., Зоц В.А. Отечественные мыслители... С. 124; Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Еретики и ортодоксы: Очерки древнерусской духовности. Л., 1991. С. 124-125; Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9-10. История России с древнейших времен. М., 1990. С. 360; Завитневич В.З. Палинодия Захарии Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики XVI и XVII вв. Варшава, 1883. С. 37, 47-49 и др.

лила влияние античных начал на развитие логических форм православно-католической полемики.

Хорошо обученный логическим приемам схоластики, широко эрудированный и владеющий к тому же незаурядным писательским даром, Скарга в своем трактате дал талантливый образец воинствующей католической мысли, направленной против греческих «отщепенцев» от Римской церкви и их последователей – «схизматиков» Юго-Западной и Московской Руси. С точки зрения католического монаха (каковым и являлся Скарга), историческая справедливость, разумеется, принадлежит Римской иерархии – «церкви Божией», а любая деятельность православных – это происки дьявола. Вот почему последним следует немедленно отказаться от своих заблуждений и возвратиться в лоно матери – католической церкви. Эта основная мысль произведения, естественно приемлемая католиками, была столь же естественно чужда верующим православного исповедания, а потому внушить ее им было отнюдь не легкой задачей. Для достижения своей цели Скарга прибегает к помощи системы доказательств и построений в рамках схоластизированной Аристотелевой силлогистики, примененной в контексте богословской сюжетики, которая послужила отправной точкой авторской концепции «единства».

Эта сюжетика разработана в первой части трактата. Центральное место здесь принадлежит доказательству верховенства св. Петра над другими апостолами, которое вручил ему Христос вместе с ключами от царства небесного. В свою очередь, св. Петр, будучи первосвященником в Риме, по смерти своей передал право на верховную власть в христианской церкви и духовную силу, принятые им от Христа, римскому папству. Согласно логике такого рассуждения, римский папа есть единственный законный наследник св. Петра (а значит, и самого Иисуса Христа) и владыка всех христиан.

Нетрудно заметить, что концентрация авторского внимания только на петрологическом сюжете при вынесении на второй план целого ряда других, впоследствии неоднократно дебатировавшихся в ходе полемики (напр., христологического, тринитарного, ехаристийного и т.д.), во-первых, служит доказательству основной мысли книги: «вне церковного единства никто спасения иметь не может»⁴, четко сформулированной в первой части трактата, а во-вторых, полагает в основу дальнейших рассуждений общую посылку, из которой постепенно сооружаются конкретные частные выводы. Поэтому генеральным методом полемики Скарги можно назвать Аристотелевский дедуктивный метод, когда движение мысли идет от общего к частному. На протяжении всего трактата его автор изменяет этому излюбленному приему средневековой схоластики лишь единожды, а именно в общетеоретическом постулировании верховной власти Иисуса Христа, принятой за аксиому. Это предложенное положение он прямо выдает за доказанное⁵, что, кстати, весьма характерно для средневекового мышления вообще. Остальные теоретические положения книги выводятся Скаргой из данного постулата уже с помощью доказательств с учетом наглядности примеров и адекватности их восприятию читателя⁶. Проследим теперь, как метод дедукции конкретизируется в структуре книги.

Надо сказать, что схоластическая логика, которой следует Скарга, разделяет учение Аристотеля о силлогизме как «речи, в которой если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть»⁷. Полемика трактата предпочитает главным образом применение так называемых «несовершенных силлогизмов», т.е. суждений информационно не самодостаточных, требующих определенных доказательств, вытекающих из общих посылок⁸.

Обращает на себя внимание продуманная структура книги, где логика посылок и выводов обозначена уже в самих названиях частей и разделов. Основная часть текста предваряется предисловием с ясно поставленной проблемой работы, сформулированной в виде риторических вопросов:

⁴ Skarga P. O iednosci kosciola Bozego pid iednym pasterzem // Русская историческая библиотека. Т. VII. СПб., 1882. Стб. 239.

⁵ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.2. М., 1978. С.237.

⁶ Там же. С. 194.

⁷ Там же. С.120.

⁸ Там же.

«Наконец и за то умер Бог наш, чтобы сынов рассеянных купно и воедино собрать. Почему же злость и несогласие христианское так мощно оковы общего единства и связи таковой любви разбили? А те, кто ко Христу взывает, так разделены взаимным несогласием?»⁹.

Ниже автор формулирует общий тезис дальнейших рассуждений:

«Ту церковь мы называем святой, яко мать целого христианства, от которой дети беспокойные и непослушные отступивши, к согласию никогда не придут, покуда к матери не вернуться. И кто только церковную историю читал, находит очевидным, что все в целом свете секты и королевства христианские прежде в папстве, то есть под управлением, советом и предводительством епископа Римского были и от него отступили»¹⁰.

После завершения необходимых предварительных процедур Скарга приступает к изложению основного текста. Вся книга состоит из трех взаимосвязанных и взаимообусловленных частей, философско-логическую основу структуры представляет собой силлогизм, в котором две первые части выступают доказывающими суждениями, а последняя – развернутым выводом. Название первой части – «О единстве церкви Божией» – аналогично началу заголовка книги. Она посвящена общей богословской проблеме верховенства св. Петра с выводом о том, что единой истинной церковью может быть только Римская иерархия. Единство «церкви Божией», таким образом, понимается как единство христиан под властью папы. Все остальные христианские иерархи, претендующие на независимое управление своих церквей, не являются законными, ибо не обладают привилегиями власти, данной от св. Петра и самого Христа.

Часть вторая называется «О греческом от единства церкви Божией и столицы апостольской отступлении», что аналогично другой мысли, выраженной в заголовке книги. Она содержит развернутое доказательство, во-первых, изначального подчинения христиан апостольской столице в Риме, и во-вторых, – виновности греков в расколе единой религии на две антагонистические конфессии. Эта часть значительно превышает остальные по объему и многообразней их по содержанию. По мнению Скарги, вина русского народа состоит в том, что приняв крещение от «отщепенцев»-греков, он стал невольным противником истинной (католической) церкви. После Флорентийского собора и заключенной на нем унии церковь снова могла бы стать единой, если бы не помешали враждебность и упорство православных иерархов, не присутствовавших на самом соборе. Однако, заключает Скарга, такое положение можно исправить, коль скоро греки и русские будут исполнять определения Флорентийского собора.

Третья часть – «О предупреждении и уговоре народов русских, при греках остающихся, чтобы они с церковью и столицей Римской объединились» – и является, собственно, последним элементом силлогизма, заложенного в структуре книги, а именно развернутым выводом. Она предупреждает православных о тех опасностях, которые таит в себе их упорство в «схизме» (и за религиозной оболочкой которых, выступающей формально как забота автора трактата о спасении заблудших душ отступников, явственно просматривается угроза притеснений со стороны католических светских властей Речи Посполитой), а также содержит программу по осуществлению унии на польских землях.

Такова в целом доказывающая сторона силлогизма, положенного в структуру книги. Чтобы показать метод использования Скаргой (а также и другими католическими мыслителями) достижений античной философии, следует рассмотреть сущностно-логическую сторону этого трактата. Первая посылка в нем является категорическим суждением, которое можно выразить таким образом:

Истинная христианская церковь есть римо-католическая иерархия.

Это – основная мысль первой части, ибо «единство церкви Божией под одним пастырем» Скарга понимает как единственность католической иерархии в качестве истинно христианской церкви. Отсюда он и развивает закономерное, с его точки зрения, требование перехода всех христиан под власть Римского папы. В структурном силлогизме трактата названная мысль играет роль большей посылки, т.е. «сгущения, в котором содержится общее правило»¹¹. При этом большим термином силлогизма (S) будет понятие «истинная христианская церковь», а «римско-католическая иерархия» есть средний тер-

⁹ Skarga P. O iednosci... Стб. 226.

¹⁰ Skarga P. O iednosci... Стб. 227.

¹¹ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. Изд. 2-е, М., 1975. С. 528.

мин (М), который, как мы увидим далее, «не переходит в заключение силлогизма»¹², хотя и является общим для двух посылок. В этой связи второе суждение структурного силлогизма можно выразить так:

Русские по вине греков не принадлежат к римо-католической иерархии.

Эта основная мысль второй части трактата выступает в качестве меньшей посылки силлогизма, которая выражает частный случай, а именно определяет отношение русских к католической церкви, т.е. «единичное суждение»¹³. Здесь понятие «русские по вине греков» выступает в качестве меньшего термина силлогизма (С), а «римо-католическая иерархия», как мы убедились, – это средний термин.

Сопоставив эти две истинные, по мнению Скарги, посылки, он приходит к логически выверенному заключению, которое одновременно представляет основную мысль последней части трактата:

Русские по вине греков не принадлежат к истинной христианской церкви.

Таким образом, структурный силлогизм трактата имеет следующий вид:

Истинная христианская церковь есть римо-католическая иерархия.

Русские по вине греков не принадлежат к римо-католической иерархии.

Русские по вине греков не принадлежат к истинной христианской церкви.

Используя общепринятую логическую символику, мы получим определенную форму силлогизма:

Всякое S есть M – большая посылка.

Никакое С не есть М – меньшая посылка.

Никакое С не есть S – заключение.

Итак, в структуру своего произведения Петр Скарга полагает категорический отрицательный силлогизм¹⁴.

Столь же строгой логичностью отличается и внутренняя композиция частей произведения, разделы которых уже в заголовках тезисно формулируют основные идеи, складывающиеся в доказательное суждение, из которого читатель мог получить подробную информацию о том, что хотел сказать ему автор, даже если он и не читал самого произведения. Рассмотрим рубрикацию первой части, построенную следующим образом:

«Первая часть о единстве церкви Божией».

Раздел 1. Вне церковного единства никто спасения иметь не может.

Раздел 2. Прежде всего об истинной церкви Божией, нежели об истинном слове Божию спросить и увидеть надобно.

Раздел 3. Церковь Божия видимая есть.

Раздел 4. Церковь Божию можно по четырем приметам узнать, коли кто лишь добрым сердцем о ней узнать и увидеть ее стремится.

Раздел 5. Церковь святая правая одна есть, а не две и не три.

Раздел 6. Чем именно то единство церковное спасено и связано.

Раздел 7. Тот пастырь не есть только Иисус Христос невидимый, но со Христом – также и наместник его видимый.

Раздел 8. Без видимой всеобщей вселенской церкви пастыря единство и порядок, и мир церковный осуществиться не могут.

Раздел 9. Христос Господь наш св. Петра единым и наивысшим пастырем учинил для всех овец и баранов своих.

Раздел 10. Порядок тот, что Господь Христос в церкви своей учредил, со св. Петром умереть не мог, но должен удержаться до конца света.

Раздел 11. На постыдные фальсификации тех еретиков, которые твердят, что Петр святой никогда в Риме не был, – выводы, что был и оную Римскую церковь основал, и там был рукоположен и умер.

Раздел 12. Привилегии и наивысшее пастырство и епископство св. Петра в церкви Христовой унаследовали по праву Божию епископы Римские, а посему их целиком церковь католическая с давних пор имела и имеет.

¹² Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. С. 528.

¹³ Там же.

¹⁴ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.2. М., 1978. С.305.

Раздел 13. Епископ Римский от веков апостольских аж до сего времени верховенство свое, от Бога данное, надо всеми, по всему свету христианской церкви, употреблял. А и Греки, и Восточные церкви, и патриархи были ему, яко своему старшему, послушны»¹⁵.

Итак, в рубрикации первой части нам представлена конкретизация Аристотелева дедуктивного метода, где из общего положения через вереницу взаимосвязанных суждений Скарга постепенно ведет читателя к частному выводу о вековечном праве Рима на гегемонию в христианском мире. Формой же доказательства здесь по-прежнему выступает силлогизм. Начальное суждение может быть суммировано первыми шестью разделами и выглядеть таким образом:

Единственная «видимая» христианская церковь есть римо-католическая иерархия.

Роль большего термина здесь играет исходное речение «единственная «видимая» христианская церковь», среднего – «римо-католическая иерархия».

Меньшей посылкой структурного силлогизма первой части, выраженного в разделах 7-12, является суждение:

Римский папа есть законный глава римо-католической иерархии.

Соответственно меньший термин – «римский папа есть законный глава».

И, наконец, заключение силлогизма можно вывести из 13-го раздела части, посвященной обоснованию претензий Рима на гегемонию в христианском мире:

Римский папа есть законный глава единственной «видимой» христианской церкви¹⁶.

Следовательно, структурный силлогизм первой части будет выглядеть так:

Единственная «видимая» христианская церковь есть римо-католическая иерархия.

Римский папа есть законный глава римо-католической иерархии.

Римский папа есть законный глава единственной «видимой» христианской церкви.

Согласно логической символической формуле мы получаем следующую форму силлогизма:

Всякое S есть M. Всякое C есть M. Всякое C есть S.

Изложенное выше дает нам основание определить структурную логическую форму первой части трактата как «категорический утвердительный силлогизм»¹⁷. Подобным образом можно установить логические формы последующих частей, выраженные в категорических отрицательных силлогизмах. Этой строгой выверенной Аристотелевой силлогистике Скарга остается верен во всем тексте произведения. Иерархичность логики трактата, подчиненность силлогистических уровней рассуждения, – все это являет собою сложную картину живого имманентного функционирования античного логико-философского материала в знаменитом памятнике польской католической мысли. Именно по этой причине В.З. Завитневич дал в свое время высокую оценку плану трактата:

«Находчиво задуманный автором план составлен умно и выполнен прекрасно. Для той цели, которая преследовалась Скаргой, лучшего сочинения желать нельзя... Схололастически изворотливый ум помог придать этому материалу такую внешнюю обработку, при которой он оказался в значительной степени пригодным для той цели, служить которой предназначался»¹⁸.

По поводу этой характеристики можно высказать несогласие с тем что, что исследователь в трактате Скарги видел лишь схоластику, однако на самом деле в нем вполне

¹⁵ Skarga P. O iednosci... Стб. 239-336.

¹⁶ Со свойственным Средневековью многословием Скарга выражает эту мысль так: «Наконец, и это заметить себе, любезный читатель: как бы не только епископы света целого и соборы святые, но и кесари все христианские терпеть и сие допустить могли? (Т.е. допустить многовековое владычество Рима – авт.) Когда папы патриархов с правления низлагали, достоинства ихнего, согласно их провинностей, – лишали, к себе целого света духовные суды и апелляции обращали, когда не только поневоле панов светских, епископов и патриархов церкви подчиняли, но и когда и самих кесарей, если те церкви Божией вредили, с царства низлагали, на правление короновали, королей и других проклинали, их корон лишали. Как бы то говорим, свет целый христианский выдержал, когда б в папах силы Божией такой великой и верховенства над всем христианством, то есть, овцами Христовым, не знал?.. И ниоткуда до сего времени послания к вере святой не имеем, кроме как из Рима. Когда б не Римская церковь, христиане давно бы уже стали еретиками, опоганились, как сие иным свойственно. Уже б и евангелия в басни те Эзоповы, как я говорил, превратились» (Skarga P. O iednosci. Стб. 336).

¹⁷ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.2. М., 1978. С.299, 304, 305.

¹⁸ Завитневич В. З. Палинодия Захарии Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики XVI и XVII вв. Варшава, 1883. С. 37.

проявляется безупречность античных методов доказательства, которые, в свою очередь, и составляют внутреннюю логику схоластической направленности рассуждений.

Однако последуем далее за развитием логической формы произведения, опустившись еще на один уровень, для чего попытаемся проанализировать логико-философское обоснование одного из наиболее характерных разделов книги. Вот полный его текст, взятый из первой части:

«Раздел 6. Чем именно то единство церковное спаяно и связано.

Написал апостол св. Павел о еретиках и отщепенцах, что надменно думают плотью своею, главы (поведал) не держась, от которой все тело, жилами и составами прикрепляемо и строимо, растет на умножение Божие (Колос. 2, 18-19). В которых словах ясно дал знать, что яко единое тело церкви Божией одну имеет главу, так тоже имеет жилы, соединения и составы, которыми один его член другие держит. И такую связкою единство творит в людях, как в целом свете и в различных странах обитают, единым телом будучи церкви Христовой.

Три (признака – *авт.*) тогда имеются, яко жилы и составы, которыми сии в том теле спаяны, кои в ином месте тот же апостол отметил, говоря: «Единый Господь, единая вера, единый крест». Теми же тремя вещами во едином теле Христовом и мы объединяемся: единым Господом Богом и наставником нашим, единою полною католическою верою и едиными таинствами, коих крест святой глава есть в правом единстве церковном, он же те все три вещи в себе заключает. Между которыми то есть наипервейшая, абы был единый Господь и единый Учитель наш и Пастырь. Ибо не будь единого пастыря, то и веры единой, и науки, и исповедания единого быть также не могло бы; и не было б таинств единых. Или бы пастырей было столько, сколь вер и наук разных нашлось. Потому-то сам наш Спаситель поведал: «Будет единый пастырь и овчарня единая», – тем самым сказать хотевши: когда б единого пастыря не было, то и единой церкви в единой бы вере быть не могло. А коли тот единый Господь и Пастырь и Учитель наш не есть нам видимый, и не можем мы от него вере учиться и крещения святого и таинства получить, то должен он иметь наместников своих видимых (яко сие затем в следующем разделе покажем), через коих бы нас он и вере учил, и таинства нам отправлял. Среди которых (наместников – *авт.*) один должен быть наивысшим для согласия науки, и дела, и порядка (яко сие в восьмом разделе объясним).

Отсюда следует, что в соответствии с тем тройким соединением троются и люди, кои зовутся христианами, однако в церковной совокупности и едином Теле Христовом не пребывают: катехумены или отлученные, еретики и отщепенцы. Катехумены – сие те, кто себя ко крещению святому готовит, единого пастыря и веру имеет, но креста святого не признает. Еретики крест имеют, но веры не имеют. А отщепенцы и крест имеют, и веру тоже, однако главы единой и пастыря единого не имеют. Чрез то все сии церковными членами не являются»¹⁹.

Этот раздел П. Скарга посвящает определению трех признаков (трех коммуникативных элементов) истинной церкви, к которым относит наличие в религиозной системе понятия единого Бога, догматически единой всемирной (католической) веры и креста как центра культовой практики. На этом основании, – утверждает он, – католики и объединены в истинную церковь, невидимый пастырь которой – Христос – оставил видимых наместников своих – духовенство, – среди которых главнейшим должен быть лишь один (для согласования вероучительных, организационных и культовых дел и управления ими). Коль скоро те, кто называет себя христианами, не обладают одним из названных элементов, то они не могут быть таковыми. Следовательно, все не католики – нехристиане. Такова экспликация содержательной стороны раздела.

Что же касается логической формы доказательства, то она представляет собой положительный категорический силлогизм, три суждения которого содержатся в трех частях текста. Их можно сформулировать следующим образом:

Единая истинная христианская церковь имеет единого владыку – Христа.

Единый владыка, Христос, оставил на земле своих наместников с наиглавнейшим над ними – римским папой.

¹⁹ Skarga P. O iednosci... Стб.265-266.

Римский папа есть единый владыка единой истинной христианской церкви.

Этот основной логический сюжет раздела выражается при помощи символов так: Всякое S есть M – Всякое M есть C – Всякое C есть S.

В свою очередь, это основное доказательство позволяет Скарге провести и вторую сюжетную линию раздела – определение родовых коммуникативных элементов истинной церкви и (в связи с ними) указание фактических нехристиан, называющих себя приверженцами веры в Иисуса Христа. В ходе своих рассуждений католический мыслитель не забывал подкрепить их традиционной ссылкой на авторитет Писания, которая, однако, не имеет существенного значения в доказательстве, но скорее выполняет привычную, хотя и не совсем обязательную роль статиста на сцене, тогда как основные роли распределены между иными актерами.

Таким вот причудливым, на первый взгляд, сочетанием небесного и земного, организованным при помощи неумолимой Аристотелевой логики, исполнено все произведение П. Скарги, начиная с генерального структурного силлогизма (определенного выше) и заканчивая частными доводами. Безусловно, убедительность и действенность этой талантливой книги были весьма велики, вызвав высокие ее оценки и у современников, и у потомков.

Однако наряду с несовершенными силлогизмами Скарга применял и такие методы полемики, которые его оппоненты из стана православных по праву называли софистическими «выкрутами». Как правило, их можно наблюдать в тех случаях, когда у автора рассматриваемого трактата не было достаточного основания для построения силлогизма. В этой связи типичен пример защиты Скаргой пребывания св. Петра в Риме (Раздел 11 первой части).

«Но мы сверх потребности и то из святого писания утверждаем, – говорит Скарга, – что св. Петр был в Риме. Ибо сам он в послании своем первом, которое в Риме писал, так говорит: «Поздравляет вас церковь, которая в Вавилоне». Рим назвал Вавилоном, подразумевая, что в нем раньше всяческого пустословия глава была, который со временем, яко молвит св. Лев, из обители диавольской и из Вавилона превратился в град святой, и людьми, и приходом царским избранный»²⁰.

Правильного силлогистического заключения на столь шатком основании, как слова Петра о Вавилоне, построить невозможно, поэтому Скарга (прекрасно осознавая это и будучи хорошо знакомым с таким достоянием античной философии, как софистика) прибегает к произвольному толкованию слова «Вавилон». Этим он преследует вполне определенную цель, которая была сформулирована еще Аристотелем в трактате «О софистических опровержениях», а именно: «привести собеседника к тому, что не согласуется с общепринятым»²¹. Разумеется, мы можем лишь догадываться о знании католическим автором Аристотелева трактата, однако сознательное использование им софизма налицо. Вспомним, что Аристотель определяет софизмы как «умозаключения не действительные, но лишь кажущиеся таковыми»²². Наиболее распространенной причиной софистического построения Стагирит называет при этом полисемию («одно и то же слово и одно имя неизбежно обозначают многое») ²³, вследствие чего введенный в заблуждение читатель может согласиться с ложным умозаключением софиста. В данном случае слово «Вавилон» рассматривается Скаргой в переносном его значении, что и переводит полемиста с позиций последовательной логики на подмостки софизма.

Но Скарга и сам чувствует шаткость положения, а потому, не ограничиваясь домыслами, желает подкрепить их солидными мнениями церковных авторитетов. Такое стремление, видимо, породило следующие строки:

«Это свидетельство и понимание послания оставил Папюс Иерополитанский, ученик Иоанна Евангелиста, который сам то от св. Иоанна или от самого св. Петра слышать мог, что Вавилоном в том послании св. Петр Рим, в коем и писал его, назвал. О чем во множестве нам свидетельствуют Евсевий Кесарийский, св. Иероним и Никифор Грече-

²⁰ Skarga P. O iednosci... Стб.295.

²¹ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.2. М., 1978. С.537.

²² Там же. С.325.

²³ Там же. С.326.

ский, утверждающие, что так Папюс то слово св. Петра толковал, и что в Риме (Петр – авт.) сие послание писал.

Видишь же, что и из святого писания бытность св. Петра в Риме доказать можно.

Но самый ясный довод следует из св. отцов, и историков, и света целого свидетельств, из коих тут, по их неколебимой уверенности, некоторые изложить можно, иные без счета опустивши»²⁴.

Изменяя силлогистическому методу доказательств, Скарга соответственно меняет и методику частной аргументации в пользу старинного способа постулирования идеи со ссылкой на авторитет. Однако и упоминаемые полемистом свидетельства «без счета» имеют под собою шаткое обоснование в виде комментария Папюса Иерополитанского, который, в свою очередь, именование Вавилоном Рима тоже лишь «слышать мог». Но слышал ли? Убедительного доказательства автор привести не может, а потому софизм так и остается софизмом. Но, рассчитанная на легковеров, такая «аргументация» нередко достигала своей цели, скрываясь за экспрессией полемических дебатов и апеллируя к чувствам, а не к разуму читательского адресата.

Подводя краткий итог данному экскурсу в творчество Петра Скарги, следует сделать вывод, что в его произведениях имеется широкая рецепция греческой философской традиции, которая выражается прежде всего в логических построениях, служащих доказательством генерированных автором идей. Послужив исходной точкой католико-православной полемики на рубеже XVI–XVII вв., это творчество оказало значительное влияние на обращение восточнославянских мыслителей к логико-философским идеям Аристотеля и других античных философов а также послужило толчком к переходу отечественных авторов к рационалистическим методам освоения античного наследия.

ANCIENT HERITAGE IN THE TREATISE OF PETER SKARGA AND ITS ROLE IN THE TRANSITION TO THE RATIONALIST LINE OF ANCIENT HERITAGE RECEPTION IN THE WORKS OF HOMELAND AUTHORS

M.P. SAMOYLOVA

*Nizhny Novgorod State
Linguistic University*

e-mail: mp.samoilova@gmail.com

The paper is devoted to consideration of Peter Scarga's treatise from the point of view of its significance for reception of Antiquity heritage during debates between Orthodox and Catholic authors of the second half of the 16th century. The article provides an analysis of the reception of antique logical methods used for the needs of the era.

Key terms: reception, heritage of Antiquity, Peter Scarga, syllogism, scholasticism.

²⁴ Skarga P. O iednosci... Стб.295.

ВИЛЕНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД И ПОЛЬСКО-РУССКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ

А.С. СМИРНОВ

*Институт
археологии
Российской
академии наук,
г. Москва*

*e-mail:
assmirnov@mail.ru*

В статье рассматриваются события IX археологического съезда в Вильно 1893 года. Этот археологический съезд был первым из серии последующих съездов, проводившихся на территории Западного края и пограничных с ним губерний. Решение о проведении съездов в Вильно, Риге и Варшаве было принято императором Александром III. Причины этого решения объясняются целями национальной политики, утверждавшими русские истоки истории Северо-Западного края, как земель, возвращенных империи после раздела Польши. Поляки считали эти земли насильственно отторгнутыми и утверждали здесь свои национальные приоритеты. Российско-польские противоречия отразились во время подготовки и проведения съезда. Министерство народного просвещения, опасаясь польского влияния, концентрировала организационные функции съезда в руках местной администрации в ущерб правам Московского археологического общества. Археологическое общество, разделяя русификаторские цели императорской администрации, стремилось минимизировать участие польских представителей в работе съезда. Внешние проявления польских интересов организаторам удалось нейтрализовать, но участие поляков в работе съезда было минимальным, а дальнейшие попытки провести съезд в Варшаве потерпели неудачу.

Ключевые слова: Археологический съезд, Вильно, Западный край, национальная политика, польско-русские противоречия.

Начиная с IX археологического съезда в Вильно 1893 г., шесть последующих прошли в Западном крае империи¹ или в пограничных с ним губерниях. Эта закономерность имела свои весьма веские причины. Во второй половине XIX в., особенно после польского восстания 1862-1863 гг., правительство империи обращало особое внимание на положение в Привислинском крае, бывшем Царстве Польском². Имперская власть всячески стремилась утвердить русское православное начало в Западном крае – на территории взаимных политико-этнических претензий, существовавших между Москвой и Петербургом, с одной стороны, и Варшавой – с другой.

Идеология империи долгое время ориентировалась на династическую концепцию власти, основанную на понятии подданства, а не национальности. Но под влиянием восстания в Польше, объединения Германии и Италии российское общество стало все сильнее ощущать тождество империи и русской нации. Националистический образ мышления распространялся все более, охватывая не только правящую элиту, но и широкие слои общества. Правительство все активнее использовало политику русификации и всемерного продвижения православной русской идентичности. Это особенно ярко это проявлялось в западных провинциях империи.

В кругах просвещенного российского общества, профессуры, интеллигенции было не редкостью сочувственное отношение к полякам, к их свободолюбивым устремлениям. Адам Мицкевич был кумиром литературных салонов в Санкт-Петербурге, Москве и провинциях. Но притязания поляков на Западный край и «польский» Киев вызывали в российском обществе отрицательную реакцию.

¹ Западный край в Российской империи в XIX – начале XX в. – 9 губерний западной части Европейской России, присоединенных в конце XVIII в. от Речи Посполитой. Имел особенности в управлении и некоторых узаконениях. Делился на Северо-Западный край, включавший 6 белорусских и литовских губерний (Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую) и Юго-Западный край, включавший 3 губернии Правобережной Украины (Волынскую, Подольскую, Киевскую).

² В 1874 г. институт наместника в Варшаве заменяется должностью генерал-губернатора, наименование «Царство Польское» официально изменяется на «Привислинский край».

Задача русификации Западного края была тем редким случаем, когда совпадали представления императорской власти, великорусского просвещенного общества и научных кругов. Борьба с полонизацией «исконно русских земель» находила поддержку в российских губерниях. Ф.И. Тютчев свидетельствовал, что «тесною, неразрывною солидарностью связано русское Слово и русское Дело... русское слово в Москве и русское слово в Вильно и Варшаве».

Над русской Вильной стародавной
Родные теплятся кресты,
И звоном меди православной
Все огласились высоты³.

Доктрину власти поддерживало и археологическое сообщество. На состоявшемся 17 мая 1864 г. заседании РАО рассматривался вопрос об организации экспедиции в Западный край с целью «исследования главнейших православных памятников в Западном крае»⁴.

Инициатива РАО вызвала понимание у высшей администрации империи. Ее поддержал Виленский, Ковенский, Гродненский и Минский генерал-губернатор М.Н. Муравьев, известный жесткой позицией по отношению к полякам. Он взял экспедицию под свое покровительство и выделил щедрое финансирование – три тысячи руб., «назначив, сверх того, особую сумму для трудов экспедиции»⁵. В том же 1864 г. М.Н. Муравьев подписал открытый лист члену РАО Д.М. Струкову «для исследования Северо-Западного края»⁶. Отдельный открытый лист был выдан Д.М. Струкову и Литовским митрополитом Иосифом⁷.

Понимая значение науки для продвижения русификации Западного края, некоторые представители власти ставили ее на один уровень с православием. Как заявил в 1865 г. один из представителей военной администрации в Вильно, «наука есть святыня, как и религия: религия есть вера в истину, наука есть путь к оной. Следовательно, всякое искажение науки, равно как и религии, из-за личных выгод и политических целей есть святотатство»⁸. Оставалось только понять, что власть подразумевала под истиной в науке в приложении к истории Западного края.

Внимание власти к Западному краю, в том числе и с позиций изучения его прошлого, не было новостью для ученых. Они прекрасно понимали политическую подоплеку подобного внимания. Еще А.К. Киркор, археолог и сотрудник Виленского статистического комитета, пропагандировал в местных изданиях выгодную императорской власти идею о вражде уроженцев «кресов»⁹ к жителям Царства Польского, наиболее четко сформулировав эту мысль в своей записке, поданной в 1866 г. министру внутренних дел П.А. Валуеву. А.К. Киркор был сторонником «оправославливания» западных губерний¹⁰.

На съездах 1880-х годов ряд представителей научных организаций Западного края доказывали исконное существование «русского, православного» населения на западных территориях. На VI археологическом съезде прозвучал доклад Я.Ф. Головацкого, утверждавшего, что «в XVI столетии Пинское и Клевское княжества были заселены сплошным русским православным населением; то же можно сказать о городе Пинске и местечках, в которых жило только ничтожное количество евреев и польских выходцев»¹¹. Русский

³ Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М., 2007. С. 278, 190.

⁴ Российская академия наук Институт истории материальной культуры (РАН ИИМК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 45. Л. 1-3.

⁵ РАН ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 45. Л. 7-8, 10.

⁶ РАН ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 45. Л. 68.

⁷ РАН ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 45. Л. 71.

⁸ Пыпин А.Н. История русской этнографии. Минск, 2005. С. 168.

⁹ Кресы, или Восточные Кресы (польск. Kresy Wschodnie, от «крес» – граница, конец, край), – польское название этих территорий, жители которых назывались кресовянами. Понятие кресов появилось в середине XIX в. в произведениях польского поэта Винцентия Поля и распространилось, благодаря идее о цивилизаторской миссии поляков на этих землях и в связи с происхождением крупнейших польских поэтов – Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого – из этих земель. В 2006 г. в Кракове создан Кресовый институт с задачами документирования и исследования истории и культуры Восточных Кресов. Тема «кресов» не потеряла актуальности и в наши дни. См.: Хорев В.А. Восточные «Кресы» в современной польской прозе // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008. С. 290-296.

¹⁰ Киркор А. Значение и успех археологии в наше время // Записки Виленской археологической комиссии. 1856. Ч. 1. С. 25-39; Янчук Н.А. А.К. Киркор. Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1888; Янчук Н.А. Некролог // Древности. Труды МАО. 1888. Т. 12. С. 79-107.

¹¹ Труды VI АС в Одессе (1884 г.). Одесса, 1888. Т. II. С. 431.

язык на этих территориях, по мнению Я.Ф. Головацкого, не отклонялся «от древней русской письменности, развивавшейся на Руси во время ее самостоятельных княжений, не подчиненных ни влиянию Польши, ни ее латинства»¹².

Взгляды Я.Ф. Головацкого не были данью официальной точке зрения, а отражали его искреннее мнение. В письме Я.Ф. Головацкого к филологу С.П. Микуцкому в Варшаву, не предназначенном для широкой огласки, но перлюстрированном III отделением императорской канцелярии, содержатся высказывания ученого о необходимости повсеместного продвижении русского языка и русских начал в Западном крае¹³.

П.С. Уварова, разделяя подобные взгляды, открыто заявляла, что задачей съездов в Западном крае является доказательство исконно русской принадлежности этих земель. «Археологические съезды, созываемые всякие три года, вначале – на удачу, то в том, то в другом университетском городе – за последние годы – более *систематично приурочиваемые* к нашей западной окраине с целью более систематичного исследования и изучения собственно славяно-русских погребений и памятников и их взаимодействия на соприкасающиеся с ними народности»¹⁴.

К 90-м годам XIX в. власть осознала значение древней истории и археологии для пропаганды государственной идеологии. Она оценила возможности археологических съездов для упрочения имперской доктрины. Высшая власть в империи взяла на себя решение вопроса о месте проведения съездов, исходя из собственных интересов. П.С. Уварова не только не пыталась скрыть, а наоборот, подчеркивала волю императора при выборе места проведения IX и последующих съездов. «Великий князь Сергей Александрович... сообщил мне пожелание его величества государя императора Александра III, чтобы три ближайших съезда были приурочены к Вильне, Риге и Варшаве»¹⁵.

В русско-польском противостоянии в конце XIX в. поляки уже не уповали на вооруженное свержение российской власти, а перенесли усилия в область культурно-национального соперничества, во многом безуспешно, в том числе и на территории Северо-Западного края. Усилия русской бюрократии по противодействию польской интриге в этом крае были недостаточно эффективны и часто непоследовательны. Проигрывая польской стороне во влиянии на население края, императорская власть попыталась использовать как средство пропаганды археологические съезды.

Наиболее остро русско-польские противоречия прозвучали при организации и проведении IX съезда в Вильно в 1893 г. Еще были свежи впечатления от польского восстания 1863-1864 гг., что стало причиной ликвидации особых польских административных учреждений. Российские власти поставили перед собой цель, «чтобы этот край вовсе перестал быть польским»¹⁶. В этих условиях власть обращала особое внимание на организацию и проведение съезда, который находился под личным контролем императора и проходил при активном участии его брата великого князя Сергея Александровича, бывшего в Вильно, чтобы открыть съезд.

Трехлетняя подготовка съезда встретила множество препятствий, в том числе и «со стороны местной, виленской, администрации», а незадолго до открытия съезда встал «вопрос о его отсрочке и перенесении в другое место»¹⁷. Сложности заключались, с одной стороны, в противоречиях с местными пропольскими кругами, которые пользовались в крае значительным влиянием, а с другой – во взаимоотношениях с местной имперской администрацией, стремившейся оградить съезд от какого-либо проявления польского духа. Об этом свидетельствует записка профессора М.О. Кояловича, прочитанная на заседании Предварительного комитета в Москве 5 января 1891 г., в которой автор утверждал, что «усилий повернуть ход дела на съезде не в русскую сторону, без всякого сомнения, будет много»¹⁸.

¹² Там же.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 4а. Д. 417. Л. 1-3.

¹⁴ Труды XI АС в Киеве. 1899. М., 1902. Т. II. С. 49.

¹⁵ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 189.

¹⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867. С. 331.

¹⁷ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского археологического общества с 17 февраля 1893 г. по 17 февраля 1894 г., читанный в годичном заседании Общества 9 марта 1894 г. секретарем Общества В.К. Трутовским // Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVII. С. 39.

¹⁸ Сторожев В.Н. IX археологический съезд в г. Вильно. СПб., 1894. С. 1.

Учитывая политическое значение виленского съезда, а главное, распространение полонофильских настроений в среде местного общества, имперская власть испытывала опасения относительно возможных эксцессов при проведении съезда и способности руководства МАО нейтрализовать антирусские акции. Посему были приложены максимальные усилия, чтобы сконцентрировать властные полномочия в руках государственных структур в ущерб правам традиционных органов съезда. В «Правила» съезда правительство внесло изменения, которые утверждали контролируемую роль Виленского генерал-губернатора и попечителя Виленского учебного округа¹⁹. Эта инициатива Министерства просвещения была инициирована местной властью, прежде всего, попечителем Н.А. Сергиевским, утверждавшим, что Северо-Западный край «по своим политическим и социальным особенностям резко отличается от великорусских губерний и от центральных столичных пунктов. Эти особенности очень разнообразны, сильно живучи, нередко стараются охватить собою все течения местной жизни и направить его по-своему... Но тут то и приходится постоянно считаться с ними, как слишком тенденциозными и узко-своекорыстными, и эти счеты может сводить только высшая местная власть как хорошо ознакомленная с ними»²⁰.

П.С. Уварова, пытаясь отстоять права МАО, неоднократно обращалась к министру просвещения²¹. Но все ее петиции не смогли достичь желаемого результата. И.Д. Делянов в письме от 2 мая 1891 г. в вежливой форме предлагал ей не ездить в Вильно, т.к. «правила, которые будут установлены для предстоящего съезда, не будут заключать в себе ничего стеснительного. При составлении их приняты во внимание замечания Вашего сиятельства»²². Но графиня продолжала настаивать на своем, что вызвало раздражение министра. В письме от 31 июля 1892 г. И.Д. Делянов открыто заявил, что дополнения к «Правилам» сделаны Комитетом министров из политических соображений. При проведении съезда в крае, где сильны сепаратистские пропольские настроения, необходимо оградить «чисто научные его занятия от проявления местных тенденциозных стремлений, с чем местная правительственная власть справится лучше, чем само Общество»²³.

Обиду Прасковья Сергеевна запомнила надолго. Даже десять лет спустя она пеняла великому князю Сергею Александровичу, «который, к сожалению, в Вильно нас совершенно забыл. Извините за упрек, но ведь это правда!»²⁴.

В «Правилах» прописывался контроль и за более мелкими деталями. В п.11 указывалось, что «до открытия выставки²⁵ попечителю Виленского учебного округа сообщается на предварительное одобрение каталог таковой»²⁶. Власть не могла забыть историю с Виленским «музеумом» древностей, созданным в 1855 г. графом Е.П. Тышкевичем. Это хранилище, по представлению генерал-губернатора М.Н. Муравьева, было превращено в рассадник полонизма, где «местные патриоты стремились укрепить за русской окраиной значение польского края, претенциозно называемого ими краем *zabranym*²⁷»²⁸. В 1865 г. по результатам деятельности специальной комиссии, занимавшейся разбором предметов, находящихся в Виленском музее древностей, из коллекции изъяли значительную часть экспонатов, «относящуюся к чуждой этому краю польской народности». По заключению комиссии, музей «наполнен был таким множеством предметов политического, тенденциозного характера, что чисто ученая его область, за исключением всего, что относится к естествознанию, состояла совершенно на заднем плане»²⁹. Польский отдел в количестве

¹⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 325.

²⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 142. Д. 1113. Л. 21.

²¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 454. Оп. 2. Д. 117. Л. 128-129.

²² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 198.

²³ Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVI. С. 44-45.

²⁴ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 631. Оп. 1. Д. 191. Л. 17 об.

²⁵ Речь идет об обычной выставке, сопровождавшей каждый археологический съезд, формирование которой и ранее, и на последующих съездах полностью относилось к ведению МАО и съезда.

²⁶ Девятый Археологический съезд в Вильне 1-14 августа 1893 г. М., 1893. С. 14.

²⁷ *Zabranym* – отнятым (польск). Полностью фраза звучит «*Zabranym krajem*» – отнятыми землями.

²⁸ Городецкий М.И. Виленский музей древностей: По поводу 30-летней годовщины его существования (1856-1886) // Исторический вестник. 1886. № 9. С. 602.

²⁹ Коялович М. Западно-русские археографические издания // ЖМНП. 1870. № 12. С. 14.

270 экспонатов, «напоминающих польское владычество в крае»³⁰, был изъят из музея, в 1869 г. перевезен в Москву и передан Московскому Публичному и Румянцевскому музеям. Действия власти вызвали возмущение среди местного общества, а основатель музея граф Е.П. Тышкевич подал в отставку с поста директора и председателя Археологической комиссии.

Прекрасно понимая политическое и пропагандистское значение выставки в Вильно, П.С. Уварова еще за год до съезда писала великому князю Сергею Александровичу, что «привлекая поляков в особенности к участию в выставке, мы узреем, чем они богаты, что у них еще сохранилось, и на что мы можем рассчитывать при разработке истории края»³¹. Учитывая, что графиня повсеместно провозглашала русскую принадлежность Западного края, который она «считала своим», понятно, в каком контексте она предполагала использовать столь оригинальным способом полученные материалы. П.С. Уварова также надеялась на помощь Д.Я. Самоквасова, бывшего в то время профессором Варшавского университета. Она обратилась к нему с просьбой прислать «по возможности полный список варшавских коллекционеров, собирателей, любителей и проч., к которым следовало бы обратиться с просьбой о сотрудничестве по съезду и выставке»³².

П.С. Уварова не устала заверять министра И.Д. Делянова, что сумеет поставить преграды на пути пропольских поползновений при организации выставки. «Выставка, устраиваемая при съезде, ... не может вызывать никаких опасений, ибо порядок устройства подобных выставок следующий: Предварительный комитет, обыкновенно Московский, вызывает желающих принять участие в выставке, получает от этих лиц списки выставляемых предметов, разбирает эти списки и допускает на выставку только то, что по спискам в действительности будет представлять научный интерес и вообще будет признано уместным и желательным»³³. Графиня, помимо научных критериев в части отбора экспонатов, упоминает и критерии «уместности» и «желательности», что позволяло сформировать «уместную» в идеологическом отношении экспозицию.

П.С. Уварова предлагала свои пути решения проблемы польского представительства. По ее словам, «для того чтобы привлечь польских помещиков к содействию и участию в выставке, необходимо побаловать их намеком на самостоятельность, дать им возможность играть роль и сидеть в первом ряду»³⁴. Графиня была уверена в успехе своего плана, уверяя великого князя Сергея Александровича, что, если ему угодно было согласиться с ее доводами и позволить ей начать переговоры с местными помещиками, она бы «считала себя крайне ободренной и благодарною... и немедленно взялась бы за дело, которое могла бы окончательно установить»³⁵.

Попечитель округа также заверял Министерство народного просвещения, что «на археологической выставке самое видное место, по важности выставляемых предметов, их разнообразию и большому собранию, принадлежит, бесспорно, императорской Археологической комиссии»³⁶.

В итоге выставка, по мнению организаторов, представляла картину того, что было сделано русскими исследователями и правительством для изучения края. Именно «русскими исследователями», что в очередной раз подчеркивало русское верховенство в крае. Но Предварительному комитету «не удалось привлечь на выставку коллекций местных польских любителей и получить из Краковского музея и других пограничных иностранных собраний рисунки и описания предметов, которые были найдены в пределах России». Поляки игнорировали это начинание. В такой ситуации из местных коллекций на выставку были представлены только экспонаты, подобранные подчиненными МВД «соб-

³⁰ Киркор А. Значение и успех археологии в наше время // Записки Виленской археологической комиссии. 1856. Ч. 1. С. 25-39.

³¹ ГАВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 191. Л. 5 об.

³² ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 104.

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1113. Л. 140.

³⁴ ГАВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 191. Л. 5 об.

³⁵ ГАВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 191. Л. 6 – 6 об.

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1113. Л. 18.

раниями местных статистических комитетов, любителей и императорской Археологической комиссии»³⁷.

При проведении IX съезда ужесточились правила чтения докладов. Согласно п.18 «Правил», «председателям отделений вменяется в обязанность... допускать к докладу только те из рефератов, которые этого заслуживают. Словесные сообщения допускаются комитетом только по рассмотрении тезисов»³⁸. Более того, исходя из требований п.26 «программы заседаний, заключающие в себе название рефератов и их главные тезисы, сообщаются на предварительное одобрение попечителю Виленского учебного округа»³⁹. Ранее это положение оставалось на усмотрение комитета съезда.

В состав должностных лиц IX съезда в Вильно, председателем которого традиционно являлась П.С. Уварова, вошли лояльные к власти личности. Председателем Ученого комитета стал Ф.И. Успенский, будущий директор Русского археологического института в Константинополе, известный своими имперскими взглядами. Председателем Распорядительного комитета утвердили председателя Виленской археографической комиссии Ю.Ф. Крачковского⁴⁰. Виленская археографическая комиссия была создана в 1864 г. генерал-губернатором М.Н. Муравьевым при участии попечителя учебного округа И.П. Корнилова с целью обосновать исконно русские, православные начала Западного края. Другой задачей комиссии была ревизия владетельных прав местного шляхетства. И хотя Ю.Ф. Крачковского ранее заподозрили в националистических поползновениях, к моменту проведения съезда ему доверили руководство столь значимым в Западном крае учреждением.

В Предварительный комитет был включен представитель военного ведомства – Генерального штаба полковник Кондратович. По его требованию, на основании того, что жизнь западных окраин, «особенно в прежнее время, представляет почти непрерывную борьбу», в состав отделений съезда были включены «военные» древности⁴¹.

Одной из первых проблем, с которыми столкнулось МАО при организации съезда, стал вопрос о создании в Вильно отделения Предварительного комитета. Несмотря на свою традиционность, это предложение вызвало продолжительную дискуссию между обществом и Министерством народного просвещения. Понимая опасения министра, П.С. Уварова убеждала И.Д. Делянова в лояльности будущих членов Отделения. Еще в 1890 г., в начале подготовки съезда, графиня писала министру, что, в соответствии с его указаниями, МАО считает необходимым «избирать предметом занятий предполагаемого съезда в г. Вильно преследования исключительно русских начал жизни в Северо-Западном крае; императорское Московское археологическое общество признает, что археология, как наука, не должна затрагивать никаких политических вопросов, не имеет никакого основания и желания возбуждать их, а потому полагает, что всякое, даже косвенное, о них упоминание могло бы быть опасным для успеха съезда в таком городе, как Вильно»⁴².

В следующем году графиня вновь обратилась к И.Д. Делянову с письмом на ту же тему⁴³. Но все эти доводы не убедили Министерство народного просвещения, которое отклонило ходатайство МАО о создании Виленского отделения Предварительного комитета. Просветительское ведомство считало, что отделения комитета в городах Западного края «могут внести в археологический съезд совершенно чуждый его интересам элемент своих местных, партикулярных стремлений»⁴⁴.

После настоятельных обращений МАО Виленское отделение Предварительного комитета было лично разрешено императором⁴⁵. Но во главе отделения поставили не уче-

³⁷ Уварова П.С. Отчет по IX Археологическому съезду в г. Вильне. Приложение к протоколу № 430 Обыкновенного заседания МАО от 5 октября 1893 г. // Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVII. С. 98.

³⁸ Девятый Археологический съезд в Вильне 1-14 августа 1893 г. М., 1891. С. 15.

³⁹ Девятый Археологический съезд в Вильне 1-14 августа 1893 г. М., 1891. С. 16.

⁴⁰ Уварова П.С. Отчет по IX Археологическому Съезду в г. Вильне. Приложение к протоколу № 430 Обыкновенного заседания МАО от 5 октября 1893 г. // Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVII. С. 88.

⁴¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 31. Л. 171-172.

⁴² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 465.

⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 468-470.

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 117. Л. 94 об.

⁴⁵ Протоколы заседаний Императорского Московского археологического общества // Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVI. С. 39, 40.

ного, а предводителя дворянства Свенянского уезда генерал-лейтенанта А.П. Тыртова. Генерал был не чужд интереса к прошлому, писал о древностях Западного края и являлся одним из инициаторов создания Полоцкого музея. Но на первом же заседании отделения А.П. Тыртов пояснил, что, «не занимаясь специально археологией, он дал свое согласие на принятие высокой чести...», предложенной Уваровой, только надеясь на содействие членов отделения⁴⁶. Генерал сообщал графине, что, предварительно переговорив с попечителем округа Н.А. Свергеевским,⁴⁷ генерал-губернатором и его непосредственным начальником, Виленским губернатором бароном Гревенцем и с иными людьми, он принял «предложение быть председателем Виленского отделения Московского предварительного комитета»⁴⁸. Согласование кандидатуры председателя велось весьма основательно.

Общественную позицию А.П. Тыртова характеризует его письмо к П.С. Уваровой, в котором он протестовал против посылки опросных метрик в католические приходы, как не имеющих отношения к археологии.⁴⁹ К тому же, писал А.П. Тыртов, «если католическое духовенство даст Вам ответ на польском языке, – ведь это будет скандал; а обязать их давать ответ по церковным делам по-русски,... согласитесь, графиня, будет неудобно»⁵⁰.

В письме от 11 марта 1891 г. попечитель Виленского учебного округа сообщал П.С. Уваровой о выделении «из среды служащих округа» группы для помощи в организации съезда. В ее состав вошел 21 человек, 8 из них – школьные «законоучители» и сотрудники различных семинарий, 9 – директора различных учебных заведений⁵¹. Четыре из предложенных кандидатов (не считая председателя А.П. Тыртова) вошли в состав Виленского отделения, а один – инспектор Витебской дирекции народных училищ Е.Р. Романов – в состав Московского предварительного комитета. Трудно не заметить, что «группа помощников» в подавляющем большинстве представлена директорами учебных заведений и православными священнослужителями – представителями тех учреждений, которые были активными и последовательными проводниками русификаторской политики правительства.

В подобной ситуации понятно замечание П.С. Уваровой относительно нескольких польских участников Виленского отделения – «русским чиновникам они не любы»⁵².

Второй проблемой было стремление Министерства народного просвещения «ограничить занятия Виленского съезда изучением одних лишь русских древностей, во избежание нежелательных столкновений». На это МАО отвечало, что прямолинейная реализация подобной мононациональной программы «несомненно повлияет на успех съезда и повлечет за собой все те нежелательные проявления национализма и религиозного различия, которых так желает избежать сам г. министр». Археологическое общество настаивало откровенное игнорирование министерством каких-либо национальных особенностей в Виленском крае.

Просветительское ведомство в своих директивах требовало внести в проект правил указание на то, что «императорское Московское археологическое общество избирает предметом занятий предполагаемого съезда в г. Вильне исследование исключительно русских начал жизни в Северо-Западного края, и что с таким характером деятельности съезда будет согласован и выбор предметов для открываемой при съезде археологической выставки»⁵³. Усиленное продвижение министерством великорусских начал в работу съезда совпадало с личным мнением П.С. Уваровой, которая считала, «что в Вильне мало сделано для обрусения города и польского дворянства»⁵⁴.

⁴⁶ РАН ИИМК. Ф. 1. Оп. 1, 1890 г. Д. 207. Л. 210.

⁴⁷ Так в подлиннике. Правильно – Н.А. Сергиевский.

⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп. 1. Д. 630. Л. 213-214.

⁴⁹ М.Н. Муравьев (в 1863-1865 гг. – Виленский генерал-губернатор) писал императору, что католичество в этом крае «не вера, а политическая ересь». Недаром Н.А. Бердяев отмечал, что в России «католичество совсем не признается христианством. И в этом всегда был один из духовных источников ложного отношения к польскому вопросу».

⁵⁰ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 117. Л. 119-120.

⁵¹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 199-202.

⁵² Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 190.

⁵³ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 117. Л. 94-95.

⁵⁴ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 190.

Недаром на самом съезде отделение «древностей литовских, славянских и восточных» не проводило своих заседаний. Все доклады по этой тематике делались на общих заседаниях⁵⁵, чем подчеркивалось их значение и исключалась кулуарность обсуждения.

Власть щедро субсидировала проведение Виленского съезда. П.С. Уварова с удовлетворением сообщала, что «получила от государя значительную денежную субсидию на работы Предварительного комитета»⁵⁶. Министерство народного просвещения, пытаясь создать великорусское лобби, также выделило достаточно средств на командировки в Вильно представителей профессуры из университетов центральной России. При этом, несмотря на ходатайство П.С. Уваровой, министерство запретило некоторым чиновникам участвовать в работе съезда⁵⁷.

Редкую оперативность и предупредительность проявило губернское начальство, выделившее существенные суммы на проведение съезда и прием гостей, а также взявшее на себя многие организационные задачи⁵⁸.

Благодаря усилиям власти и МАО, на мероприятиях не случилось никаких эксцессов, «о политических тенденциях на съезде не было и речи...»⁵⁹. По заверениям П.С. Уваровой, «съезд... был очень многолюден, прошел блистательно и без всяких поползновений с какой-либо стороны на политическую окраску или враждебность к русским ученым»⁶⁰, «поляки делали доклады на русском языке,... не поднимали никаких вопросов, кроме чисто научных, что и позволило расстаться с ними совершенно друзьями»⁶¹. Хотя в последнее верится с большим трудом. Недаром указание императора Александра III провести съезд в Варшаве, несмотря на неоднократные попытки, осуществиться не удалось.

THE ARCHEOLOGICAL CONGRESS IN WILNO AND THE RUSSIAN-POLISH CONTROVERSY IN THE NORTH-WEST TERRITORY

The article describes the events that occurred at the 9th Archeological Congress in Wilno in 1893. That was the first archeological congress in a series of subsequent congresses that took part in the West Territory and provinces bordering on it. The decision to hold such congresses in Wilno, Riga and Warsaw was taken by Emperor Alexander III of Russia. Reasons for the decision rooted in the objectives of the national policy, which proclaimed the history of the North-West Territory as having Russian origin (i.e. lands that had been returned to the Empire after the division of Poland). The Poles believed that those lands had been forcedly alienated, and tried to assert their own national priorities there. The Russian-Polish controversy became manifest in the course of preparing and holding the Congress. The Ministry of Public Education, in fear of Polish influence, concentrated the organizational functions of the Congress in the hands of the local administration, to the prejudice of the rights of the Moscow Archeological Society. The Archeological Society, on the other hand, shared the “russificationary” objectives of the Emperor’s administration, and tried to minimize participation of Polish representatives in the Congress. The organizers managed to “neutralize” external manifestations of Polish interests, but, as a consequence, the participation of the Poles in the Congress was reduced to minimum, and further attempts to conduct a congress in Warsaw failed.

Key words: Archeological Congress; Wilno; West Territory; national policy; Russian-Polish controversy

A.S. SMIRNOV

*Institute of Archeology
of the Russian Academy
of Sciences, Moscow*

e-mail: assmirmov@mail.ru

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 417. Л. 1-3.

⁵⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 25. Л. 105.

⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 198.

⁵⁸ РАН ИИМК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 38. Л. 266-269.

⁵⁹ Уварова П.С. Отчет по IX Археологическому съезду в г. Вильне. Приложение к протоколу № 430 Обыкновенного заседания МАО от 5 октября 1893 г. // Древности. Труды МАО. 1900. Т. XVII. С. 95.

⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1263. Л. 1.

⁶¹ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 202.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕОРИИ «РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ» «МОЗГОВЫМИ ЦЕНТРАМИ» США ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ

С.Н. БЕЛЕВЦЕВА

*Курский государственный
университет*

e-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

В статье раскрывается механизм выработки внешнеполитических решений США на примере применения американской стратегии «распространения демократии». Рассмотрено влияние общественных, в том числе оппозиционных, сил на принятие решений конгрессом. Показано значение решений конгресса США для корректировки курса исполнительной власти. Работа основана на материалах конгресса и госдепартамента США, разработках ведущих американских учёных, политологов и целых «мозговых центров».

Ключевые слова: распространение демократии, демократия американского образца, «мозговые центры» США, внешнеполитические концепции.

Исследование трансформации теории «распространения демократии» «мозговыми центрами» США во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. показывает, что внешняя политика любого государства имеет традиционные основы и направления. Исторический опыт, политические традиции, национальные особенности восприятия мира формируют стратегическую культуру государств, накладывают отпечаток на приоритеты национальной безопасности. Составной частью культурологического существа американского общества являются «идеи национального величия и необходимость распространять принципы свободы во всем мире»¹.

Общеизвестно, со дня основания США американцам свойственна убежденность, что в их власти «переделать весь мир заново»², что им предопределено свыше быть «хранителями свободы для всего человечества»³.

Политики Соединенных Штатов разных поколений и течений отстаивали идею американской миссии, трактуемую ими как обязанность США распространять демократию по всему миру. Теория «распространения демократии» в различные исторические периоды претерпевала изменения. Лучшие умы США обеспечивали руководство своей страны прикладными теоретическими исследованиями, исходя из интересов и потребностей Соединённых Штатов, применительно к меняющейся международной обстановке.

Рассмотрим некоторые вопросы исследований, выводы и рекомендации американских учёных и видных политических деятелей.

Как уже отмечалось, анализируя внешнюю политику Соединенных Штатов с точки зрения её концептуального, идеологического содержания, профессор М.Х. Хант обратился к культурологическому существу американского общества. Интеллектуальные корни американской внешней политики, по его мнению, определяются конкретной идеологией, составной частью которой является идея национального величия, определяющая необходимость распространять принципы свободы во всем мире. Данный аспект, по заявлению профессора М.Х. Ханта, сыграл определяющую роль в формировании отношения США к внешнему миру в конце XVIII в. и продолжает диктовать его до настоящего времени⁴.

Анализ трансформации теории «распространения демократии» делает целесообразным обращение к исторической ретроспективе вопроса.

К концу XIX в. внешнеполитической элитой Соединенных Штатов было разработано широкое определение интересов национальной безопасности, с помощью которого

¹ Hunt M.N. Ideology and U.S. foreign policy. N.Y., 1987. P. XIII.

² Ibid. P.19.

³ Ibid. P.31.

⁴ Ibid. P. XIII.

объяснялась необходимость приобретения колоний, военно-морских баз, мощного флота, расширение сфер влияния и т.д. Заявлялось, что главной целью территориальных приобретений является распространение идеалов и институтов свободы⁵.

Сущность данной политики со всей очевидностью выявляется в положениях профессора М.Х. Ханта: «Распространение Соединенными Штатами свободы за их пределами создавало, как полагали, условия для дальнейшего расцвета демократии внутри страны»⁶.

Теория «распространения демократии» видоизменялась и наполнялась новыми положениями в зависимости от целей внешней политики в меняющейся системе международных отношений. В частности, американской внешнеполитической элитой была сформулирована концепция «большого цикла». В соответствии с ней после Первой мировой войны США упустили возможность закрепить на международной арене свою ведущую роль из-за собственной изоляционистской политики. После Второй мировой войны с целью недопущения ещё одного глобального конфликта требовалось предотвратить новое сползание США к изоляционизму⁷.

В качестве средства решения обозначенной задачи американские идеологи вновь обратились к политике «распространения демократии». В концепциях американской внешнеполитической элиты подчеркивалось, что агрессивность государств зависит от их политического устройства. Утверждалось, что США как демократическому государству внутренне присуще миролюбие, а «недемократические» государства (например, «коммунистические») по своей сути агрессивны. На основании чего делался вывод, что для безопасности мира необходимо создать союз государств, приверженных свободе, а репрессивным государствам – изменить свой внутренний строй в соответствии с принципами демократии и, тем самым, устранить постоянно существующую для соседних стран угрозу⁸.

Необходимость «распространения демократии» ставила перед США вопрос о возможности вмешательства во внутренние дела суверенных государств, что, в сущности, противоречило нормам международного права. Однако обоснование этой необходимости своевременно подтверждалась соответствующими теоретическими разработками.

Так, с появлением понятия геополитики профессор М.Х. Хант отмечал, что геополитическая картина мира напоминает шахматную доску: чем большую территорию контролирует какое-либо государство, тем надежнее его безопасность и тем слабее противник. В этом контексте покорение всей планеты рассматривается как реальная возможность⁹.

Таким образом, в соответствии с концепцией «шахматной доски» политика «распространения демократии» призвана была обеспечить достижение лидерства США в мире.

Отождествление коммунистической идеологии с тоталитарными режимами стало следствием концептуальных разработок консерваторов, которые представляли идеологическую борьбу послевоенного мира как противостояние тоталитаризма и демократии. Основополагающей в этом ряду следует считать изданную в Нью-Йорке в 1951 г. книгу Х. Арндт «Истоки тоталитаризма»¹⁰. Обуздать тоталитарные движения, согласно Арндт, могут лишь просвещённые личности, которые должны проследить за тем, чтобы «массы вновь не пошли по тоталитарному пути»¹¹.

Своеобразно к этому вопросу подходили представители школы «политического реализма», признанным главой которой был Ганс Моргентау. Теоретики консерватизма трактовали концептуальные основы теории «распространения демократии» с учетом специфики атомного века, обосновывая право США на руководящую роль в международных отношениях. Представители школы «политического реализма», в частности Р. Посони, отмечали: «Суверенитет утратил истинное значение для всех, за исключением наиболее сильных и передовых в техническом отношении государств»¹². В связи с этим ставился вопрос о создании «наднационального порядка», предусматривающего лидирую-

⁵ Ibid. P.32.

⁶ Ibid. P.42.

⁷ Ibid. P.151.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P.152.

¹⁰ Arendt H. The origins of totalitarianism. N.Y., 1951. 526 p.

¹¹ Ibid.

¹² Elliot W. Colonialism: Freedom and responsibility // The idea of colonialism. N.Y., 1958. P.34.

щие позиции Соединенных Штатов, претензии на которые обосновывались концепцией «американизма»¹³. Её сущность была представлена в памфлете, опубликованном в феврале 1951 г. в журнале «Fortune»: США представляют собой не просто нацию, а образ жизни, основанный на универсальной идее. Суть её составляет святость человеческой личности. Историческая миссия, воплощённая в «американизме», состоит в том, чтобы провести по этому пути другие народы»¹⁴.

В 1960-е годы отмечался идеологический и концептуальный кризис внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов. Как известно, именно в этот период высокого накала достигло антивоенное движение против агрессии США во Вьетнаме.

Видные теоретики консерватизма высказывали критические соображения в отношении внешнеполитического курса Соединенных Штатов. Так, Г. Моргантау недостатки внешней политики Вашингтона определял в значительной мере «ложными концепциями и сомнительными принципами, чреватými национальной катастрофой»¹⁵. С аналогичных позиций выступал Г. Киссинджер: «Политическая многополярность делает невозможным навязывание американского образца»¹⁶.

Возродил политику «распространения демократии» Дж. Картер, заняв в 1977 г. пост президента. Американская помощь иностранным государствам, заявлял президент, «будет теперь более отчетливо отражать нашу озабоченность в отношении прав человека»¹⁷. Речь шла, безусловно, об американских ценностях демократии, призванных обеспечить гегемонию США.

Однако администрации Дж. Картера, как считали консервативные критики, не только не удалось осуществить намеченные цели, но ею были допущены серьёзные ошибки, приведшие к ослаблению позиции Соединенных Штатов на международной арене.

Особый этап в развитии теории «распространения демократии» начинается в период президентства Р. Рейгана. По мнению американских исследователей, в центре президентской кампании Р. Рейгана находилась идея имперского возрождения США, их доминирующего влияния в мире. Средством реализации её была избрана политика «распространения демократии».

Со второй половины 1980-х гг. теория «распространения демократии» становится реальным механизмом реализации внешнеполитических целей США. Её концептуальное содержание определяли, по оценке сотрудника Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета Дж. Виника, представители неоконсервативного направления С. Хантингтон, И. Кристол, Н. Подгорец, Н. Глейзер, Д. Мойнихан¹⁸.

При определенных расхождениях в методах реализации цель политической стратегии на 1980-е гг. формулировалась неоконсерваторами как создание «такой международной среды, в которой свободные политические и экономические институты будут процветать в безопасности»¹⁹. Для чего, по заявлениям неоконсерваторов, необходимо утверждение «американского лидерства»²⁰.

Становится понятным, что стратегия «распространения демократии» в трактовках неоконсерваторов, пережив кризис, вновь стала служить обоснованием глобализма США.

Однако на протяжении 1980-х гг. борьба за лидерство Соединенных Штатов в блоковом противостоянии с СССР приобрела иные аспекты. У. Лакер в этой связи подчеркивал: «Стратегия сдерживания коммунизма – это политическая борьба за умы людей»²¹. В данном контексте вполне очевидно, что политика «распространения демократии» трактовалась как невоенная стратегия, призванная внедрить повсеместно ценности американского образа жизни и, тем самым, обеспечить монополию США в мире.

В условиях перестройки в СССР, главного идеологического соперника Соединенных Штатов, политика «распространения демократии» оказалась не просто полезной,

¹³ Jessup P.C. A modern law of nations. N.Y., 1952. P. 185.

¹⁴ USA: The permanent revolution // Fortune. Chicago, 1951. № 1. P.5, 63.

¹⁵ Morgenthau H. A new foreign policy for the United States. N.Y., 1968. P.1,7.

¹⁶ Kissinger H. Central issues of American foreign policy // Agenda for the nation. Wash., 1969. P.112.

¹⁷ Weekly compilation of presidential documents. Wash., 1977. Vol. 13. № 52. P. 1867.

¹⁸ Winik J. The neoconservative reconstruction // Foreign policy. N.Y., 1988/1989. №73. P.135.

¹⁹ The future and President Reagan. West-port (Conn.), 1981. P. 116.

²⁰ Cline R.S. World power trends and U.S. foreign policy for the 1980`s. Boulder (Col.), 1980. P.8.

²¹ Laqueur W. America, Europe and the Soviet Union: Selected essays. New Brunswick (N.J.), 1983. P.77.

она определила направление и глубину происходивших на международной арене процессов. Показательна в этом отношении статья, написанная совместно Г. Киссинджером, В. Жискаром д'Эстеном и Я. Накасоне для журнала «Foreign affairs». Фундаментальные различия систем, взглядов и интересов не могут, отмечали авторы, быстро исчезнуть, поэтому задача состоит в том, чтобы перемены происходили в пользу Запада. По мнению редактора журнала «Foreign affairs» У. Хайленда, в конце 1980-х годов перспективы для американской внешней политики в значительной мере изменились к лучшему. В результате успешной реализации политики «распространения демократии» коммунистическая система переживала глубокий кризис²².

Исследователь из Американского предпринимательского института (г. Вашингтон) Дж. Муравчик утверждал, что США выиграли «холодную войну» практически без больших усилий, причем не силой оружия или искусством дипломатии, а силой демократических идей. Эти идеи были заложены в «доктрине Рейгана», в соответствии с которой оказывалась помощь всем антикоммунистическим силам. При этом концептуально в применении теории «распространения демократии» «коммунизму противопоставлялся не капитализм, а демократия»²³.

Дж. Муравчик считал, что развитие демократического процесса должно занимать центральную позицию во внешней политике США в период, начавшийся после окончания «холодной войны». Мотивы и цели данной стратегии им обозначены вполне определенно: «Продвигать демократию на международной арене стало наиболее важным делом внешней политики Соединенных Штатов. И не с позиции свершения добрых дел, а с позиции защиты национальных интересов»²⁴.

С окончанием «холодной войны» внешнеполитическая мысль Соединенных Штатов предложила новые концепции общественного развития, отражающие американское восприятие мира с позиции единственной сверхдержавы. Курс администрации Дж. Буша-старшего был сформулирован в соответствии с предложениями научных «мозговых центров», прежде всего, консервативной ориентации. Особым доверием у него пользовались разработки Фонда Наследие, в частности рекомендации, содержащиеся в его итоговом документе «Мандат на лидерство-III: политические стратегии на 90-е годы»²⁵. Основные положения данного документа, наряду с предшествовавшими ему разработками второй половины 1980-х гг., позволяют говорить о том, что теория «распространения демократии» к этому времени стала стратегической линией во внешней политике США.

В начале 1990-х гг. С. Хантингтон, говоривший, что «демократия, рожденная в лоне западной цивилизации, постепенно распространяется по всему миру, демонстрируя превосходство и универсальность западной системы»²⁶, сам же модернизировал эту теорию применительно к изменившейся международной обстановке. Он выдвинул новую парадигму мировой политики и роли в ней США: «С окончанием «холодной войны» центральной осью становится взаимодействие западной и незападных цивилизаций. Столкновение цивилизаций – вот что будет определять в перспективе мировую политику. В современном мире... перед Западом стоит сложная и трудная задача – отстоять свои позиции и ценности и сохранить достойное место в плюралистическом мире»²⁷. Исходя из этой цели, как указывал С. Хантингтон, Запад избрал поддержку демократических режимов²⁸.

С. Хантингтон полагал, что в международной повестке дня межцивилизационные проблемы постепенно выходят на первое место. В соответствии с концепцией С. Хантингтона, границы между цивилизациями почти полностью соответствуют пределу, до которого идут страны в защите прав человека: Запад и Япония весьма оберегают права человека; Латинская Америка, часть Африки, Россия, Индия защищают лишь некоторые из

²² Foreign affairs. N.Y., 1989. Vol.9. №3. P.2,7.

²³ Muravchik J. Exporting democracy. Fulfilling America's destiny. Wash., 1991. P.2.

²⁴ Ibid. P.4.

²⁵ Mandate for Leadership III: Policy strategies for the 1990s. Wash., 1989.

²⁶ Huntington S. The third wave: Democratization in the late twentieth century. Norman; L., 1991. V. 11.

²⁷ Huntington S.P. The clash of civilizations? // Foreign affairs. N.Y., 1993. Vol.72. N 3. P.22-23.

²⁸ Ibid.

этих прав; Китай, многие азиатские страны и большинство мусульманских обществ в меньшей мере оберегают права человека²⁹.

Разработка стратегии «распространения демократии» в годы после окончания «холодной войны», кроме всего прочего, имела цель укрепления позиций США в собственно западном мире. В период «холодной войны» Соединенные Штаты были главной силой Запада в борьбе с коммунистической идеологией. С прекращением идеологического противостояния систем роль США в западном мире стала снижаться. Однако внешнеполитические стереотипы США не изменились, американское видение мира по-прежнему предполагало необходимость объединения Запада вокруг Америки.

Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона показывала, что центральной осью геополитики в будущем станет конфликт между Западом и другими цивилизациями³⁰. Политолог обосновывает необходимость сплочения западного мира вокруг наиболее могущественного государства – США – на основе консолидирующей идеи защиты западных ценностей демократии, путём их повсеместного распространения, вместо исторически исчерпавшей себя доктрины сдерживания советской угрозы.

Одной из концепций, выводящих стратегию «распространения демократии» во главу угла американской внешней политики, являлась доктрина «согласованной безопасности», представляющая позиции либеральной школы внешнеполитической мысли США. Она поддерживала основные положения неокантианской школы «демократического мира», главными представителями которой являлись М. Дойл, Д. Лэйк, Б. Рассет, К. Лэн.

Согласно их основному постулату, «демократы не воюют друг с другом»³¹. По этой логике именно демократизация мирового сообщества, а не поддержание геополитического равновесия является основной гарантией обеспечения международной безопасности. Главное же заключается в том, что данные концептуальные установки отвечают, прежде всего, жизненным интересам США. Действительно, задача демократизации мирового сообщества укрепляет положение Соединенных Штатов как лидера в международной политике. США обосновывают необходимость руководства миром тем, что их страна живёт по законам, в наибольшей степени соответствующим универсальным ценностям свободы и демократии.

После окончания «холодной войны» США оказались в беспспорном военно-стратегическом и идеологическом преимуществе в качестве главного двигателя западной демократии. В новых условиях перед США стояла задача, с точки зрения американской внешнеполитической элиты, «сохранить активную роль в качестве единственной глобальной державы»³².

В изменившихся геополитических условиях администрация Дж. Буша-старшего выдвинула доктрину «нового мирового порядка», которая определила концептуальное содержание стратегии «распространения демократии» на новом этапе развития. «Доктрина Буша» предполагала расширение глобального сообщества демократических стран, где главенствующую роль будут играть Соединенные Штаты.

При этом США, традиционно учитывающие как свою, так и противостоящую им силу в международных делах, в 90-е годы XX века уже могли «распространять демократию» по собственному усмотрению. Учёт мнения мирового сообщества стал обязательным.

Одной из основ выдвинутой Дж. Бушем-старшим доктрины «нового мирового порядка» и, соответственно, стратегии «распространения демократии» была концепция «ограниченных целей». Её выдвинул известный конгрессмен-демократ Л. Эспин, который, будучи с 1985 г. главой комитета по вооруженным силам палаты представителей, министром обороны США в 1992-1993 гг., организовал в начале 1990 г. соответствующий «мозговой трест». В его составе были военно-политические эксперты Р. Делеон, Л. Смит и В. Гидри³³.

²⁹ Huntington S. If not civilizations, what? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign affairs. 1993. Vol.72. N 5. P. 186-188.

³⁰ Ibid.

³¹ Лейк Э. Новая стратегия США: от "сдерживания" к "расширению" // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 3. С. 31.

³² Hyland W. Settling global priorities // Foreign policy. N.Y., 1988/1989. Vol.73. P. 40.

³³ Aspin's Formula for U.S. Defense // Congressional quarterly weekly report. 9 Jan. 1993. Vol.51. N2. P. 82.

Несмотря на то, что Л. Эспин представлял демократическую партию, по внешнеполитическим вопросам он, в сущности, стоял на позициях умеренного консерватизма. Л. Эспин и представляемый им «мозговой трест» уделяли повышенное внимание идеологическому аспекту внешней политики, делая упор на так называемые «демократические ценности», интерес к внутреннему устройству государств, определяющему их поведение на международной арене³⁴.

Указанные концепции служили администрации Дж. Буша-старшего идеологическим оформлением для провозглашения активного использования вооруженного вмешательства не только в межгосударственные, но и во внутригосударственные конфликты. Основанием для этого должно было быть соответствие акций тех или иных государств или группировок «демократическим стандартам»³⁵, которые определяли Соединенные Штаты.

Данное развитие консервативной политико-академической элитой стратегии «распространения демократии» в период президентства Дж. Буша-старшего позволило американскому руководству активно пропагандировать использование тактики нанесения ограниченных военных ударов для достижения политических целей³⁶ – установления однополярного мира во главе с единственной сверхдержавой Соединенными Штатами Америки. Наиболее показательным был факт применения этой тактики в кризисе на территории бывшей Югославии.

Приход в Белый дом Б. Клинтона подтвердил приверженность традициям во внешней политике США. Президент-демократ не отказался от наследия консерватизма, а воспринял его основные идеологические постулаты, и в преломлении к конкретной внешнеполитической ситуации активно их использовал и развивал, опираясь на разработки «мозговых трестов».

Новая доктрина Соединенных Штатов, объявленная в сентябре 1993 г., от «сдерживания» к «расширению» определяла концепцию, сущность и цели стратегии «распространения демократии». Она предполагала переход от сдерживания коммунизма путем противопоставления ему демократии к вытеснению коммунистической идеологии и расширению сферы влияния американских ценностей демократии.

Внешнеполитическая элита США, в частности профессор политологии университета штата Флорида Джеймс Ли Рей, один из крупнейших американских теоретиков международных отношений, утверждал, что внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов отвечает интересам всего мирового сообщества: «... Ни один межгосударственный конфликт не достигал стадии войны между государствами, если только все его участники были демократическими странами. Взаимоотношения же между могущественными демократическими и недемократическими государствами были, как правило, особенно напряженными»³⁷.

Однако при различном концептуальном наполнении прагматичная сущность стратегии «распространения демократии» не ставится под сомнение. Показательны в этом плане положения, представленные в статье Ч.В. Мейнса, редактора журнала «Foreign policy»: «Обе администрации как будто решили поддержать все американские политические установки, хотя большинство из них было принято в совершенно других условиях. Дж. Буш стремился установить новый мировой порядок, где бы доминировали Соединенные Штаты. Б. Клинтон добивался расширения круга друзей, признававших лидерство США»³⁸.

Многочисленные подтверждения тому можно найти в публикациях на страницах известных и влиятельных американских изданий таких, как «Time», «Newsweek», «U.S. News and World Report». Общие положения высказаны в статье обозревателей журнала «Time» Дж. Барри и Э. Томаса. В ней авторы утверждали, что в нестабильном мире, созданном после окончания «холодной войны», роль США должна быть определена в качестве «глобального полицейского»³⁹. Внешнеполитическая ситуация показывает реальное воплощение данных установок, на основе трансформированной «мозговыми центрами» США стратегии «распространения демократии». В частности, подтверждением этому служит агрессия блока НАТО во главе с США против Югославии весной 1999 г. под предлогом защиты демократии. Стратегия «распространения демократии» превратилась в

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. Pell urges action in Yugoslavia // Congressional quarterly weekly. 6 June 1992. Vol.50. N 23. P. 1619.

³⁷ Ray J.L. Global politics. Boston, 1990. P. 243.

³⁸ Maynes Ch. W. A Workable Clinton Doctrine // Foreign policy. N.Y., 1993/94. Winter. № 93. P. 6.

³⁹ Barry J., Thomos E. Getting ready for future wars // Newsweek. N.Y., 1990. Vol.113. № 4. P. 28-29, 31.

средство достижения внешнеполитических целей Соединенных Штатов – обеспечение статуса мирового лидера, объявляющего вполне приемлемым с точки зрения национальных интересов нарушение норм международного права.

Доказательством тому служит выдвижение по инициативе США новой доктрины НАТО. В ней нашло отражение новое содержание стратегии «распространения демократии», сформированное во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. «мозговыми центрами» США. В период саммита НАТО, посвященного 50-летию образования блока, 23 апреля 1999 г. было заявлено, что защита прав человека с применением силы возможна и без санкции ООН. При этом цель защиты прав человека, в соответствии с новой доктриной, выше права суверенитета государств. Таковым стало концептуальное содержание стратегии «распространения демократии».

Резюмируя вопрос трансформации теории «распространения демократии» во 2-й пол. 1980-х – 1-й пол. 1990-х гг., следует отметить, что органы высшей государственной власти США во все исторические периоды имели обоснование и поддержку своей стратегической линии на «распространение демократии» от авторитетных политологов, «мозговых центров», создаваемых при содействии американской администрации, видных учёных и политических обозревателей ведущих СМИ. Своевременный «мозговой штурм» давал ответы на комплекс вопросов от разъяснения основ и принципов демократии, к выработке новой тактики в соответствии с изменениями на международной арене, до обоснования применения силы в рамках стратегии «распространения демократии».

Несомненно, практические шаги исполнительной власти США во внешней политике неправомерно определять только разработками «мозговых центров» и видных политологов. Как нельзя говорить и о том, что эти разработки служили исключительно для исполнительной и законодательной ветвей власти. Они использовались, и не в последнюю очередь, для формирования общественного мнения, как и само общественное мнение учитывалось при выработке рекомендаций мозговых центров.

Стратегия «распространения демократии» во 2-й пол. 1980-х – 1-й пол. 1990-х гг. обслуживала национальные интересы США, вступала в противоречия с национальными интересами других стран, но приносила в эти страны демократию, даже если стремление к демократии у них не было очевидным. Четко и ясно цель данной политики определил З. Бжезинский, консультант Центра стратегических и международных исследований: «Поскольку подражание американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, это создает благоприятные условия для установления американской гегемонии»⁴⁰.

TRANSFORMATION OF THE THEORY OF «DISTRIBUTION OF DEMOCRACY» BY THE U.S.«THINK TANKS» IN THE SECOND HALF OF 1980S – FIRST HALF OF 1990S

S.N. BELEVTSOVA

Kursk State University

e-mail: SNBelevtsova@yandex.ru

In the article the mechanism of development of foreign policy decisions of the USA on an example of application of the American strategy of "distribution of democracy" reveals. Influence public, including oppositional, forces on decision-making by the congress is considered. Value of decisions of the congress of the USA for updating a rate of executive authority is shown. Work is based on materials of the congress and a department of state of the USA, development of leading American scientists, political scientists and the whole of "the brain centers».

Key words: distribution of democracy, democracy of the American sample, « the brain centers » the USA, foreign policy concepts.

⁴⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 39.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(4-11)"15/19":(47+57)P+474.2+474.3

НАЧАЛО ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ: НАБЕГ РУССКИХ ВОЙСК В ЛИВониЮ ЗИМОЙ 1558 ГОДА

В.В. ПЕНСКОЙ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Статья, написанная с использованием значительного числа российских и ливонских источников, посвящена начальному этапу Ливонской войны 1558-1583 гг. Основное внимание в ней уделено описанию боевых действий в Ливонии зимой 1558 г.

Ключевые слова: Восточная Европа в раннем Новом времени, международные отношения в Восточной Европе в XVI в., Ливонская война.

Ливонская война по праву считается одним из ключевых событий истории Восточной Европы на переломе позднего Средневековья и раннего Нового времени. Длившаяся четверть века, с 1558 по 1583 гг. и втянувшая в свою орбиту, прямо или косвенно, множество больших и малых государств, она оказала огромное воздействие на дальнейшее развитие региона. И, касаясь причин этой войны, трудно не согласиться с мнением отечественного историка А.И. Филюшкина, отмечавшего, что этот конфликт стал порождением ливонского и балтийского вопросов. Эти же вопросы были связаны прежде всего с дележом наследства «больного человека» Восточной Европы, каким стала в силу целого ряда как объективных, так и субъективных причин (разбор которых не входит в нашу задачу) Ливонская «конфедерация»¹ к середине XVI в., и борьбой за господство на Балтике².

Казалось бы, что с учетом всего вышесказанного Ливонская война (или, как весьма обоснованно предположил все тот же А.И. Филюшкин, Балтийские войны³) должна была бы стать объектом пристального внимания историков, и, на первый взгляд, так оно и есть. Но при внимательном анализе историографии проблемы приходится признать, что полноценного, комплексного и всестороннего исследования по истории Ливонской

¹ В дальнейшем мы будем для удобства использовать этот термин для обозначения конгломерата больших и малых государственных и квазигосударственных образований на территории Прибалтики, сложившегося к сер. XVI в.

² Филюшкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв. М., 2010. С. 91. См., к примеру, также: Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648). Т. I. Борьба за Ливонию. СПб., 1893. С. 253.

³ Филюшкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны... С. 80-94.

войны в отечественной, да и в зарубежной, историографии, по существу, до сих пор нет. Исследованию подвергались лишь некоторые аспекты и страницы ее истории. По большому счету единственной отечественной работой, в которой была сделана попытка сделать целостный очерк ее истории, является вышедшая более полу столетия назад книга В.Л. Королюка «Ливонская война», носящая, к сожалению, в большей степени научно-популярный, чем научный, характер⁴.

Отметим также, что и собственно военный аспект Ливонской войны не получил достаточно полного и всестороннего освещения. Боевые действия рассматривались как отечественными, так и зарубежными историками фрагментарно, в общем контексте войн, что вела Россия при Иване Грозном, или же, как составная часть дипломатической борьбы в Балтийском регионе во 2-й пол. XVI в.⁵ Так что есть все основания согласиться с парадоксальным, но лишь на первый взгляд, мнением А.И. Филюшкина, писавшего с горечью, что «среди войн, которые вела Россия на протяжении своего существования, Ливонская – одна из самых незначительных»⁶. Между тем состояние и доступность (не в последнюю очередь благодаря развитию Internet'a) источниковой базы конфликта позволяет уже сейчас если не досконально, то, во всяком случае, достаточно полно осветить основные вехи войны и ее главные события, причем с учетом точки зрения главных враждующих сторон. И если взять первую, собственно ливонскую фазу этой войны (от момента ее начала до распада Ливонской «конфедерации», т.е. с 1558 до 1561 гг.), то из русских источников в первую очередь заслуживают упоминания разрядные книги – как официальные, так и частные, а также летописи и «История о великом князе Московском» А.М. Курбского. К ним добавляются источники собственно ливонские источники – прежде всего акты материалы, собранные и опубликованные Фр. Бинеманном и К. Ширреном, а также ливонские же хроники⁷. Сопоставление сведений, содержащихся в русских и ливонских источниках, позволяет реконструировать ход событий и оценить их масштаб и последствия.

История Ливонской войны 1558-1583 гг., как это обычно бывает, началась задолго до того, как прогремели первые залпы пушек. И снова процитируем А.И. Филюшкина, который писал, что «в середине XVI века сошлись несколько факторов, из-за которых передел балтийского мира стал неизбежен». Это и упадок немецких рыцарских орденов, обосновавшихся в Прибалтике и Пруссии, и стремительное ослабление некогда могущественного союза северогерманских городов – Ганзы, и освобождение из-под власти Дании Швеции с Норвегией, и стремление Польши и Литвы, объединенных личной унией распространить свою власть и влияние на орденские владения, и желание России поставить под свой контроль отлаженную веками систему посреднической торговли, которую вели прибалтийские города, обеспечив тем самым себе беспрепятственный доступ на

⁴ Королюк В.Л. Ливонская война. М., 1954.

⁵ См., например, соответствующие разделы в работах отечественных историков: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004; Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1989; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003 и др. Среди исследований зарубежных историков заслуживают упоминания, к примеру, следующие: Frost R. The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558-1721. Edinburgh, 2000; Kirby D. Northern Europe in the Early Modern period: The Baltic World 1492-1772. New York, 1990; Kirchner W. The Rise of the Baltic Question. Westport, 1970; Oakley S. War and Peace in the Baltic: 1560-1790. London, 1992; Urban W. The Livonian Crusade. Washington, 1981 and others.

⁶ Филюшкин А.М. Андрей Курбский. М., 2008. С. 88. Кстати, он является автором исследования, посвященного военной истории России времен Ивана Грозного, в которой немало места уделено описанию боевых действий в годы Ливонской войны (см.: Filjushkin A. Ivan the Terrible: a Military History. London, 2008).

⁷ См., например: Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913; Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005; Ниенштедт Ф. Ливонская летопись // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1883; Летописный список, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000; Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000; Разрядная книга (далее РК) 1475-1598. М., 1966; РК 1475-1605. Т. II. Ч. I. М., 1981; Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879; Archiv fur die Geschichte Liv-, Est- und Curlands (далее Archiv). Neue Folge. Bd. II. Reval, 1862; Bd. IX. Reval, 1883; Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562 (Далее Briefe). Bd. I. Riga, 1865; Bd. II. Riga, 1867; Henning S. Lifflandische Churlendische Chronica von 1554 bis 1590. Riga, 1857; Renner J. Livländische Historien. Göttingen, 1876. О хронике Реннера см.: Филюшкин А.И. Особенности рассказа о Ливонской войне хроники Иоганна Реннера // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1 (9). Январь–Июнь. С. 93-100.

рынки северной Европы и к западноевропейским технологиям, прежде всего военным и, как это принято сегодня говорить, «двойного назначения». «Все эти желания и чаяния всех стран Балтийского региона предполагали одно и то же: Ливонский орден должен прекратить существование и послужить во благо других государств своими территориями, городами, деньгами и прочими ресурсами и богатствами», – завершал свою мысль историк⁸. Ослабшая, раздираемая внутренними противоречиями и смутой Ливонская «конфедерация» уже не могла противостоять желанию соседей полакомиться ею, и была обречена.

Эскалация конфликта разворачивалась постепенно. В 1551 г. истек срок очередного русско-ливонского перемирия, однако переговоры о подписании нового соглашения начались только в 1554 г. Они закончились тем, что перемирие было продлено на 15 лет при условии, что ливонцы не будут препятствовать транзитной торговле и проезду иностранных специалистов, приглашенных служить московскому государю, восстановят православные церкви, что были разрушены в ходе Реформации в ливонских городах, не будут заключать союз с Литвой и Польшей против России, и, last but not least, выплатят Москве 60 тыс. талеров «юрьевской дани».

Между тем еще в 1552 г. король Польши великий князь литовский Сигизмунд II обговорил со своим вассалом герцогом Пруссии Альбрехтом Гогенцоллерном план захвата Ливонии, чтобы та не досталась московитам. И при первой же возможности Сигизмунд попытался реализовать этот план. Вмешавшись на стороне своего ставленника рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского в так называемую «войну коадьюторов» 1556 г., он навязал Ордену Позвольский мир⁹.

Среди его статей были две, в особенности задевавшие интересы Москвы – согласие Ордена на союз с Польшей против Москвы и обязательство Ордена содействовать Польше в недопуске в Россию иностранных специалистов. И здесь уже не так уж и важно, полагали ли в Москве факт заключения этого договора *casus belli* или нет. Позвольские соглашения и открытое вмешательство Польши и Литвы в ливонские дела, проволочки ливонцев с выплатой «юрьевской дани», усиливавшаяся блокада Русского государства – все это, да и не только это, делало войну неизбежной. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Ивана Грозного, стали переговоры, проходившие в Москве в декабре 1557 г. между ливонскими послами и представлявшими русскую сторону окольными А.Ф. Адашевым и дьяком И.М. Висковатым.

Эти переговоры проходили в достаточно напряженной обстановке – Адашев и Висковатый настаивали на выполнении условий соглашения 1554 г., тогда как ливонцы всячески старались уменьшить размеры дани, которую они были готовы выплатить. Иван демонстративно поигрывал «мышцей бранной» и, надо полагать, вряд ли случайно прекращение переговоров совпало по времени с ежегодным смотром московской артиллерии и стрельцов. Правда, ливонские послы на нем не присутствовали, но были осведомлены о нем. Как писал член посольства Т. Хернер, расставшись с Адашевым и Висковатым, он и его товарищи, возвращаясь на выделенное им московское подворье, обратили внимание, что «перед царским дворцом сидело на конях множество военачальников Г[осударя] Вел[икого] Князя. Вслед за нами отправился в поле на коне Вел[икий] Князь, сопровождаемый огромной толпой стрельцов; наш же пристав не позволил нам смотреть на Вел[икого] Князя и его толпу, но понуждал (нас) ехать прямо на подворье. После сего через час времени Вел[икого] Князь приказал открыть пальбу из больших и малых орудий, которая продолжалась целый день»¹⁰.

Гром пушек и трескотня стрелецких пищалей, которому незадачливые ливонские послы внимали на протяжении целого дня, вкупе с известиями о том, что на границе Ливонии собралось огромное московское войско (по словам Висковатого – не много ни мало, а целых 200 тыс.¹¹), были более чем недвусмысленным намеком о тех печальных пер-

⁸ Филлюшкин А.И. Андрей Курбский. С. 88-91.

⁹ Об этой войне и о договоре см.: Попов В.Е., Филлюшкин А.И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6). С. 151-184.

¹⁰ Дневник ливонского посольства к царю Ивану Васильевичу // ЧОИДР. 1886. № 4. IV. Смесь. С. 18.

¹¹ Там же. С. 15.

спективах, которые ожидали в очень скором будущем скупых ливонцев, отказывавшихся платить по предъявленному счету.

Сбор рати «на маистра Ливонского и на всю землю Ливонскую», кстати, начался еще в ноябре 1557 г., когда Иван Грозный отправил в Новгород воевод во главе с князем М.В. Глинским и Д.Р. Юрьевым, «людей с воеводами со всеми ноугороцкими и псковскими всеми и из московских городов выбором многих», а также бывшего казанского царя Шигалея и двух «царевичей» Кайбулу и Тохтамыша крымского с татарами, черемисой и даже «черкасских князей Ивана Маашика з братиею» – воистину нашествие «двунадесят язык»!¹² Интересно сравнить то, как описывали эту рать сами ливонцы, с теми сведениями, что сохранились в русских документах. Сведения, которые содержатся в хрониках (например, И. Реннер писал о почти 65 тыс. московитов, вторгшихся в Ливонию¹³), брать в расчет не стоит, поскольку они носят явно пропагандистский характер, чего не скажешь о данных, фигурирующих в переписке орденских должностных лиц. Согласно донесениям с мест и показаниям пленных они оценивали численность царского войска примерно в 21 (или 33) тыс. людей, в т.ч. 1 тыс. *schutzen* (стрельцов), большей частью на конях. Тяжелой артиллерии у русских не было, лишь 3 дюжины «*telhakenn*» или «*töge*» (гаковниц, легких орудий, фальконетов?), вооружение конных воинов составляли копыя, луки и сабли, а в качестве защиты многие имели кольчуги¹⁴.

Согласно же русским разрядам, войско, собравшееся в поход против ливонцев из Пскова, состояло из пяти полков (Большого, Передового, Правой илевой и Сторожевого) под началом 10 воевод, под которыми «ходили» 38 сотенных голов (соответственно 13, 8, 7 и по 5), а также упоминавшихся выше татар, черемис и «пятигорских черкас». В войско были включены по меньшей мере два стрелецких прибора – Тимофея Тетерина и Григория Кафтырева.¹⁵ Эти сведения, при сравнении их с данными Полоцкого разряда 1562/1563 гг., позволяют примерно представить, какой была численность царской рати. Так, в том же Полоцком походе участвовало почти 400 выборных дворян и около 3,3 тыс. новгородских и псковских детей боярских и «земцев»¹⁶, что практически один в один совпадает с числом «сотенных» голов в рати М.В. Глинского и Д.Р. Юрьева! И если считать, что каждый из них привел в среднем одного послужильца и одного кошевого, то только «русский» компонент конной рати составлял порядка 7-7,5 тыс. бойцов и до 3,5-4 тыс. обозников-кошевых. Кстати, выборные дети боярские могли выставить и больше – достаточно посмотреть результаты смотра 1556/1557 г., зафиксированные в так называемой «Боярской книге». К примеру, Русин Данилов сын Игнатъев был «в Неметцком походе 64 (т.е. в 1556 г. против шведов – *В.П.*) сам в доспесе; людей его 4 (ч), в них (ч) в доспесе, (ч) в тегиляе», Степан Федоров сын Нагаев «в Неметцком походе людей его 4 (ч), в них 1 (ч) в доспесе, а 3 (ч) в тегиляех», Ждан Андреев сын Вешняков – «в Неметцком походе людей его 7 (ч), в них 5 (ч) в доспесех, 2 в тегиляех», Федор Левонтъев сын Соловцов – «в Неметцком походе людей его 4 (ч), в них 3 в доспесех, а (ч) в тегиляе; да с Федором же 2 сына его – Иванко в доспесе да Данилко в тегиляе»¹⁷.

К московским, новгородским и псковским детям боярским и дворянам необходимо добавить 3 тыс. татар (под Полоцком около 4 тыс. чел.), и это число, названное русским пленным, отнюдь не представляется преувеличенны. Остались еще 1 тыс. стрельцов (2 названных выше прибора) и, возможно, некоторое количество казаков, и в итоге выходим на примерную численность русской рати в 12-14 тыс. «сабель» и «пищалей» и еще

¹² ПСРЛ. Т. XIII. С. 259.

¹³ Renner J. Op. cit. S. 164.

¹⁴ Archiv. Bd. II. S. 97, 98, 120; Briefe. Bd. II. S. 38.

¹⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 259, 261; РК 1475-1598. С. 170-171; РК 1475-1605. Т. II. Ч. I. С. 17-22; РК 1550-1636. Т. I. М. 1975. С. 72-73.

¹⁶ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 125-128. Кстати, имперский посланник И. Гофман, отчитываясь перед императором Фердинандом I о своей поездке в 1559-1560 гг. к Ивану Грозному, писал, что после провала переговоров в конце 1557 г. русский великий князь отправил на ливонцев некоего князя Яновича (можно только догадываться, кого имел в виду Гофман, уж не Глинского ли?) с 400 «боярами» (sic – !) и «многими другими простыми воинами» (Мадиссон Ю.К. Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559-1560 гг. // Исторический архив. 1957. № 6. С. 137). И снова слишком уж точное совпадение числа «бояр» в январском 1558 г. походе в Ливонию и выборных дворян, что входили в состав государева полка в Полоцком походе!

¹⁷ Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 83, 84, 87.

около 4-5 тыс. в обозе – в сумме до 18 или около того тыс. людей во всей царской рати. Одним словом, если ливонцы и преувеличили численность московского войска, то ненамного¹⁸.

Задача, которая была поставлена царем перед воеводами, посланными наказывать ливонцев за их «неисправленье» (согласно показаниям пленных), была проста – «brennen, morden, rauben» (попросту говоря, жечь, убивать, грабить). Об этом же пишет, к примеру, и Б. Рюссов, автор «Ливонской хроники»: «Московит (т.е. Иван Грозный – В.П.) начал эту войну не с намерением покорить города, крепости или земли ливонцев; он хотел только доказать им, что он не шутит, и хотел заставить их сдержать обещание, и запретил также своему военному начальнику осаждать какую либо крепость». Да и князь А.М. Курбский также прямо указывал на то, что он и его воины получили приказ «не городов и мест добывать, но землю их (ливонцев – В.П.) воевати»¹⁹. И если к этому добавить сведения о составе и структуре московской рати, то на фоне всего этого несколько странно звучит мнение, высказанное А.И. Хорошкевич, которая писала, что «задуманный с огромным размахом, поход разбился о подводные камни внутривосточных разногласий, которые сопровождали Ливонскую войну на протяжении почти всего ее хода»²⁰. Нет, речь шла именно о «продолжении политики иными средствами», о, говоря словами Б.Н. Флоря, «военной демонстрации», «которая должна была принудить Орден отказаться от своей политики саботажа».²¹ Отпуская свою рать «в зажитье» в богатые ливонские земли, царь рассчитывал одним выстрелом убить двух зайцев – дать своим небогатым и свирепым детям боярским, и тем более новым подданным, татарам, прекрасную возможность разжиться «животами» и пленниками, а непонятливым ливонцам наглядно продемонстрировать, что худой мир лучше доброй ссоры, и что лучше заплатить требуемую с них сумму, чем терпеть разорение и опустошение. А в том, что царские ратники отнюдь не намерены церемониться с государевыми врагами, могли убедиться псковичи еще в конце 1557 г., когда поход еще только-только начинался. Как писал псковский летописец, «князь Михайло (Глинский – В.П.) людьми своими, едоучи дорогою, сильно грабил своих, и на рубежи люди его деревни Псковские земли грабили и животы секли, да и двory жгли христианския»²². И если уж на своей земле царские «воинники» вели себя как во вражеской, то как бы они действовали «за рубежом», когда их никто и ничто не сдерживало? Справедливости ради отметим, что поведение немецких ландскнехтов в той же Ливонии было примерно таким же, как детей боярских и уж тем более татар на Псковщине²³.

Но вернемся же обратно к описанию зимнего 1558 г. похода русских войск в Ливонию. Русско-татарский огненный смерч пронесся преимущественно по землям Дерптского епископства, краем задев владения собственно Ордена и рижского архиепископа, и носил, по словам И.А. Филюшкина, «специфический характер», поскольку воины Ивана Грозного «не брали городов и замков (да и сложно было это сделать, не имея «großen geschütze», тяжелой артиллерии – В.П.) но картинно осаждали их, жгли и грабили посады, разоряя округу». За время 2-недельного рейда, по словам историка, было сожжено и разграблено около 4 тыс. дворов, сел и мыз²⁴. Ливонские власти не смогли противопоставить русским ничего равнозначного – «конфедерация», несмотря на очевидную угрозу войны, не сумела быстро отмобилизовать более или менее равнозначные русским силы. Согласно тому же Реннеру, счет пеших и конных воинов в гарнизонах ливонских городов и зам-

¹⁸ Поэтому мы не согласны с мнением А.И. Филюшкина, полагавшего, что в январе 1558 г. по Ливонии огнем и мечом прошелся 8-тыс. русский отряд (Филюшкин А.И. Андрей Курбский. С. 96).

¹⁹ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 67; Рюссов Б. Ливонская хроника. С. 360.

²⁰ Хорошкевич А.И. Россия в системе международных отношений середины XVI в. С. 210.

²¹ Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв. М., 1979. С. 77. См. также: Виноградов А.В. Внешняя политика Ивана Грозного // История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 161, 163.

²² ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235. В описи царского архива значится дело о «сыске князя Михаила Глинского про грабеж, как шел в ливонскую землю» (Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 38).

²³ Рюссов Б. Ливонская хроника. С. 349.

²⁴ Филюшкин А.И. Андрей Курбский. С. 96; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. С. 88. Псковская летопись сообщает о 3,5-недельном рейде, Курбский – о месяце (Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 67; ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235).

ков шел на десятки, в лучшем случае (как в Дерпте) на сотни бойцов²⁵. Естественно, что при таком соотношении сил вступать в «прямое дело» с бесчинствующими московитами было бессмысленно, и не случайно тот же Курбский писал (а в походе он был первым воеводой Сторожевого полка), что за все время, пока они «воевали» «землю Ифлянскую», неприятель «нигдеже опрошася нам битвою»²⁶. В лучшем случае небольшие ливонские отряды, осмеливавшиеся покинуть свои замки и города, побивали отдельные мелкие русские и татарские «загоны», брали немногих пленных, и поспешно укрывались обратно за стенами и башнями, не решаясь вступать в бой с главными силами московской рати. Там же, где они пытались сделать это, их ожидал сокрушительный разгром, как это было под Дерптом или 4 февраля под городком Фалькенау (русские называли его Муков)²⁷.

Но это все было потом, а пока, перейдя в 4-х местах русско-ливонскую границу под Псковом 22 января 1558 г.²⁸, царское воинство разделилось. Главные силы во главе с князем Глинским и «царем» Шах-Али двинулись на Дерпт-Юрьев на северо-запад, обходя Чудское озеро, а часть сил была отряжена на запад и юго-запад. Этой «лехкой» ратью командовали князь В.И. Барбашин и Ю.П. Репнин, а также Д.Ф. Адашев. Помимо татар, «черкас пятигорских» и некоторого числа русских детей боярских, в нее вошли также стрельцы стрелецкого головы Т. Тетерина и казаки, которые, надо полагать, должны были поддерживать огнем действия легкой иррегулярной конницы на тот случай, если неприятель попытается контратаковать.

Действия этой рати, надо сказать, были весьма успешны. Подвергнув опустошению владения Ордена и Рижского архиепископа, они приковали к себе внимание магистра и архиепископа и не позволили им оказать помощь епископу Дерпта, на которого обрушился главный удар. Летописец, опираясь на воеводские «отписки», потом писал, что «князь Василей и князь Юрьи и Данило воевали десять ден», и «у Нового городка (Нейгаузен – В.П.) и у Керекепи (Кирумпаэ – В.П.) и у городка Ялыста (Мариенбург, под которым русские объявились 23 января²⁹ – В.П.), да у городка у Курслова (Зоммерпален – В.П.), да у Бабия городка (Улцен – В.П.) посады пожгли и людеи побии многих и полону бесчислено множество поимали». За 10 дней «лехкая» рать Барбашина, Репнина и Адашева опустошила местность «подле Литовской рубеж, вдоль на полтораста верст, а поперег на сто верст» – можно только удивляться той скорости, с которой действовали русские и татары!³⁰

Завершив свою опустошительную работу в этом районе, русско-татарская рать повернула к северу, на соединение с главными силами под Дерптом, и «сошлись с царем и с воеводами под Юрьевом дал бог здорово». Суровая зима для них – по словам псковского книжника, «зима была тогда гола без снегоу с Рожества христова, и ход был конем ноужно грудовато»³¹, – вовсе не была помехой. Собравшись воедино под Юрьевом-Дерптом, русские полки в течение 3-х дней беспощадно опустошали его окрестности, после чего переправились через Эмбах и двинулись дальше к северу, «направо к морю». Держа главные силы в кулаке на случай появления крупных сил неприятеля, Глинский, Юрьев и Шах-Али медленно катились огненным валом в северном направлении. Как писал летописец, воеводы «воину послали по Ризской дороге и по Кольванской и воевали до Риги за пятьдесят верст, а до Кольвани за тридцать» (11 января русские отряды добрались до Везенберга – В.П.)³². Рассылаемые же воеводами во все стороны мобильные отряды делали то, что им было приказано – *brennen, morden, rauben und todschlagenn*. Примером действий одного из таких отрядов может служить экспедиция под Лаис. Получив от пленников известия о том, что под ним «большая збеж», воеводы «под Лаюс город посылали голов стрелецких Тимофея Тетерина да Григория Кафтырева, а с ними их сотцкие с

²⁵ Renner J. Op. cit. S. 164, 165, 166, 170, 171. Ср., например: Riga's ältere Geschichte in Uebersicht, Urkunden und alten Aufzeichnungen // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. IV. Riga, Dorpat und Leipzig, 1844. S. 167.

²⁶ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 67.

²⁷ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 261; Renner J. Op. cit. S. 167.

²⁸ Форстен Г.В. Указ. соч. С. 87. Первые известия от беглецов с границы орденские власти получили утром следующего дня, 23 января (Archiv. Bd. II. S. 87).

²⁹ Briefe. Bd. I. S. 44.

³⁰ Ibid.

³¹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235.

³² ПСРЛ. Т. XIII. С. 290; Форстен Г.В. Указ. соч. С. 88.

стрельцы, да голов с детми боярскими Михаила Чглокова да Семенку Вешнякова да Федора Ускова и Татар и Черкас и Мордву». Из этого перечня видно, что под Лаис отправился примерно 4-тыс. русский отряд (около 1 тыс. стрельцов, 500-600 русских детей боярских и до 3 тыс. татар, мордвы и «пятигорских черкас»). Стрельцы Тетерина и Кафтырева были, надо полагать, посажены на-конь, чтобы не отставать от легкой русско-татарской конницы, и шли, как это было во время той же 3-й Казани, в авангарде «лехкой» рати с тем, чтобы поддержать огнем конницу, если вдруг она наткнется на противодействие ливонцев. Однако и на этот раз противник не рискнул вступить в «прямое дело». 5 февраля 1558 г. «головы под город пришли, – писал летописец, – а посад пожгли и побили многих людей, убили болши трех тысяч, а поимали множество полону и жеребцов и всякие рухледи»³³. Можно только представлять, какая трагедия, разыгравшаяся под стенами Лаиса, скрывается за этими сухими летописными строками, явно заимствованными из официального воеводского отчета о проделанной работе! Война в те времена – дело чрезвычайно жестокое и беспощадное, и по отношению к мирному населению – совсем не рыцарское.

В середине февраля 1558 г. русское войско пересекло границу южнее Нарвы, переправившись через Нарову по Козьему броду «выше города Ругодива», «и люди царя и государя дал бог все с воеводами вышли здорова», – писал летописец, – «а государевых людей убили под Курсловом в воротех Ивана Ивановича Клепика Шеина да в загонех и ыных местех пяти сынов боярских да стрелцов десять человек да трех татариннов да боярских человек с пятнадцать, а иные люди дал бог здорово». С вестью-сеунчом об успешном окончании похода в Москву поспешили гонцы: от больших воевод и от «царя» – два татарина, «князь Канбаров Мангит да Семев-мурза Кият», а от Глинского и Юрьева – князь В.И. Барбашин и стрелецкий голова Т. Тетерин. 20 февраля гонцы были приняты царем, и он, конечно же, не оставил прибывших без награды. Набег закончился, как казалось на первый взгляд, полным успехом – «неразумные» ливонцы, осознавая свою неспособность противиться требованиям москвитя силой, решились заплатить требуемую с них дань.³⁴ Однако это решение уже запоздало, и остановить начавшуюся войну, которая закончилась вовсе не так, как предполагали ее зачинщики, оказалось невозможно.

BEGINNING OF LIVONIAN WAR: RUSSIAN TROOPS RAID IN LIVONIA, WINTER 1558

V.V. PENSKOY

*Belgorod National
Research University*

e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

This article written with use numerous Russian and Livonian sources and devoted the initial stage of Livonian War 1558-1583. The basic attention in it is given the description of battle operations in Livonia in the winter 1558.

Key words: the Eastern Europe in early New time, the international relations in the Eastern Europe in XVI century, Livonian War 1558-1583.

³³ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 261; Форстен Г.В. Указ. соч. С. 88.

³⁴ См., например: Форстен Г.В. Указ. соч. С. 90-91.

УДК 930.23, 94(470)“16/18”, 94(477)“16/18”, 34.07

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ И ГЕТМАНСКОЙ УКРАИНЫ В ГОДЫ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Я.А. ЛАЗАРЕВ

Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

e-mail: 9Lazarev@gmail.com

Статья посвящена анализу проблемы соотношения правового статуса Гетманской Украины и Киевской губернии в годы петровских реформ в российской историографии XIX–XXI вв. Автор показывает, что данная проблема недостаточно исследована в отечественной исторической науке. Критический обзор историографии демонстрирует ошибочность «включения» Гетманской Украины в состав Киевской губернии.

Ключевые слова: Гетманская Украина, гетман, Киевская губерния, губернские реформы Петра I, И.С. Мазепа.

В российской историографии XIX–XXI вв. можно отметить ряд важных особенностей в изучении реформ Петра I. Преобразованиям Петра I посвящено значительное количество исследований, среди которых можно выделить фундаментальные работы П.Н. Милюкова, М.М. Богословского, Е.В. Анисимова¹. Однако, трудно признать, что на данный момент раскрыты все аспекты преобразований первой четверти XVIII в. К числу таковых следует отнести региональный аспект первой и второй губернских реформ. Еще в начале XX в. Ю.В. Готье отмечал, что «особенности строя каждой из... областей нуждаются в особом монографическом изучении и вполне его заслуживают»². К сожалению, призыв дореволюционного историка не вызвал сколь-либо заметной реакции. Только в современной российской историографии стали предприниматься серьезные шаги к осуществлению проекта, намеченного Ю.В. Готье. В этой связи, отметим работы В.Г. Данченко, Е.А. Андреевой и Н.А. Комолова об особенностях губернского строительства на Северо-Западе и Юге России, а также исследования А.В. Поселеннова и Д.А. Редина, рассматривавших развитие губернских реформ на материалах Нижегородского края и западных уездов Сибирской губернии³. В число весьма существенных лакун попала проблема влияния петровских губернских реформ на окраины⁴, в особенности, на территорию Гетманской Украины. Данный сюжет относится к числу наиболее дискуссионных и политизированных аспектов петровских преобразований. В современной украинской историографии преобладает тренд, сводящийся к крайне негативным оценкам реформ

* Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям по государственному контракту № 02.740.11.0348 на выполнение НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», шифр «2009–1.1–301–072–017».

¹ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого: провинция (1719–1727 гг.); Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: введение подушной подати в России (1719–1728 гг.). Л., 1982; Он же. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.

² Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М., 1913. С. 6.

³ См.: Данченко В.Г. Губернская реформа Петра I на Северо-Западе России: (Адм. управление Санкт-Петербургской губернией). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; Андреева Е.А. А.Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // Петровское время в лицах – 2005: материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 15–31; Комолов Н.А. Формирование Азовской губернии и деятельность высших губернских администраторов в 10-е – 20-е годы XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 1998; Поселеннов А.В. Губернская и провинциальная реформы в России в первой четверти XVIII в.: механизм проведения и результаты: на материалах Нижегородского края: Дис. ... канд. ист. наук / Арзамас. гос. пед. инст-т. Арзамас, 2005; Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007.

⁴ Некоторое исключение составляют монография Я.Я. Зутиса, посвященная истории прибалтийских земель в составе Российской империи (См.: Зутис Я.Я. Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в. М., 1937).

Петра I, которые радикально ограничивали «украинскую» автономию⁵. Появление Киевской губернии рассматривалось как серьезный шаг российского правительства на пути серьезных административных изменений Гетманской Украины⁶. В этой связи уместно проследить как в российской историографии XIX–XXI вв. описывалась история создания Киевской губернии, характер и порядок взаимодействия губернских и гетманских властей, а также территории, находившейся в ведомстве губернатора и гетмана. Сделанный историографический анализ позволит понять, насколько корректно освещалась данная проблематика и какие лакуны присутствовали в исследованиях.

Одними из крупнейших преобразований Петра I являлись первая и вторая губернские реформы, давшие Российскому государству новое территориально-административное устройство. Исследователям XVIII в. прекрасно известны классические монографии дореволюционных историков, в которых были освещены различные аспекты данных реформ⁷. Однако, следует отметить, что для дореволюционных авторов до некоторой степени был характерен генерализирующий подход при изучении губернских реформ Петра I, в рамках которого могло произойти нивелирование региональных особенностей. Одной из таких региональных особенностей Российского государства начала XVIII в. было существование в рамках его территории т.н. Гетманской Украины – автономного государственного образования, находившегося под властью гетмана и генеральной старшины и обладавшего собственной административной, налоговой и правовой системами. Соответственно, возникает вопрос: что произошло с данным регионом во время губернских реформ Петра I? Какой статус был у Гетманской Украины по отношению к созданной в результате 1-й губернской реформы Киевской губернии и как они соотносились между собой?

В 1876 г. вышла первая (и последняя) часть труда историка-юриста П.Н. Мрочек-Дроздовского, посвященная 1-й губернской реформе Петра I. При описании Киевской губернии историк прибегал к довольно крупным «мазкам», что во многом было связано со спецификой применения историко-юридического подхода. В предельно общих словах исследователем давалась территориальная, финансовая и административная характеристика этой губернии⁸. Помимо прочего, автор указывал, что губерния «находилась при особых условиях, – была пограничною». От опасности со стороны казаков и татар ее границы оберегала «Малороссия» (большей частью «переданная» России), «как сторожевой полк (гетманский регламент [возможно, имелся в виду «регIMENT» – Яков Лазарев])». Это, по мысли П.Н. Мрочек-Дроздовского, объясняло присутствие на территории губернии всего 4 гарнизонных и такого же количества кавалерийских полков⁹. К сожалению, автор не давал каких-либо пояснений относительно статуса и место расположения царских войск. Также историк отмечал, что мещане Киева не были включены в подворную перепись и, следовательно, не входили в состав податного населения. В связи с этим П.Н. Мрочек-Дроздовский полагал, что киевляне «состояли на особом положении относительно прочих посадских Киевской губернии»¹⁰.

История создания Киевской губернии была затронута П.Н. Милюковым в фундаментальном сочинении о реформах Петра I. По мнению ученого, появление первых губерний было подчинено военно-фискальным интересам петровского правительства. Наблюдения над предысторией и процессом формирования новых административно-территориальных единиц склонили историка к мысли, что их появлению предшествовало складывание своеобразных «военно-финансовых округов». Свой вывод П.Н. Милюков

⁵ См., напр.: Смолий В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ, 1997.

⁶ См., напр.: Горобець В.М. «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007. С. 276–277; Чухліб Т.В. Козаки і Монархи: міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. Київ, 2009. С. 460; Он же. Секрети українського полівасалітету: Хмельницький – Дорошенко – Мазепа. Київ, 2011. С. 211.

⁷ См.: Мрочек-Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Ч. I. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г.). М., 1876; Милюков П.Н. Указ. соч.; Богословский М.М. Указ. соч.; Готье Ю. Указ. соч..

⁸ Мрочек-Дроздовский П.Н. Указ. соч. С. 211–213, 220, 225, 234–235, 281–282, 288–289.

⁹ Там же. С. 211.

¹⁰ Там же. С. 182.

обосновывал, помимо прочего, ссылкой на историю создания Киевской губернии. По его мнению, эта губерния представляла собой укрупненный Белгородский разряд со столицей в Киеве. П.Н. Милюков отмечал, что в состав нового «округа» были «переданы» 4 города на территории Гетманщины (Киев, Нежин, Чернигов, Переяславль), находившиеся в ведении Малороссийского приказа, а также «города по реке Самаре». Затем эти же города передавались в ведомство Разряда, получившего «высшую власть» над ними. В чем заключалась эта «высшая власть» в тексте монографии не уточнялось. Свои выводы П.Н. Милюков выстраивал на основании обширных цитат из 2 писем Петра I с указами главе Разряда Т.Н. Стрешневу за январь-март 1707 г. В тексте одного из писем содержалось небольшое уточнение о том, что в Разряд следовало перевести «Киев с прочими замками [выделено нами – Я.Л.] черкасскими»¹¹. На основании приведенной цитаты логично возникает несколько вопросов: о содержании свершившейся передачи «малороссийских» городов и возможных изменениях в их положении, а также о статусе царских воевод в них находившихся.

Стоит признать, что в тексте монографии отсутствуют ясные разъяснения по этим вопросам. Подводя определенные итоги сюжетам, касавшимся создания Киевской губернии, историк только констатировал, что отмеченные выше факты показывали «дальнейшую централизацию военного управления». Отчасти, подобную краткость можно объяснить тем, что до реконструкции событий, связанных с 1-й губернской реформой, историк более подробно разобрал практики воеводского управления во второй половине XVII в. В этой части монографии П.Н. Милюков описывал в т.ч. назначения царских воевод в «малороссийские» города¹². Однако, отмечая эти факты, П.Н. Милюков не ставил перед собой цели описать специфику воеводского управления в упоминавшихся «черкасских городках». Таким образом, фундаментальное исследование П.Н. Милюкова не позволяет понять положение 4 «переданных» городов Гетманской Украины и каким объемом полномочий в их отношении обладал глава «округа» Д.М. Голицын. Дальнейшее рассмотрение истории Киевской губернии ученый свел к изложению общей финансовой статистики¹³.

В 1902 г. увидела свет монография М.М. Богословского, посвященная 2-й губернской реформе Петра I. В этом исследовании историк сосредоточил свое внимание по преимуществу на провинциальной губернской администрации (воеводах, комендантах и т.д.). Киевская губерния и автономная Гетманская Украина не вызывала у М.М. Богословского специального интереса. Оказавшиеся в тексте монографии упоминания о Киевской губернии вызывают больше вопросов, нежели дают ответов об особенностях ее деления. В частности, М.М. Богословский отмечал, что не нашел свидетельств разделения в 1710-1715 гг. Киевской губернии на провинции, так как, «вероятно, ... здесь сохранялось старинное деление на полки»¹⁴. Что это были за полки – Гетманщины и/или Слободской Украины – историк не уточнил.

В 1913 г. был издан первый том исследования Ю.В. Готье по истории «областного управления», посвященный «областному делению» и «областным учреждениям» с 1727 г. по 1775 г. Описывая изменения состава Киевской губернии в 1727 г., историк отметил, что данная губерния по замыслу Верховного Тайного совета «должна была состоять из двух почти равных по территории, но совершенно различных по управлению, частей – Малорусской, состоявшей собственно Киевскую провинцию, с автономными полками, и Великорусской»¹⁵. Опираясь «на роспись губерний и провинций 1727 года», Ю.В. Готье так охарактеризовал измененную в 1727 г. структуру Киевской губернии: «Киевская провинция, составляет одну провинцию, заключающую в себе Малороссию левобережную, разделенную на двенадцать полков, пользовавшихся автономией»¹⁶. Следовательно, Ю.В. Готье решил, что Гетманская Украина, хотя и обладала автономией, тем не менее, к 1727 г. являлась частью Киевской губернии. Что же до специфики взаимоотношений киевского губернатора и автономной Гетманщины, то Ю.В. Готье не привел почти никаких

¹¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 259-260.

¹² Там же. С. 234-243.

¹³ Там же. С. 352-355.

¹⁴ Богословский М.М. Указ. соч. С. 48.

¹⁵ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 107.

¹⁶ Там же. С. 109. Прим. 1.

подробностей. Впрочем, во «Введении» историк специально отмечал, что «не чувствовал в себе достаточно сил для того, чтобы подробно изучить все особенности областной жизни отдельных местностей, обладавших некоторой самобытностью исторической жизни». К таким областям Ю.В. Готье отнес, среди прочего, Малороссию и Слободскую Украину. В связи с этим историк отметил, что «особенности строя каждой» подобной области «нуждаются в отдельном монографическом изучении и вполне его заслуживают»¹⁷. С этой формулировкой можно только согласиться. Таким образом, дореволюционные российские историки, изучавшие губернские реформы Петра I, специально не исследовали вопрос об особенностях Киевской губернии и о ее соотношении с Гетманской Украиной. Тем не менее, той небольшой информации о Киевской губернии, оказалось достаточно, чтобы отнести Гетманскую Украину к Киевской губернии (П.Н. Мрочек-Дроздовский, М.М. Богословский, Ю.В. Готье).

В советское время губернские реформы Петра I на монографическом уровне не исследовались. Как правило, эта тема поднималась в работах обобщающего характера. Так, в 7-м томе «Очерков истории СССР» 1954 г., посвященным преобразованиям Петра I, Б.Г. Слицан утверждал, что «проводя реформы областного управления, правительство включило в новое административное деление и территорию Украины. В 1709 г. была образована Киевская губерния, а в 1719 г. основная территория Украины была включена в состав Киевской провинции»¹⁸. По мнению автора, «в состав Киевской провинции были включены следующие города с уездами: Киев, Нежин, Переяславль, Переволочна, Чернигов и Полтава»¹⁹. Об уровне понимания специфики Гетманской Украины Б.Г. Слицаном говорит тот факт, что в 1719 г. на Гетманщине никаких уездов не существовало и не могло существовать, а ее территория делилась на полки.

В 3-м томе десятитомной «Истории Украинской ССР», изданном в 1983 г., указывалось, что в «ходе проведения общегосударственной губернской реформы 1708-1710 гг. Левобережье вошло в состав Киевской губернии, высшая власть на территории которой принадлежала губернатору». Далее автор параграфа об административной истории Гетманской Украины – В.И. Борисенко – утверждал, что согласно «реформе 1719 г., губернии делились на провинции, возглавляемые воеводами», но, несмотря «на эти нововведения, продолжало существовать традиционное полково-сотенное устройство». Следовательно, на «Левобережной Украине сохранялась местная администрация, казацкое войско, судопроизводство, финансовая система, т.е. она пользовалась правом на самоуправление»²⁰. По сравнению с «Очерками истории СССР» в тексте была сделана небольшая корректировка, но общий смысл остался прежним. Слабым местом в сделанной реконструкции можно считать то, что В.И. Борисенко, делая столь громкие выводы, не пояснял, к чему сводилась «высшая власть» киевского губернатора над Левобережьем. Практически дословно воспроизвели положения из «Истории Украинской ССР» авторы (А.П. Ткач и В.С. Кульчицкий) 1 тома «Истории государства и права Украинской ССР», изданной в 1987 г. Небольшое отличие состояло в том, что о киевском губернаторе не было сказано ни одного слова²¹.

В 1982 г. была опубликована статья Е.Г. Авшарова, одно из немногих советских исследований, посвященных 1-й губернской реформе. В этом исследовании основное внимание было сосредоточено на анализе списков городов, приписываемых к губерниям (т.н. «рописей»). При рассмотрении «замечаний» первой главы Киевской губернии Д.М. Голицына, «составившего свою роспись городов», Е.Г. Авшаров пришел к выводу, что он стремился «сохранить в своей губернии существовавшую прежде систему полков и

¹⁷ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 6.

¹⁸ Слицан Б.Г. Реформы местного управления // Очерки истории СССР. Т. VII. М., 1954. С. 338.

¹⁹ Там же. С. 338. Прим. 1.

²⁰ Борисенко В.И. Административное устройство Левобережной Украины, Слобожанщины и Запорожья // Гл. X. Обострение классово-политической борьбы на Украине во второй половине XVIII в. // История Украинской ССР в десяти томах. Т. 3. Киев, 1983. С. 267.

²¹ Ткач А.П., Кульчицкий В.С. Общественно-политический строй и право на Украине в период усиления феодально-крепостнического гнета (вторая половина XVII-XVIII в.) // История государства и права Украинской ССР в трех томах / Ред. кол. Б.М. Бабий и др. Т. 1. Киев, 1987. С. 157.

разрядов»²². Однако, автор не разъяснил, «систему полков и разрядов» какой «Украины» он имел в виду: Слободской и/или Гетманской. Из дальнейших замечаний Е.Г. Авшарова о Киевской губернии становится ясно, что он включал полки Гетманской Украины в состав Киевской губернии. Указывая на исключение из росписи 1709 г. Киевской губернии «сотенного местечка» Сумского полка Недригайлова, исследователь связал это с тем, что «в роспись этой губернии вошли только полковые города без приписанных к ним сотенных». По этой причине «в роспись 1709 г также не вошли: Батурин, Белая Церковь, Веприк, Конотоп, Мглин, Чигирин и другие поселения, официально считавшиеся сотенными городами». Кроме того, Авшаров связал отсутствие в росписи 1709 г. «таких городов, как Канев, Козелец, Остер, Почеп, Стародуб» с тем, что они «владели Магдебургским правом»²³.

Из классификации Е.Г. Авшарова видно, что он даже не задался вопросом об особом статусе Гетманской Украины и ее полков, подчинявшихся гетману. Не учтя этого факта, Е.Г. Авшаров попытался понять, почему в роспись 1709 г. попало так мало городов Гетманщины. Он решил, что в роспись включались только полковые города, а сотенные и обладавшие магдебургским правом – исключались. Однако искусственность и ошибочность такой конструкции становится ясной, если обратить внимание на тот факт, что в росписи 1709 г., например, отсутствовали полковые города Прилуки и Полтава, также полковой город Киевского полка Козелец, где фактически не функционировало самоуправление на магдебургском праве. В то же время в росписи оказались Киев (сотенный город), Чернигов, Переяславль и Нежин, обладавшие подтвержденными Петром I жалованными грамотами на магдебургское право и действовавшим магистратским самоуправлением²⁴. Таким образом, появившаяся в дореволюционной историографии «украинская» лакуна в советский период не была воспринята критически. «Включение» Гетманской Украины в состав Киевской губернии без каких-либо оговорок рассматривалось как реальное историческое событие. Это своеобразное «наследие» советской исторической науки, к сожалению, перешло и в современную российскую историографию.

В 1996 г. под руководством А.И. Юхта была защищена кандидатская диссертация С.А. Седова, посвященная государственной и общественно-политической деятельности Д.М. Голицына. Обширный раздел историк выделил для анализа деятельности Д.М. Голицына во главе Киевской губернии (1707-1719)²⁵. Историк утверждал, что власть главы Киевской губернии²⁶, первоначально распространявшаяся «на Киев, Белгород и русские гарнизоны в других городах», затем расширилась «на все население Украины». На этом основании «интересы центральной власти в лице Д.М. Голицына столкнулись с интересами местной власти», которую олицетворял гетман и его окружение. По мнению С.А. Седова, это «была далеко не последняя причина измены Мазепы». Как полагал автор, измена И.С. Мазепы серьезно отразилась на российско-украинских отношениях. В частности это выразилось в понижении статуса гетмана как главы региона, т.к. Д.М. Голицын «выполнил поставленную ему задачу: отстранить гетмана от ведущих функций управления». В результате этого киевский губернатор «полностью распоряжался в городах Украины», а все «налоги с Малороссии проходили через канцелярию Киевской губернии». Петр I «предпочитал обращаться к губернатору, а не к гетману». В свою очередь, сам Д.М. Голицын позволял себе слать «гетману указы, как своему подчиненному». К тому же приставленный к гетману резидент А.П. Измайлов должен был «в случае необходимости докладывать Голицыну» о действиях гетмана и старшины. Все это, как полагал С.А. Седов, возводило Д.М. Голицына в ранг «первого лица на Украине». В плане соотношения Киевской губернии и Гетманщины исследователь повторял выводы советской историографии о включении последней в состав первой. Это становится ясным, когда ав-

²² Авшаров Е.Г. К истории областной реформы (1707-1709 гг.) // Русский город: исследования и материалы / под ред. В.П. Янина. Вып. 5. М., 1982. С. 95.

²³ Там же. С. 98.

²⁴ О жалованных грамотах на магдебургское право украинским городам см.: Таблица 2 // Кісіль І.М. Соціально-економічне становище міщан Гетьманщини (друга половина XVII – друга половина XVIII ст.): Дис. ... канд. іст. наук / Київ. нац. ун-т. Київ, 2006. С. 215-217.

²⁵ Седов С.А. Д.М. Голицын (1663-1737 гг.): государственная и общественно-политическая деятельность: Дис. ... канд. ист. наук / Ин-т рос-й истории РАН. М., 1997. С. 93-136.

²⁶ До 1711 г. глава Киевской губернии именовался киевским воеводой.

тор пояснял в чем заключалось «особое положение» губернии. На взгляд ученого, оно сводилось к наличию в ее составе «местной гетманской власти»²⁷.

Обращение к тексту самого раздела заставляет усомниться в положениях диссертации. Так, С.А. Седов описывал отношения Д.М. Голицына с гетманом И.С. Мазепой как напряженные. Однако, кроме недоразумений в вопросе строительства Киево-Печерской крепости мы не находим других поводов для столкновения «интересов центральной власти» с местной, что могло бы повлечь измену И.С. Мазепы. Относительно «полного распоряжения» Д.М. Голицына в городах Гетманщины историк знакомит читателя только с выдержкой из «Писем и бумаг» Петра I. Содержание одного из них показывало, что по «росписи» городов 1709 г. Д.М. Голицыну надлежало «присматриваться ко всяким делам, а также и к зборам», оставляя за скобками сам список городов²⁸. Подобный «ограниченный» характер в изложении материала присутствует и в той части раздела, где речь шла о доходах Киевской губернии. Положительно характеризуя деятельность ее главы, исследователь привел только общие суммы доходов, не расписав их источников. Без указаний таких источников вывод о том, что «налоги с Малороссии проходили через канцелярию Киевской губернии», повисает в воздухе. Отчасти это можно объяснить тем, что вне внимания историка оказались приходно-расходные книги губернии за 1710-1712 гг., а также работы М.Д. Чулкова, В.А. Романовского и М.Я. Волкова, в которых было показано наличие независимой финансовой системы Гетманщины со своими налогами и сборами, в том числе и после губернских реформ Петра I²⁹. Возможно, это позволило бы автору скорректировать свою позицию.

Также историк полагал, что появление резидента при гетмане, обязанного «иметь переписку» с Д.М. Голицыным, расширяло полномочия последнего. В обосновании своей позиции автор цитировал только «пункты секретные» А.П. Измайлову (1709-1710), Однако, С.А. Седов практически не показал реальных взаимоотношений между губернатором Д.М. Голицыным и резидентами при гетманском дворе начиная с упомянутого А.П. Измайлова. С.А. Седовым не был затронут значительный комплекс писем резидентов к главе внешнеполитического ведомства Г.И. Головкину, отложившихся в фондах РГАДА и НИОР РГБ³⁰, из которых явствует, что киевский губернатор не мог вмешиваться в деятельность резидентов³¹. Таким образом, С.А. Седов не совсем корректно наделил Д.М. Голицына контролирующими функциями в отношении резидентов. Более того, можно отметить, что А.П. Измайлову в целях предотвращения измены следовало иметь «пересылку и согласие» в т.ч. «с прочими в близости обретающимися» воеводами³², что едва ли означало, что эти воеводы могли его контролировать. После сделанных замечаний становится не совсем понятным то, от каких «ведущих функций управления» был отстранен гетман.

В 1997 г. Институтом Российской истории РАН была подготовленная коллективная монография, посвященная специфике управления национальными окраинами в Российской империи. Относительно административного деления и границ Киевской губернии была приведена самая общая информация³³. В 3 главе исследования ее авторы (М.Б. Булгаков, В.Я. Гросул, Э.Г. Истомина), специально рассматривали особенности взаимоотношений Гетманской Украины с Россией. В этой главе киевский губернатор

²⁷ Седов С.А. Указ. соч. М., 1997. С. 254-255.

²⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПБПВ). Т. 9. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 94.

²⁹ Российский государственный архив древних актов, г. Москва (далее – РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 739; Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. СПб., 1785. Т. II. Кн. I. Ч. 1. С. 28-225; Романовский В.А. Очерки по истории государственного хозяйства Украины XVII в. Дисс. ... докт. ист. наук. Б/м. Б/д.; Волков М.Я. Отмена внутренних таможен в России // История СССР. 1957. № 2. С. 78-95; Он же. Таможенная реформа 1753-1757 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т. М., 1961. С. 184-278.

³⁰ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, г. Москва (далее – НИОР РГБ).

³¹ См.: НИОР РГБ. Ф. 204. Оп. 37. Д. 7; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1710. Д. 4, 18; 1711. Д. 5, 20; 1712. Д. 10; 1713. Д. 4; 1714. Д. 3, 4; 1715. Д. 3, 4, 45; 1716. Д. 3, 4, 18; 1717. Д. 2, 3, 12; 1718. Д. 3; 1719. Д. 2, 3, 24

³² ПБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 314.

³³ Национальные окраины Российской Империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1997. С. 9, 27-31.

упоминался только в связи с учреждением Малороссийской коллегии (1722), когда все «военные дела» Гетманщины «были отнесены к компетенции киевского губернатора»³⁴.

В 2004 г. А. Манько был издан справочник, рассматривавший институт губернаторства в Российской империи. Без каких-либо разъяснений автор утверждал, что в ходе «проведения общегосударственной реформы 1708-1710 гг. Левобережная Украина вошла в состав Киевской губернии, высшая власть в которой находилась в руках губернатора». Как можно видеть, А. Манько практически дословно воспроизвел цитату из 3 тома «Истории Украинской ССР» 1983 г.³⁵

В 2008 г. к 300-летию юбилею первой губернской реформы московскими архивными и музейными работниками был подготовлен специальный каталог выставки, посвященный этому событию. В разделе, касающемся Киевской губернии, описывалось, что на ее территории «практически функционировали две управленческие системы: гетман и губернатор»³⁶. Таким образом, составители каталога фактически «помещали» Гетманщину в состав Киевской губернии.

В своей книге 2011 г. известный биограф гетмана И.С. Мазепы Т.Г. Таирова-Яковлева напрямую связала административно-территориальные преобразования Петра I с изменой Мазепы. Эти преобразования были выражены в концепте «реформ 1707 г.». К ним она отнесла следующие реформы: «ведомственная реформа (перевод Малороссийского приказа в Разряд [sic! – Я.Л.]), областная реформа (создание губерний), создание из казаков “компаний” и передача военных крепостей в управление русскими»³⁷. Любопытно отметить, что в предыдущих работах Т.Г. Таировой-Яковлевой в качестве причины измены гетмана «областная реформа (создание губерний)» не упоминалась вообще. Вместо нее фигурировали некие планы о включении «значительной части Гетманщины в состав Российской империи на общих условиях», одним из которых являлась передача «из Малороссийского приказа в Разряд “города Киева и прочих Малороссийских городов”»³⁸.

В монографии 2011 г. передача «малороссийских городов» из Малороссийского приказа в Разряд, ставшая одной из предпосылок создания Киевской губернии, отмеченная еще П.Н. Милюковым, была обозначена одновременно как часть «ведомственной» и «областной» реформ. В развитии своей концепции историк ссылалась на письма Петра I с указами главе Разрядного приказа Т.Н. Стрешневу от 29 января и 1 февраля 1707 г. В них указывалось, что к Белгороду следовало передать Киев и «прочие замки в Черкасских городах». По мнению Т.Г. Таировой-Яковлевой, это свидетельствовало о том, что «украинские города в административной системе управления объединялись с русским Белгородом» во главе с Д.М. Голицыным. Об этих «реформах» И.С. Мазепа был уведомлен на военном совете в Жолкве, где разрабатывался план сдерживания наступающей шведской армии. В качестве аргументов историк ссылалась на посланные «для ведома» некие «грамоты ис приказу Малые Росии» 19 марта 1707 г.; письмо С. Яворскому соратника Мазепы – Ф. Орлика от 1721 г., а также указы весны 1707 г.³⁹ На основании этих документов исследователь приходит к следующему выводу: «Петр принял решение о включении значительной части Украинского гетманства в состав России на общих условиях»⁴⁰.

Однако, описание посланных к И.С. Мазепе «грамот» историк опустила. Письмо Ф. Орлика было написано более чем через десятилетие после рассматриваемых событий и описывало лишь некое недовольство гетмана Петром I после военного совета. Однозначно утверждать, что такая реакция была вызвана решением Петра I по передаче «замков в Черкасских городах» под управление белгородского воеводы, едва ли возможно. Такая ре-

³⁴ Национальные окраины Российской Империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1997. С. 137.

³⁵ Манько А. Блостители верховной власти: институт губернаторства в России. М., 2004. С. 74-75.

³⁶ Киевская губерния // Губернии при Петре Великом (300-летие первой губернской реформы). М., 2008. С. 47.

³⁷ Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. М.; СПб., 2011. С. 322.

³⁸ Яковлева Т.Г. Мазепа – гетман в поисках исторической объективности // Новая и Новейшая история. № 4. 2003. С. 56-57; Таирова-Яковлева Т.Г. Гетманщина и ее инкорпорация в Российскую империю // Западные окраины Российской империи / Ред. кол. А.И. Миллер и др. М., 2006. С. 51-53.

³⁹ Она же. Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. М.; СПб., 2011. С. 323-324.

⁴⁰ Национальные окраины Российской Империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1997. С. 324.

акция могла быть как результатом впечатлений от военных обязательств, которые ложились на Гетманщину, так и банально от приступа подагры⁴¹. О том, что на самом деле происходило на военном совете в Жолтве мы можем только догадываться. Отметим только тот факт, что ни о каких «планах» административных реформ на военном совете в Жолтве не упоминают ни И.С. Мазепа в «прелестном письме» стародубскому полковнику И.И. Скоропадскому от ноября 1708 г., ни Петр I во время работы над редактированием «Истории Свейской войны». Первый сообщал своему адресату о том, что под предлогом обороны царские войска стали занимать города Гетманщины. Второй же подробно описывал возможные варианты для генерального сражения, в т.ч. и с поражением от шведов и отступлении с Гетманской Украины, что едва ли устраивало И.С. Мазепу⁴².

Согласно Т.Г. Таировой-Яковлевой, о «ведомственной» реформе свидетельствует «целый ряд документов». В качестве одного из таких документов исследователь приводит указ от 14 мая 1707 г. Из него следовало, что в Разряд передавались «город Киев с прочими замками черкасскими город Чернигов, Нежин, Переяславль, Новобогородицкой, что на реке Самаре и тех городов всяким». По мысли Т.Г. Таировой-Яковлевой, отмеченный выше «список передаваемых городов показывает, что речь шла обо всем Украинском гетманстве»⁴³. Сама автор не объяснила, почему положение указа о «прочих замках черкасских» следует отождествлять со «списком городов» «Украинского гетманства». После сделанного вывода исследовательница попыталась показать ход осуществления «ведомственной» реформы. Для этого она привлекла несколько выписок из одной книги 229 фонда РГАДА. Согласно одной из них, в «Разряд бы прислан “сундук” Киевского поветья, в котором лежали дела по Киеву, Чернигову, Нежину и пр.»⁴⁴. Приведенный факт сложно назвать неизвестным. На это указывал еще П.Н. Милюков со ссылкой на статью А.А. Гоздаво-Голомбиевского⁴⁵. Из других выписок следовало, что в это же ведомство передавались «все основные кадры Малороссийского приказа», а в «1708 году реформа продолжалась», т.к. «имеется запись о назначении денежных окладов старым и молодым подьячим, переведенным из Малороссийского приказа в Разряд»⁴⁶. Наличие этих фактов дает основание исследователю поставить важный вопрос: «Что означала эта передача ряда украинских городов из отдельного Малороссийского приказа в Разряд?». На него историк дала следующий ответ: «Она означала превращение Украины из “иностранного”, т.е. автономного государства в обычную провинцию России»⁴⁷. Сделанные наблюдения, по мысли историка, должен был подтвердить список городов, вошедших в состав Киевской губернии в рамках «областной» реформы⁴⁸.

Такие наблюдения Т.Г. Таировой-Яковлевой о «ведомственной», а также «областной» реформах уже на первый взгляд вызывают ряд вопросов. Например, в приводимом ей списке городов к территории Гетманщины имели отношение Киев, Нежин, Чернигов, Переяславль и крепости по реке Самаре (Новобогородицк, Сергиевский-на-Самаре, Орел-городок). Остальные города из списка находились на территории Белгородского и Севского разрядов. Следовательно, перечисленные выше «украинские» города вряд ли представляли собой «значительную часть» Украинского гетманства. Также ставят под сомнение выводы Т.Г. Таировой-Яковлевой краткие биографии служащих Малороссийского приказа, переведенных в Разряд. Из источников следует, что 7 мая 1707 г. были взяты «в Розряд из Малороссийскаго Приказа с киевским и других 5 городов поветьем подьячие: старый Иван Петров и молодые: Василий Мячковский и Кондрат

⁴¹ О приступах этой болезни у И.С. Мазепы Т.Г. Таирова-Яковлева рассказывает на протяжении целой главы. См.: Там же. С. 288-314.

⁴² Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским. Ч. 1. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. Кн. I. Отд. II. М., 1858. С. 174; Майкова Т.С. Петр I и «История Свейской войны» // Россия в период реформ Петра I / Под ред. П.И. Павленко. М., 1973. С. 129-130.

⁴³ Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. М.; СПб., 2011. С. 324.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 261. Прим. 5; Гоздаво-Голомбиевский А.А. История Разрядного архива (1711-1812) // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. V. М., 1888. С. 15-17.

⁴⁶ Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. М.; СПб., 2011. С. 325.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 327

Федоров». Их общий оклад составлял 205 руб. 26 коп.⁴⁹ Однако, эти трое подьячих отнюдь не составляли «основные кадры Малороссийского приказа». По указу 1710 г. оставшимся служителям этого учреждения полагалось 843 руб. годового жалования⁵⁰. К 1713 г. в штате приказа числилось 7 подьячих разных статей, которым полагалось общее годовое жалованье в размере 436 руб.⁵¹ Основные кадры Малороссийского приказа продолжали служить на своем старом рабочем месте, а отнюдь не в Разряде. Следовательно, в 1707 г. было передано лишь одно повытье «киевского и других 5 городов». Действительно, практически во всех официальных указах, на которые ссылалась Т.Г. Таирова-Яковлева, а до нее П.Н. Милюковым, четко указывалось, что передавались «замки», где были царские воеводы. Общее число этих «замков» не выходило за пределы 4 «малороссийских городов» (Киев, Нежин, Чернигов, Переяславль) и крепостей по реке Самаре. Следовательно, попытки Т.Г. Таировой-Яковлевой на основании этих сведений реконструировать некие «реформы 1707 г.» можно признать весьма спорными. По нашему мнению, описание некой «ведомственной реформы» является результатом искажений и подгонки понятий источника историком под свою концепцию, которая в историографии была далеко не нова.

Сделанный историографический обзор выявил очень важную проблему определения административных границ Киевской губернии и Гетманской Украины. Дореволюционные историки, специально занимавшиеся историей создания губерний, в отношении этого вопроса не придерживались строгих формулировок. Положения их исследований были довольно расплывчаты (П.Н. Мрочек-Дроздовский, М.М. Богословский) или имели ряд оговорок (Ю.В. Готье). Ситуация несколько изменилась в советский период. На этом этапе развития отечественной исторической науки «включение» Гетманской Украины в состав Киевской губернии рассматривалось как реальное историческое событие. В современной российской историографии тезис о «включении» Гетманской Украины в состав губернии получил дальнейшее развитие. В специальных работах С.А. Седова и Т.Г. Таировой-Яковлевой была предпринята попытка выяснить статус киевского губернатора, его полномочия, а также прояснить судьбу «Украинского гетманата» в контексте петровских реформ первого десятилетия XVIII в. Следует отметить, что оба исследователя не вводили принципиально новых архивных источников, а также не учли ряд опубликованных документов. Созданные историками, особенно Т.Г. Таировой-Яковлевой, реконструкции вызывают ряд серьезных вопросов. Следовательно, вопрос о соотношении Гетманской Украины и Киевской губернии в отечественной историографии не получил должного освещения.

На наш взгляд, история губернских реформ Петра I на примере Киевской губернии заслуживает отдельного монографического исследования или серии специальных статей. Для разрешения вопросов, касающихся определения административных границ Киевской губернии и Гетманской Украины, статуса киевского губернатора, следует комплексно изучить ряд важных аспектов истории губернии. К ним мы относим детальное изучение истории возникновения Киевской губернии, выяснения ее штатов, категорий податного населения, подробного перечня собираемых налогов, характера и порядка взаимодействия губернских и гетманских властей, определения территории, находившейся в ведомстве губернатора, а также введение в научный оборот регламентирующих документов (например, инструкций губернаторам). Только после выполнения перечисленных выше задач можно будет окончательно поставить точку в раскрытии проблемы соотношения Киевской губернии и Гетманской Украины. Осуществление столь серьезного проекта позволит подтвердить или опровергнуть имеющиеся историографические взгляды на российско-украинские отношения первой четверти XVIII в.

⁴⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.В. Калачова (далее – ДППС). СПб., 1880. Т. I. С. 332.

⁵⁰ ДППС. Т. II. Кн. I. С. 102.

⁵¹ ДППС. Т. III. Кн. I. С. 195.

ON THE CORRELATION OF KIEVAN GUBERNIA AND THE HETMANATE DURING THE PETRIN REFORMS IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Ya.A. LAZAREV

*Institute of Humanities
and Arts, Ural Federal University
named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg*

e-mail: 9Lazarev@gmail.com

This paper analyzes the legal status parity of the Hetmanate and Kievan gubernia during the petrin reforms in russian historiography XIX-XXI centuries. The author shows, that the problem have been insufficiently investigated in russian historiography. A critical review of the historiography demonstrates the fallacy of "inclusion" Hetman of Ukraine in Kievan gubernia.

Key words: Hetmanate, Kievan gubernia, provincial reforms of Peter I, I.S. Mazepa.

УДК 941471.081

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СОСЛОВИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ ДЕСТРУКТИРОВАНИЯ СОСЛОВНОГО СТРОЯ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА (СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

В.А. ШАПОВАЛОВ
К.Н. ЛОБАНОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

В работе проведен социопсихологический анализ становления нового социального статуса у представителей основных сословных сообществ пореформенной России, когда проходила системная перенастройка сословных ценностей. Особое внимание уделено взаимосвязи социопсихологических установок у представителей различных сословий в условиях межсословной эмансипации.

Ключевые слова: социальная психология, социальный статус, сословная структура, пореформенный период.

Отмена крепостного права, последующая межсословная эмансипация, в ходе которой постепенно устранялись сословные различия, стали причиной объективного процесса трансформации социального статуса у представителей каждой сословной общности, как с позиции реализации внутреннего «Я», так и внешних факторов модернизирующегося общества. Социально-психологические аспекты в данном вопросе были тесно увязаны с политическими, социально-экономическими, культурными процессами, отчасти их, опосредуя, с другой стороны, подвергаясь и их непосредственному влиянию. В то же время, степень осознания, проецирование собственного социального статуса в каждой сословной среде было обусловлено многими составляющими, охватывающими всю специфику жизнедеятельности отдельной сословной общности, включая стратификационные различия¹.

В настоящей статье в качестве объекта изучения становления нового социального статуса взяты три базовые сословные общности: дворянство, крестьянство и купечество. Анализ социопсихологической трансформации их воззрений на эволюцию собственного социального статуса в пореформенный период поможет выявить основные направления в общесословном контексте рассматриваемой проблемы и стать отправной точкой для подобного исследования по другим сословным сообществам.

Трансформация нового социального статуса, в контексте самореализации внутреннего «Я», в пореформенный период была обусловлена следующими социопсихологическими связями.

Незаметное для пореформенного обывателя воздействие новых социальных веяний на его сознание. Так, например, отмена крепостного права способствовала модернизации аграрного традиционализма помещиков в сторону мышления сельского буржуа, несмотря на то, что значительная часть из них была сторонником прежних хозяйственных порядков². Отдельные помещики Центрального Черноземья, в частности, Курской губернии, рвали не читая Манифест об отмене крепостного права, разосланный местными властями каждому помещику³. Новый социальный статус пореформенных помещиков

*Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 6.2922 «Исследование специфики формирования нового социального статуса у представителей различных сословий провинциальной России в 60-90-е гг. XIX в. (проблемы социальной адаптации), выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России в период империи (XVIII – начало XX вв.). СПб., 2003. Т. 1. С. 522-528; Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004. С. 239-259; Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009. С. 721-739. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века, Л., 1973. С. 271-277.

² Русское дворянство // Наше время. 1862. № 5; Сельскохозяйственные выставки // Народное богатство. 1862. № 8.

³ Пушкирев С.Г. Воспоминания историка. 1905-1945. М., 1999. С. 74.

пугал не только неотвратимостью буржуазной модернизации своих хозяйств, но неизбежными изменениями восприятия окружающего мира, включая и религию. Общее их настроение сформулировал известный русский философ рубежа XIX-XX в. К.Н. Леонтьев: «...все истинно великое, и высокое, и прочное вырабатывается ни как не благодаря повальной свободе и равенству, а благодаря разнообразию положений, воспитания, впечатлений и прав, в среде, объединенной какой-нибудь высшей и священной властью»⁴. Но со временем социальные правила и устои пореформенного периода стали неотъемлемой частью жизни всех помещиков, как бы они этого не хотели.

Влияние социальной реальности на самоощущение пореформенного обывателя, его значимость в собственных глазах. Будучи представителями различных «состояний», люди прекрасно осознавали, что они, в рамках сословно жестко структурированного общества, в правовом, социальном отношениях отличаются друг от друга и как окружающие реагируют на эти отличия⁵. Крупный российский этнограф начала XX в. О.П. Семёнова-Тян-Шанская отмечала по этому поводу: «...психология «Ивана» (крестьянина – В.Ш.) довольно сложная; с одной стороны, он не уважает барина, зато, что он не умеет обращаться с землей и трудится над ней по-мужицки, а, с другой стороны, – величие барина. Очевидно, существует крестьянское эстетическое представление о барине, как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику»⁶. В западноевропейской и американской историографии осознание единства на уровне социальной общности носит название коллективной (гражданской – при становлении буржуазного общества) идентичности. Идентичность здесь следует понимать как культурное измерение социального существования, которое формируется в коммуникативном процессе. Коллективная идентичность равным образом конструируется в коллективном контексте: с одной стороны, общность создается на базе доверия и солидарности, с другой стороны, проводятся различия и границы между коллективом и внешним по отношению к нему миром. Эти процессы отмечены интенсивным производством символов, причем под символом здесь следует понимать знак, с которым связывается, то есть ассоциируется некое значимое содержание. Например, манеры в благородном сословии, честное слово у купечества, трудолюбие у крестьянства. Конструкция солидарности и размежевания в особенности имеет предпосылкой социальную дифференциацию и контроль над ресурсами (доступ к общественным благам, ресурсам и т.д.)⁷. Здесь ярким примером может служить факт того, что подавляющая часть чиновников высших рангов являлась дворянами.

Сословный эгоизм искажал социальные суждения. В силу специфики психического восприятия окружающей действительности человек не являлся и не является бесстрастным оценщиком событий. В случае возникновения социальных проблем, представители какой-либо сословной общности возлагали основную ответственность за случившееся на представителей других сословных корпораций или представителей коронной администрации, но редко искали причину в себе. Так, значительная часть крестьян все свои хозяйственные невзгоды традиционно видела в причине малоземелья из-за дворянского землевладения, не анализируя собственные устаревшие представления о земледелии⁸. В ходе реализации реформы 19 февраля 1861 г. помещичье дворянство ощущало себя жертвой принесенной на алтарь отечества. Следствием чего, по его мнению, от данной реформы выиграли все сословия, кроме дворянства. Свое пореформенное «оскудение» помещичье дворянство не желало связывать с собственной бесхозяйственностью. К тому же, падение престижа дворянского достоинства увязывалось с опасностью для стабильности

⁴ Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 102.

⁵ Майерс Дэвид. Социальная психология. СПб., 2011. С. 48.

⁶ Шнайдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб., 1908. С. 15-16.

⁷ Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г. Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. С. 22-23.

⁸ Дроздов В.П. Экономическое положение пореформенного крестьянства // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911. С. 369-370; Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Кисилева. СПб., 1993. С. 44; Перепелицин А.В., Фурсов В.Н. Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний России в пореформенный период. Воронеж, 2005. С. 199; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861-1880. М., 1978. С. 231.

российской государственности. Н.П. Семенов прямо указывает: «...поспешная ломка нашего быта и наших вековых учреждений после освобождения крестьян, сокрушавшая устои нашего политического строя, для того, чтобы уравнивать все сословия, ничего не поставив на их место, представляет серьезную опасность для государства. Монархия не мыслима без сословий, и падение дворянства, как показывает нам история, влечет и за собой и падение монархии...

Служа верой и правдой Престолу и Отечеству поместное дворянство, при этой реформе, принесло в жертву, за себя и потомство, даровую рабочую силу своих крепостных людей и отдало отошедшие от него в надел крестьянам земли за весьма скромное выкупное вознаграждение. С потерей права владеть исключительно такими имениями, которых отличительным признаком была их населенность, дворяне утратили самое существенное преимущество, связывавшее их в одно цельное, соединенное общими интересами, сословие»⁹. Формирование нового социального статуса напрямую было связано с трансформацией межсословных представлений друг о друге, «несправедливой» социальной приоритетности у другой сословной общности.

Забота о собственном социальном статусе напрямую корректировала социальное поведение представителей всех сословных сообществ. В надежде произвести благоприятное впечатление тратились не малые средства на престижное, по меркам определенной страты каждого сословия, жилье, его обстановку, одежду, обувь, обучение, досуг и т.д. Эти действия можно назвать стратегическими, так как они имели, в своей основе, плановую направленность и далеко идущие расчеты. Естественно, в разных сословиях они имели различный характер, степень затрат материальных и физических сил. Многие зависело так же от определенной страты отдельного сословия, где проецирование себя обходилось дороже по мере социального возрастания страты вверх. Как и сегодня, в пореформенный период большая часть поступков продиктована была заботой о собственном имидже. Например, на рубеже XIX-XX в. в Воронеже каждый уважающий себя горожанин должен был иметь не только дом (квартиру), но и загородную дачу. Это резко подымало его престиж в глазах местной публики¹⁰.

Данные социопсихологические связи показывают, что в пореформенный период существовала неразрывная социальная связь между отдельной личностью (сословной корпорацией) и окружающими, и эти связи имели двустороннюю направленность. Мысли и чувства, связанные с собственным «Я», влияли на интерпретацию, происходивших вокруг событий, на то, как их вспоминали, и на реакции представителей других сословий, членов собственной корпорации, страты. Они же, в свою очередь, помогали формировать не только восприятия самого себя, но и определять свой социальный статус, который на протяжении не длительного времени мог поменяться не один раз. В целом социопсихологическая направленность эволюции менталитета пореформенного обывателя направлялась буржуазной трансформацией российского общества и это касалось представителя любой сословной общности.

Социально-психологические установки на собственное «Я», то есть, проецирование своего социального статуса во многом зависело от способности субъекта к социальной адаптации пореформенного периода. Данный период был временем кардинальных перемен как экономического, так и социально-политических планов, когда сословная структура теряла прежнюю жесткость социальных перегородок, и с начала 80-х гг. XIX в. постепенно набирал силу процесс классообразования. Кардинальность и масштабность социальных перемен ставила перед отдельной личностью из любого сословия серьезные проблемы не только социопсихологического плана, но и перспективу многовекторности выбора социального статуса, так как социальные вертикальные перемещения могли быть направлены не только вверх, но и вниз. Недаром американский историк, специалист по социальным структурам Элис К. Виртшавтер, большое внимание уделил разночинцам в социальной структуре Российской империи, где «плавились» представители различных сословий, называя их лицами без прав дворянства¹¹.

⁹ Семенов Н.П. Наше дворянство. СПб., 1899. С. 34-35.

¹⁰ Попов П., Фирсов Б. Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII – XX веков. Воронеж, 2009. С. 181-184.

¹¹ Виртшавтер Элис К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 5.

Как отмечает известный психолог Т. Лири, оптимальность и плавность социально-психологической адаптации зависела от умеренности личных качеств и социальных притязаний¹². В переломные эпохи, каковой являлся и пореформенный период, эту связь было трудно осуществить у дворянства и в среде бывших крепостных крестьян, так как мало кто из них представлял себе точную ось координат собственной социальной адаптации. В других сословных сообществах она не представлялась такой масштабной и сопряжена была, в основном, с позитивными социальными ожиданиями. Наиболее болезненно социальная адаптация проходила у дворян, которые осознавали, что времена привилегированного сословия проходят. В этой связи, Н.П. Семенов, отражая доминирующие настроения помещиков, писал: «К сожалению после освобождения крестьян не было своевременно принято мер к сохранению органической государственной связи помещного дворянства с крестьянским сословием и к упрочнению связи дворянства с землей, а вследствие того утратилось и влияние помещиков на крестьянскую и местную жизнь вообще.

После освобождения крестьян в основу преобразований шестидесятых и семидесятых годов легло начало, не соответствующее нашему историческому призванию и не вызываемое государственными потребностями, а именно: разрушение сословности, на которой держался наш монархический строй управления...»¹³. То есть, новый социальный статус для большей части помещного дворянства не вписывался в рамки традиционных сословных ценностей и кардинально менял привычный образ жизни. Следовательно, он должен был нести в себе негативную социальную составляющую.

Важнейшим внешним фактором для трансформации социальной психологии представителей всех сословий, исходящим со стороны верховной власти, стала реформа 19 февраля 1861 г. Сами ее принципы и ожидаемые результаты недвусмысленно показывали, что в развитии российского общества наступает совершенно новый период и каждому обывателю придется адаптироваться к новым пореформенным реалиям, менять не только устоявшиеся воззрения и привычки, но и свой прежний социальный статус¹⁴. Большая часть российского образованного общества понимала, что это только начало и должна была быть продолжена цепь буржуазных реформ. В итоге это и произошло, вылившись в цепь Великих реформ 60-70-х гг. XIX в. Новый социальный статус дворян и крестьян различных категорий объективно поставил задачу выстраивания новых межсословных коммуникативных связей, с учетом уже иного статуса. В одночасье это сделать было невозможно. Социальные ожидания как позитивного, так и негативного планов, вековой сословный традиционализм восприятия представителей других сословных корпораций объективно затрудняли этот процесс, делая его многоуровневым, в контексте межстратификационных связей. Например, характер межсословного общения крупного помещика с купцом имел одну направленность, которая отличалась от межсословной коммуникации мелкопоместного дворянина с купцом или зажиточным крестьянином. В первом случае коммуникативная связь если и не имела равные полюса, то не столь очевидные, во втором случае все могло быть и наоборот, социально незащищенной стороной мог себя чувствовать мелкий помещик. Теперь сословное достоинство уже не определяло социальный статус, как это было в дореформенный период.

Судебная реформа, хотя и определяла специфику судопроизводства в крестьянской среде, даже оставляя телесные наказания, в целом находилась в рамках традиции межсословной эмансипации. Земская реформа 1864 г. привлекла в структуры местного самоуправления представителей всех сословных сообществ, сделав через куриальную систему выборов упор на помещное дворянство, но, тем не менее, ликвидировала дворянскую монополию на административную власть, как на губернском, так и на уездном уровнях. Пореформенный социальный статус каждого представителя отдельного сословия предопределял возможность его участия в структурах местного самоуправления,

¹² Нартова-Бочавер С. Психология личности и межличностных отношений. М., 2001. С. 73.

¹³ Семенов Н.П. Указ. соч. С. 51.

¹⁴ См. например: Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / сост. К.А. Сафроненко. М., 1954; Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская инициатива. М., 1991; Реформы Александра II / сост. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М., 1998.

правда, на основе имущественного ценза, что было нормой в буржуазном обществе того времени. Тем не менее, это был чрезвычайно важный шаг в деле управленческой адаптации на местах значительной части населения, пусть даже и в перспективе. Но это и вызвало нескрываемое раздражение в консервативной части дворянства, которое остро ощущало изменение своего социального статуса в сторону сближения с представителями других сословных сообществ. Один из идеологов русского консерватизма А. Пазухин с явным сожалением отмечал: «Новосозданное земство не имеет определенных свойств, которые бы дали возможность, хотя в общих чертах, установить положительные его признаки как известного фактора в государственном организме. Отличительная черта нашего земства есть случайность его состава и направления... Вместе с представителями помещичьего дворянства, сюда являются и фабриканты живущие в столицах, приезжающие на эти съезды один раз в трехлетие, с целью похлопотать о земской партии, которая бы была милостива к их партиям, и владельцы кабаков, единственный интерес которых есть спаивание народа и избавления от налога их заведения, и кулаки, выбранные в уполномоченные от съезда мелких землевладельцев и желающие попасть в члены управы»¹⁵.

Сословный традиционализм консервативной части дворянства, способствовал негативному восприятию нового социального статуса помещичьих владельцев, в частности в вопросах земского самоуправления, отождествляя его не с новыми пореформенными реалиями, а с якобы негативной сущностью земцев из других сословных сообществ, отрицая, тем самым, их новый социальный статус. Здесь просматривается очевидное наличие одной из социопсихологических связей межсословной коммуникации, когда свои проблемы связывали не с собственной деятельностью, а причину видели в представителях других корпораций. Новые права непривилегированных сословий ущемляли позиции прежних сословных лидеров в вопросах местного самоуправления. В тоже время, выборщики от крестьян, в силу сословного традиционализма восприятия «благородных», не спешили воспользоваться своим новым социальным статусом и «...крестьяне часто выбирали гласными именно дворян; что будучи численно в меньшинстве, дворяне все-таки руководили всей земской работой»¹⁶.

На бытовом уровне пореформенный социальный статус определялся видимыми атрибутами материального достатка, не особо вдаваясь в детали сословного происхождения его обладателя, хотя «порода» продолжала заставлять магически к себе относиться. Но это проявлялось не так очевидно, как до реформы отмены крепостного права. Первым и наиболее зримым, запоминающимся и статусным внешним атрибутом было жилье – от роскошного имения аристократа до разваливавшейся мелкого помещика или крестьянского бобыля. В тоже время, внешний аристократизм или добротность дома не всегда могли подсказать сословную принадлежность владельца, так как строения часто переходили из рук дворян к купцам, почетным гражданам и представителям других сословных сообществ. К тому же, социальный статус проживающего трудно было определить и из-за того, что в пореформенный период поместья, жилища принимали внешне все более утилитарный характер, обрастая хозяйственными и производственными помещениями.

Так, традиционное дворянское поместье, основанное на известной триаде: поместье-помещик-крепостной крестьянин, в массе своей трансформировалось в хозяйство иного типа, которое и называть стали по-иному – «экономией», подчеркивая тем самым основу на которой хозяйство основывалось. По такому пути развивалось имение князей Юсуповых в Ракитном Грайворонского уезда Курской губернии, где специализировались на выращивании сахарной свеклы; имение А.Н. Масловой при сл. Троицкой Новооскольского уезда указанной губернии было многоотраслевым – с перерабатывающими предприятиями, посадками картофеля, урожай которого поступал на винокурный завод и т.д.¹⁷ Неотъемлемым атрибутом успешного человека был и соответствующий внешний вид, причем, городская мода все сильнее проникала в сельскую местность, где ее носителями была зажиточная молодежь. И уже не всегда в пореформенный период можно было

¹⁵ Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос // Русский вестник. Т. 175. 1885. С. 14.

¹⁶ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). Йошкар-Ола, 2008. С. 32.

¹⁷ Оноприенко И.Г. Повседневная жизнь дворянства Центрального Черноземья в 50-90-е гг. XIX века: традиции и новации. Белгород, 2010. С 55.

определить по внешнему виду не только сословную принадлежность, но и к какой среде – городской или сельской – принадлежал обыватель¹⁸. В таком же направлении развивался и досуг, но, в основном, это касалось зажиточных слоев того или сословия, хотя и люмпенизация частично охватила все сословия, унифицируя их социальный статус. Например, в Центральном Черноземье в отдельных селениях, как крестьяне, так и мелкие помещики ходили в лаптях, нанимались батраками к зажиточным соседям.

В целом же, пореформенный социальный статус определялся материальным достатком во всех его проявлениях, хотя «порода» еще имела магическую притягательность. При этом, в отличие от дореформенного периода, он мог меняться довольно часто, отражая все перипетии трансформации буржуазного общества.

FORMATION OF NEW SOCIAL STATUS AMONG THE REPRESENTATIVES OF DIFFERENT ESTATES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN CONDITIONS OF DESTRUCTURING THE ESTATE COMPOSITION IN THE POST-REFORM PERIOD (SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT)

V.A. SHAPOVALOV
K.N. LOBANOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

The article deals with the socio-psychological analysis of the new social status formation among the representatives of the main estate communities of the post-reform Russia, when the system retuning of the estate values was underway. Special attention is given to interrelation of socio-psychological orientations of different estates` representatives in conditions of inter-estate emancipation.

Key words: social psychology, social status, estate structure, post-reform period.

¹⁸ См. например: Сулина Е.Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003; Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988; Дамские моды XIX века. Историко-художественная монография о женских нравах и вкусах, СПб., 1899; Михайлов М. Парфюмерия и косметика. Одесса, 1919.

УДК 93:355.212.2(470+5·71)«19/20»

ВВЕДЕНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ В РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

М.И. ГОНЧАР*Сыктывкарский государственный университет**e-mail: mikh.gonchar@yandex.ru*

В статье дается анализ изучения процесса введения всеобщей воинской повинности в России в работах советских и российских историков. Делается вывод о существовании в историографии XX века двух периодов изучения всеобщей воинской повинности, каждый из которых обладает рядом особых черт.

Ключевые слова: всеобщая воинская повинность, история русской армии, историография.

Отмена крепостного права в России вызвала необходимость проведения и других реформ. В числе прочих был проведен ряд военных реформ. Они начались с реорганизации военного управления, и завершилась введением в 1874 году новой системы комплектования армии¹. При наличии довольно большого количества работ, по истории русской армии второй половины XIX века до сих пор не было сделано попыток обобщить накопившийся историографический материал.

Работы, посвященные вопросам изменения принципов комплектования русской армии появились уже во второй половине XIX века. Показательной является монография Г. Джаншиева в которой затрагивается и ход подготовки реформы 1874 года. Однако, автор не уделяет никакого внимания начальному этапу подготовки реформы. Тем не менее, Джаншиев останавливается на существующих точках зрения противников Устава 1874 года².

Проблема введения всеобщей воинской повинности анализировалась и в советской довоенной историографии. Так, А.А.Свечин рассматривал реформу 1874 года в качестве одного из аспектов подготовки России к войне 1877-1878 годов. Автор отмечает влияние французской военной традиции при принятии Устава 1874 года. Указанная тенденция нашла свое выражение в предпочтении долгих сроков службы³.

Таким образом, дореволюционная, равно как и советская историография 1917-1945 годов не выработала комплексного подхода к анализу процесса введения всеобщей воинской повинности. Не было уделено внимания и понятию «воинская повинность».

По нашему мнению, в изучении процесса введения всеобщей воинской повинности в отечественной историографии середины XX – начала XXI века выделяются два этапа. Характерная черта первого этапа – появление комплексного подхода к изучению проблем введения всеобщей воинской повинности в русской армии во второй половине XIX века (конец 1940-ых – середина 1980-ых гг.). В следующее десятилетие (с середины 1980-ых до начало 1990-ых гг.) наблюдается ослабление интереса к проблемам военной истории. Это связано с тем, что приоритетным направлением исследований было рассмотрение вопросов, связанных с политической и экономической историей России. На втором этапе (начало 1990-ых – начало 2000-ых гг.) происходит отказ от комплексного подхода изучения проблем введения. Определяющим критерием при выделении этапов изучения процесса введения воинской повинности, выступает системность изучения проблемы.

Систематическое изучение военной реформы 1874 года начинается в 1948-1952 гг. и связано с именем П.А.Зайончковского⁴. Он впервые в советской историографии выде-

¹ Воинская повинность – исторически сложившийся, или принятый и закрепленный соответствующими государственными актами, принудительный порядок привлечения граждан на военную службу (Краснов, В.Г. Русский военно-исторический словарь. М., 2001. С. 133.

² Джаншиев Г. Эпоха великих реформ: исторические справки. СПб., 1905.

³ Свечин А.А. Эволюция военного искусства в 2 т. Т. 2. М., Л., 1928. С. 340 – 342.

⁴ Зайончковский П.А. Военные реформы Д.А.Милотина // Вопросы истории М., 1945. № 2. С. 3-26. Зайончковский П.А. Подготовка военной реформы 1874 года // Исторические записки М., 1948. № 27. С. 170-207. Он же. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952.

ляет публикации в периодической печати, как источник, отражающий существующие в российской общественности точки зрения на реформу 1874 года⁵. П.А.Зайончковский рассмотрел и отзывы зарубежной прессы (английской и французской) на введение нового Устава о воинской повинности⁶.

Историк обращает внимание на развитие капитализма в России в XIX веке (строительство железных дорог, рост торговли и внутреннего рынка) в качестве одной из предпосылок введения всеобщей воинской повинности в России.⁷ Думается, не следует рассматривать строительство железных дорог как одну из предпосылок введения всеобщей воинской повинности в России. Мы считаем, что развитие железнодорожного транспорта было не столько предпосылкой введения всеобщей воинской повинности, сколько одним из условий успешной реализации закона 1874 года.

Внешнеполитический курс России был не менее важной предпосылкой, чем экономическое развитие страны для проведения закона о всеобщей воинской повинности. Определяющим фактором в данном случае стало обострение международной обстановки – рост вооружений европейских держав. Именно проблемы на международной арене, позволили военному министру Александра II Д.А.Милютину поставить перед царем вопрос о начале реформирования вооруженных сил и системы их комплектования, считает Зайончковский⁸.

Исследователь акцентирует внимание на организационном аспекте принятия нового закона – работе различных комиссий (для составления нового положения о личной воинской повинности в Империи и Царстве Польском) и заседаний Государственного Совета. Историк рассматривает борьбу внутри правящих кругов вокруг реформы 1874 года и выделяет «партию» сторонников и противников принятия Устава о воинской повинности в России. Историк выдвигает предположение, что Русско-Турецкая война 1877-1878 годов послужила средством проверки эффективности реформ⁹.

Всесторонне изучив процесс введения всеобщей воинской повинности, П.А. Зайончковский делает вывод о том, что «реформа не могла принести никаких результатов [к 1877 году] так как ни один возраст не выслужил еще своего срока»¹⁰. Тем самым исследователь обозначает важное условие проверки эффективности любой реформы – испытание временем. Продолжая изыскания по истории русской армии, П.А. Зайончковский в 1973 году публикует монографию «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий». В ней автор прослеживает изменения устава о воинской повинности к 1888 году¹¹, обозначает национальный признак комплектования армии¹².

Анализ предпосылок введения всеобщей воинской повинности продолжил в 1956 году Н.И.Беляев. Так, он рассматривает Крымскую войну, показавшую неспособность рекрутской системы обеспечить армию достаточным количеством солдат¹³. В качестве предпосылки автор выделяет и недовольство народных масс, как фактор введения всеобщей воинской повинности¹⁴. Подтверждая гипотезу П.А.Зайончковского, историк доказывает тезис о необходимости проверки реформы временем, приводя статистические данные по результатам первого набора по новому Уставу 1874 года. Он отмечает что «запас армии к войне 1877 года не состоял еще из лиц, прошедших действительную военную службу на основе воинской повинности, но в нем имелось большее число людей, чем было до реформы»¹⁵.

⁵ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952. С. 319 – 320.

⁶ Там же. С. 330-332.

⁷ Там же. С. 254.

⁸ Там же. С. 258.

⁹ Там же. С. 360.

¹⁰ Там же. С. 338.

¹¹ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX ст. (1881–1903). М., 1973. С. 116.

¹² Там же. С. 119

¹³ Беляев Н.И. Русско-Турецкая война. М., 1956. С. 16.

¹⁴ Беляев Н.И. Русско-Турецкая война. С. 21. См. также Фёдоров А.В. Закон о всеобщей воинской повинности 1874 года и крестьянство // Исторические записки Вып. 46. М., 1952. С. 183.

¹⁵ Беляев Н.И. Русско-Турецкая война М., 1956. С. 22.

Ценной представляется и монография С.Г.Пушкарева «Россия в XIX веке». В ней автор, помимо краткой характеристики Устава 1874 года, рассматривает статус вольноопределяющихся в русской армии второй половины XIX века. Таким образом, впервые в историографии затронут вопрос о различных категориях призывного контингента¹⁶.

Основной заслугой А.В. Федорова является рассмотрение органов, ответственных за проведение призывной кампании. Исследователь анализирует функции центральных (губернское или областное по военным делам присутствие) и местных (уездное или городское по воинской повинности присутствие) органов власти ответственных за проведение призыва. Применительно к уездному и окружному по воинской повинности присутствиям обозначен их состав: предводитель дворянства, офицер от военного ведомства, уездный исправник, член от земской управы (либо городской управы или общества)¹⁷. Не менее важно и существенное уточнение автора о предпосылках реформы 1874 года. По словам историка, таковыми стали противоречия с Англией на Ближнем Востоке, ухудшение отношений с Турцией и Австрией на Балканах¹⁸.

Исследователь рассматривает первый призыв по новому Уставу 1874 года и приходит к выводу, что он был «суровым испытанием для населения». Основные причины, по мнению автора, следующие: неподготовленность пунктов призыва к приему новобранцев¹⁹, неблагоприятное влияние нового принципа набора в армию на хозяйственную деятельность крестьян и на сбор податей с них²⁰. Кроме того общие условия приема (злоупотребления, нарушение принципа гласности при жеребьевке и др.) порождали стремление у многих уклониться от призыва,²¹ тем более что продажность государственного аппарата немало способствовала этому²².

А.В.Федоров, оценивая отношение к принятому уставу различных слоев населения, отмечает в целом негативную реакцию на принятую государственную меру. Своеобразно трактуют борьбу внутри правящих кругов по поводу проведения в жизнь реформы 1874 года Н.И. Беляев и А.В.Федоров – по их словам она велась лишь «из-за меры и формы уступок»²³ и была никчемной и беспочвенной²⁴. Представляется возможным поставить под сомнение систему доказательств тезиса историков о бесполезности борьбы вокруг реформы. В частности, авторы ошибочно связывают малое количество лиц, имеющих право на сокращенный срок службы, с бесполезностью борьбы вокруг реформы²⁵. При этом не учитывается социальный состав армии в 70-80 гг. XIX века в России.

В 1965 году появляется работа Г.П. Мещерякова «История военного искусства». Рассматривая введение всеобщей воинской повинности, автор делает предположение о том, что реформа «не смогла полностью обеспечить вооруженные силы обученным запасом»²⁶.

Проблема введения всеобщей воинской повинности была затронута и в ряде обобщающих трудов по истории СССР вышедших в 1963-1968 гг. Общим для этих изданий является тот факт, что реформа 1874 года предстает перед нами как прогрессивное явление. Авторы считают, что именно благодаря закону от 1 января 1874 года удалось создать обученный резерв и открыть незначительный доступ на офицерские должности выходцам из крестьян²⁷. К похожим выводам приходят и авторы коллективной монографии «История военного искусства»²⁸.

¹⁶ Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке. Нью-Йорк., 1956. С. 246.

¹⁷ Федоров А.В. Русская армия в 50-70 годы XIX в. Очерки. М., 1959. С. 252.

¹⁸ Там же. С. 218.

¹⁹ Там же. С. 263.

²⁰ Там же. С. 265.

²¹ Например, в 1874 году на призывные пункты не явилось 24 350 человек, что составило 3,5% от всего числа призываемых.

²² Федоров А.В. Указ соч. С. 267.

²³ Беляев Н.И. Русско-Турецкая война. М., 1956. С. 16.

²⁴ Федоров А.В. Указ. соч. С. 272.

²⁵ Там же. С. 272.

²⁶ Мещеряков, Г.П. История военного искусства в 2 тт. Т. 2. Капиталистическое общество от Февральской Буржуазной революции до периода империализма. М., 1965. С. 503.

²⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия первая. В 12 тт. т. V. М., 1968. С. 116. История СССР. Т. 2. 1861-1917. Период капитализма. М., 1965. С. 69-70.

²⁸ История военного искусства в 2 т. Т. 1. [под ред. проф. д-ра военных наук П.А.Ротмистрова]. М., 1963. С. 212.

Л.Г. Бескровный описывает порядок призыва на военную службу в России, после 1874 года. Впервые в историографии второй половины XX века приводит данные о сборах рядовых, зачисленных в запас армии. Историк отмечает формализм подобной процедуры (военного сбора) со стороны контролирующих органов²⁹.

В историографии 80-х годов XX века для нас представляют интерес оценки реформы 1874 года. Так, В.А. Золотарев отмечает непоследовательность проведенных преобразований, он пишет о том, что реформа «не искоренила крепостнических пережитков в армии». Кроме того, она мало что изменила среди генералитета и не преодолела косности и рутинности бюрократического аппарата. Отметим положительную сторону оценки процесса исследователем – историком, а именно тот факт, что результаты реформы могли сказаться только через некоторое время³⁰. Положительного отзыва заслуживает, по мнению авторов «Военных вопросов в курсе истории СССР» и расширение доступа в военно-учебные заведения для недворянского сословия в результате реформы³¹.

В рамках первого этапа изучения реформы 1874 года уделялось внимание анализу понятия «всесословная воинская повинность». Так, во втором издании Большой Советской энциклопедии (1952 год) читаем: «воинская повинность – обязанность нести военную службу налагаемая законами буржуазных государств на мужское население определенного возраста»³². Позже (в третьем издании 1972 года) определение воинской повинности еще больше унифицируется – «воинская повинность установленная законом обязанность нести военную службу в вооруженных силах своей страны»³³. Как во втором так и в третьем издании Большой Советской энциклопедии, при описании изменений, произошедших с введением 1 января 1874 года в системе комплектования армии к воинской повинности добавляется определение «всесословная». Этим авторы энциклопедических статей, а позже и другие ученые пытаются показать незавершенность реформы 1874 года. К сожалению, аргументация при выборе термина «всесословная» в этом случае не представляется нам убедительной. К примеру, Н.И. Беляев пишет: «Следовательно, нельзя признать, что в России по Уставу 1874 года была установлена всеобщая воинская повинность, как это делали буржуазные историки (подчеркнуто нами – М.Г.) ... реформу ... правильнее называть всеобщей воинской повинностью»³⁴. Более того, иногда в качестве аргумента приводится известное высказывание В.И. Ленина: «В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности – потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений»³⁵. Таким образом, аргументация носит не сколько логический, сколько политический характер и не может претендовать на объективность.

Анализируя значение принятия Устава о всеобщей воинской повинности, историки сходятся во мнении о том, что введение всеобщей воинской повинности есть важнейшая прогрессивная мера. Среди позитивных моментов принятия Устава 1874 года такие, как, уничтожение откупов³⁶, рост стимула к получению образования. В военном отношении было увеличено количество обученных резервов, что сказалось на обороноспособности Российской Империи³⁷, произошло «омоложение» состава армии³⁸.

Однако исследователи отмечают и отрицательные стороны – закон не обеспечил принципа всеобщности, и, в условиях самодержавного строя его реализация была ограничена. Принцип равенства нарушался многочисленными изъятиями и льготами, а продажность государственного аппарата позволяла зажиточным слоям уклоняться от воинской повинности»³⁹. Кроме того, новая система призыва не охватывала всего населе-

²⁹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 89-96.

³⁰ Золотарев В.А. Россия и Турция. Война 1877-1878: основные проблемы войны в русском источниковедении и историографии. М., 1986. С. 30.

³¹ Военные вопросы в курсе истории СССР /А.А. Королюк, П.Т.Мокряков, А.И.Орлов и др. М., 1986. С. 80.

³² Воинская повинность // Большая Советская энциклопедия. М., 1952. Т. 8. С. 562.

³³ Воинская повинность // Большая Советская энциклопедия. М., 1972. Т. 5. С. 280.

³⁴ Беляев Н.И. Русско-Турецкая война М., 1956. С. 20 – 21.

³⁵ Цит. по: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952. С. 355.

³⁶ Практика, существовавшая в России до 1874 года, позволяла привилегированным слоям освободиться от несения воинской службы.

³⁷ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. С. 334.

³⁸ Фёдоров А.В. Русская армия в 50-70 годы XIX в. С. 274.

³⁹ Там же. С. 273.

ния, а призывалась лишь четвертая часть его, следовательно, это не всеобщая, а всеословная воинская повинность.

Таким образом, первый этап изучения военной реформы 1874 года характеризуется появлением советской концепции введения всеобщей воинской повинности в России. Она характеризуется следующими чертами: в изучении реформы появилась системность, ее стали изучать в контексте социально-экономической ситуации в России XIX века. Крупным шагом вперед следует признать появление специальных работ, рассматривающих введение всеобщей воинской повинности в контексте реформ Александра II. Историками был освещен организационный аспект проблемы, проанализированы функции органов, ответственных за проведение призыва, проведена работа над понятием «Всеобщая воинская повинность».

Отметим, что в отличие от советских историков современные российские исследователи не останавливаются на разъяснении выбора ими термина, определяющего характер воинской повинности. Например, в работах В.А.Золотарева, это «всесловная воинская повинность»⁴⁰, таковой она представляется и для А.П.Дегтярева⁴¹, М. Верещака⁴², С.В. Байдарова⁴³. Однако ряд историков уже употребляет термин «всеобщая» воинская повинность⁴⁴.

Естественно, что радикального поворота в начале второго этапа изучения военной реформы не происходило и исследования велись «по инерции», в рамках советской историографической традиции. В этом отношении показательными являются ряд очерков В.А.Золотарева, посвященных реформам в русской армии⁴⁵. Реформы Д.А.Милютиня рассмотрены в одном из последних очерков, текст которого содержит ошибочный тезис о том, что «вскоре к основным статьям были опубликованы многочисленные изъятия, представляющие собой многочисленные отсрочки и льготы»⁴⁶. По нашему мнению отсрочки и льготы предусматривали уже сами статьи Устава⁴⁷, и законодательная деятельность была направлена на уточнение прав вольноопределяющихся и порядка их призыва, состава учреждения по воинской повинности⁴⁸. В монографии «Военная история» В.А.Золотарев пишет: «Ни одна реформа, считал Милютин, не получила полного развития...начатое было впоследствии расстроено или изуродовано»⁴⁹. Таким образом, автор пытается показать незавершенность реформ, однако, на наш взгляд этот аргумент недостаточен, так как историк не доказывает выдвинутый тезис.

Современная российская историография в целом повторяет, вслед за советскими историками, наиболее существенные предпосылки реформы 1874 года. Так, авторы серии биографий «История Государства Российского. Жизнеописания. Вторая половина XIX века» отмечают, что основными предпосылками реформы стали начавшаяся Франко-Прусская война и возникшая в связи с этим напряженная обстановка в Европе⁵⁰.

Рассматривая процесс подготовки Устава о всеобщей воинской повинности, А.П. Дегтярев считает, что впервые поставившим прямо вопрос о введении всеобщей воинской повинности был П.А. Валуев⁵¹. Отметим, что в данном случае в советской исто-

⁴⁰ Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. М., 2002. С. 90.

⁴¹ Дегтярев А.П. Переход к всеословной воинской повинности и дебаты в Государственном Совете // Военно-исторический журнал. 2005. № 1. С. 60.

⁴² Верещак М. Реформа системы призыва в Российской Империи в 1860-70 гг. и борьба придворных группировок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://actualhistory.ru/75>

⁴³ Байдаров С.В. Проблемы комплектования армии в России в конце XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 20.

⁴⁴ Корнилов В.А. Эволюция военной службы в России в XIX веке: от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности // Преподавание истории и обществознания в школе. 2003. № 7. С. 2. Вапилин Е.Т. Военная реформа // Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 20.

⁴⁵ Золотарев В.А. Военные реформы в России // Красная Звезда. 27-30 мая, 3, 6, 17, 20, 24 июня 1997 г.

⁴⁶ Золотарев В.А. Военные реформы в России // Красная Звезда. 6 июня 1997 г. С. 2.

⁴⁷ Об этом свидетельствует Глава VI. Устава от 1 января 1874 года: Об изъятиях, отсрочках и льготах по отправлению воинской повинности.

⁴⁸ См. например ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. XLXIX. Отделение 1. № 53057, 53236, 53284, 53322, 53518.

⁴⁹ Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. М., 2002. С. 392.

⁵⁰ Дмитрий Алексеевич Милютин // История Государства Российского. Жизнеописания. Вторая половина XIX века / М.А.Опалинская, С.Н.Синегубов, А.В.Шевцов. М., 1998. С. 44-56.

⁵¹ Дегтярев А.П. Переход к всеословной воинской повинности и дебаты в Государственном Совете // Военно-исторический журнал. 2005. № 1. С. 60. Такую же позицию занимает и П.А.Зайончковский (Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952. С. 358.)

риогрaфии имеется как минимум еще одна точка зрения. Так, А.В. Федоров полагает, что одним из первых этот вопрос поставил П.Д. Киселев⁵². Следует с осторожностью относиться к такому предположению, поскольку А.В. Федоров не совсем последователен. Большинство советских историков, однако, вообще не задается подобным вопросом.

Один из аспектов подготовки реформы 1874 года – борьбу группировок, существовавших в правительстве и при царском дворе, которая развернулась по вопросу введения всеобщей воинской повинности проанализировал М. Верещак. Автор выделяет достоинства и недостатки западного опыта комплектования (на примере Пруссии и Франции). Он также рассматривает альтернативные программы реформы системы комплектования армии (например, князь Барятинский предложил ввести прусскую территориальную систему комплектования войск)⁵³.

А.В. Корнилов отмечает, что в правительстве рассматривался и вариант альтернативный введению всеобщей воинской повинности, а именно наемная армия. Анализируя системы вербовки войск на примере Англии и США в XIX веке, автор отмечает что не дороговизна была препятствием к введению наемной армии в России. Главное было в другом: наемничество «заставляет открывать ряды армии для всякого обращающегося к военному ремеслу как к последнему исходу беспорядочной и порочной жизни»⁵⁴. Кроме того, во время войны число желающих вступить на службу по найму значительно сокращается, что и послужило главным аргументом против создания в России наемной армии. Небезуспешной кажется и попытка автора показать успешность введения всеобщей воинской повинности на примере мобилизации 1876 и 1877 годов⁵⁵.

Е.Т. Вапилин в статье о политических и национальных аспектах комплектования армии указывает, что переход к всеобщей воинской повинности «отразил давно назревшие потребности военного дела...В результате решение проблемы приобрело демократические черты. К службе были впервые опущены самые широкие слои населения». Автор считает, что ограничения на призыв определялись лишь слабостью органов военного учета и недостатком финансирования. Е.Т.Вапилин отмечает любопытную деталь – политическая неблагонадежность не была препятствием для призыва в армию. Приводя ряд аргументов, автор показывает, что армия в представлении властей есть школа воспитания в истинно российском духе⁵⁶.

В вышедшей в 2004 году статье В.М.Крылова и А.П. Жарского, авторы, вслед за Л.Г. Бескровным, отмечают территориальный принцип комплектования армии на основе Устава о всеобщей воинской повинности⁵⁷. Несомненным достоинством статьи мы считаем рассмотрение процедуры проведения мобилизации после введения Устава от 1 января 1874 года, и правила комплектования кадровым составом воинских частей различных родов войск⁵⁸.

С.В. Байдаров уделяет особое внимание анализу отсрочек и льгот в законах о воинской повинности в России. Он приходит к выводу о том, что льготы и отсрочки все более затрудняли комплектование армии и флота к началу XX века.⁵⁹Ценным представляется работа автора над такими определениями как «охотник» и «вольноопределяющийся» и изменение их значения к началу XX века⁶⁰. В этой связи нельзя не отметить статью В.И. Баяндина о динамике сроков службы в русской армии XIX–XX веков. В ней автор ос-

⁵² Фёдоров А.В. Русская армия в 50-70 годы XIX в. С. 218.

⁵³ Верещак М. Реформа системы призыва в Российской Империи в 1860-70 гг. и борьба придворных группировок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://actualhistory.ru/75>

⁵⁴ Корнилов В.А. Эволюция военной службы в России в XIX веке: от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности // Преподавание истории и обществознания в школе. 2003. № 7. С. 10.

⁵⁵ Там же. С. 11.

⁵⁶ Вапилин Е.Т. Военная реформа// Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 21.

⁵⁷ Тем не менее, для гвардии существовал экстерриториальный принцип комплектования, считают В.Ф. Федоров, А.В. Терещенко. (Федоров В.Ф., Терещенко А.В. Какая армия нужна России? Об историческом опыте комплектования Вооруженных Сил РФ и его месте в современной военной реформе // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 4.)

⁵⁸ Крылов В.М., Жарский А.П. Совершенствование системы комплектования войск Российской армии в 60-70 годах XIX века // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 22-24.

⁵⁹ Байдаров С.В. Проблемы комплектования армии в России в конце XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 21.

⁶⁰ Там же. С. 24.

танавливается на изменении сроков службы для лиц с высшим образованием и специфике службы на восточных окраинах империи⁶¹.

Новым явлением, характерным для военной историографии первого десятилетия XXI века следует признать появление ряда статей, затрагивающих региональный уровень введения устава о всеобщей воинской повинности. Так, применительно к территории Сибири этот процесс исследовал В.И. Баяндин⁶². Историк приходит к выводу о том, что несмотря на ряд трудностей «проведение первого набора на военную службу по новому закону в сибирских губерниях и областях следует признать вполне успешным»⁶³. Проблемы комплектования армии в Архангельской и Вологодской губерниях рассмотрены в статьях В.Л. Верещагина⁶⁴. В указанных статьях автор рассматривает проблемы провод солдата на военную службу, отмечает трудности, связанные с проведением призыва.

Ряд статей, посвященных проблемам введения всеобщей воинской повинности принадлежит перу Е.Г. Фаворисова. В частности, историк исследует такие проблемы как систему льгот и изъятий от воинской повинности⁶⁵, процедуру освидетельствования новобранцев при приеме на военную службу⁶⁶, деятельность областных (губернских) по воинской повинности присутствий⁶⁷.

Стоит отметить и работу П.П. Щербинина, посвященную повседневной жизни солдатских жен в России XVIII – начале XX веков. Особенность статьи в том что автор впервые в историографии уделяет внимание анализу влияния закона 1874 года на семейную жизнь русского солдата в XIX веке⁶⁸.

На втором этапе изучения процессов связанных с принятием всеобщей воинской повинности происходит отказ от системного подхода и переход к рассмотрению частных проблем. Историки осветили такие проблемы, как политические и национальные аспекты комплектования армии, варианты, альтернативные введению всеобщей воинской повинности. Шагом вперед стала публикация статей посвященных введению всеобщей воинской повинности на региональном уровне, анализ влияния закона 1874 года на социум.

Таким образом, в отечественной историографии середины XX – начала XXI века выделяются несколько этапов изучения военной реформы 1874 года. На первом этапе (конец 1940-ых – середина 1980-ых гг.) происходит оформление советской концепции введения всеобщей воинской повинности в России. Так, были определены основные предпосылки проведения в жизнь реформы 1874 года: развитие капитализма в России в XIX веке, внешнеполитический курс России (П.А. Зайончковский), проблемы на международной арене (А.В. Федоров). Историки работали и над выявлением региональной специфики проведения в жизнь реформы 1874 года (Л.Г. Бескровный), особенностями категорий призывников (С.Г. Пушкарев), функциями присутствий по воинской повинности (А.В. Федоров). Вместе с тем, исследователями затронут и вопрос трансформации Устава о воинской повинности. (П.А. Зайончковский).

Примечательны и итоги реформы в оценках историков. Анализируя значение принятия Устава о всеобщей воинской повинности, ученые сходятся во мнении о том,

⁶¹ Баяндин В. И. Первый в Сибири набор по закону о всеобщей воинской повинности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.nspu.ru:8080/ai/mfile/elibrary/696/deIYVdc5dsEQdesvgobDnF9eo.pdf?1306644831>

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Верещагин В.Л. Первый воинский призыв населения Архангельской губернии на военную службу в 1874 году // Двинская земля. Вып. 4. Материалы Четвёртых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений Котлас, 19-20 марта 2005 г. Вельск, 2005. С. 131-140. он же в соавт. Котов П.П., Верещагин В.Л. Причины призыва в ряды русской армии физически нездоровых новобранцев (на примере Вологодской губернии в 1874 – 1914 гг.) Материалы межрегиональной научно-практической конференции 24-25 февраля 2005 г. Вологда, 2006. С. 273-282.

⁶⁵ Фаворисов Е.Г. Изъятия и льготы, предоставляемые лицам, призываемым к исполнению воинской повинности в 1874-1911 гг. // Молодой ученый. 2010. № 9. С. 229-236.

⁶⁶ Фаворисов Е.В. Порядок освидетельствования и переосвидетельствования лиц, призываемых к исполнению воинской повинности, и новобранцев (1874-1912 гг.) // Молодой ученый. 2010. № 10. С. 217-222.

⁶⁷ Фаворисов Е.В. К вопросу о деятельности областных(губернских) по воинской повинности присутствий в 1874-1912 гг.(на материалах Симбирской и Самарской губерний) // Вестник Екатеринбургского института. 2010. № 3. С. 83-86.

⁶⁸ Щербинин П.П. О чем плакала солдатка? (повседневная жизнь солдатских жен в XVIII – нач. XIX в.) // Социальная история. 2004. С.113-140.

что введение всеобщей воинской повинности есть важнейшая прогрессивная мера. Среди позитивных моментов принятия Устава 1874 года такие, как уничтожение откупов, рост стимула к получению образования.

Исследователи отмечают и отрицательные стороны – закон не обеспечивал принципа всеобщности, и, в условиях самодержавного строя его реализация была ограничена. Принцип равенства нарушался многочисленными изъятиями и льготами.

Изучение процессов связанных с введением всеобщей воинской повинности практически не проводилось в конце 80-начале 90-х годов XX века. Это вызвано тем, что реформы армии не были в этот период приоритетным направлением исследования.

Наконец на современном этапе (начало 1990-ых – начало 2000-ых гг.) происходит внесение ряда дополнений и уточнений в советскую концепцию процесса перехода к новой системе комплектования армии. В частности, отметим работы В.А. Корнилова, М. Верещака и А.П.Дегтярева, посвященные тому или иному аспекту подготовки реформы 1874 года. Шагом вперед стало появление исследований посвященных региональным особенностям перехода к всеобщей воинской повинности (В.Л. Верещагин, В. И. Баяндин) и повседневной истории солдаток (П.П. Щербинин).

INTRODUCTION OF UNIVERSAL MILITARY SERVICE IN RUSSIA IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY

M.I. GONCHAR

Syktvykar State University

e-mail: mikh.gonchar@yandex.ru

The article gives the analysis of studying the process of introduction of universal military service in Russia at the works of Soviet and Russian historians. The conclusion of the article is focused on the existence of two periods of introduction of universal military service, each of them has its own features.

Key words: universal military service, history of Russian army, historiography.

УДК 94(47).083

ПРОТЕКЦИЯ В СРЕДЕ ЧИНОВНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ*

И.Т. ШАТОХИН*Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет**e-mail: Shatohin@bsu.edu.ru*

В статье на основе анализа источников и исследований историков предлагается классификация видов служебной протекции по признаку социально-психологической мотивации.

Ключевые слова: чиновничество, классификация, социальная психология, коррупционная протекция, альтруистическая протекция, корпоративная протекция, протекция родственников, дружеская протекция.

В отечественной историографии бюрократия, как комплексное негативное явление, считается неотъемлемой качественной характеристикой чиновничества Российской империи. Существенным элементом бюрократизма, наряду с коррупцией, казнокрадством, волокитой и т.п., была протекция. Специальных работ, посвященных исследованию протекции в государственной службе Российской империи, нам выявить не удалось. Обычно исследователи либо рассматривали протекцию как составляющую всего комплекса негативных проявлений в деятельности чиновничества¹, либо как констатация того, что это проявление бюрократизма имело место и даже было неременным широко распространенным способом в продвижении государевых слуг по чинам и должностям².

Отношение российского общества к протекции в среде чиновничества в рассматриваемый период было снисходительным, хотя подразумевалось, что само явление имеет явно негативный оттенок. Такая позиция общества нашла свое отражение в словаре В.И. Даля, который зафиксировал смысловое значение глагола «протезировать» как «покровительствовать, заступничать, застаивать, держать любимцем, давать ход не по заслугам»³. Протекция в многочисленных канцеляриях, присутствиях, департаментах, во всех столичных и провинциальных коронных учреждениях была обычным и обыденным явлением. Её ищут, предлагают и принимают, констатируют и высмеивают. А потому она нашла свое отражение в многочисленных источниках. О ней писали мемуаристы, публицисты, писатели. Например, курский помещик Бухвостов в 1861 году предлагает становому приставу Н. Давыдову протекцию у самого царя, считая полицейского чиновника вполне достойным служебного продвижения или награды, так как в помещицкой среде уезда за становым закрепилось мнение – «честный бессеребряник»⁴. Датчанин Андрей Кофод, долго живший и служивший в России, без стеснения пишет, что в конце XIX – начале XX века жизнь его «проходила если не слишком однообразно, то все же довольно буднично. Должности, которые я занимал до сих пор, я получал по знакомству, это еще называется протекцией. Когда же меня выгоняли, я, как правило,

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы», Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

¹ Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX вв. СПб., 2001.

² Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – начале XIX века // Человек. 1995. № 3; Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002; Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892 – 1914 гг.). Самара – Оренбург, 2007; Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел, 2011; Милешина Н.А. Повседневность провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX вв. (на материалах центрально-европейских и средневожских губерний России). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 2012.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. – М., 1907. Т. 3. С. 1354.

⁴ Давыдлов Н. Император Александр II в Курской губернии в 1861 г. Рассказ станового пристава // Русская старина. 1885. Т. 45. № 2. С. 429.

*был сам, прямо или косвенно виноват в этом»*⁵. Однако гораздо чаще чиновники о том, что их протезировали при устройстве на службу, предпочитали по разным причинам не упоминать в своих мемуарах или же делать это полупамятками. Например, М.Ф. Громницкий так начинал свои воспоминания: «Весной 1864 года я был назначен на должность губернского по уголовным делам стряпчего в Воронеж. Перед тем и, конечно, по поводу этого назначения я прожил три месяца в Петербурге»⁶.

Протекция была удачной мишенью для критики и сатиры толстых журналов. Так, молодой А.П. Чехов публикует в 1883 году в юмористическом журнале «Осколки» юмореску «Репка». В вольном «переводе с детского» народной сказки автор иронизирует над усилиями родственников вывести Сержа с длинными ушами и репкой вместо головы в люди. Только благодаря купцу с его сторублевками дед с бабой, теткой-княгиней и кумом-генералом «вытянули голову-репку в люди. И Серж стал статским советником»⁷. В целом в произведениях А.П. Чехова слово «протекция» в связи с чиновниками разного калибра упоминается не менее 14 раз.

Отправной точкой в социально-психологической мотивации протекции является потребность чиновника в карьерном росте, что заложено самой природой и законодательством о гражданской службе. При этом в практике службы могло и не быть объективных оснований для использования чиновником протекционных схем: не было у него конфликта с непосредственным начальством, никто не сомневался в его профессиональных качествах и не чинил препятствий в карьерном продвижении. Однако желание с помощью протекции ускорить или гарантировать получение очередного или внеочередного повышения в классном чине, перемещения на более доходную должность, в более благоприятную местность, поощрение орденом толкали служилый люд на поиск и использование самых разных способов протекции.

Анализ источников личного происхождения и результатов исследований специалистов по истории государственного управления рассматриваемого периода позволяет нам предложить следующую классификацию видов служебной протекции по признаку социально-психологической мотивации: 1) коррупционная протекция; 2) альтруистическая протекция; 3) протекция родственников; 4) дружеская протекция; 5) корпоративная протекция.

Наиболее скрытой и практически не освещаемой в мемуарной литературе является коррупционная протекция. Она была одновременно еще и, как нам представляется, наиболее негативной в восприятии современников. Коррупционная протекция была связана с получением взятки за продвижение взяткодателя по служебной лестнице (то есть с очевидным должностным преступлением), или же с какими либо фиксированными или отложенными обязательствами патронируемого перед патроном. В силу такой характеристики коррупционная протекция редко становилась объектом внимания мемуаристов, в том числе и потому, что истинные цели такой протекции ее участники всегда скрывали. Поэтому достоянием общественности, а значит и мемуаристов, становились лишь самые вопиющие случаи подобной протекции или же глухие подозрения и разрозненные сомнительные факты. Коррупционная протекция обычно выявлялись во время основательных проверок, которые организовывались верховной властью, в том числе и по жалобам чиновников и подданных на произвол и преступления в том или ином государственном учреждении. Подозрения на наличие коррупционной протекции изучались специально, если на нее указывали даже косвенные обстоятельства или слухи.

Например, накануне отмены крепостного права были проведены ревизии некоторых коронных учреждений провинции, которые выявили вопиющее состояние дел. В учреждениях сформировалась атмосфера открытого казнокрадства и взяточничества, которая, несомненно, не могла не включать и коррупционную протекцию, без чего не удалось бы сформировать такой преступный состав присутствий. В результате ревизовавшие вынуждены были массово изгонять со службы повязанных совместной коррупционной дея-

⁵ Андрей Кофод. 50 лет в России. 1878 – 1920. СПб., 2009. С. 172.

⁶ Громницкий М.Ф. Из прошлого (По личным воспоминаниям) // Русская мысль. 1899. № 2. С. 49.

⁷ Чехов А.П. Репка: (Перевод с детского) // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 2. [Рассказы. Юморески], 1883 – 1884. М., 1975. С. 64.

тельностью чиновников, порой полностью закрывая учреждения⁸. *«Были такие палаты, в которых министр (государственных имуществ М.Н. Муравьев – Ш.И.) весь состав присутствия изгонял вон и, заперев двери присутствия и положивши ключ в свой карман, объявлял, что палата закрыта до формирования нового для нее состава»*⁹.

Коррупционная протекция в губернских правлениях имела место и в начале XX века. В 1905 году во время сенаторской ревизии Бакинской губернии сенатор А.М. Кузьминский установил, что местное губернское правление представляет собой рассадник взяточничества, что многие назначения на должности делались за взятки¹⁰. В 1906 году по фактам не принятия мер в борьбе с революционными волнениями в Орловской губернии было организовано расследование деятельности губернатора К.А. Балясного. Попутно выяснилось, что у губернатора много других упущений по службе. В Губернском правлении сложилась *«атмосфера если не явного доказанных злоупотреблений, то, во всяком случае, нездоровая»*. Чиновник губернской канцелярии В.П. Руткевич *«сумел скоро сделаться очень нужным и близким к губернатору Балясному человеком, и как в непосредственном его ведении, между прочим, находились дела о назначении и перемещении губернской полиции, то он, на этой почве, весьма беззастенчиво построил свое материальное благополучие, облагая всякое служебное движение полицейских чинов денежными в его пользу приношениями»*¹¹.

Таким образом, коррупционная протекция имела место там и тогда, где и когда для нее возникали хотя бы минимальные благоприятные условия: а) авантюрист-взяточник на ключевой должности; б) доверие к нему и отсутствие контроля со стороны непосредственного начальствующего лица; в) использование заинтересованными лицами этого способа при своем продвижении по службе, как вполне приемлемого в моральном и финансовом плане.

Контрастом коррупционной была альтруистическая протекция. Она была мотивирована служебно-деловыми или гуманитарно-благотворительными факторами. В интересах дела лицо, обладавшее определенными полномочиями или лоббистскими возможностями, продвигало по службе перспективных и честных чиновников, которым без чьей-либо поддержки следующая служебная ступенька могла быть недоступна долгие годы. Зачастую альтруистическая протекция осуществлялась анонимно, и только много лет спустя чиновник с удивлением узнавал о том, что за его продвижением по службе стоял благодетель, которого он воспринимал лишь как строгого и требовательного начальника. Так, в 1887 году, 13 лет спустя, чиновник особых поручений при курском губернаторе И.Т. Плетнев случайно узнал, что его прежний начальник – товарищ прокурора Курского окружного суда А.А. Мартынов – *«души в нем не чаял»*, *«высоко ценил его работу»*, желал его *«во что бы то ни стало провести в судебные следователи»*. И это, вероятно бы, удалось, потому что А.А. Мартынов имел поддержку в этом опросе своего начальника – прокурора К.Д. Анциферова. А И.Т. Плетнев считал А.А. Мартынова *«черствым, эгоистичным человеком»*¹².

Альтруистическая протекция, как правило, формировала позитивную атмосферу и имела свое продолжение в деятельности протектируемых. Получивший служебное место, повышение или поощрение, а с ним жалование и определенные статусные позиции в местном обществе не только был преисполнен благодарностью к своему радетелю, но и при случае сам оказывал содействие другим нуждающимся или заслуживающим того своим усердием людям. Однако это не было всеобщим правилом. Порой благодарность была и черной. Пермский вице-губернатор В.И. Европеус *«ко всем людям, особенно попавшим в беду, относился страшно участливо, хлопотал за них где мог и не успокаивался до тех*

⁸ Казначеев А.Г. Между строками одного формулярного списка: 1823 – 1881 // Русская старина. 1881. № 12. С. 826.

⁹ Глорианов В.И. Потомственные дворяне канцелярского происхождения // Русский архив. 1905. Кн. 1. № 4. С. 671.

¹⁰ Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892 – 1914 гг.). Самара – Оренбург, 2007. С. 319.

¹¹ Цит. По: Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел, 2011. С. 156-157.

¹² Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника. В Курской губернии // Наша старина. 1915. № 9. С. 865.

пор, пока так или иначе их не устраивал». Поэтому он не мог не помочь князю Ратьеву, который не был утвержден в должности земского начальника из-за отсутствия должного образовательного ценза, а потому остался без средств к существованию. «Европеус сейчас же проникся к нему участием и неделями приставал ко мне (губернатору И.Ф. Кошко – Ш.И.), чтобы я устроил Ратьева к себе в чиновники особых поручений. В одно прекрасное утро он вырвал у меня, наконец, на то согласие и сейчас же повел дело так, что я уже больше не мог перерешисть: откуда-то взялся Ратьев с горячей благодарностью и т.п. За такую помощь Ратьев отплатил Европеусу тем, что распространял на счет его самого и его жены всякие гадости и делал их постоянным предметом своих крайне злых насмешек»¹³.

Самой распространенной, не скрываемой, а зачастую специально подчеркиваемой в мемуарной литературе была протекция родственников. В обществе, в котором важнейшим ценностным институтом была семья, поддержка такого рода была естественным, добропорядочным и одобряемым делом. Так, по свидетельству мемуариста, в 60 – 80-е годы XIX века в провинции даже при обычных не связанных протекциях «продвижениях по службе семейному чиновнику отдавалось предпочтение»¹⁴.

Иногда родители действовали якобы в интересах своих детей, хотя сами дети могли иметь свои планы, свое понимание приличий и существующих правил, но вынуждены были мириться с их протекционными инициативами. Так, мать пермского вице-губернатора В.И. Европеуса, пользуясь знакомством с премьер-министром П.А. Столыпиным в бытность его саратовским губернатором, обратилась к нему даже не с просьбой, а с требованием ускорить карьеру сына. «Старуха жила исключительно на его (вице-губернатора – Ш.И.) средства и, обладая несносным характером, страшно отравляла жизнь сыну и невестке и вмешивалась весьма бестактно в сферу служебной деятельности. Известно, например, всем, как она писала Столыпину письмо с выговорами, что тот не дает сыну достаточно скоро движения по службе. Европеус выходил из себя, бранился, но порывать со старухой не решался, неся этот крест много лет до самой ее смерти»¹⁵.

Корпоративная протекция представляет собой проекцию друзей по совместной учебе или по службе. Дружба, возникшая среди подростков в учебном заведении (часто закрытого типа с проживанием учащихся в интернате), или сложившаяся в годы совместной длительной службы, была еще одним мощным психологическим фактором для взаимной поддержки в служебной деятельности и карьерном росте друг друга. Корпоративная солидарность, кроме, несомненно, положительного значения, имела и негативную составляющую. Друзья по учебному заведению, продвигали своих товарищей по службе, зачастую не обращали внимания на их слабый профессионализм. Молодой С.Ю. Витте, начиная свою службу после университета в железнодорожном ведомстве, столкнулся с системным проявлением дружеской протекции такого рода среди выпускников Института инженеров путей сообщений: «...они держатся кагального устройства: все, кто не принадлежит к числу инженеров путей сообщений, никуда не годны; а если это инженер путей сообщений, их товарищ, то, как бы он плох ни был, его всюду совали»¹⁶. В этом суждении сквозит вполне объяснимая неприязнь С.Ю. Витте к корпоративности инженеров путей сообщений. Это ответная реакция амбициозного человека на то, как враждебно принимала его – не инженера – эта закрытая среда в начале карьеры.

Не менее распространенной была практика продвижения по службе групп друзей или лидера с преданными товарищами-помощниками. Яркий пример формирования и первых шагов такой группы приводит в своих воспоминаниях М.Ф. Громницкий. В 1864 году в ожидании судебной реформы вокруг молодого и амбициозного воронежского губернского прокурора Э.Я. Фукса сложился кружок его подчиненных-единомышленников. Когда лидер кружка уезжал в Тулу, чтобы со временем стать там окружным прокурором, он обещал трем из своих самых ближайших помощников взять их своими товарищами.

¹³ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911 – 1914). Екатеринбург, 2007. С. 40.

¹⁴ Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника. В Курской губернии // Наша старина. 1915. № 9. С. 858.

¹⁵ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911 – 1914). Екатеринбург, 2007. С. 39.

¹⁶ Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. М. – Мн., 2002. Т. 3. С. 256.

«Относительно двоих он и сдержал это слово», а вот автор воспоминаний не смог продолжить работу в формировавшейся команде, так был несколько ранее неожиданно для себя назначен на аналогичную должность – товарища окружного прокурора в Москве¹⁷.

Предлагаемая классификация построена по одному признаку, кроме того она не учитывает того обстоятельства, что очень часто протезировать одного кандидата одновременно или последовательно, но в крайне ограниченные сроки, могли разные люди, каждый из которых имел свою внутреннюю мотивацию, а порой и не одну. Выше уже приводился пример протекции из пересказанной А.П. Чеховым «Репки», где для достижения цели были задействованы родственные связи и коррупционная схема. Таким образом, предлагаемая классификация является первым опытом, а автор не претендует на то, чтобы считать ее универсальной и завершенной.

PATRONAGE AMONG THE OFFICIALDOM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENT.: SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLASSIFICATION

I.T. SHATOKHIN

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Shatohin@bsu.edu.ru

The author gives classification of the work-related patronage types according to the socio-psychological motivation factor on the basis of the sources and historical literature`s analysis.

Key words: officialdom, classification, social psychology, corrupted patronage, altruistic patronage, corporate patronage, relatives` patronage, friends` patronage.

¹⁷ Громницкий М.Ф. Из прошлого (По личным воспоминаниям) // Русская мысль. 1899. № 2. С. 68, 71.

ИСТОЧНИКИ О МАТЕРИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СЛУЖАЩИХ МЕСТНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В.А. ИВАНОВ

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

e-mail: madivasu@rambler.ru

В статье дается характеристика основных источников, содержащих сведения о различных видах материального обеспечения (жалованье, столовые, квартирные деньги) всех категорий служащих местных государственных учреждений России от губернаторов до низших служащих, выявляются их информационные потенциалы и возможности использования для исторического исследования.

Ключевые слова: материальное обеспечение, штатное содержание, формулярные списки, гражданские служащие, местные государственные учреждения, жалованье.

История российского чиновничества периода зрелого абсолютизма в последние десятилетия постоянно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей¹. В работах историков охарактеризованы социальный состав, образовательный уровень, возрастной, имущественный ценз чиновников за отдельные годы, условия их службы, моральный облик, освещена правительственная политика в сфере формирования бюрократии. Однако до сих пор недостаточно изученным остается такой важный аспект темы как уровень материального обеспечения служащих местного звена управления, являвшихся на местах беспрекословными проводниками политики верховной власти, что в значительной мере объясняется не разработанностью источниковой базы. Надо прямо сказать, что в современной историографии российской бюрократии изучение источников – одной из главных задач которого, является определение степени пригодности (доброкачественности) источникового материала для решения конкретно-исторических задач – заметно отстает от их использования², что далеко не всегда дает положительные результаты.

В настоящей статье автор предпринимает попытку подвергнуть анализу источники, содержащие сведения о видах и размерах материального содержания всех категорий гражданских служащих, занимавших табельные и канцелярские должности в системе местных учреждений России, выяснить их информационные потенциалы и возможности использования для исторического исследования. Временные рамки статьи охватывают последние годы николаевского царствования, отличительной особенностью которого было усиление централизации и бюрократизации, насаждение полицейско-охранительных ме-

¹ См.: напр.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Иванов В.А. Губернское чиновничество 50-60 гг. XIX в. в России. Историко-источниковед. очерки (по материалам Московской и Калужской губерний). Калуга, 1994; Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002; Минаков А.С. Тематика обязательных постановлений губернаторов в начале XX в. (по материалам Черноземного центра) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. №. 1. (96). 2011. Вып. 17. С. 95–104; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007; Шатохин И.Т. Высшая бюрократия и Государственная дума начала XX века: от противостояния к сотрудничеству // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. №. 2. (42). 2008. Вып. 6. С. 100–106; Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 2001; Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill, 1980; Пинтнер У. The Nineteenth Century Provincial Civil Service. The Case of Kostroma // Состояние и государственная власть в России. XV – середина XIX вв.: Международная конф. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. Москва, 13-16 июня 1994 г.: Тез. докл. Ч. II. М., 1994. С. 301-314; и др.

² Убедительным тому подтверждением являются статьи, опубликованные в сборнике материалов науч. конф., посвященной изучению местной российской бюрократии (См.: Бюрократия и бюрократы в России в XIX-XX веках: общее и особенное. Материалы XII Всерос. научн.-теор. конф., Москва, РУДН, 29-30 мая 2008 г. М., 2008).

тодов в управлении страной, всевластие и произвол чиновников. Достижение поставленной цели позволит приблизиться к ответу на важнейший вопрос: в какой мере размеры окладного содержания, полагающиеся чиновнику по закону в зависимости от его чина и должности, соответствовали действительности.

По действовавшему в дореформенный период законодательству («Уставам о службе гражданской»), лица, служившие в гражданских ведомствах, получали содержание, включавшее жалованье, во многих случаях столовые, квартирные, другие дополнительные выплаты. Чиновникам, командированным по служебным делам, выдавались прогонные, подорожные, подъемные, суточные деньги. При определении величины и формы содержания законодатель предписывал руководствоваться одним из нижеследующих положений: 1) классом чиновника; 2) занимаемой должностью; 3) особым распоряжением начальства и 4) особым высочайшим назначением. В последнем случае оклады назначались независимо от штатов и чинов и не подлежали никаким ограничениям. Жалованье по чинам устанавливалось там, где не было штатов, либо где оно назначалось законом или штатами по чину. По должностям содержание производилось в ведомствах, в которых действовали утвержденные штаты, устанавливавшие его размер по каждой из них. Канцелярским чиновникам жалованье выплачивалось из общей суммы определенной на них штатным расписанием «по мере трудов, способностей и заслуг каждого», а канцелярским служителям – из ее остатков. Канцеляристам по истечении 5 и 10 лет службы в учреждениях одного ведомства оклад увеличивался на 1/3, а прослужившим 15 лет – вдвое³.

Основными источниками для изучения материального обеспечения служащих губернских, уездных и городских учреждений в рассматриваемое время являются материалы законодательства – опубликованные в первом и втором Полном собраниях законов Российской империи общие штаты присутственных мест,⁴ штаты отдельных учреждений⁵ и формулярные (послужные) списки, представляющие собой одну из разновидностей служебной документации⁶.

Изучение штатных расписаний позволило выявить характерные особенности информации этого источника. Во-первых, по отдельным должностям штаты заключают сведения о размерах жалованья чиновников, или жалованья и столовых, или жалованья и квартирных, иногда раскрывают различного рода дополнительные выплаты (на разъезды, паек, обмундирование и т. д.). Во-вторых, в большинстве штатных расписаний содержатся сведения лишь об окладах классных чиновников (не ниже XII класса). Сведения о величине душевых окладов мелких чиновников и низших служителей в них отсутствуют, а сообщается лишь общая сумма расходов на канцелярские расходы и жалованье этим работникам, которое распределялось по усмотрению начальников учреждений. Например, по штатам 1845 г. на писцов, канцелярские и хозяйственные расходы в канцеляриях губернаторов выделялась 1830 руб.⁷, а на жалованье и паек писцам губернского правления для губерний 1-го разряда – 4900 руб., 2-го – 4400, 3-го – 3800 руб., С.-Петербургского и Московского губернских правлений 6000 и 10710 руб. в год соответственно⁸. В редких случаях штаты регулировали размеры содержания канцелярских служителей. Так, согласно утвержденным 3 мая 1848 г. временным штатам совестных судов,

³ Свод законов Российской империи. Ч. 3. Кн. 1. СПб., 1842. Ст. 947, 949-951, 954-958, 994, 996, 1004, 1015-1018, 1022, 1048, 1051, 1076.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. I-е. Книга штатов. Т. 44. Ч. 2. Отд. IV. СПб., 1830.

⁵ ПСЗ-II. Т. 14. Отд. 2. № 12169; Т. 17. Отд. 2. № 16110; Т. 20. Отд. 3. № 14107; Отд. 2. № 18580, 18608; Т. 23. Отд. 2. № 22232, 22802; Т. 27. Отд. 2. №. 26396.

⁶ Для решения поставленной задачи проанализирован представительный корпус формулярных списков (свыше 3 тыс.) служащих присутственных мест Московской и Калужской губерний (выбор губерний объясняется возможностью сопоставления величины содержания служащих местных учреждений столицы и провинции), хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА). Ф. 1349. Оп. 5. Д. 64, 65, 67, 68, 73, 703, 850, 2033, 2287, 2289, 3158, 4685, 4937, 5230, 5739, 5906, 6523, 7760, 9172; Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ). Ф. 54. Оп. 176. Д. 2768, 2770-2772, 2775, 2777, 2778, 2781, 2783, 2788, 2791; Государственного архива Калужской области (ГАКО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 3452-3454, 3604-3608, 3726, 3780-3782, 4065).

⁷ ПСЗ-II. Т. 20. Отд. 2. № 18580.

⁸ Там же.

на содержание в Московском совестном суде писца среднего оклада было положено 130 руб., писца низшего разряда – 100 руб., а на паек и обмундирование каждому – 45 руб. в год. В Калужском совестном суде на эти нужды ассигновывалось соответственно: 78, 48 и 30 руб. в год⁹. В-третьих, и это, пожалуй, самое главное: нередко, штатное содержание должностного лица не совпадает с величиной его денежного довольствия, обозначенной в формулярном списке. Это говорит об определенной корректировке учреждением установленных штатами размеров должностных окладов.

Остановимся на этом подробнее, обратившись к конкретному материалу.

По штатам Московского совестного суда годовое содержание секретаря состояло из жалованья – 342,86 руб. и квартирных – 228,29 руб., всего 571,15 руб. в год¹⁰. Служивший в этом учреждении в 1851 г. секретарем выпускник юридического факультета Московского университета коллежский секретарь Я.И. Любимцев, как записано в его формуляре, получал оклад в размере 536 руб. в год¹¹, что на 35,15 руб. было ниже штатной суммы. В Московском совестном суде писцы среднего оклада недополучали до штатной величины 1,30 руб., низшего оклада – 1 руб. в год. Дворянскому заседателю Калужского совестного суда по штатам предусматривалось жалованье в размере 188,70 руб.¹² Состоявший в этой должности в 1851 г. коллежский регистратор А.П. Рожнов, как видно из его формуляра, получал 102,91 руб. в год¹³, т. е. на 85,79 руб. меньше, чем полагалось по штатам. Штаты совестных судов не устанавливали содержания судьям. Тем не менее, калужский совестный судья – отставной подполковник А.М. Сухотин получал годовое жалованье (видимо, назначенное по Высочайшему повелению) в размере 171,50 руб.¹⁴

Интересные результаты дает сопоставление размеров штатного содержания служащих Канцелярии московского военного генерал-губернатора, утвержденных 8 декабря 1848 г.¹⁵ с величиной окладов, указанной в их формулярных списках за 1853 г. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что по некоторым должностям чиновники и канцелярские служители имели содержание, отличавшееся от штатных сумм. Вот несколько примеров. По штатам Канцелярии помощникам столоначальника было положено годовое содержание в размере 350 руб. (300 – жалованье и 50 столовые). Из 6 штатных чиновников, числившихся в этой должности, согласно послужным спискам, половина имела штатный оклад. Остальные получали сокращенные выплаты в 120, 250 и 300 руб. в год¹⁶. По штату Канцелярии переводчику устанавливался годовой оклад в 200 руб. (включая 50 руб. столовых). Служивший в этой должности титулярный советник Н.Н. Брондуков получал окладное содержание в размере 300 руб. в год (из них собственно жалованье 250 руб.)¹⁷, т. е. на 50 руб. больше. Штатный оклад помощника журналиста составлял 200 руб. в год (150 руб. жалованья и 50 руб. столовых). Занимавший эту должность губернский секретарь Д.Н. Георгиевский получал 240 руб. жалованья в год, т. е. в сумме его содержание было выше штатной величины на 40 руб.¹⁸ Еще большим разнообразием отличалось жалованье писцов Канцелярии. По штатам жалованье писца высшего разряда равнялось 200 руб., среднего – 100, низшего – 70 руб. в год. Из 7 штатных писцов высшего разряда лишь два человека получали штатное жалованье¹⁹. Остальные довольствовались неполными выплатами причитавшихся им денег (3 человека получали по 180 руб., по одному – 90 и 80 руб.)²⁰. Среди писцов среднего разряда (по штату их значилось 4 человека, формуляры сохранились на трех) два человека имели годовое содержание в размере 120 руб., т. е. на 20 руб. выше штатного оклада, один – выпускник С.-Петербургского университета, сын потомственного дворянина губернский секретарь

⁹ ПСЗ-II. Т. 23. Отд. 2. № 22232.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 176. Д. 2770. Л. 934 об.

¹² ПСЗ-II. Т. 23. Отд. 2. № 22232.

¹³ ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3780. Л. 673 об.

¹⁴ Там же. Л. 670 об.

¹⁵ ПСЗ-II. Т. 23. Отд. 2. № 22802.

¹⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 2287. Л. 210 об., 212 об., 241 об.

¹⁷ Там же. Л. 199 об.

¹⁸ Там же. Л. 258 об.

¹⁹ Там же. Л. 229 об., 234 об.

²⁰ Там же. Л. 240 об., 275 об., 276 об., 281 об., 308 об.

А.Л. Павличинский жалованья не получал²¹. Что касается двух писцов низшего разряда, то они получали жалованье на 20 руб. превышавшее штатный показатель²².

Бросающиеся в глаза расхождения между штатной и реальной величиной содержания встречались и у начальников губерний. Проиллюстрируем это следующими примерами. Московскому гражданскому губернатору по штатному расписанию было положено 2145 руб. жалованья и столько же столовых²³, т. е. 4290 руб. в год. Служивший в этой должности камергер двора е. и. в. тайный советник И.В. Капнист (сын известного драматурга В.В. Капниста, автора комедии «Ябеда»), в 1853 г. сверх жалованья и столовых получал еще «прибавочные» (4000 руб.) и «карманные» (1500 руб.) деньги²⁴. Таким образом, содержание столичного губернатора исчислялось в 9790 руб. в год, т. е. в 2,3 раза превышало штатную сумму. Калужский губернатор действительный статский советник П.А. Булгаков в 1854 г. кроме положенных ему по должности 3432 руб. в год (1716 руб. жалованья и такого же размера столовых), получал еще «добавочные» деньги в размере 2 тыс. руб. в год²⁵, т. е. всего 5432 руб., что было более предусмотренного штатом оклада в 1,6 раза.

Здесь важно указать, что отклонение (в сторону завышения) в размерах окладного содержания губернаторов от величины, предусмотренной штатным расписанием в дореформенной России, было скорее правилом, чем исключением. Так, по сведениям, содержащимся в «Списке гражданским чинам первых четырех классов на 1853 г.», приведенным в книге П.А. Зайончковского²⁶, эстляндский губернатор И.Е. Гринвальд вместо 3432 руб. в год получал 5052 руб., т. е. на 1620 руб. больше, чем ему полагалось по закону. Годовой оклад тверского губернатора А.П. Бакунина, с учетом «прибавки» в 4 тыс. руб. был равен 7432 руб., т. е. превышал штатное содержание в 2,2 раза. По наблюдениям историка, наибольший оклад из провинциальных администраторов имели пензенский губернатор А.А. Панчулидзе и пермский губернатор И.И. Орлов. Содержание каждого из них, включая различные «добавки» и «аренды» достигало 8632 руб. в год, т. е. в 2,5 раза превышало штатную величину²⁷. Приведенные примеры убедительно свидетельствуют, что реальное содержание «хозяев губерний» было неодинаковым, включало разные составляющие и значительно выходило за суммы определенные штатом.

Итак, на основании изложенного материала можно смело утверждать, что по ряду должностей в системе органов местного управления имелись расхождения между положенным чиновникам государством содержанием, предоставлявшимся той или иной должностью и действительным материальным вознаграждением. Это свидетельствует о том, что после введения штатов на местах существовала практика перераспределения финансовых средств на содержание управленческого аппарата. Губернское начальство по своему усмотрению корректировало окладное содержание отдельных чиновников. Одной из причин тому был недостаток ассигнований из центра на гражданское губернское управление. Кроме того, видимо, не последнюю роль играли служебная пригодность исполнителей, личные симпатии и антипатии начальников к своим подчиненным, характер сложившихся между ними отношений. Наконец, отдельным чиновникам за известные заслуги величина содержания определялась не штатом, а высочайшим распоряжением.

Из сказанного выше вытекает еще один, и быть может самый важный в источниковедческом отношении вывод. Штатные показатели расходов на содержание деятелей местной администрации, если судить по вышеприведенным отдельным, но весьма показательным примерам (их перечень можно было бы продолжить), по некоторым категориям должностных лиц, как в столичных, так и в провинциальных присутствиях не соответствовали действительности. В известной мере это может служить доводом в пользу того, что штатные расписания безоговорочно не могут быть привлечены в качестве источника для определения размеров и видов содержания классных чиновников, а тем более, канцеляр-

²¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Л. 249 об., 257 об., 272 об.

²² Там же. Л. 314 об., 318 об.

²³ ПСЗ-П. Т. 20. Отд. 2. № 18580.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 176. Д. 2783. Л. 922 об.

²⁵ ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 4141. Л. 10 об.

²⁶ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 75-76.

²⁷ Там же. С. 76.

ских служащих. При работе с этим материалом необходимо соблюдать осторожность, по возможности проверяя и перепроверяя его сведениями других источников.

Наиболее информативным и достоверным источником для изучения материального содержания разных категорий служащих местного звена государственного управления являются формулярные списки²⁸. Их ценность состоит прежде всего в том, что они, заключают в себе информацию о реальных размерах основного и всех видов дополнительного содержания статских служащих, включая пенсионные выплаты. Только они содержат близкие к действительности сведения о размерах жалования разных групп канцелярских работников, которое устанавливалось самими канцеляриями в индивидуальном порядке исходя из служебных заслуг и трудов человека. Аккумулируемые формулярами сведения, значительно полнее и точнее отражают размеры и структуру окладного содержания каждого чиновника, чем имеющие ограниченное значение штатные расписания. Это обстоятельство дает основание использовать их в исследовательской практике в качестве надежного первоисточника для выяснения материальной обеспеченности личного состава местного чиновничества.

Представляется, что сделанный вывод, несмотря на локальную ограниченность приведенного источникового материала, имеет общее источниковедческое значение. В то же время, мы далеки от абсолютизации сведений формуляров для определения уровня материального благосостояния чиновников. Дореформенное чиновничество, как в центре, так и на местах, помимо должностных окладов, в большинстве своем не позволявших сводить концы с концами, имело и нелегальные, так сказать, неписанные никакими законами источники доходов, среди которых самым распространенным было взяточничество. Размеры взяток подчас были столь значительны, что вполне могли обеспечить безбедное существование чиновника и его семьи. Незаконные доходы деятелей местной администрации следует учитывать при оценке их материального достатка. Рассмотрение этого вопроса предполагает привлечение других разновидностей источников и является предметом специального изучения.

SOURCES ABOUT MATERIAL MAINTENANCE OF RUSSIAN LOCAL OFFICIALS IN THE MIDDLE OF THE XIXTH CENTURY

V.A. IVANOV

*Kaluga State University
n. a. K.E. Tsiolkovsky*

e-mail: madivasu@rambler.ru

In article the characteristic of the basic sources containing data on various kinds of material maintenance is given (salary, money for nourishment, rent) all categories of local officials of Russia from governors to the lowest rank servants. The author investigates information potentialities of sources and possibility of their use for historical research.

Key words: material maintenance, staff allowance, service records, officials, local state agencies, salary.

²⁸ Характеристика формулярных списков дана в моей работе. (См.: Иванов. В.А. Указ. соч. С. 9-36).

УДК 941.471.08

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА И ЦЕРКВИ ПО РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Е.В. ИВАНОВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: norkein777@rambler.ru

В данной статье рассматривается взаимодействие государства, общества и Церкви в России во второй половине XIX – начале XX веков, направленное на развитие системы материнства и детства, а также борьбу с асоциальными явлениями в данной среде в Центральном Черноземье. Основной целью статьи является выявление основных форм и методов, а также анализ результатов деятельности государственных, общественных и церковных учреждений по развитию системы охраны материнства и детства в Центральном Черноземье в рассматриваемый период.

Ключевые слова: система охраны материнства и детства, Центральное Черноземье, Курская губерния, Воронежская губерния, Тамбовская губерния, благотворительность, социальное признание.

Актуальность данной проблемы связана с тем, что реформы, проводимые в России в конце XX – начале XXI веков, характеризуются радикальными переменами, происходящими в различных сферах жизни российского общества: политике, экономике, культуре. Вступление России на путь либерально-рыночных реформ и трансформация политической системы, крутая смена исторических ориентиров, фундаментальных основ экономического и общественно-политического развития обострили социальную обстановку в стране. Отказ от практики государственного патернализма в пользу либеральной идеологии индивидуализма повлек за собой минимизацию социальных функций государства. В этих условиях в наиболее сложном положении оказались такие социальные группы общества как старики, женщины и дети. Отказ от сформировавшихся нравственных устоев, смена социальных норм, стереотипов, уклада жизни привели к беспрецедентной массовой невротизации, росту преступности, проституции, наркомании, алкоголизма, психических заболеваний. Опыт российских реформ все очевиднее показывает, что выработка национальной и культурно-обусловленной стратегии развития общества требует решения проблемы адаптации и совместимости традиционных ценностей российского менталитета и новых социально-экономических отношений.

Поэтому изучение истории взаимодействия общества, Православной Церкви и государственных органов России во второй половине XIX – начале XX веков по охране материнства и детства является одной из актуальных проблем современной отечественной историографии.

Одной из серьезных проблем, которая возникла и прочно укрепилась в российском государстве во второй половине XIX – начале XX веков стал кризис семьи как базового социального института общества. Прогрессирующее ухудшение состояния семьи во всех аспектах ее жизнедеятельности и главным образом в деторождении, явилось результатом преобразований последних десятилетий XIX века. В процессе социальных трансформаций во второй половине XIX – начале XX веков личность в определенной степени вступила в противоречие с институтом семьи, так же, как и институт семьи – с обществом. Необходимым стало эффективное взаимодействие ведущих социальных институтов – государства, общества и Церкви, для того, чтобы продолжить становление системы материнства и детства в России.

В российском государстве происходил сложный процесс замены старой системы социального обеспечения (Приказы общественного призрения) новой системой социальной защиты населения, которая формировалась в ходе хозяйственных и социальных преобразований в стране. К началу XX в. в России сложилась обширная и действенная система социальной работы, которая включала в себя:

– учреждения и общества, находившиеся в ведении Министерства внутренних дел (земские и городские, городские и сельские общества, частные благотворительные учреждения);

– благотворительные учреждения, созданные и находившиеся под покровительством членов Императорского дома (ведомство учреждений императрицы Марии, учреждения великой княгини Елены Павловны);

– благотворительные учреждения Императорского человеколюбивого общества;

– попечительства о бедных различных ведомств (епархиальные попечительства, приходские попечительства, благотворительные учреждения других конфессий);

– другие благотворительные учреждения и общества.

Таким образом, система благотворительности в России во второй половине XIX в. – начале XX в. представляла собой разветвленную сеть. По источникам финансирования благотворительность подразделялась на общественную, общественно-государственную и частную.

Следует отметить, что взаимодействие государства, общества и Церкви в системе охраны материнства и детства во второй половине XIX – начале XX веков было направлено: во-первых, на стабилизацию положения семьи, создание благоприятных условий и положительной динамики для развития системы материнства и детства; во-вторых, на борьбу с негативными тенденциями, асоциальными и патологическими явлениями в системе материнства и детства.

В этом контексте, по мнению Н.М.Римашевской, государственная и общественная политика в интересах материнства и детства осуществлялась в России во второй половине XIX – начале XX веков как выборочная социальная политика, ориентированная на отдельные категории матерей и детей, и в целом, явно отстающая от происходивших социальных трансформаций общества¹.

В губерниях России во второй половине XIX – начале XX веков происходило не только следование общей политике государства в социальной сфере, но и создание собственных направлений, организаций и учреждений для развития и укрепления системы охраны материнства и детства.

В Центральном Черноземье в рассматриваемый период основной движущей силой, направленной на осуществление охраны материнства и детства, была благотворительность. Основными направлениями в благотворительности в России являлись: правительственные, церковные, общественные и частные². Восстановление благотворительной деятельности приходов началось с отменой крепостного права. 2 августа 1864 года был принят закон о приходских попечительствах при православных церквях. Это означало, что гарантом благотворительного вспомоществования станет теперь не государство, а приход.

Благотворительные учреждения в губерниях Центрального Черноземья были представлены рядом учреждений, на особых основаниях управляемых (Ведомство учреждений Императрицы Марии, Российское Императорское общество и т.д.), и частных обществ, которые финансировались меценатами и частными благотворителями.

Особенно активно благотворительные учреждения по охране системы материнства и детства создавались в Воронежской губернии, где вели деятельность более 40 государственных организаций, включая 7 отделений Ведомства учреждений Императрицы Марии, 32 частных благотворительных учреждения и 53 Ведомства православного исповедания³.

В тот же период в Курской губернии преобладали частные учреждения, которые составляли более 85 единиц, а также государственные благотворительные учреждения. В то же время, церковных благотворительных учреждений было значительно меньше, чем в Воронежской губернии⁴. По данным за 1903 г. в Курской епархии при церквях существовало 3 больницы на 44 человека и 25 богаделен на 194 человека⁵.

В Тамбовской губернии в исследуемый период, начиная с 1870 годов, на общем фоне других губерний Центрального Черноземья последовательно и равномерно откры-

¹ Римашевская Н.М. Дети и молодежь – будущее России // Народонаселение. 2004. № 4. С. 12.

² Там же.

³ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 4391. Лл. 3-4,8-9.

⁴ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р. – 309. Оп. 2. Д. 129. Лл. 10–12 об.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 97. Ед. хр. 163. Л. 124.

вались благотворительные учреждения, как государственные и частные, так и церковные. Особая роль отводилась Тамбовскому благотворительному комитету, который занимался обеспечением охраны материнства и детства⁶.

В Центральном Черноземье во второй половине XIX – начале XX большую роль в оказании помощи материнству сыграли общественные и церковные организации, которые тесно взаимодействовали. Церковные благотворительные учреждения, приюты при монастырях и общественные организации, меценатства оказывали совместную помощь нуждающимся семьям⁷.

В Воронежской губернии в 1817 году был основан Попечительный совет о бедных – Комитет Императорского Человеколюбивого общества⁸. Крут деятельности Комитета включал в себя разнообразные направления: помощь пострадавшим от стихийных бедствий и несчастных случаев, помощь в сборе приданого бедным девушкам, помощь в похоронах неимущим, оказание помощи недееспособным, воспитание и обучение детей, организация работ или трудоустройство безработных вплоть до снабжения их необходимым материалом и сбытом готовой продукции, выплата пособий во время эпидемии⁹. Весомым направлением в деятельности отделения Попечительства о бедных являлась работа Женского благотворительного отделения. Особое внимание уделялось развитию женского труда и оказанию помощи в сбыте готовой продукции¹⁰.

В Воронежской губернии к 1887 году осуществляло свою деятельность 40 лечебных заведений, принадлежащих земству¹¹. А в Тамбовской губернии количество призреваемых лиц зависело от имеющихся финансовых средств¹². Бесплатное лечение предоставлялось воспитанникам педагогических курсов (1870 г.), учительской семинарии (1876 г.), земским служащим (1895 г.) и воспитанникам фельдшерской школы¹³.

В основу организации призрения был положен принцип родины, а не постоянного места жительства. Это создавало большие проблемы для больниц и благотворительных заведений, вынужденных взыскивать средства за оказанную помощь больному с общества, к которому он приписан. Так, Воронежская губернская земская управа была вынуждена списывать долги за лечение¹⁴. Курское уездное земское собрание также обращалось с ходатайством к Губернскому земскому собранию об уплате долга больнице¹⁵.

На территории Воронежской губернии к 1897 году находилось 60 богаделен¹⁶. Однако число желающих устроиться в богадельню превышало количество имеющихся мест. В Губернскую земскую богадельню существовала очередь из более 200 человек, ожидавших места от пяти до семи лет¹⁷.

В Курской губернии к началу 70-х годов XIX века находилось 28 богаделен. В течение 1872 года в них призревалося 462 человека¹⁸. Через тринадцать лет в губернии количество богаделен увеличилось до 39¹⁹.

Воронежское губернское земство имело опыт совместной деятельности с различными церковными благотворительными учреждениями, действовавшими на территории

⁶ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 173. Оп.1. Д.154. Л. 22.

⁷ Благотворительные учреждения Российской империи. Т.2., СПб., 1900. С. 115-116, 119-125, 274, 276-277, 279, 284.

⁸ Памятная книжка Воронежской губернии на 1910г. Воронеж, 1910. Отд.2. С. 69.

⁹ Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия Воронежа. Воронеж, 1886. С. 638.

¹⁰ Исторический очерк совета Императорского человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. СПб., 1898. С. 331.

¹¹ Воронежское земство 1865-1889. Историко-статистический обзор / сост. Щербина Ф. Воронеж, 1891. С. 96-103.

¹² Систематический свод действующих постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1865-1898 гг. Тамбов, 1898. С. 132-133.

¹³ Там же. С. 137-138.

¹⁴ ГАВО Ф. 20. Оп. 1. Д. 2413. Л. 5-14.

¹⁵ Сборник постановлений Курского губернского земского собрания с 1865 –1891 / под ред. А.И. Рош-тока. Курск, 1893. С. 875-876

¹⁶ Памятная книжка Воронежской губернии 1899 г. Воронеж, 1898. Отд II. С. 114.

¹⁷ ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2763. Л. 53.

¹⁸ Обзор Курской губернии за 1872 г. Губернское правление. Курск, 1873. С.20.

¹⁹ Обзор Курской губернии за 1885 г. Губернское правление. Курск, 1886. С.22.

губернии. В земствах оказывали финансовую помощь попечительству о глухонемых²⁰, Домам Трудолюбия, сиротскому убежищу Красного Креста²¹, Императорскому Человеколюбивому Обществу²².

В Курской губернии в ведении земства находился «Дом сирот и больных детей»²³. Пациентам старались обеспечить не просто качественный уход, но и организовать их досуг. Земская управа назначила специальных лиц, в обязанности которых входило чтение книг, ведение беседы и игры с подопечными, был приобретен орган²⁴.

Таким образом, анализ показывает, что в исследуемый период произошли заметные изменения в структуре и работе учреждений социальной помощи Воронежской, Тамбовской и Курской губерниях. Важной особенностью этого периода стало появление новых форм и направлений социальной защиты материнства и детства, призванных смягчить социальную напряженность. Благотворительную деятельность осуществляли государственные, полугосударственные и церковные учреждения, а также органы земского и городского самоуправления, совместно решавшие задачу помощи экономически неактивному населению²⁵.

Следует отметить, что меры, предпринятые со стороны государства, Церкви и обществу по охране материнства и младенчества, были направлены, в основном, на создание службы родовспоможения, организацию учебных заведений по подготовке отечественных медицинских кадров, борьбу с детской смертностью, создание приютов для детей-сирот, оказание помощи многодетным семьям.

К концу рассматриваемого периода сложилась служба социальной помощи, включающая различные по форме и назначению учреждения. Попытки объединить усилия государства, общества, Церкви и отдельных лиц в борьбе за снижение материнской и младенческой смертности предпринимались неоднократно. Наиболее заметным шагом в этом направлении стало учреждение в 1913 году Всероссийского попечительства об охране Материнства и Младенчества под покровительством императрицы Александры Федоровны, получившее право открывать свои отделы по всей стране. Таким же обществом, стремившимся объединить деятельность аналогичных учреждений, было Общество защиты женщин, возникшее в 1900 году и имевшее целью борьбу с вовлечением женщин в проституцию.

К новым формам социальной помощи женщинам-матерям и детям относились гинекологические институты, учреждения «Капля молока», сиропитательные, исправительно-воспитательные приюты для несовершеннолетних преступников, приютов Св. Марии Магдалины дома и т.п.

В результате исследования было выяснено, что система охраны материнства и детства в Центральном Черноземье во второй половине XIX – начале XX веков была направлена в большей степени на расширение взаимной деятельности государства с общественными, церковными и благотворительными организациями и создание общей модели взаимодействия с целью разработки комплексной методики охраны материнства и детства в России.

²⁰ ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д.4390. Лл. 19, 27, 35, 112, 117, 123, 140, 147, 151.

²¹ ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д.4390. Лл. 65, 81.

²² ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 8334. Лл. 75.

²³ Обзор Курской губернии за 1872 год. Губернская управа. Курск, 1873. С. 19.

²⁴ Обзор Курской губернии за 1878 год. Губернская управа. Курск, 1879. С. 35.

²⁵ Исторический очерк совета Императорского человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. СПб., 1898. С.331.

FORMATION OF MODEL OF INTERACTION OF THE STATE, SOCIETY AND CHURCH ON DEVELOPMENT OF THE MOTHERHOOD AND CHILDHOOD PROTECTION SYSTEM IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION IN THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

E.V. IVANOVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: norkein777@rambler.ru

The summary: In second half XIX – the beginning of the XX-th centuries in Russia there were serious social reforms which were essentially reflected in institute of a family and have caused a number of problems in motherhood and childhood system. In given article formation of interaction of the state, a society and the Church, directed on development of system of motherhood and the childhood, and also struggle with асоциальными the phenomena in the given environment in the Central Chernozem region is considered. Article main objective is revealing of the basic forms and methods, and also the analysis of results of activity of the state, public and church establishments on development of system of protection of motherhood and the childhood in the Central Chernozem region during the considered period.

Key words: system of protection of motherhood and the childhood, the Central Chernozem region, second half XIX – the beginning of the XX-th centuries, Kursk province, the Voronezh province, the Tambov province, charity, social help.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ МОНАСТЫРЕЙ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В.В. ДЕНИСОВ

*Угличский государственный
историко-архитектурный
и художественный музей*

e-mail: vvdenisov@bk.ru

В статье исследуются некоторые особенности типологии монастырей Верхнего Поволжья (Тверская, Ярославская, Костромская епархии) во второй половине XVIII – начале XX века. Значительное влияние на их структуру оказывали условия социально-экономического и историко-культурного развития региона в этот период. Изучение типологии монастырей Верхнего Поволжья позволяет получить данные для анализа их структуры как по региону в целом, так и по отдельным епархиам.

Ключевые слова: типология, монастыри, Верхнее Поволжье, Тверская епархия, Ярославская епархия, Костромская епархия, вторая половина XVIII – начало XX века.

В настоящее время некоторыми учеными, предпринимаются попытки разработать типологию монастырей Русской Православной церкви, которая может оказаться полезной в различных областях исторических знаний. По мнению известного исследователя Т.В. Барсегян: «Подобно всем иным, представляемые типологические характеристики достаточно формальны, но в то же время точно определяют особенности обителей, специфику их духовных, социокультурных и экономических функций. Несмотря на существование церковных правил, канонов, устава, которые являлись определяющими для духовной жизни монастыря, характера застройки, его архитектуры и т.п., каждая обитель имела свои неповторимые черты, традиции и особенности»¹. В статье рассматриваются некоторые аспекты изучения типологии монастырей РПЦ на примере региона Верхнего Поволжья, включающего в себя Тверскую, Ярославскую и Костромскую губернии во второй половине XVIII – начале XX в.

По системе подчиненности, содержанию, управлению и размерам обители РПЦ разделялись на несколько групп. Наиболее крупными духовными центрами, включенными в состав штатов, стали лавры, статус которых получили 4 мужских монастыря: Троице-Сергиев, Александро-Невский, Киево-Печерский, Почаевский. Эти обители пользовались особым покровительством монарших особ. Каждая лавра имела свою издательскую базу и печатала духовную, историко-церковную литературу, а также собственные периодические издания. Численность монашествующих в них составляла до 101 чел. Как видно, ни одна из обителей, находившихся на территории Верхнего Поволжья, не вошла в этот список.

Семь крупных монастырей были названы ставропигиальными и по своему статусу подчинялись непосредственно патриарху. В синодальный период они сначала находились в ведении Святейшего Синода, а затем Московской синодальной конторы. Их настоятелей по представлению Синода назначал император. Среди монастырей Верхнего Поволжья к ставропигиальным относился Ростовский Спасо-Яковлевский монастырь, который оставался в данном статусе до 1888 года². С этого момента в статистических описаниях Ярославской епархии времени он учитывался как обитель первого класса. На территориях Тверской и Костромской епархий в исследуемый период ставропигиальных монастырей не имелось.

Прочие монастыри подчинялись главам епархий, в границах которых они находились. Их настоятели назначались епархиальным архиереем с последующим утверждением Святейшим Синодом. Численность монашествующих в обителях 1 класса составля-

¹ Барсегян Т.В. Типология православных монастырей России // Монастыри в жизни России. Калуга-Боровск, 1997. С. 7.

² Андроник, игум., Бовкало А.А., Федоров В.А. Монастыри и монашество 1700-1998 гг. // Православная энциклопедия. Т. вводный. М., 2000. С. 330.

ла – 33 чел., 2 класса – 17 чел. и 3 класса – 12 чел. Такая структура монастырских учреждений РПЦ без особых изменений сохранялась до конца синодального периода.

Анализ статистических данных по системе подчиненности, содержанию, управлению и размерам обителей показывает, что их структура по епархиям Верхнего Поволжья существенно различалась. На территории исследуемого региона не имелось ни одной лавры, единственным ставропигиальным монастырем до 1888 г. считался Ростовский Спасо-Яковлевский монастырь. Он составлял 4% от общей численности обителей Ярославской епархии. Представительство остальных категорий монастырей на территории исследуемого региона было более многочисленным.

Так, в управлении Ярославской архиерейской кафедры находилось две обители 1 класса, составлявшие 8% от общей численности, Тверской – одна обитель 1 класса, на которую приходилось 4%, Костромской – 2 обители 1 класса, на которые приходилось 9%. Ко второму классу в Ярославской епархии относилось 2 монастыря или 8%, а в Тверской – 5 или 22%, в Костромской 1 или около 5%. К третьему классу в Ярославской епархии относилось 8 обителей или 34%, в Тверской – 5 или 22%, в Костромской – 3 или 14%. Всего в штате по Ярославской епархии состояло 13 или 54%, по Тверской 11 или 38%, по Костромской – 6 или 27%.

Следует отметить, что на территории Верхнего Поволжья в исследуемый период наибольшее число штатных монастырей РПЦ находилось в Ярославской епархии, где после реформы 1764 г. продолжали функционировать древнейшие и наиболее уважаемые обители края. Здесь имелись монастыри всех категорий, кроме лавры, в том числе ставропигиальный и первоклассные, однако наибольшая доля приходилась на монастыри 3 класса, численность которых существенно превосходила все остальные. Характерной особенностью Тверской епархии являлась равномерное распределение обителей между 2 и 3 классами. В Костромской епархии монастыри были более равномерно распределены между классами. Меньшая численность штатных обителей на территориях Тверской и Костромской губерний объяснялась активной деятельностью епархиального начальства по созданию новых монастырей, которые изначально не включались в штат.

Несколько наиболее древних и значительных обителей Верхнего Поволжья при учреждении штатов были включены в число первоклассных. Среди них можно назвать: Калязинский Троицкий монастырь Тверской епархии³, Костромской Ипатьевский Костромской⁴, Ярославский Толгский Ярославской⁵ и другие. Второклассными обителями в соответствии с указом стали: Ростовская Борисоглебская Ярославской епархии⁶, Костромская Богоявленско-Анастасиинская Костромской⁷, Новоторжский Воскресенский⁸. Несколько известных монастырей исследуемого региона было отнесено к категории третьеклассных, например: Угличский Алексеевский Ярославской епархии⁹, Высоковский Успенский Костромской¹⁰, Селижаровский Троицкий Тверской епархии¹¹.

Монастыри РПЦ, не включенные в период преобразований в число штатных, были либо упразднены, либо реорганизованы в приходскую церковь, либо оставлены за штатом. В последнем случае средства на свое содержание обитель получала самостоятельно за счет рационального ведения хозяйства или за счет привлечения частных пожертвований. В правление императора Павла I также стали выделяться казенные деньги на обеспечение деятельности заштатных монастырей.

Данный тип обителей был довольно широко распространен в Верхнем Поволжье в исследуемый период. Так в Ярославской епархии насчитывалось 11 заштатных монастырей или 46% от общего числа, в Тверской – 18 или 62%, в Костромской – 16 или 73%. Среди наиболее известных заштатных монастырей в Ярославской епархии следует назвать

³ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 181. Оп. 1. Д. 11.

⁴ Баженов И. Костромской Ипатьевский монастырь. Кострома, 1909.

⁵ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 245. Оп. 1. Д. 366.

⁶ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 4660.

⁷ Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1908. С. 3-4.

⁸ ГАТО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 4.

⁹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 4969.

¹⁰ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 360. Оп. 1. Д. 21.

¹¹ ГАТО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 522.

Угличский Николо-Улей-минский¹², в Тверской – Вышневолоцкий Казанский¹³, в Костромской – Николаевский Бабаевский¹⁴. Анализ статистических данных показывает, что в Ярославской епархии почти половина монастырей исследуемого региона относилась к заштатным, а в Тверской и Костромской епархиях – более половины.

При некоторых крупных монастырях РПЦ существовали небольшие обители, именовавшиеся приписными. Средства на свое содержание они получали от больших и богатых монастырей, к которым числились приписанными и настоятелями которых управлялись. Однако практика создания приписных монастырей была более характерна для периода XVII – начала XVIII в., когда их численность не регулировалась законодательством, а существующий уровень доходов позволял обеспечивать хозяйственной поддержание.

В ходе проведения церковных реформ начала XVIII в. большинство обителей такого типа было либо совсем упразднено, либо преобразовано в приходские церкви. Поэтому в исследуемый период в епархиях Верхнего Поволжья приписные монастыри встречаются весьма нечасто. Например, к Ниловой пустыни Тверской епархии, была приписана основанная в 1701 г. в 30 верстах от Осташкова Вселуцкая Ново-Соловецкая пустынь¹⁵.

Послушнические монастыри представляли собой иноческие общины, чаще всего женские, «полумонастыри». Они служили переходной ступенью от светской жизни к монашеской: по типу организации, устройству жизни были подобны монастырю, но члены общины не принимали иноческого обета. Интересен факт, что в царствование Александра II было открыто 29 обителей, из которых 15 образовались на основе послушнических монастырей¹⁶. Подобные монастыри часто организовывались мирянами: помещиками, крестьянами, горожанами, купцами и др.

Во второй половине XIX – начале XX в. на территории Верхнего Поволжья существовало более десяти женских иноческих общин. В Костромской епархии первая община, названная в честь Царицы Небесной Боголюбской, была основана в 1864 г., недалеко от г. Кадый Макарьевского уезда, на берегу р. Вотгати на усадебной земле, принадлежавшей почетному гражданину и купцу г. Кинешмы Алексею Ивановичу Поленову¹⁷. В 1872 г. была создана Ратьковская женская община в честь Федоровской иконы Пресвятой Богородицы в Костромской епархии¹⁸. С 1908 г. в архивных документах упоминается у с. Турани Варнавинского уезда Новоказанская женская община¹⁹.

Аналогичным образом создание женских общин происходило в Тверской епархии. Так, в 1895 г. корчевский мещанин И.Х. Круглов пожертвовал землю и строение для организации Свято-Троицкой общины в селе Иванькове Корчевского уезда²⁰. 5 декабря 1895 г. Статский советник П.М. Вознесенский получил от Тверской духовной консистории удостоверение в том, указом Святейшего Синода «...учреждена в имени Вашем, при часовне близ села Дубровы, Вельегонского уезда женская община с наименованием Параскево-Пятницкой»²¹. 19 декабря того же года последовал указ Святейшего Синода об открытии данной общины, настоятельницей которой была назначена рясофорная послушница Елизавета Соловьева²². Менее активно указанный процесс протекал в Ярославской епархии, на территории которой с 1898 г. существовала Угличская, в пустоши Опихарка, женская община в честь Преображения Господня²³.

Иногда наиболее успешные общины, обеспечившие свое материальное благосостояние, могли быть преобразованы в монастыри. Указом Святейшего Синода от 17 ноября

¹² ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 4606.

¹³ ГАТО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 13.

¹⁴ ГАКО. Ф. 130. Оп. 6 доп. Д. 84. Лл. 25-25 об.

¹⁵ Справочная книга по Тверской епархии на 1915 г. Тверь, 1914. С. 454.

¹⁶ Барсегян Т.В. Типология православных монастырей России. С. 9.

¹⁷ ГАКО. Ф. 130. Оп. 10. Д. 371. Лл. 37-40.

¹⁸ Там же. Лл. 35-36.

¹⁹ ГАКО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 313.

²⁰ ГАТО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

²¹ ГАТО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

²² Там же. Л. 4.

²³ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 4217.

1889 г. Севастиановской женской общины Пошехонского уезда Ярославской епархии была возведена в общежительный женский монастырь с наименованием его Преображенским Севастиановским монастырем. В документе говорится: «Усматривая из Вашего представления, что в Севастиановской общине существуют ныне два храма и все необходимые постройки, что для обеспечения существования общины имеются достаточные материальные средства и что по возведении сей общины в монастырь с большим успехом будет достигаться та цель, для которой учреждена община, а имянно: благотворительное влияние на окрестное население, зараженное расколом и распространения среди темного пошехонского народа грамотности...²⁴. Упомянутая выше Пятницкая женская община Тверской епархии стала женской обителью в 1907 году²⁵. Также в границах данного административно-территориального образования в монастыри были преобразованы Калязинская Александро-Невска²⁶ и Корчевская Свято-Троицкая общины²⁷.

По характеру уставной деятельности, регламентировавшей устройство и жизненный уклад, монастыри РПЦ разделялись на общежительные и необщежительные (особножительные). В общежительных монастырях монашествующие не имели личной собственности и получали от монастыря келью, необходимую утварь, а также одежду, обувь, питание и прочее. Доходы от рукоделия братии – написания икон, росписи храмов, шитья облачений, изготовления церковной утвари и прочие – направлялись в общую монастырскую казну. Данный тип монастырей отличался большей строгостью уставов.

Настоятель общежительной обители выбирался братией, имеющей монашеское посвящение. Указом Святейшего Синода от 20 марта 1862 г. «право на избрание кандидатов на настоятельские в общежительных монастырях вакансии предоставлялось только монашествующим²⁸. В собрании Государственного архива Тверской области сохранился документ, подтверждающий, что данное требование неукоснительно соблюдалось до начала XX в. В источнике сообщается: «На место почившей игуменнии Бежецкаго монастыря Антонии требуется избрать настоятельницу. Если монастырь сей общежительный, то по существующим правилам настоятельница должна быть избрана инокинями монастыря. Если же монастырь не общежительный то настоятельница поставляется по назначению из искусных и ризничных монахов, которые бы в тех монастырях всякое благочестие и порядок соблюдали²⁹.

В необщежительных монастырях монахи обычно имели келью и иногда общую трапезу от монастыря, остальное они приобретали своим трудом. Все доходы в необщежительных монастырях разделялись на три категории: 1) общемонастырские, которые шли на нужды монастыря; 2) братские, делившиеся между братией и 3) поручные – доходы отдельных иноков, всецело принадлежавшие им. Монахи особенножительных монастырей могли иметь собственные сбережения помимо монастырской казны. Перед смертью монах обязан был завещать все свое имущество обители.

Настоятели необщежительных монастырей назначались церковными властями. Сохранился указ Тверской духовной консистории от 19 декабря 1895 г., которым предписывалось «...переместить настоятелей третьеклассных монастырей – Старицкаго игумена Арсения и Троицкаго Селижарова игумена Николая на таковые же должности первого в Кашинский Димитровский монастырь с возведением в сан архимандрита, второго – в Старицкий третьеклассный Успенский монастырь, а наместника первокласснаго Калязинскаго Троицкаго монастыря назначить на настоятеля иеромонаха Никодима»³⁰.

В начале XIX в. в структуре учреждений РПЦ преобладали необщежительные монастыри, настоятели которых не всегда могли полностью контролировать жизнь братии, что отрицательно влияло на нравственное состояние монашества. В 1862 г. Синод рекомендовал переводить необщежительные монастыри в общежительные, данная рекомендация была повторена в 1869 году. Новые монастыри основывались только как общежи-

²⁴ Там же. Д. 3902. Л. 58-58 об.

²⁵ ГАТО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 71. Л. 1 об.

²⁶ ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 4.

²⁷ Справочная книга по Тверской епархии на 1915 г. Тверь, 1914. С. 462.

²⁸ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 2910. Л. 54.

²⁹ ГАТО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 264.

тельные. По состоянию на 1 января 1914 г. $\frac{2}{3}$ монастырей РПЦ являлись общежительными, причем большинство из них были женскими. В реальности элементы общежительствва имели место и в обособительных монастырях, в то время как в общежительных монастырях существовали разного рода местные особенности устава.

Независимо от того, каким образом назначался настоятель обители, его деятельность жестко контролировалась епархиальными властями. Так, в указе Тверской духовной консистории от 29 сентября 1774 г. сообщалось, «что некоторые монастырские настоятели самовольно отлучаются от монастырей своих, да еще и в отдаленные места и на долгое время, и в ту их отлучку монастыри и монашествующие остаются без надлежащего наблюдательства»³¹. Консистория запретила им покидать свои обители без крайней необходимости. Аналогичным документом Тверской духовной консистории от 13 февраля 1779 г. ставилось на вид, что «...некоторые монастырей настоятели не репортовали к исполнению по присылаемым для Консистории указам, оказываются весьма медлительны и репортууют не аккуратно, а в замедлении»³². Епархиальные власти потребовали от настоятелей более ответственно подходить к ведению переписки и соблюдать сроки подготовки донесений.

Особым видом монастырского общежития, где наиболее строго соблюдался устав, являлись пустыни. Первоначально они представляли собой небольшой монастырь или просто уединенную келью в отдаленных безлюдных местах. С конца XVIII начала XIX в. многие из них стали превращаться в крупные обители.

Наиболее известным монастырем этого типа на территории Верхнего Поволжья, возникшим до 1764 г., являлась Нилова Столобенская мужская пустынь Тверской епархии, основанная в конце XVI века³³. Еще одна старинная обитель тверской земли – Николаевская Теребинской пустынь находилась в Вышневолоцком уезде³⁴. Кроме вышеупомянутых монастырей название пустынь упоминается в литературе еще по отношению к трем обителям Тверской епархии. На территории Ярославской епархии в начале XVII в. основана Югская Дорофеева мужская пустынь³⁵. Общежитие в ней было введено с 1768 г. по уставу Саровской пустыни. В Костромской епархии под наименованием «пустынь» в литературе упоминается 4 объекта, в том числе ранние упоминавшиеся Макариевская Решемская³⁶ и Николо-Надеевская³⁷. В XIX – начале XX в. создание монастырей подобного типа на территории исследуемого региона продолжилось.

Создание пустыней в епархиях Верхнего Поволжья свидетельствует о том, что в синодальный период, несмотря на серьезные преобразования, у некоторых представителей монашества сохранялась потребность в духовном уединении. Этому в немалой степени способствовала природная среда: большие лесные пространства, наличие рек, озер, островов. Также следует отметить, что в описаниях монастырей термин «пустынь» используется как часть названия только в трех случаях, а остальные обители именуется монастырями. Возможно, что под термином «пустынь» чаще всего подразумевалось наличие в монастыре общежительного устава.

Еще более строгие правила монастырского общежития существовали в скиту. Он представлял собой небольшой, удаленный от мира и даже от больших обителей монастырь, где проживали старцы – наиболее зрелые в духовном и возрастном отношении монахи, которые вели исключительно аскетический образ жизни. Старчество, имеющее свои правила, установления и предания, в России было введено Паисием Величковским. Ведущим духовным центром страны в XIX в. являлась Оптина пустынь, к старцам которой приезжали выдающиеся мыслители эпохи, философы, писатели России: Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.М. Соловьев и другие. В скитах не занимались хозяйством. Скиты имели все наиболее значительные обители РПЦ.

³¹ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

³² ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

³³ Историческая записка о Ниловой пустыне, что на озере Силигере. Тверь, 1853.

³⁴ Справочная книга по Тверской епархии на 1915 г. Тверь, 1914. С. 458.

³⁵ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 4742.

³⁶ Церкви Костромской епархии. Кострома, 1909. С. 127.

³⁷ ГАКО. Ф. 132. Оп. 1 вн. Д. 39. Л. 12 об.

Данный тип монастырского общежития в исследуемый период существовал и на территории Верхнего Поволжья. Достаточно хорошо был известен приписанный к Ниловой пустыни Гефсиманский скит, находившийся на втором по величине острове оз. Селигер – Городомле³⁸. Другой скит Тверской епархии, принадлежавший Московской Марфино-Мариинской обители, находился в районе д. Владычня, на землях прежде находившихся в собственности епархиального архиерея³⁹. На территории Ярославской епархии в 1903 г. возник Романово-Борисоглебский Вауловский женский скит в честь Успения Пресвятой Богородицы, однако он считался приписанным к Санкт-Петербургскому Иоанновскому женскому монастырю⁴⁰.

Кинонии представляли собой тип небольшого общежительного монастыря, в котором никто, включая настоятеля, не имел никакой собственности, а все необходимое братия получала от монастыря. Со своей стороны каждый проживающий в обители обязывался отдавать все результаты своего труда предоставлять для общего потребления. Не только простые монахи, но и настоятели таких монастырей не располагали на праве собственности никаким имуществом, их имущество было невозможно завещать или дарить. Настоятели таких монастырей избирались братией монастыря и лишь утверждались в должности Святейшим Синодом по представлению епархиального архиерея. В начале XX в. в РПЦ насчитывалось всего четыре мужских монастыря, называвшихся киновиями. На территории Верхнего Поволжья в самом конце исследуемого периода данный тип монастыря встречался в Тверской епархии. Так, Вышневолоцкий Казанский женский монастырь располагал двумя киновиями: Спировской и Комаровской⁴¹.

В целом, анализ документов показал, что в епархиях Верхнего Поволжья во второй половине XVIII – начале XX в. окончательно сформировалась типология православных монастырей, которая без серьезных изменений просуществовала до конца синодального периода. Значительное влияние на этот процесс оказывали факторы социально-экономического и историко-культурного развития изучаемого региона.

SOME ASPECTS OF THE TYPOLOGY OF MONASTERIES OF THE UPPER VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF XVIII – BEGINNING OF XX CENTURY

V.V. DENISOV

Uglich State Historical-Architectural and Art Museum

e-mail: vvdenisov@bk.ru

In the article investigate some characteristics typology monasteries upper reaches of the Volga (Tver, Yaroslavl and Kostroma eparchies) on second half XVIII – begin XX century. Considerable influence on their structure show conditions socio-economic and historico-cultural development of region at this period. Research typology monasteries upper reaches of the Volga make it possible obtain information for analysis structure all over the region and separate eparchies.

Key words: typology, monasteries, upper reaches of the Volga, Tver eparchy, Yaroslavl eparchy, Kostroma eparchy, second half XVIII – beginning XX century.

³⁸ Справочная книга по Тверской епархии на 1915 г. Тверь, 1914. С. 454

³⁹ Сайт Тверской епархии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tver.eparchia.ru>

⁴⁰ Орнатская Т.И. Вауловский Успенский женский скит. М., 2003. С. 30.

⁴¹ Справочная книга по Тверской епархии на 1915 г. Тверь, 1914. С. 463.

УДК 94 «18/19»(470.32):281.92

К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ: ЦЕРКОВНЫЕ ВОСКРЕСНЫЕ ШКОЛЫ*

К. В. КОЗЛОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: kozlov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается история особого типа образовательных учреждений – церковных воскресных школ в России во второй половине XIX – начале XX века. История создания и развития воскресных школ рассматривается в контексте эволюции государственной политики и трансформации церковной образовательной системы.

Ключевые слова: Министерство народного просвещения, Синод, воскресные школы, православное духовенство.

Образовательная деятельность Русской Православной церкви во второй половине XIX – начале XX века помимо создания системы церковных образовательных учреждений, организации изучения православного вероучения в светских средних и начальных учебных заведениях включала организацию общего и профессионального образования вне стен учебных заведений. Внешкольное религиозное образование или, более корректно, на наш взгляд, просвещение позволяло охватить большое количество населения, причем как детей, так и взрослых, чем могли вместить учебные заведения.

Особое место в системе внешкольного религиозного просвещения отводилось воскресным школам, которые занимали промежуточное положение между учебными заведениями, обеспечивавшими получение систематического образования, и более или менее регулярно проводимыми религиозно – просветительскими мероприятиями. Являясь образовательными учреждениями, ориентированными в своей деятельности на людей, которые в силу различных причин не имели возможности получить систематическое образование, воскресные школы, начиная с 1850-х гг., стали одной из самых популярных форм организации внешкольного образования.

Воскресные школы были порождены эпохой Великих реформ или, точнее, эпохой их ожидания. Возможно, именно поэтому в исторической литературе существуют значительные разночтения в датировке открытия первой воскресной школы. Известной датой создания первой воскресной школы является 1 марта 1859 г., когда двое священников начали проводить по воскресным и праздничным дням занятия с рабочими Нытвинского завода, расположенного в Оханском уезде Пермской губернии. Эти занятия они называли «воскресной школой». Но один из крупных дореволюционных историков внешкольного образования Я.В. Абрамов не считал ее первой воскресной школой на том основании, что «она представляла собою именно профессиональную школу, подобную протестантским воскресным школам, и отнюдь не преследовала общеобразовательных целей»¹.

В апреле 1859 г. женская воскресная школа была открыта в Петербурге М.С. Шпилевской, а в сентябре – в Екатеринославе учителем Панченко. Но традиционно принято считать первой воскресной школой школу, открытую 11 октября 1859 г. в Киеве по инициативе 17 студентов Киевского университета и 1 студента Киевской духовной академии. Возглавил эту школу профессор Киевского университета П.В. Павлов.

На наш взгляд, приоритет именно за этой школой сохранен по двум причинам: во-первых, она стала моделью организации учебно-воспитательного процесса для всех открывавшихся впоследствии подобных образовательных учреждений. Во-вторых, открытие этой школы послужило примером, побудившим к действию киевскую интеллигенцию, и на протяжении с октября 1859 по ноябрь 1860 г. в Киеве было открыто семь

* Исследование подготовлено в рамках работ по гранту РГНФ 11-31-00202a1 «Культурно-просветительские инициативы провинциальной общественности в губерниях Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века: опыт микроисторического анализа» на 2011-2012 гг.

¹ Абрамов Я.В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 7.

воскресных школ. Кроме этого, активная деятельность ее основателя П.В. Павлова, который, после переезда в конце 1859 г. в Петербург, продолжил заниматься созданием воскресных школ и, более того, в августе 1860 г. возглавил Совет уполномоченных, руководивший ими, в известной степени способствовала тому, что он был признан автором этой педагогической инновации.

Воскресные школы создавались в 1859 – 1862 гг. до их запрещения правительством большей частью по инициативе светской интеллигенции. Хотя идея создания воскресных школ была оценена Синодом и в № 21 «Руководства для сельских пастырей» за 1860 г. было высказано сожаление по поводу того, что духовенство недостаточно активно открывает воскресные школы, и пожелание сделать обычным делом создание их при духовно-учебных заведениях. Причем деятельность духовенства по открытию воскресных школ рассматривалась не только как катехизаторская, но и как общественно – значимая: «Пусть бы не говорили не сущие от нас, что пастыри пасут только сами себя. Пусть бы исполнилось желание правительства, чтобы пастыри были по преимуществу просветителями простого народа. Будем надеяться, что и духовенство не отстанет от светского общества, по крайней мере, в трудах воскресного обучения»².

Но в начальный период создания воскресных школ инициатива все-таки исходила не от духовенства. Происходило это не из-за нежелания православных священнослужителей заниматься обучением по воскресным и праздничным дням. В. Вахтеров указывает на факты открытия воскресных школ духовенством в 1861 – 1862 гг., например, в Петербурге, Москве, в с. Заборье Московской губернии, в с. Ардатове Нижегородской губернии³. Но школы, открытые духовенством, терялись на фоне массового открытия воскресных школ, особенно в крупных городах, и его участие в развитии такого почина оставалось незамеченным.

Происходило это по вполне объяснимым причинам. Прежде всего, потому, что воскресные школы создавались как образовательные учреждения, контингент учащихся которых должны были создавать рабочие, то есть, воскресные школы создавались в городах. А в городах, особенно крупных, где создание и работа в них стало повальным увлечением светской интеллигенции и, соответственно, духовенство не могло сколько-нибудь успешно с этим конкурировать. Кроме этого, воскресные школы сразу же были определены как общеобразовательные учебные заведения, и поэтому воскресные беседы православных священников с прихожанами не могли считаться в полном смысле воскресной школой. Отсутствие самостоятельной инициативы духовенства по открытию воскресных школ должно, на наш взгляд, рассматриваться еще и в связи с тем, воскресные школы указом от 22 марта 1860 г. были переданы в ведение Министерства народного просвещения, а Синодом 14 февраля 1861 г. было сделано распоряжение епархиальным архиереям, чтобы ими в каждую воскресную школу был назначен священник для преподавания Закона Божия и осуществления контроля за содержанием обучения на предмет соответствия его православному вероучению. Таким образом, на священников были возложены функции законоучительства во вновь открывавшихся и уже существовавших школах. И поэтому они, уже будучи задействованными в организации образовательной деятельности воскресных школ, открытых различными людьми, не ставили задачу самим инициировать создание подобных образовательных учреждений.

Создание православным духовенством воскресных школ начало активно осуществляться после издания в 1864 г. «Положения о начальных народных училищах». Произошло это по двум причинам: во-первых, потому что указом от 10 июня 1862 г. все воскресные школы были закрыты, так как работавшие в них учителя были замечены в политической деятельности. Во-вторых, потому что «Положение о начальных народных училищах» 1864 г. отдавало приоритет епархиальным архиереям и приходскому духовенству в деле организации начального народного образования в России. В числе прочего, «Положением» было определено право православного духовенства создавать воскресные школы.

Как отражение синодальной политики в этом вопросе следует рассматривать создание в 1866 г. воскресных школ при духовных семинариях, которые являлись общеобра-

² Цит. по: Абрамов Я.В. Указ. соч. С. 59.

³ Вахтеров В. Внешкольное образование народа. М., 1896. С. 159.

зовательными учреждениями. Это обуславливалось задачами, которые ставились при создании этих школ – стать базовыми учебными заведениями для организации педагогической практики воспитанников духовных семинарий.

Очевидно, именно в это время среди духовенства сформировалось убеждение, что открывать воскресные школы является исключительно его прерогативой. Как указывал Я.В. Абрамов: «Духовенство проявляло по отношению к воскресным школам некоторую ревнивость, полагая, что они должны быть предоставлены духовному ведомству»⁴. Ситуация, когда никто кроме духовенства не имел права открывать воскресные школы и, кроме того, вынесенное из времени учебы в семинарии ассоциативное восприятие воскресной школы, как структурной составляющей духовно – учебного заведения, и работы в ней, как части учебного процесса, возможно и способствовало формированию такого убеждения.

Ключевым моментом реализации установки Синода на создание духовенством воскресных школ как учебных заведений, интегрирующих в своей деятельности общеобразовательные и катехизаторские задачи, стало издание Синодом указа 21 августа 1868 г., в основу которого легло заключение Учебного комитета по вопросу: «В какой мере учреждение воскресных школ согласно с учением Православной церкви?» Уникальность данного указа заключается в том, что им предполагалось разъяснить епархиальным архиереям и через них приходскому духовенству, что воскресные школы ни в коей мере не противоречат заповеди о посвящении седьмого дня недели Богу.

Для доказательства этого проводилась следующая цепочка рассуждений: в воскресные и праздничные дни следует быть на Богослужении, проводить время в молитве и чтении душевспасительной литературы. Умственный труд для людей, занимающихся физическим трудом, является отдыхом, что выражено в самом слове «школа» (сколи), означающим «праздность». Занятия в воскресной школе начинаются после Богослужения и, следовательно, не отвлекают прихожан от участия в нем. И, главное, изучаемые в школе Священная история, катехизис, объяснение молитв и церковное пение, то есть конфессиональная составляющая содержания образования, вполне согласуются с требованием Церкви проводить воскресные и праздничные дни в душеполезном учении и размышлении. И прямо указано, что «учебная цель упомянутых предметов не изменит их существа и спасительного действия»⁵. Еще одним аргументом в пользу признания занятий в воскресных школах богоугодным делом было «отвлечение народа от праздности и соблазнов». Особо отмечалось, что работа учителей таковой не является, ибо «сей труд совершается не с целью житейских выгод, а имеет свойство дела духовного милосердия»⁶.

Подобная политика Синода была вполне оправдана. «Положением о начальных народных училищах» 1874 г. воскресные школы, создаваемые государством, городскими и сельскими обществами, а так же частными лицами были отнесены к типу начальных народных училищ. Циркуляром министра народного просвещения от 3 мая 1875 г. было определено право учредителей воскресных школ самим подбирать педагогов, в том числе и законоучителей, с последующим представлением кандидатур инспектору народных училищ. На назначение законоучителей в воскресные школы было распространено действие министерского циркуляра от 17 мая 1871 г., изданного на основе указа Синода от 4 мая 1871 г., которым разрешалось допускать к преподаванию Закона Божия в начальных народных училищах выпускников духовных семинарий, не расположенных в священнический сан.

Таким образом, «Положением о начальных народных училищах» 1874 г. и последующими министерскими распоряжениями был определен тип воскресной школы, как светского начального общеобразовательного учебного заведения. Конфессиональная составляющая содержания образования и степень участия епархиальных архиереев и приходского духовенства в организации учебного процесса была точно такой же, как и в начальных народных училищах.

Нормативное оформление типа церковной воскресной школы началось с изданием «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г., которыми не только был определен

⁴ Абрамов Я.В. Указ. соч. С. 72.

⁵ Циркулярные указы Святейшего Православного Синода 1867-1900 / сост. А. А.Завьялов. СПб., 1901. С. 66.

⁶ Там же.

порядок создания и регламентирована образовательная деятельность церковно-приходских школ, но и были определены основные формы организации внешкольной деятельности: дополнительные классы по предметам, изучаемым в школах, ежедневные уроки для взрослых, особые ремесленные и рукодельные классы, а также воскресные школы для людей, не имеющих возможности посещать ежедневные занятия. Причем, воскресные школы могли создаваться и в тех населенных пунктах, где нет церковно-приходских школ. «Правилами» была дифференцирована воскресная школа от остальных форм внешкольной деятельности как особый тип образовательного учреждения.

На создание воскресных школ Синодом сразу же было обращено внимание приходского духовенства. В 1885 г. была разослана по епархиям брошюра «Церковная школа», изданная Училищным советом при Синоде, в которой указывалось: «Мы обращаем особенное внимание наших пастырей на воскресные школы ... Что другое, а эти школы обязательно должны быть в каждом селе при храме, безразлично, есть ли там какая-нибудь школа или нет, церковно-приходская ли то школа или министерская ...»⁷.

Немаловажным обстоятельством, на наш взгляд, являлась реорганизация воскресных школ при духовных семинариях в начальные школы с ежедневным обучением по новому Уставу духовных семинарий, утвержденному 22 августа 1884 г. Они после утверждения определением Синода от 23–30 июля 1886 г. «Правил для образцовых начальных школ при духовных семинариях» получили название образцовых начальных школ.

Таким образом, воскресные школы перестали быть учебными заведениями, сопутствующими духовным семинариям, и, соответственно, их создание перестало быть результатом административной инициативы. Теперь создание воскресных школ могло инициироваться только духовенством, а также, для их создания отсутствовали формальные требования как, например, необходимость организации педагогической практики семинаристов.

Особое значение, которое придавалось воскресным школам, в разворачивающейся деятельности Русской Православной церкви по созданию собственной школьной системы, на наш взгляд, обуславливалось тем, что для создания воскресных школ не требовалось значительного финансово-экономического и учебно-методического обеспечения. Первого – потому что занятия проходили только в воскресные и праздничные дни, а второго – потому что нормативно не было определено содержание образования воскресных школ. В «Правилах о церковно-приходских школах» 1884 г. было лишь оговорено, что в воскресных, также как и в церковно-приходских школах, должны использоваться учебники и учебные пособия, одобренные Синодом. То есть, для приходского священника открыть воскресную школу было гораздо проще, чем церковно-приходскую, что, по-видимому, в начальный период создания системы церковных школ признавалось существенным достоинством этого типа образовательных учреждений. Кроме этого, если создание церковно-приходских было делом новым для священников, то воскресные школы для них должны были стать своего рода развернутым продолжением воскресных бесед с прихожанами, которые уже прочно вошли в практику пастырского служения.

Одновременно, с предоставлением инициативы православному духовенству в создании воскресных школ, Синодом содействие в их создании было отнесено к компетенции созданных в 1888 г. уездных отделений Епархиальных училищных советов, что было закреплено «Положением об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» 1896 года.

В 1891 г. в контексте мероприятий Синода, направленных на установление контроля над внешкольным образованием, обер-прокурор К.П. Победоносцев пролоббировал решение Министерства народного просвещения о том, чтобы все воскресные школы были подчинены духовному ведомству. Министерским циркуляром от 4 сентября 1891 г. был объявлен новый порядок создания воскресных школ. В случае, если воскресная школа создавалась при начальном народном училище или другом учебном заведении по инициативе администрации этого учебного заведения, то ходатайство об открытии школы должно было подаваться инспектору народных училищ. Во всех остальных случаях ходатайства об открытии воскресной школы должны были подаваться на рассмотрение епархиального ар-

⁷ Цит. по: Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884- 1909 г.). СПб., 1909. С. 431 – 432.

хиерея. Заведование воскресной школой возлагалось на приходского священника. Но поскольку в циркуляре не была детально оговорена процедура назначения заведующих, то на практике выработалось два варианта. Первый – когда учредители школы сами подбирали кандидатуру священника на должность заведующего и указывали его в ходатайстве. Второй – когда епархиальный архиерей, утверждая ходатайство учредителей воскресной школы, сам назначал священника заведовать вновь открытой школой⁸.

Но данный циркуляр фактически отменял «Положение о начальных народных училищах» 1874 г. в части, касающейся воскресных школ, так как он знаменовал собой следующий этап развития церковных воскресных школ – начало интенсивного увеличения их количества. А переподчинение воскресных школ духовенству по-прежнему не внесло изменений в содержательные характеристики данного типа образовательных учреждений, как церковного. То есть, не была разработана нормативная основа их организации и учебно-воспитательной деятельности. Так, например, епархиальный наблюдатель церковных школ Курской епархии И. Каплинский в письме к наблюдателю церковных школ Российской Империи В.И. Шемякину от 3 марта 1897 г. отмечал: «воскресные школы без синодальных правил представляют затруднение при руководстве ими, ибо учащие в этих школах не считают себя обязанными вести преподавание по программе предметов курса церковно-приходских школ»⁹.

Впервые вопрос об этом был поднят в 1894 г. на состоявшемся в Киеве Съезде членов Епархиальных училищных советов Западного края и Южной России, где по предложению И.Х. Пичеты был разработан проект «Правил о воскресных школах». На проходившем в Петербурге в 1898 г. Чрезвычайном собрании Училищного совета также высказывались мнения о необходимости нормативной регламентации образовательной деятельности воскресных школ. И в итоге было решено не разрабатывать отдельные правила для воскресных школ, а включить их в общее положение о церковных школах отдельной главой. На основе проекта киевского съезда, предложений Епархиальных училищных советов была разработана глава, касающаяся воскресных школ, утвержденного 1 апреля 1902 г. «Положения о церковных школах».

Согласно этому «Положению», ходатайства об открытии воскресных школ рассматривались и утверждались не епархиальным архиереем, как прежде, а Епархиальным училищным советом, которым назначались также заведующие – священники и учителя. Но самое главное изменение касалось содержания образования, которое было определено в объеме курса одноклассной церковно-приходской школы. Соответственно учителям воскресных школ необходимо было иметь квалификацию, позволявшую преподавать в одноклассных церковно-приходских школах. Таким образом, «Положением о церковных школах» было завершено формирование воскресных школ как самостоятельного типа церковных образовательных учреждений.

Определением Синода от 7–17 ноября 1911 г. назначение заведующего, законоучителя и учителей воскресных школ было передано в компетенцию уездного отделения Епархиального училищного совета. Но журналы заседаний уездных отделений по этим вопросам представлялись через Епархиальный училищный совет на утверждение епархиальному архиерею. Показательно в этом определении другое: компетенция уездных отделений относительно воскресных школ прописана отдельным пунктом, и воскресные школы не отнесены к формам внешкольного образования, реализующимся на базе церковно-приходской школы, как это было, например, в «Правилах о церковно-приходских школах» 1884 г. и «Положении об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» 1896 года.

Но несмотря на незначительность затрат, требуемых на финансово-экономическое обеспечение деятельности воскресных школ они не стали достаточно распространенным типом церковных образовательных учреждений. Так, в 1898 г. в России

⁸ См.: Законы и справочные сведения по начальному народному образованию / сост. А. С. Пругавин. СПб., 1898. С. 216 – 219.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 803. Оп. 12. Д. 86. Л. 113 об.

было 405 церковных воскресных школ, из которых 148 – были городские, а в 1907 г. – 182, в том числе 100 – городских¹⁰.

Объясняется это, на наш взгляд, рядом обстоятельств. Во-первых, воскресные школы рассматривались и Синодом и духовенством как учебные заведения дополнительного образования, и поэтому создание их не являлось первоочередной задачей по сравнению, например, с созданием церковно – приходских школ.

Во-вторых, финансироваться воскресные школы, и это было закреплено «Положением о церковных школах» 1902 г., должны исключительно из местных средств. И на всем протяжении существования церковных воскресных школ государство ни разу не выделяло им субсидий. А местных средств на воскресные школы поступало недостаточно. Так, в 1902 г. на содержание 343 школ было собрано 21589 рублей, а в 1907 г. на 182 – 13402 рублей соответственно¹¹.

В-третьих, церковные воскресные школы, также как и светские, продолжали оставаться филантропическими заведениями. Учителя в них работали бесплатно. В 1907 г., например, зарплату получали учителя лишь в 24 школах, общий размер которой составил 2808 рублей. Причем, из этой суммы 1200 рублей приходилось на одну воскресную школу, созданную для рабочих Сормовского завода, расположенного в Балахнинском уезде Нижегородской губернии¹².

В-четвертых, сокращение числа церковных воскресных школ происходило за счет сельских школ, прежде всего потому, что воскресные школы создавались для рабочих, то есть в городах. А это создавало возможности для финансово-экономического обеспечения воскресных школ, так как денежные средства на организацию этих школ выделялись промышленными предприятиями. И самое главное, частные лица из числа интеллигентных состоятельных людей, которых естественно в городе проживало больше, чем в сельской местности. Исходя из этого, сформировалось два вида воскресных школ: первый – это школы, создаваемые в городах при активной поддержке попечителей и второй – это сельские школы, создаваемые духовенством, как правило, и преподававшим в них.

Так, например, из 8 церковных воскресных школ Орловской епархии, 4 были созданы в городах при помощи частных лиц. Воскресная школа в г. Болхове была открыта по инициативе К.А. Томашевской, которая и стала ее попечительницей, попечителями мужской воскресной школы в г. Ельце являлись: А.А. Стахович, Н.И. Петров, Н.Я. Зыков, женской – О.В. Стахович, В.В. Стахович, В.В. Заусаилов и В.Р. Коротнев. По-видимому, эти же люди оказывали финансовую помощь и Елецкой женской воскресной школе, действовавшей при Аргамаченской церковно-приходской школе. А, например, воскресной школе, созданной в Тамбове в 1891 г. дочерью епископа Тамбовского Иеронима (Экземпляровского) М.И. Экземпляровской и содержащейся на ее средства, городская дума ежегодно ассигновала 150 рублей¹³.

Кроме лучшего финансово-экономического обеспечения, в городские воскресные школы было значительно легче найти учителей и, главное, помещение под школу. Объясняется это тем, что в городах было гораздо больше образованных людей, которые могли стать учителями воскресных школ, в сёлах – это те же народные учителя, которые работали в церковной или земской школе. Помещения, которые в сёлах могли быть использованы для занятий учащихся воскресных школ, это были опять же здания начальных школ, в которых по воскресеньям зачастую проводились народные чтения.

Так, например, в остальных 4 воскресных школах Орловской епархии, созданных в сёлах православным духовенством, обучение проводилось самими священниками или дьяконами. В Бежицкой школе, находившейся в помещении церковной сторожки, преподавали священник П. Покровский и учитель П. Наумов, в Лавской, созданной на базе земской школы – священник П. Говоров и дьякон Ф. Семов, в Яблоновской – также работавшей в помещении земской школы – священник Л. Левицкий и учитель этой школы. Такой же ситуация была и в Фошнянской школе, созданной на базе образцовой начальной школы

¹⁰ Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884-1909 г.). СПб., 1909. С. 437.

¹¹ Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884-1909 г.). С. 461.

¹² Там же. С. 460.

¹³ Фурсова С.В. История народной школы Тамбовской губернии в пореформенный период (1861-1904 гг.). Тамбов, 2000. С. 155 – 156.

при второклассной учительской школе, заведовал которой и преподавал в ней общеобразовательные предметы священник М. Троепольский, а законоучительствовал священник Д. Поярков. Для сравнения, в Болховской школе работало 5 учителей, в Елецких – мужских и женских, соответственно – 6,13 и 7 учителей¹⁴. А, например, в воскресной школе, открытой священником Т. Бажановым при церковно-приходской школе Успенской церкви г. Боброва Воронежской губернии, усердно опекаемой попечительницей В.С. Красильниковой, работало 5 учителей при общем количестве учащихся 90 человек¹⁵.

Соответственно, финансирование городских школ были более устойчивым, чем сельских, если учесть, что крестьянские общества фактически игнорировали существование последних и не выделяли средств на их содержание. Так, волостными, сельскими и станичными обществами России на церковные воскресные школы в 1902 г. было выделено 156 рублей, в 1903 г. – 80, в 1904 г. – 240, в 1905 г. – 565, в 1906 г. – 160, в 1907 г. – 80 рублей соответственно¹⁶.

В-пятых, после 1902 г. начинается устойчивое уменьшение численности воскресных школ. Возможно, это было следствием утверждения «Положения о церковных школах», которым воскресные школы были определены как одноклассные церковно-приходские школы. Это, с одной стороны, создавало дополнительные сложности сельскому духовенству в организации по воскресеньям теперь уже одноклассной церковно-приходской школы и, с другой, могло явиться основанием для реорганизации воскресных школ в церковно-приходские. И, кроме этого, по-прежнему, основным направлением образовательной деятельности Русской Православной церкви продолжало оставаться создание церковно-приходских школ, следовательно, воскресные школы в свете указанных обстоятельств могли потерять свои доселе привлекательные черты.

В целом, воскресные школы можно рассматривать как достаточно показательную образовательную инициативу Русской Православной церкви, реализованную во второй половине XIX – начале XX века. Создание воскресных школ было связано со стремлением Русской Православной церкви обозначить конфигурацию собственного образовательного пространства в условиях общественного подъема 1860-х гг. Воскресные школы стали заметным явлением этого периода, а занятие внешкольной деятельностью рассматривалось российской интеллигенцией как один из важнейших критериев принадлежности к передовым слоям общества. В этой ситуации церковное руководство, не имея достаточных финансовых и материальных ресурсов для создания собственных воскресных школ, стремилось различными способами привлечь духовенство к подобной – инициативной – работе. С другой стороны, создание духовенством воскресных школ полностью укладывалось в традиционную парадигму пастырского и социального служения. На всем протяжении своего существования церковные воскресные школы находились в достаточно сложной ситуации определения правового статуса и прошли долгий путь институционализации сначала в рамках внешкольного просвещения, а затем системы народного образования и, в частности, ее православного сегмента.

ON THE HISTORY OF THE ORTHODOX OUT-OF-SCHOOL EDUCATION IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES: CHURCH SUNDAY SCHOOL

K.V. KOZLOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: kozlov@bsu.edu.ru

The article describes the history of a particular type of educational institutions – the church sunday school in Russia in the second half of XIX – beginning of XX century. History of creation and development of sunday schools is considered in the context of the evolution of state policy and the transformation of the church of the educational system.

Key words: Ministry of Education, Synod, sunday schools, orthodox clergy.

¹⁴ См.: Список церковно-приходских школ, школ грамоты и других, в ведении духовенства находящихся, школ Орловской епархии за 1901 гражданский год. Орел, 1902. С. 38.

¹⁵ Иноземцев И. Бобровская воскресная школа // Воронежские епархиальные ведомости. 1898. № 10. С. 458 – 459.

¹⁶ Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884-1909 г.). СПб., 1909. С. 461.

УДК 94(430).085:327

МОСКОВСКИЙ ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР (1925 Г.) И ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА ЛАВИРОВАНИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

П.В. МАКАРЕНКО*Воронежская
государственная
лесотехническая
академия**e-mail: vglta@vglta.vrn.ru*

В статье рассматриваются советско-германские торговые переговоры в 1925 г. Руководство Германии было намерено как извлечь из торгового договора максимальные выгоды, так и укрепить международное положение страны накануне Локарнской конференции и получить от стран-победительниц уступки в пересмотре условий Версальского договора. Советский Союз добивался от немцев отказа от сближения с Западом и стремился удержать Германию в сфере своих внешнеполитических интересов. В работе также отмечается, что заключение московского торгового договора в итоге способствовало поиску взаимопонимания между Германией и СССР и укреплению курса Рапалло.

Ключевые слова: затягивание торговых переговоров, тактика лавирования, политика давления и отказ от компромиссов, вмешательство в германские внутренние дела и внешнюю политику, заключение торгового договора.

Советско-германское сотрудничество в рамках Рапалльского договора проходило не так уж и безупречно и бесконфликтно, каким оно представлялось советским историкам. Рассекречивание документов отдельных фондов российских архивов позволяет ныне существенно дополнить картину сложных и порой противоречивых отношений между Веймарской Германией и СССР, вызванных в 1925 году процессом над немецкими студентами и лейпцигским процессом по делу «немецкой ЧК». Советское руководство, по вине которого торгово-экономические переговоры с Германией были прекращены более чем на полгода, испытывало недостаток средств для закупки промышленного оборудования и станков. Оно торопило немецких представителей решить все накопившиеся спорные вопросы в проекте торгово-экономических соглашений и было готово в случае отказа немцев в уступках пойти на разрыв переговоров. 16 августа 1925 года нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, под влиянием постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), рекомендовал советскому полпреду в Берлине Н.Н. Крестинскому в ответ на затягивание немцами переговоров продолжить обвинения германского министра иностранных дел Г. Штреземана в попытке соглашения с Западом. Вместо поиска конструктивного диалога с германским МИДом полпреду рекомендовалось тактика дипломатического «нажима» на немцев. Чичерин усматривал в согласии германского правительства подписать гарантийный пакт с державами Антанты переход к британской ориентации и отказ от рапалльской политики¹.

Г. Штреземан с возмущением доказывал Г. Чичерину, что у германских правящих верхов нет намерений разрыва отношений с СССР и они готовы проводить переговоры как с ними, так и с западными странами. Он отмечал неприемлемость для Берлина без соглашения с Москвой вступать в Лигу наций и подчеркивал, что свое решение о сближении с Лигой Германия будет решать самостоятельно, а не по принуждению советской стороны². Столь резкий тон германского министра был вызван постоянным давлением советской стороны, диктовавший немцам свои условия дипломатической игры с Западом, и нежелание последних, по словам Штреземана, быть «фигурой на русской шахматной доске» и стремившихся проводить «самостоятельную политику»³. У Штреземана складывалось впечатление, что советское правительство не учитывает внешнеполитическое положение Германии и желает политически привязать ее к себе, чтобы скомпрометировать ее в глазах западных держав⁴. Заключение торгового договора с СССР он допус-

¹ См.: Известия. 1925. 4 августа; Чичерин Г. В. Статья и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 431-438.

² Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Serie A. Bd. XIV. Dok. 2. S. 5-6.

³ Ibidem. Bd. XIII. Dok. 116. S. 316.

⁴ ADAP. Serie A. Bd. XIV. Dok. 2. S. 5-6.

кал только лишь после завершения переговоров с Западом или, по крайней мере, достижения с них успехов и реальных выгод для Германии⁵.

21 августа из беседы с германским послом У. фон Брокфорд-Ранцау заместитель наркома иностранных дел М. Литвинов вынес впечатление об отсутствии у немцев желания подписать торговый договор с СССР. В письме советнику полпредства в Берлине С. Бродовскому он сообщил свои соображения о причинах затягивания торговых переговоров, отмечая, что немцы их сознательно затягивают, надеясь добиться максимума уступок от советской стороны. Литвинов не исключал возможности оттягивания немецкой стороной подписания торгового договора по политическим соображениям из опасения, что подписание торгово-экономических соглашений с Советским Союзом может повредить переговорам Германии с Западом. Заместитель наркома был намерен продолжить тактику «давления», рекомендуя Бродовскому «прижать их (немцев – П.М.) к стенке и заставить раскрыть карты»⁶, и при этом подчеркивал «Германия стоит перед выбором: или продолжить совместную с Советским Союзом рапальскую политику, или отказаться от этой политики»⁷.

В конце августа германское правительство, несмотря на неудовлетворенность промышленно-торговых кругов результатами переговоров и, особенно, необходимостью признания советской монополии внешней торговли, согласилось, что не в интересах Германии их дальнейшее затягивание. Штреземан 22 августа дал указание посольству в Москве не ставить подписание торгового договора с СССР в зависимость от переговоров с западными странами и ускорить его подписание. Вскоре выяснилось, что в обсуждении проекта торгового договора осталось немало нерешенных проблем, на которые обратил внимание немцев председатель советской торговой делегации Я. Ганецкий в своей записке. «Записка Ганецкого вызвала в германской делегации ужас», – отмечал в своем дневнике М. Литвинов⁸. Ганецкий отверг изложенные немецкой стороной предложения по завершению переговоров и взял назад сделанные ранее немцами уступки в патентной конвенции и рыбной концессии⁹. Кроме того, остались невыполненными германские требования о транзите, обойден молчанием целый ряд вопросов: о присоединении торговцев к советскому полпредству, о пропаганде, о сроке действия экономического соглашения, защите германских подданных от уголовного преследования за торговый шпионаж¹⁰. Брокдорф-Ранцау выразил 31 августа М. Литвинову сожаление, что такая позиция советской делегации привела к разрыву переговоров в тот момент, когда германское правительство изъявило желание удовлетворить требование советской стороны, и заявил об отъезде германской делегации в Берлин¹¹.

В условиях срыва переговоров М. Литвинов обратился к секретарю ЦК РКП(б) В. Молотову с предложением согласиться с требованиями германской торговой делегации и сделать уступки как по принципу наибольшего благоприятствования в торговле, так и в рыболовной и патентной конвенциях¹². Немецкая делегация в этой связи приняла ответный тактический маневр, используя для этого вопрос о предоставлении СССР торгового кредита, и ожидала уступок «под кредит» в соглашениях по консульским делам, правовой защите германских подданных, рыбной концессии и других¹³. 1 сентября Брокдорф-Ранцау в беседе с Литвиновым заявил о несогласии германского правительства с предоставлением права наибольшего благоприятствования советской стороной Турции и Китаю и сообщил об отсрочке с решением вопроса о предоставлении Советскому Союзу торгового кредита. Немцы рассматривали благоприятствие Турции и Китаю как посягательство на свое монопольное право: получение льгот, закрепленных Рапальским дого-

⁵ Ibidem. Dok. 2. S. 7.

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 165. Оп. 4. П. 117. Д. 100. Л. 0162.

⁷ Там же. Д. 100. Л. 0165.

⁸ Там же. Д. 100. Л. 0178.

⁹ Советско-германские отношения 1922-1925: Документы и материалы. Ч.2: 1925. М., 1977. Док. 358. С. 213-216.

¹⁰ Там же. Д. 360. С. 217.

¹¹ Там же. Д. 359. С. 216.

¹² АВП РФ. Ф. 165. Оп. 4. П. 117. Д. 100. Л. 0180-0179.

¹³ ADAP. Serie A. Bd. XIV. Dok. 46. S. 128.

вором¹⁴. Узнав о протесте Ранцау, Чичерин в письме Бродовскому в раздражительном и эмоциональном тоне обвинил немцев в стремлении «добиться разрыва дружественных отношений между СССР и Турцией», объявив Германию «врагом»¹⁵.

Недоверие между рапальскими партнерами усилило напряжение в их отношениях. Советским дипломатам было трудно убедить своих немецких коллег о том что принцип наибольшего благоприятствования, предоставляемый другим странам не только не противоречит Рапалло, но и, наоборот, совершается в духе его развития¹⁶. В начале сентября советская сторона заявила о готовности к уступкам в таких вопросах, как рыболовство и патентное соглашение, а так же к компромиссу в предоставлении немцам наибольшего благоприятствования в торговле. Германское ведомство иностранных дел, в свою очередь, разрешило положительно вопрос об участии немецких ученых в юбилее Российской Академии наук, ранее отвергаемый германским руководством¹⁷.

В первой декаде сентября наметился заключительный этап переговоров. Для поддержания в общественном мнении позитивного настроения в немецкой прессе публиковались восторженные отзывы о торжествах в связи с юбилеем Российской Академии наук¹⁸. Интервью Брокдорфа-Ранцау газете «Известия» было наполнено оптимизмом и верой в успешное сотрудничество обеих стран¹⁹. Г. Штреземан выступил более пессимистично в прогнозах германской внешней политики: Германия не должна «продаваться Западу» после вступления в Лигу наций и стать «шпагой Англии на континенте». Он также предостерегал «от утопий заигрывания с большевизмом» и подчеркивал, что германская политика должна состоять в том, чтобы «...лабиринты и уклоняться от больших решений»²⁰.

Переговоры о торговом договоре двигались «весьма туго». Немцы подняли вопрос о компенсации Германии, потерявшей свое имущество в России после революции в результате национализации, в свое время разрешенный Рапальским договором. Компенсационные требования включали и пожелания немецких фирм на Кавказе по возвращению находившихся у них в аренде до революции марганцовых рудников. Наркоминдел отклонил эти претензии как создающие неблагоприятную атмосферу для торгового договора²¹. Получив отказ, немецкая сторона не стала больше предъявлять больше никаких требований.

Поездку Чичерина в Германию, с промежуточным визитом в Варшаву, Москва решила использовать для оказания давления на германское правительство и побуждению его к уступкам на завершающем этапе переговоров. Литвинов советовал Бродовскому создать в Берлине впечатление, будто встреча министра иностранных дел Польши А. Сквинынского с Г. Чичериным необходима для закрепления какого-то соглашения²².

Чичерин, в свою очередь, был склонен официально заявить, что со вступлением Германии в Лигу наций Рапальский договор аннулируется. Литвинов выступал против намерений наркома оказать таким образом давление на немецкую сторону. «Я не думаю, что кому-либо может прийти в голову мысль об аннулировании Рапальского договора», – писал он Чичерину 21 сентября. Литвинов считал, что такое заявление в ходе визита Чичерина в Варшаву может быть воспринято как желание советской стороны освободиться от формальных обязательств Рапальского договора и дать повод Германии также считать себя свободной от своих обязательств. Он предлагал заявлять для печати, что вступление Германии в Лигу является нарушением духа Рапалло и всячески поддерживал мысль о том, что несмотря на все это «Рапальский договор остается в силе полностью»²³.

Немецкая политическая элита реагировала на визит Чичерина в Варшаву довольно нервно, так как улучшение отношений СССР с Польшей могло ослабить в Локарно позиции Германии. Брокдорф-Ранцау ставил перед своим правительством вопрос о необходимости использовать приезд Чичерина в Берлин для того, чтобы развеять сложив-

¹⁴ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 8. П. 18. Д. 2. Л. 89.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 165а. Оп. 4. П. 117. Д. 99. Л. 0155.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 165. Оп. 5. П. 123. Д. 144. Л. 0179.

¹⁷ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб., 2007, С. 131.

¹⁸ Vgl.: Vossische Zeitung. 1925. 4 Sept.; Neue Freie Presse. 1925. 13 Sept.; Berliner Tageblatt. 1925. 29. Okt.; Koelnische Zeitung. 1925. 22. Sept.

¹⁹ Советско-германские отношения 1922-1925. Ч. 2. Д. 366. С. 224-225.

²⁰ Там же. Док. 367. С. 226.

²¹ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). М., 1963. Т. VIII. Док. 317. С. 545.

²² АВП РФ. Ф. 082. Оп. 8. П. 18. Д. 2. Л. 104.

²³ АВП РФ. Ф. 165. Оп. 4. П. 117. Д. 100. Л. 0194-0193.

шиеся в последнее время недоверие к политике Германии. Отмечая сильную тенденцию среди советского руководства к пересмотру отношений с Германией, посол доказывал наркомом готовность немцев и сохранению дружественных отношений с СССР²⁴.

К приезду Чичерина в Берлин текст торгового договора и экономических соглашений был близок к завершению. Оставались неурегулированными соглашения по правовым вопросам и вопросу о налогообложении торгпредства. Последний вопрос разрешился вмешательством Брокдорфа-Ранцау, убедившего министра финансов фон Шлибена в целесообразности пойти на уступки. По прибытии Чичерина в Берлин 30 сентября советского наркома принял Штреземан. Начав беседу с наркомом по вопросу о вмешательстве Г. Зиновьева во внутренние дела Германии, он выразил недовольство тем, что обращение председателя Исполкома Коминтерна к немецким рабочим с призывом развала немецких профсоюзов и продолжения борьбы за мировую революцию было напечатано в газете немецких коммунистов «Роте Фане» накануне приезда Чичерина в Берлин²⁵. Попытка Чичерина переставить акценты в этом обвинении, что речь идет не об агитации со стороны русских, а от Третьего Интернационала, к которому относятся коммунисты разных стран, вызвало раздражение Штреземана, которому надоели подобные уловки советских дипломатов. Он заявил о неслучайном нахождении Коминтерна в Москве и напомнил Чичерину о духе Рапалло, который не позволяет вмешательство в дела другой страны²⁶. В ответ Г. Чичерин не сказал ни слова. Штреземан разрядил неприятную для наркома обстановку утверждением о беспочвенности мнения о стремлении немецких дипломатов затянуть торговые переговоры и подчеркнул, что подписание торгового договора положит конец разговорам о западной ориентации Германии. Беседа завершилась заверениями Штреземана о пользе вступления в Лигу наций, поскольку, став членом Совета Лиги, Германия может предотвратить создание враждебной коалиции против СССР.

Вторая встреча Чичерина и Штреземана состоялась 2 октября, накануне отъезда последнего в Локарно. Штреземан признавал трудности для немецкой делегации и упорную борьбу в Локарно по принятию оговорок к ст. 16 Устава Лиги, дающие Германии право выполнять эту статью по своему усмотрению²⁷. В тот же день Чичерин встретился с канцлером Г. Лютером, убеждая его и других немецких политиков в том, что в Локарно английская дипломатия перехитрит Германию и втянет ее в антисоветскую орбиту. После беседы с канцлером Чичерин сообщил в Москву: «Лютер клялся и божился, что будет тверд и не пойдет в Лигу наций без устранения для Германии статьи 16»²⁸.

МИД Германии направил своему посольству в Москву директиву о завершении всех формальностей, связанных с подготовкой договора к подписанию. 12 октября в Москве был подписан советско-германский торговый договор, который выходил за рамки обычного договора и представлял собой обширный комплекс торгово-экономических соглашений, охватывающих различные виды сотрудничества: соглашение о поселении (т.е. правовом положении граждан на территории другой страны) и общеправовой защите: экономические и железнодорожные соглашения; соглашение о мореплавании, налогах, торговых третейских судах, об охране собственности²⁹.

Торговый договор установил, что торгпредство СССР в Германии является основной частью полпредства. Торгпреду и его заместителям были предоставлены дипломатические права, а все помещения торгпредства объявлялись неприкосновенными. Также была предусмотрена уплата налогов с торговых операций, торгпредства и ответственность советского правительства за сделки торгпредства³⁰. В торговом договоре в отличие от майского соглашения 1921 года, определялись права советских хозяйственных организаций в Германии и немецких фирм в СССР. И те, и другие пользовались одинаковыми правами. В своей деятельности немецкие фирмы на территории СССР подчинялись советским законам. Они имели права совершать «операции по внешней торговле и всякие иные, к которым привлекался заграничный капитал, только по особому разрешению или

²⁴ ADAP. Serie A. Bd. XIV. Dok. 94. S. 242.

²⁵ «Aus den Verhandlungen des EKKI ueber die deutsche Frage» // Rote Fahne. 1925. 26. Sept. № 222; Rote Fahne. 1925. 27. Sept. № 223; Rote Fahne. 1925. 29. Sept. № 224.

²⁶ ADAP. Serie A. Bd. XIV. Dok. 109. S. 285-286.

²⁷ ADAP. Serie A. Bd. XIV. Dok. 110. S. 294.

²⁸ ДВП СССР. Т. VIII. Док. 325. С. 558.

²⁹ ДВП СССР. М., 1963. Т. VIII. Док. 342. С. 582-617.

³⁰ Ганецкий Я. Советско-германский торговый договор. М.; Л., 1926. С. 25.

по специальной концессии»³¹. Советское правительство обязывалось способствовать приобретению концессий в СССР гражданами Германии³².

В день подписания торгового договора между Москвой и Берлином, на заключительном заседании советской и германской делегаций, Я. С. Ганецкий отметил не только экономическое, но и политическое значение подписанных соглашений³³. В экономическом отношении Германия, имевшая один миллион безработных и два миллиона полубезработных, получила возможность для их занятости, благодаря советским заказам. Экономически из торгового договора Германия извлекала двойную выгоду, уплачивая за русское сырье для своей промышленности не валютой, как западным странам, а товарами, необходимыми для советского народного хозяйства, реализация которых была закрыта для немцев на европейском рынке. В политическом отношении договор укреплял международный престиж Германии. Немецкая правительственная делегация ехала в Локарно не с пустыми руками. Советско-германский договор был вызовом, брошенным локарнским державам накануне конференции, предлагавшим немцам стать их союзниками. Советско-германский договор совпал с поездкой немецкой делегации на конференцию в Локарно, поэтому ратификация Московского договора задержалась. Обсуждение договора состоялось лишь 1 декабря 1925 года в рейхстаге, где представители всех партий рейхстага высказались в пользу договора с СССР. Социал-демократы, демократы и «немецкая народная партия» высказывались за договор исходя из формулы «Локарно плюс Россия»³⁴, коммунисты и правая «народная партия» – против Локарно, но за договор с СССР³⁵. Депутаты рейхстага единодушно поддержали ратификацию договора, который был утвержден 12 декабря 1925 года³⁶.

Советским дипломатам не удалось приостановить дрейф Германии в западном направлении, зато торговым договором 1925 года и экономическим соглашением был компенсирован тот ущерб, который наносила советско-германским отношениям революционная пропаганда Коминтерна, и отдельных лидеров ВКП(б). Год спустя, Германия первая и единственная из стран капиталистического окружения – представила СССР долгосрочный 300-миллионный товарный кредит, оказавший существенную помощь и поддержку в проведении курса советской индустриализации. Сохранить Германию в качестве надежного политического партнера советское руководство не смогло, так как со вступлением в Лигу наций немецкие правящие круги стремились к восстановлению утраченного после первой мировой войны статуса великой европейской державы и проведению независимой от Запада и Востока самостоятельной внешней и внутренней политики, направленной на восстановление политической, экономической и военной мощи страны.

MOSCOW TRADE AGREEMENT (1925) AND THE GERMAN POLICY OF MANEUVERING BETWEEN EAST AND WEST

P.V. MAKARENKO

*Voronezh
State Forestry
Academy*

e-mail: vglta@vglta.vrn.ru

The paper considers that the delay in German trade negotiations with the Soviet Union was aimed at – the extraction of maximum benefit trade agreement, and entry into the League of Nations – to strengthen the international position and to obtain from the victorious countries of concessions in terms of revising the Treaty of Versailles. The Soviet Union sought from the Germans out of a rapprochement with the West and wanted to keep Germany in its foreign policy interests. The paper also notes that the conclusion of a trade agreement in Moscow contributed to the search of mutual understanding and strengthening of the Rapallo.

Key words: Guardianship of people's sobriety, free libraries, temperance tightening of trade negotiations, tactics, maneuvering, the policy of pressure and refusal to compromise, the German intervention in internal affairs and foreign policy, the conclusion of a trade agreement.

³¹ Ганецкий Я. Советско-германский торговый договор. М.; Л., 1926. С. 25.

³² ДВП СССР. М., 1963. Т. VIII. Док. 342. С. 589.

³³ См.: Известия. 1925. 13 октября.

³⁴ Verhandlungen des Reichstages. Berlin, 1926. Bd. 388. S. 46857, 46902.

³⁵ Ibidem. S. 47908, 48013.

³⁶ Koelnische Zeitung. 1925. 14. Oktober.

УДК 94(47).084.5

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ С ОППОЗИЦИЕЙ В ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1925-1926 ГГ. : «ДЕЛО ГРУППЫ НЕЧАЕВА» В БЕЛГОРОДСКОМ УЕЗДНОМ КОМИТЕТЕ ВКП(Б) КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Е.Ю. ПРОКОФЬЕВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: prokofievaeu@mail.ru

Публикация содержит аннотированный автором текст документов из фондов Государственного архива новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО), впервые вводящихся в научный оборот. Автором представлены материалы по «делу группы Нечаева», в частности, полные тексты Стенограммы доклада секретаря Курского губкома ВКП(б) Лепы «Об оппозиционной подпольной работе некоторых товарищей в Белгородской уездной партийной организации» и Постановления объединенного Пленума Курского губкома ВКП(б) и губернской Контрольной комиссии от 28-30 сентября 1926 г. Содержательная часть публикуемых документов, несомненно, важна для углубленного исследования вопросов, связанных с подбором и расстановкой кадров в партийно-государственных органах сверху донизу, а также механизма принятия советской властью решений в центре, оценка и качество их исполнения региональными чиновниками на местах.

Ключевые слова: «Нечаевщина», «антипартийная группа», «новая оппозиция», «объединенная троцкистско-зиновьевская оппозиция», Белгородский уком ВКП(б), Курский губком ВКП(б), губернская партийная контрольная комиссия (ГКК), рабочий-выдвиженец, социальное происхождение, социальное положение.

Нечаев отрицает получение каких бы то ни было материалов из Москвы, он также отрицает некоторые свои поездки в Москву. Первая его поездка была во время 14-го партсъезда, куда он поехал без согласия Губкома. Тов. Охлопков ему категорически не рекомендовал поехать в Москву, но он все таки поехал без согласия губернской организации, чтобы информироваться о разногласиях в партии. Потом он ездил в Москву после Апрельского Пленума. Нечаев этой второй своей поездки не подтверждает и не отрицает, он говорит, что он не помнит, ездил ли он в Москву или нет. Наконец, он ездил в Москву 26 августа (был до 28 августа) и 31 августа.

31 августа я* выехал в Белгород. Т. Нечаева не оказалось здесь, в Курске тоже не было. Спрашиваю в Белгороде, где Нечаев. Говорят, что он выехал срочно по вызову Губкома. Возвращаюсь в Курск. Появляется Нечаев и заявляет, что он болел и лежал у тов. Зерновского**. Зерновский пишет, что Нечаев действительно был у него, но только не то первого, не то 2 сентября. Но здесь помог делу случай. Случайно один рабочий-партиец*** видел 31 августа Нечаева в Москве, говорил с ним, когда тот получал или отправлял какой-то багаж. Нечаев не отрицает, что это было, что он видел этого рабочего и говорил с ним, но утверждает, что это было 28, а не 31 августа. Тогда мы проверили, когда же этот рабочий был в Москве, оказалось, что он действительно был в Москве 31 августа, на это у нас имеется такое неопровержимое доказательство, как разовый билет, выданный ему 30-го и с компостером на билете 31 августа в Москве. Так как этот товарищ ездил в Москву для поступления в техникум, на его документах имеется резолюция Зав. Техникума от 31/V111. Таким образом факт его поездки в Москву 31-го подтверждается. В это время в Белгороде заседал пленум Укома. Секретарь Укома Нечаев сидел на этом пленуме как на иголках, все время подскакивает и бегаёт к телефону и наконец, секретарь УК совершенно бросает пленум, который продолжает работать и уезжает в Москву. Почему

* Лепя.

** Зав. Белгородским устатбюро.

*** Фамилию установить не удалось.

такая спешка? Почему надо было бросить Пленум УК? Нечаев объясняет это тем, что партийные дела пришли в его отсутствие (во время отпуска) в запущенное состояние и кроме того член бюро Пузаков проявлял якобы нежелательные оппозиционные тенденции. Поэтому ему срочно, без замедления надо было выехать в ГК. И что горело, непонятно. Это становится понятным, если примем во внимание, что 31-го августа он был по оппозиционным делам в Москве. Но почему он проваливает будучи оппозиционером – другого оппозиционера Пузакова? Тут нет противоречий. В Кисловодске Нечаеву об оппозиционности* говорил сам председатель Контрольной Комиссии¹ тов. Студитов. Если Пузаков провалился, значит «топи его, тем самым укрепляешь к себе доверие ГК и тем самым обеспечивается возможность дальнейшей подпольной работы в Белгороде».

Я не буду товарищи вдаваться во все подробности этого дела, об этом Вам доложит тов. Волынец² – этих подробностей слишком много [...слово неразборчиво – Е.П.]. Считаю необходимым еще обратить ваше внимание на обвинение Нечаевым Комиссии ГК в пристрастном ведении дела [...несколько слов неразборчиво – Е.П.]. Но мы в деле Нечаева пристрастности не допустили. Я лично много уговаривал тов. Нечаева сознаться, я знаю его давно еще по военной работе и мне не хотелось, чтобы партия потеряла его. Я думал, что может быть он ценит и уважает партию, сможет в ней остаться, но ничего из этого не вышло.

Наша пристрастность заключалась в том, что мы беспристрастно выяснили обстоятельства дела и своими предложениями спасаем организацию от раскольнической работы. Велась ли эта работа конспиративно? Я не буду об этом много говорить, я не буду говорить о показании тов. Биткиной, что Нечаев применял в своих отношениях с оппозицией шифр, а остановлюсь только на одном факте, который несомненно указывает на конспиративную работу. Когда перед Нечаевым здесь в Губкоме первый раз поставили вопрос, что у нас имеются некоторые указания на то, что им ведется подпольная фракционная работа, тов. Нечаев решил сделать мину при плохой игре. Он спросил меня: быть может мне не ехать в Белгород одному, а дождать** и поехать вместе с Комиссией. Он, чтобы не было подозрений, остался и приехал в Белгород даже после приезда туда Комиссии. Да, он остался, но его письмо было послано в Белгород со специальным курьером под видом важного секретного материала из ЦК партии. Письмо это было отправлено с партийным специальным курьером (голос с места – беспартийным). Еще лучше, беспартийный повез его письмо его жене, а в этом письме было написано, что едет Комиссия Губкома, что ГК обвиняет его в оппозиционной работе вместе с Ворониным и Пузаковым и т.д. Разве это не предупреждение, что нужно подготовиться к приезду Комиссии?

Нам в Белгороде об этом письме ничего не сказали. А говорили, что письмо от Нечаева получено по почте с тем же содержанием. Когда мы попросили дать письмо Комиссии, нам заявили, что оно разорвано, но его читали, в частности, Воронин, который о содержании его сказал Сохину***. На пленуме УК Нечаев на нашу ссылку, что им было послано предупредительное письмо по почте, заявил, что он не дурак, что он не будет посылать по почте письма секретного содержания, что он, якобы, знает, что почта вскрывает письма. Да, он не был дураком. Письмо-предупреждение было послано со специальным беспартийным курьером. Разве это не конспирация, когда посылается письмо оппозиционистам**** под видом секретных материалов ЦК? Это настоящая действительная конспирация.

Несколько слов о поведении тов. Нечаева во время разбора этого дела. Я уже говорил о недопустимых приемах т. Нечаева, когда он вводил в заблуждение Губернский Комитет партии, когда он заявлял о том, что он одну секретную брошюру получал в Москве, в то время, когда он украл ее у тов. Перепелицы. Он ввел в заблуждение вообще местную организацию, скрывая от нее свои партийные убеждения. Он приехал в Белгородскую организацию – организация его уважала. Уважал его и Губком, вся губернская организация, он

* Пузакова.

¹ Председатель Президиума Курской контрольной комиссии.

² Председатель Белгородской уездной КК.

** Так в источнике.

*** Подробных данных установить не удалось.

**** Так в тексте.

был не рядовым членом организации. Его избрали секретарем УК, избрали в состав Губкома. Почему? Потому что он заявлял себя сторонником Центрального Комитета, сторонником большинства партии. Товарищи, именно под этим флагом он был избран Секретарем и вошел в состав Губкома. Руководитель организации должен не расходиться с мнением организации по основным вопросам партийной политики и практической работы. Это ему не помешало в своем заявлении написать (только теперь он признался, что он до 14-го съезда колебался, что эти колебания по отношению правильности политики большинства партии у него исчезли только после 14 съезда, т.е. после того, как он уже работал секретарем УК, когда он состоял в течении нескольких месяцев членом ГК).

Будучи оппозиционером, он выдавал себя за сторонника большинства Центрального Комитета. Ну, он об этом так говорит, лично я думаю, что он никогда не был сторонником большинства ЦК. Вот Вам одно из его заявлений, которое характеризует Нечаевскую защиту от партии. (Уездным комитетам была разослана стенограмма Заседания ГК, поэтому части товарищей это заявление известно). Он говорит по мелочам, уверяет о своем убеждении в верности большинства (так в источнике) партии и т.д., но не говорит или плохо защищается по существу обвинения. Его обвиняют справедливо в неискренности. Защита у него не удастся, тогда он переходит «на личную почву» и заявляет следующее (читаю по стенограмме): «Мне говорили так же относительно неискренности. На счет неискренности что говорить, когда здесь присутствующие на бюро товарищи и упрекают меня в неискренности, являются сами неискренными. Что касается честности или искренности – я мог бы сказать – только т. Лепа и еще 2-3 здесь присутствующие товарища, которые не только делают, но и думают так, как делают и всю свою работу направляют в одну точку. Разве среди присутствующих половина что сидит здесь, которые делают не то, что думают. И после того, товарищи, которые так думают, а делают иначе обвиняют меня в нечестности (с места – «непонятно!»). Говорят относительно того, что я делал работу в духе ЦК и поступаю так же, но разговаривая с отдельными товарищами я высказываюсь по отдельным вопросам не в духе ЦК. Я говорю, что есть здесь, даже добрая половина на бюро ГК, которые в частной беседе разговаривают по некоторым вопросам не совсем в духе ЦК, так что же говорить о неискренности, о которой мне намекают, когда упрекающие в этой неискренности – сами неискренны». Эти методы, приемы защиты немногим рознятся от методов его защиты на Пленуме Белгородского УК и там он пытался выехать путем «сеяния массовой розни», т.е. пытался натравливать пленум УК на Комиссию Губкома. Он там говорил: «Ну вот, комиссия говорит, что я человек плохой с точки зрения своего партийного поведения, но возьмите тов. Охлопкова, он ведь доверяет мне»; или следующим образом защищался и спрашивал: «Что вы меня обвиняете в подпольной работе, бюро ГК ведь обвиняет меня только в том, что я с секретными материалами не хорошо обращался».

Я должен был ему тогда указать, что тов. Охлопков ему доверял до поры до времени, т.е. пока не знал о его подпольной работе, во-вторых, Бюро ГК при первом обсуждении его вопроса никакого решения по существу этого дела не приняло, а решило создать комиссию для подробного расследования всего этого дела. На Губкоме, как видите, он снова пытается «восстановить одну часть населения против другой», т.е. одну часть ГК против другой. Авось кто-нибудь из присутствующих членов ГК «сдрейфит». Поэтому Нечаев заявил о том, что половина бюро ГК является колеблющей* во всяком случае, если даже и не оппозиционерами.

Тогда Нечаева попросили привести факты. Просили привести факты и на заседании Президиума Контрольной Комиссии. Он тогда первоначально в своем заявлении назвал фамилию Соколова³, но Соколов присутствовал тогда на Президиуме КК, был там и я, Нечаев отказался от обвинения тов. Соколова. Тов. Мартышева не было на заседании, тогда он сослался на Мартышева. Тов. Мартышев давал свои показания КК, он отрицает какие либо политические разговоры с Нечаевым, надо верить Мартышеву, нельзя верить Нечаеву, который не раз вводил в заблуждение партийные органы.

* Так в тексте.

³ Член Курского губкома.

Но снова я подчеркиваю, разве так преступно, если отдельные члены партии высказывают сомнения, даже несогласие с отдельными решениями партии? Нет, за это никого к партийному суду не привлечем, будем разъяснять, доказывать правильность партийной политики. За это бы не судили и Нечаева. Его судят за подпольную оппозиционную работу, за то, что он занялся индивидуальной обработкой товарищей, снабжал их секретными фракционными материалами, пытался сплотить вокруг себя подпольную группу, свои щупальца протягивал в сельские районы⁴. Вот в чем его обвиняют. Нечаев вместо приведения фактов, старается сознательно всеми возможными путями разложить организацию, посеять сомнения в отношении правильного партийного руководства, подорвать доверие членов организации к руководящему составу ЦК и местной организации. Это не его личная линия – это линия оппозиции – дискредитировать, подорвать доверие к партийному руководству, к руководителям партии.

Неискренность Нечаева не случайная. Это проявление фракционной дисциплины. Вспомним, как тов. Куйбышев охарактеризовал поведение т.т., проходивших по делу Лашевича, Беленького и других. Он сказал: «Вы все, товарищи, знаете, как держались при опросе в ЦК участники собрания, Лашевич и Беленький и др. которых ЦКК удалось установить. В их показаниях совершенно ясно и очевидно чувствуется определенная фракционная дисциплина. Если кратко характеризовать, как себя вели все участники этого собрания в том числе Лашевич и особенно Беленький, то нужно сказать, что они предпочли фракционную дисциплину дисциплине партии. Иначе нельзя было объяснить их поведение».

Ни чем другим мы не можем объяснить и поведение Нечаева. Работа этой группы товарищей, которую сплотил вокруг себя Нечаев, сейчас прекращена. Но мы не можем ограничиться «карательными» мероприятиями. Надо рассмотреть обстановку, в которой эта работа проводилась, условия, которые благоприятствовали этой работе. Только тогда, когда мы изучим, сумеем принять действительные меры против повторения подобной печальной истории. Когда я был в Белгороде и когда мы говорили на бюро ГК, то мы должны были констатировать, что члены партии в Белгороде, ответственные работники не достаточно понимают партийную ответственность, недостаточно чувствуют ответственность за сохранение партийного единства. Это явление – опасное явление: тов. Бочаров, член бюро УК, заведующий Агитпропом получает односторонние фракционные материалы, читает материалы, возвращает, просит, чтобы ему еще дали материалы и молчит. Когда ему задавали вопрос: Чего же ты молчал, заявляет, что не согласен с оппозицией, чего же ты молчал, почему не сигнализировал партии об опасности раскола местной организации. Он заявляет: «Я ждал пока Нечаев сорвется на идеологических, принципиальных вопросах».

Чудновато это дело. Заведующий Агитпропом достаточно ответственный товарищ – ему и все материалы в руки, он читал, наверное, постановление пленума ЦК, – разве мы за это Нечаева судим, разве за это из партии исключаем, что он расходится с линией большинства ЦК? Мы не обвиняем его в том, что он неправильно излагал мнение, решения партии по вопросу о возможности построения социализма в нашей стране. Он на бюро ГК сознавался в этом, и в своих показаниях пишет, что допустил неправильное объяснение этого вопроса, но исправил свое заявление по этому вопросу тогда, когда один из членов партии пригрозил ему пожаловаться контрольной комиссии. И по целому ряду других вопросов эти срывы были. Но не в этом мы его обвиняем, а в том, что он вел работу к нарушению партийного единства. И тов. Бочаров должен был это видеть.

Возьмем другой пример: тов. Быков – Председатель Уисполкома должен был это видеть. Человек он достаточно ответственный, развитый, в партии с 1917 года, Нечаев ему давал неоднократно материалы, Пузаков его агитировал, излагал свое мнение о партийном расколе (так заявляет Быков) и ему обещал материалы давать. И он тоже молчал. Он принимает гордую позу и заявляет: «Я за себя был и останусь спокоен, меня не обрабатывают». (Смех).

Вот постановочка вопроса. А это давало право Нечаеву утверждать, в разговоре с Мартышевым, что Быков является его сторонником. Объективно получилось следующее:

⁴ В частности, в Рьльский уезд Курской губернии, где в 1927 г. был полностью смнен состав Рьльского укома // Государственный архив новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО). Ф. 1791. Оп. 1. Д. 482. Лл. 3,4.

соотношение сил в бюро УК как объявляли Нечаев и Пузаков, это правоверные сторонники оппозиции. Тов. Воронин – подпольная работа которого не установлена, но почему-то Нечаев ему доверяет, считает «своим человеком», сигнализирует ему как опасность приезд комиссии ГК, дальше Быков, которого обрабатывали в течении нескольких м-цев и который молчал, не кричал об опасности. Наконец Бочаров так же не возражает, все время только слушает (смех), значит по Нечаеву он тоже свой человек, во всяком случае в первое время. Дальше изменяется отношение Нечаева к Бочарову потому что Бочаров дружит с Ладыженским⁵, а Ладыженский пригрозил ему Контрольной Комиссией. Поэтому давайте пойдет в поход против Бочарова и пошли, ставили вопрос в ГК, чтобы его убрали. Таким образом создавалась опорная база в Белгородской организации агента оппозиции, хотя и агента не первого разряда. Сигнализации опасности не было. Партийцы вместо этого между собой болтали об опасности, но не ставили этот вопрос перед организацией.

Вторым опасным явлением я считаю настроения благополучия, оптимизма у местных товарищей. Я уже не хочу докладывать о том, как некоторые товарищи относились к квалификации поступков Нечаева. Так один член УК предлагал дело передать КК, т.к. УК не должен разрешать нарушение партийной этики. Хорошая ком. этика, когда готовится раскол партии. Другой товарищ после изложения всех фактов, все нас спрашивал: «Ну, а где же собака-то зарыта?». На наш вопрос здорова ли организация, здорова ли обстановка работы, нет ли условий, которые могут способствовать оппозиции? Когда мы задавали такие вопросы, все отвечали: нет, у нас организация здоровая, у нас организация выдержанная. Когда Нечаеву задавали этот же вопрос, то Нечаев отвечал, – «Я как секретарь Укома заявляю, что если бы я хотел здесь развернуть подпольную работу оппозиции, то обстановка для этого благоприятная».

Вот положение, один только человек и тот руководитель оппозиционной фракционно-подпольной работы, только он один здраво подходил к той обстановке, которая имела в Белгороде и воспользовался ею. Остальные товарищи, пусть они меня простят, только нюни разводили, думали, что все хорошо только потому, что резолюции за ЦК выносились единогласно. Но тогда даже, когда были прямые сбои и тогда не реагировали. Приведу такой факт: Пузакову дают поручение поехать в волость с докладом о решениях Июльского Пленума ЦК партии. Пузаков отказывается, заявляет, что с решениями ЦК партии не согласен. Думаете ли вы, что этот вопрос обсудили в УК – нет. Пузакова освободили от этой поездки в деревню. Вот эти настроения благополучия являются опасными настроениями. Необходимо отметить, что организация еще слабо разбирается в решениях партии. Работа с активом проводилась слабо и, наконец, слабо и недостаточно проводилась работа по проведению внутрипартийной демократии.

Нечаев с несколькими товарищами толковал о том, что партия нарушает свои постановления о проведении внутрипартийной демократии. Вопрос что им сделано для углубления практической работы в этом отношении. Разве это проведение внутрипартийной демократии, когда тов. Вирзунов⁶, секретарь Транспортного партколлектива, не приглашается на три расширенных пленума УК, в то время как приглашаются все секретари Волостных комитетов? Разве проведение внутри-партийной* демократии выражается в том, что выбрасываются рабочие из состава УК и вводятся бывшие и настоящие оппозиционеры? Разве внимание к рабочей организации проявляется тем, что она в течении 3-х м-цев не может утвердить устава шефского общества?

Я не могу подробно остановиться на том, каким образом руководил работой уездный комитет, но бюрократизма в этом руководстве было достаточно. Так для того, чтобы изучить опыт работы стенных газет, печатаются циркуляры и рассылаются по горячкам с требованием дать определенные сведения. Не лучше ли было провести совещание руководителей стенных газет, совместно выработать на основе учета и обмена опытом мероприятия по улучшению этой важнейшей работы на предприятиях. Такая бюрократическая волынка проводится в отношении учета опыта работы Оргкомиссией. Но не только в работе организации имеются опасные моменты, но опасны и результаты.

⁵ Член Белгородской уездной КК.

⁶ Член бюро Белгородского укома.

Я говорил вчера с новым секретарем белгородского Уездного Комитета⁷ и мне думается, что его сообщение заслуживает внимания. Он говорит, что сейчас чувствуется в работе организации некоторая пассивность, неверие в результаты работы, с другой стороны, рабочие – коммунисты чувствуют, высказываются, что их недостаточно вовлекают в работу, что их игнорируют. Против этих явлений необходимо всей партийной организации бороться. В чем должен быть выход из данного положения? В усилении активности масс, в усилении и улучшении партруководства, в действительном проведении внутрипартийной демократии. Нечаев держится «немного» другого мнения. Он сначала говорил, что он с линией ЦК согласен на все 100 процентов, потом он эти проценты начал снижать и заявил, что он не согласен с политикой партии только в том отношении, что она занимается односторонней информацией партийных масс. Как это нужно понимать? Это нужно понимать так, что нам нужна дискуссия. А разве оппозиция не требует дискуссии? Значит, в этом Нечаев сходится явно с оппозицией (потом он заявил, что еще по ряду вопросов он не согласен с линией партии). Но разве в дискуссии выход из данного положения? Я приведу одну выдержку из отчета ЦК, который делал тов. ЛЕНИН. Он говорил: «Пока я перейду теперь к другому пункту, совершенно из иной области...к дискуссии о профсоюзах, которая отняла у партии так много времени. Мне сегодня пришлось уже об этом говорить и, разумеется, я мог только осторожно сказать, что едва ли многие из вас не оценят эту дискуссию, как непомерную роскошь. От себя же лично я не могу не объявить, что, на мой взгляд, эта роскошь была действительно совершенно непозволительной, и что, допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку. Тут оправдалась несомненно одна пословица: «Нет худа без добра, но к сожалению, худа оказалось немного много, а добра немного мало». Товарищи, как бы и у нас в случае дискуссии не оказалось – добра немного мало, а худа немного много.

Какое положение у нас в стране? Какие задачи и много ли задач перед нами стоит? Если во время 10-го съезда партии был переломный момент в жизни страны и партии, если мы в это время переходили от военного положения к мирному строительству, то к 14-му съезду, на нем и после него мы решили, что от процесса восстановительного переходим к широкому социалистическому строительству. Это также переломный момент в жизни страны и нашей партии. Перед нами сложнейшие задачи хозяйственного строительства. Они могут быть проведены в жизнь тогда, когда партия будет едина, когда в ней будет единая воля преодолеть эти препятствия, когда местные организации будут втянуты в эту работу, когда мы все усилия направим в эту точку. Работа эта не легкая, затруднений у нас достаточно. Нам надо продолжать крепить наш червонец, нам надо проводить снижение розничных цен, проводить режим экономии, подсчитывать и [...слово в тексте неразборчиво – Е.П.] потом осторожно проводить работу по повышению хозяйства, надо поднимать производительность труда и т.д. и т.д. Поэтому необходимо удесятить наши усилия, а не отвлекаться от этих задач ненужной дискуссией. А дальше – внутри рабочего класса разве не происходят изменения, разве не вливаются новые слои, которые требуют от нас удесятитерной работы, чтобы их спаять во едино с рабочим классом. В этот момент, когда у нас так много работы, когда у нас новый переломный период, в нашей истории революции, в нашем строительстве – в это время нас желают отвлечь на дискуссию. Нужна ли нам эта дискуссия? Нам она не нужна. Ведь XIV съезд партии дал основные указания – какие задачи перед нами стоят, пути разрешения этих задач. Несмотря на предложения новой оппозиции на съезде, съезд высказался против дискуссии. Ни одна местная организация не высказалась за дискуссию, не требует ее, никто нам не сумеет указать по всему союзу ни одну губернскую организацию, ни одну уездную организацию, которые бы не высказались против дискуссии. И вот при этих условиях оппозиция требует дискуссии. Им надо дискутировать, нам – работать. Я лично полагаю, что дискуссия сейчас была бы вреднейшей вещью, которую мы не можем допустить, так как она отвлекает партию от созидательной работы по социалистическому строительству нашей страны. Наши задачи должны состоять, при этих условиях, в том, чтобы усилить

⁷ Вместо Нечаева на эту должность был назначен Кибирев.

проведение внутри-партийной демократии, в том, чтобы поднять и вовлечь как партийные, так и беспартийные массы в это строительство. Мы проведение внутри-партийной демократии не можем понимать так, как понимает оппозиция. Они отождествляют ее с свободной фракцией и дискуссией, мы должны понимать ее так, как понимал тов. ЛЕНИН. К обсуждению политических и практических вопросов хозяйственного строительства, к практическому проведению этой работы надо призвать партию и беспартийные массы. В этом деле нужна помощь всякого. А вместо помощи тов. Каменев обещает представлять грудь оппонентов для удара. Значит они собираются бороться против партии. Товарищ ЛЕНИН, разбирая брошюрку Коллонтай «Рабочая оппозиция», говорил, что «если есть хотя что-либо здорового в этой оппозиции, – надо все силы употребить, чтобы здоровое от нездорового отсечь. Мы не можем вполне бороться с бюрократизмом и проводить последовательно демократизм, потому что мы слабы, нет сил, и тот, кто может в этом, того надо привлечь, а кто под видом помощи преподносит вот такие брошюры, того надо разоблачать».

Поэтому был прав тов. Куйбышев, который на Июльском Объединенном пленуме заявил: «Мы демократию внутри партии понимаем так, как понимал ее тов. ЛЕНИН, – не платформы, не придирчивая фракционная критика, не критика ради критики, а деловое обсуждение партийных, политических и хозяйственных вопросов, во всех организациях нашей партии – вот чего надо добиться. Нужно призвать всю нашу партию к осуществлению внутрипартийной демократии, к осуществлению своего участия в том великом процессе, который страна переживает, строя новую технику, строя новые формы жизни».

Эту ленинскую мысль о проведении внутри-партийной демократии, о привлечении всех здоровых партийных сил к разрешению этой задачи Июльский пленум вложит в следующее постановление: «Не допуская фракционной борьбы, все организации партии должны в своей практической работе по сплочению партийных рядов строго руководствоваться указаниями той же резолюции X-го съезда, предложенной тов. Лениным, в которой говорится: «Поручая ЦК провести полное уничтожение всякой фракционности, съезд заявляет в то же время, что по вопросам, привлекающим особое внимание членов партии, об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о развитии демократизма и самостоятельности рабочих и т.п., какие бы то ни было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием и испытываемы на практической работе. Все члены партии должны знать, что по этим вопросам партия не осуществляет всех необходимых мер, включая целый ряд разнообразных препятствий, и что отвергая решительно неделовую и фракционную критику, партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, за расширение демократизма, самостоятельности, за раскрытие, разоблачение и изгнание примазавшихся к партии и т. д. Партия в лице ЦК и ЦКК требует от парторганизаций решительного исправления имеющихся недостатков в работе организаций, с тем, чтобы, ставя основные вопросы работы партии на широкое обсуждение всех организаций, подымать активность членов партии и воспитывать их в духе ленинских принципов, борясь с мелкобуржуазными настроениями, проникающими иной раз под флагом левой фразы».

Это писал ЛЕНИН, это принял X-й съезд партии и повторено Июльским Пленумом. В этом заключается наша практическая программа по проведению внутри-партийной демократии.

(Начало в № 7(126). Выпуск 22. Окончание в следующем номере)

FROM THE HISTORY OF THE FIGHT WITH THE UNDERGROUND OPPOSITION IN THE PARTY ORGANIZATIONS OF THE SOVIET PROVINCE IN 1925-1926: «THE CASE OF THE NECHAEV'S GROUP» IN BELGOROD COMMITTEE OF THE KURSK PROVINCE

E.Yu. PROKOFIEVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: prokofievaeu@mail.ru

The paper suggests annotated by the author and firstly used in press text of the documents from the State archives of the Modern history of the Belgorod Region. Materials of the «case of the Nechaev's group» i.e. all texts of the short-hand report of the secretary of Kursk Committee Lepa «About the opposite underground activity of some mates in Belgorod Party organization» and Resolution of the united Plenum of Kursk Committee and Control Committee of 28-30 of September 1926 are given in the paper. Documents published are by all means important for deep research of the problems of selection and placing of personnel in Party and state bodies from top to bottom and the mechanism of making decisions of the Soviet power in the center.

Key words: «nechaevshina», «contrparty group», «new opposition», «united Trotsky-Zinoviev-opposition», Belgorod Committee, Kkursk Committee, party control committee, worker promoted, social nature, social position.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 323.22/28

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Т.С. БОЛКОВИТИНА

*Брянский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

e-mail: info@bfrane.brk.ru

В статье рассматриваются теоретические модели политического участия граждан – стандартная, либеральная, ценностная, когнитивная, аттитюдная, рациональная, популистская, интегративная. Обосновывается положение о том, что важнейшим критерием активных политических действий в условиях политической модернизации выступает степень вовлеченности граждан в систему представительной демократии, многообразие форм политической идентичности, эффективность политических институтов.

Ключевые слова: политические действия, модели политического участия, политическая модернизация, критерии политической активности.

Демократизация общественной жизни предполагает вовлеченность граждан в процесс политико-властных отношений посредством участия в выборах, избирательных и иных политических кампаниях. При этом от того, как граждане понимают и оценивают свою роль, место, статус, материальное положение в обществе зависит то, какой модели политического поведения они будут следовать.

Как известно, классической теорией политической активности (С. Верба, Н. Най) признана базовая (стандартная) модель участия. В качестве основных факторов активности в ней выделяются социально-демографические характеристики населения (пол, возраст, образование, место проживания, социальный статус и др.)¹. Исследования, проведенные в ряде стран, свидетельствуют о том, что наибольшую активность проявляют представители средне и высокостатусных групп. Неактивны граждане с низким уровнем образования, безработные. Образованные граждане, напротив, демонстрируют более высокую степень политического участия в избирательном процессе. Относительно невысокий уровень активности молодежи². Все это свидетельствует о том, что современное общество является настолько сложно социально дифференцированным, что требует постоянного учета социальных факторов, влияющих на политические предпочтения социальных групп и категорий граждан, и выявления их иерархии.

¹ См.: Verba S., Nie N. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. N.-Y., 1972. P. 336.

² См.: Терещенко А.Г. Липсет о социальных основах политического поведения избирателя // Социально-политический журнал. 1996. № 4. С. 184.

Обусловленность политических действий индивидов социальными факторами исследовалась А. Лейпхартом, П. Бурдые. Они пришли к выводу, что люди, обладающие схожими капиталами (уровень образования, статус, материальный достаток) будут занимать в социально-политическом пространстве близкие позиции, тяготеть друг к другу. В результате в обществе будут складываться группы, объективно отличающиеся друг от друга и то, какую нишу будет занимать каждая из них в обществе, существенным образом будет влиять на индивидуальное поведение, определять образ жизни человека, его политические установки и предпочтения³. Следует отметить, что в современный период зависимость влияния социальной принадлежности на политический выбор ослабевает, политическое поведение становится более свободным. Тем не менее, роль статусных характеристик в выборе политических предпочтений гражданина требует обстоятельного учета характера и степени их влияния на результаты политического участия.

Согласно либеральной модели политического участия, описанной С. Липсетом и Д. Лернером, характерной для стран с рыночной экономикой, именно динамичное социально-экономическое развитие обуславливает сглаживание социального неравенства, а, следовательно, оказывает влияние на демократический характер политического участия, в частности его направленность на поддержку демократической политической системы, эффективную институционализацию политической деятельности.

Популистская модель политического участия, как отмечают С. Липсет, Д. Лернер, исходит преимущественно из форм прямого (неинституционализированного) участия, предполагающего перераспределение различных общественных благ путем обещаний и деклараций. Усиление подобного рода участия в политике препятствует экономической модернизации, ведет к подрыву политической стабильности. Нерешенные проблемы накапливаются, увеличивая количество требований, предъявляемых к политической власти. В результате политическое участие не ведет к укреплению политической системы, а напротив, вызывает центробежные тенденции в обществе, дестабилизирует политическую систему, осложняет течение политических процессов.

Популистские лозунги, как правило, активизируются в кризисные периоды развития общества. Особенно активно популизм используется в ходе избирательных кампаний, сопровождается выдвиганием демагогических лозунгов, камуфлированием истинных политических намерений, манипулированием общественным мнением.

Популистская модель тесным образом связана с таким явлением как кризис участия в модернизирующихся обществах. Данный кризис отражает ситуации, когда правящая элита не в состоянии создать необходимые институциональные условия для реализации возникающих со стороны широких слоев общества запросов на участие в политике. Между тем, результат модернизации во многом зависит от того, созданы ли в обществе институциональные условия для политического участия.

Кризис участия возможен и тогда, когда стремящиеся к активному влиянию на политику слои организованы в группы, статус которых является нелегитимным (к примеру, это незарегистрированные общественные объединения и партии) и также, если акторы используют неправомерные способы достижения своих целей (в частности, различные формы политического насилия).

Наиболее оптимальным вариантом разрешения кризиса политического участия Г.Л. Купряшин, М.А. Мунтян и др. считают институциональную адаптацию, когда утверждаются новые процедуры выборов, плюралистичность государственного управления, совершенствуются партийные структуры, формируются организованные группы интересов⁴. В этом случае возможно соглашение между правящей элитой и контрэлитой, стремящейся к принятию ключевых политических решений. В перспективе такой путь ведет к развитию системы представительной демократии, дальнейшим институциональным

³ См.: Leijphart A. Language, Religion, Class and Party Choice // Electoral Participation. A comparative analysis. L., 1988. P. 283 – 327; Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 141.

⁴ См.: Гаман–Голутвина О.В., Сморгунов Л.В., Соловьев А.И., Туровский Р.Ф. Эффективность государственного управления в Российской Федерации в 2008 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inop.ru/files/Chapter2.pdf>; Купряшин Г.Л. Управляемость и баланс интересов в контексте политической модернизации // Власть. 2001. № 8; Мунтян М.А. Политическая социализация и политическое участие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.viperson.ru/wind.php?ID=521334&soch=1

изменениям в политической системе. Вновь созданные институты могут активизировать процесс включения в политическую систему новых политических субъектов.

Неудачным вариантом разрешения кризиса политического участия является отказ от институциональных преобразований, ограничение участия путем введения запретов, то есть авторитарный подход к решению возникающих противоречий. Такой путь нередко ведет к формам мобилизационного либо имитационного участия.

В некоторых случаях правящая элита, не заинтересованная в расширении сферы политического участия, формально наделяет оппозиционные партии правом на соревнование в политическом процессе, хотя реальная структура распределения власти не оставляет им реальных шансов на успех. Кризис участия, по нашему убеждению, может быть преодолен лишь с решением основных социально – политических проблем модернизации, освоением субъектами политики новых политических ролей, созданием эффективно функционирующих политических институтов.

В условиях модернизирующегося общества проявляет себя когнитивная модель политического участия, основанная на учете субъективного представления, определенных знаний, информации и социально-политической реальности. Не случайно в последние годы в политической науке получает развитие новый теоретико-методологический подход к объяснению мотивации политического участия. В его основе лежит принцип интеграции информационного влияния социального окружения (среды) и когнитивных способностей человека.

Как известно, каждый индивид обладает своим внутренним миром, существующим в виде хранящихся в памяти образов, символов, понятий, которые помогают ему интерпретировать, понимать действия других людей, соотносить с ними свое собственное поведение. Устоявшиеся представления способствуют тому, чтобы «укладывать» всю поступающую информацию в определенные смысловые рамки, расширяющие границы внутреннего мира, насыщая его тем самым новыми образами и символами. При этом, чем богаче палитра сформировавшихся у индивида представлений, тем более многоплановой будет конструируемая в сознании реальность. Однако большинство ментальных конструктов не детерминируют политическую активность. Чтобы интерпретируемая ситуация трансформировалась в действие, необходимо, чтобы она затрагивала «Я-образ», включающий представления индивида о своем месте в политическом пространстве⁵.

Разумеется, процесс осознания политической информации весьма индивидуален: он может быть активным и пассивным. Первый характеризуется углубленным, всесторонним осмыслением получаемой информации, выстраиванием четкой логики аргументов, оценкой их состоятельности. Второй отличает простое, некритическое восприятие информации, полное доверие к ее источнику. В результате политический выбор вряд ли может быть рациональным. Очевидно и то, что огромное количество политической информации, не ведет ни к более полному распространению политических знаний, ни к повышению их качества, ни к более высокому уровню общественного участия. Д. Дзоло в этой связи отмечает, что «когнитивный дифференциал» между распространителями информации и ее получателями, отнюдь не уменьшаясь вследствие «совместного обладания» этой информацией, напротив, обнаруживает тенденцию к ее многократному увеличению. Те, кто имеет в своем распоряжении более значительные экономические, культурные и политические ресурсы, могут распоряжаться имеющейся у них информацией с большой выгодой для себя; те, кто не имеет, не в состоянии извлечь из этой информации какую-либо выгоду. Все это только усиливает асимметричную природу политической коммуникации и деформирует политическую мотивацию граждан⁶.

В когнитивной модели политического участия заметно проявляет себя такое явление, как конформизм, который проистекает не только из того, что сказано, из того, что не сказано, но и из того, что незаметно исключено коммуникативными фильтрами из повседневной сферы общественного внимания. Поэтому конформизм не ведет к смене установок, определяющих отношение индивида к тому или иному политическому субъекту (партии, лидеру). Тем более, если у индивида не сложилась партийная идентичность, он

⁵ См.: Пушкарева Г.В. Политический менеджмент. М., 2002. С. 104 – 128.

⁶ См.: Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М., 2010. С. 293.

не намерен тратить свою когнитивную энергию на обдумывание заявлений и программ участников предвыборной кампании, он скорее, останется на стороне большинства и проголосует за кандидата, которого поддерживает большинство.

Партийная же идентификация создает некое сито, с помощью которого человек пытается просеять происходящие политические события и выяснить, что наиболее соответствует его скрытым предпочтениям и ориентациям. Чем более устойчива идентификация с партией, тем более очевиден принцип этого выбора. Однако партийная идентификация вовсе не предполагает формальной принадлежности к конкретной партии. Она скорее свидетельствует о наличии определенного партийного предпочтения.

Таким образом, очерченные выше контуры когнитивной модели политического участия дают основания охарактеризовать ее как конструкцию, позволяющую проникнуть в мотивационные процессы, определяющие политические установки, влияющие на политический выбор.

С учетом влияния определенных ценностей на вовлеченность граждан в политический процесс в научной литературе выделяется ценностная модель политического участия. Политические ценности, как известно, в своем интегративном качестве (как совокупность политических идей, целей и представлений, лежащих в основе определенной политической практики) образуют мировоззренческий, идейный и социально-психологический каркас, своего рода матрицу, в рамках которой функционирует политическая система, развиваются политические отношения и связи, действуют политические акторы. В них находит свое выражение политическое целеполагание действующих субъектов политики. Они выступают в данном качестве с большей или меньшей интенсивностью во многом вследствие различий в их адекватности тем политическим реалиям, которые они отражают. Данные ценности могут обладать огромной побудительной силой к действиям; они же способны оставить политических субъектов равнодушными к ценностным образцам ввиду их абстрактности, заведомой нереализуемости.

В условиях модернизации важнейшими политическими ценностями выступают экономические, социальные, политические права и свободы, политический плюрализм, легитимность власти, многопартийность и др., т. е. те, что относятся к функционированию демократического, правового государства. На формирование этих ценностей неодолимое влияние оказывает политический менталитет общества.

Это во многом объясняется тем, что в развитии ментальных политических структур, представленных стереотипами (прочно устоявшимися политическими образами), обычаями (стандартизированными нормами поведения), традициями (унаследованными от предшествующих поколений идеями, взглядами, образами действий), прослеживаются две очевидные тенденции. Одна из тенденций ведет к консервации социокультурных черт; другая – к их адаптации, изменению, появлению новых и модернизации прежних архетипов политического сознания. Сказанное означает, что одни ментальные структуры (традиционные и консервативные) способны тормозить назреваемые в обществе реформы, преобразования, другие (актуализированные, авангардистские) – способствовать их успеху. При этом искусственное насаждение норм и стереотипов сознания, психологических установок, социальных ориентиров, поведенческих актов способно вызвать раскол в обществе, отчуждение людей от власти и политики.

Учитывая то обстоятельство, что политические действия являются либо ценностно-ориентированными (когда индивид соизмеряет эти действия со своими ценностными представлениями), либо лишенными четкой ценностной ориентации (когда у человека не сложилась четкая система политических ценностей), Г.В.Пушкарева выделяет следующие основные политические действия⁷.

1. Ценностно-ориентированное политическое участие. Данная форма участия связана с признанием индивидом нормативно-институционального порядка и фактической готовностью действовать в соответствии с требованиями политической системы. Причем участие может принимать оппозиционные формы, акции протеста, но они не выливаются в противоправные действия, дестабилизирующие политическую систему.

⁷ См.: Пушкарева Г.В. Политология. М., 2002. С. 155-158.

Особенностью ценностно-ориентированного участия является внутренняя убежденность индивида в необходимости предпринимаемых действий.

2. Ролевое политическое участие. Оно характеризуется ориентацией на сложившийся нормативный порядок, на соблюдение правил институционального взаимодействия при отсутствии или слабом выражении ценностного компонента политического поведения. Такого рода участие является результатом сложившихся в ходе социализации навыков выполнять принятые на себя политические роли.

3. Действия, направленные на создание нового политического порядка. Для такого участия характерно пренебрежение существующими социальными нормами, следование альтернативным политическим ценностям, пропагандируемым общественными организациями и их лидерами.

4. Действия, ориентированные на разрушение сложившегося политического порядка. Такие девиантного свойства действия отличаются импульсивностью, агрессивностью, спонтанностью и могут обладать разрушительной силой.

Совершенно очевидно, что модернизация наполняет ценностный потенциал общества новым содержанием. Процессы демократизации предполагают развитие таких основополагающих ценностей общественной жизни, как гласность, свобода слова, совести, плюрализм мнений, свобода действий ассоциаций и объединений и др. Это требует формирования демократической политической культуры общества, которая характеризуется толерантностью, диалоговой способностью, высоким уровнем политического сознания и мышления.

В последнее время исследователи обращают внимание на все большее усиление влияния «постматериальных» ценностей на мотивацию политического участия. Так, Р. Инглхарт, исходя из концепции «постматериальных ценностей», сформулировал иерархию потребностей, определяющих политическую активность личности в постиндустриальном обществе⁸.

Ученый отмечает, что для индустриальных обществ направленность политической деятельности граждан определяют требования стабильной экономики, борьбы с инфляцией, сохранения правопорядка. В постиндустриальном обществе возрастает роль таких потребностей, как самовыражение, самоутверждение и самоактуализация, иницирующих требования большей информационной открытости власти, предоставления ею необходимых общественных благ, поддержки развития институтов гражданского общества. Эти требования формируются в результате удовлетворения базовых потребностей, характеризуются отсутствием непосредственного материального содержания. По мнению Р.Инглхарта, изменившиеся ценности становятся важным фактором модернизации общества. Он отмечает, что лица, которых можно отнести к постматериальному ценностному типу, способны вкладывать больше ресурсов в конвенциональные формы политического участия.

В целом, следует отметить, что ценностная модель политического участия вполне самодостаточна; политические ценности и формирующиеся на их основе политические ориентации всегда могут быть актуализированы и актуализируются в политической деятельности. И чем многообразнее политические ориентации, тем больше многообразия проявлений политического участия они закладывают.

Близкой к ценностной модели политического участия является аттитюдная модель. Под аттитюдом подразумевается внутренне состояние субъекта, которое является реакцией на стимульные события и вызывает определенные действия⁹. Речь идет, с одной стороны, об индивидуальных установках, с другой – об ориентации на групповые ценности и нормы. В единстве и то, и другое служит показателем идентификации индивида, его приспособляемости к той или иной социальной группе. Взяв за критерий названный показатель, У.Томас выделил три типа личности: 1) отличающийся относительно неизменными (традиционными) установками; 2) характеризующийся нестойкими, достаточно произвольными установками; 3) ориентированный на новые ценностные установки¹⁰.

⁸ Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010. С. 170 – 172.

⁹ См.: Гулевич О.А., Безменова И.К. Аттитюды и их взаимосвязь с поведением. М., 1999. С. 15-16.

¹⁰ Плахов В.Д. Норма и отклонения в обществе. СПб, 2011. С.149.

Выделение данных типов позволяет понять то, насколько установки обеспечивают устойчивость личности, ведь новые знания, информация способны вносить в них определенные модификации. В самом деле, индивидуальные системы социально-политических установок различаются по соотношению в них познавательно-ориентационных и ценностно-эмоциональных компонентов. Следует отметить, что у активно включенного в политическую жизнь индивида в поведении преобладает, как правило, ценностный компонент; у индифферентного, пассивного человека он выражен незначительно, в своем политическом выборе он руководствуется эмоциями. Сказанное можно объяснить сложностью структуры социально-политической установки, когнитивная составляющая которой включает знания и убеждения. Аффективный компонент вбирает эмоции и чувства, содержащие либо позитивные, либо негативные оценки. Когнитивная компонента обращена к деятельностным способностям актора. Интересно, что аффективный компонент установки является более значимым и прочным, чем когнитивный: он активизируется в действия субъекта значительно быстрее. Действительно, установка, не имеющая отчетливо выраженной эмоциональной окраски, скорее всего, является слабой, не сопереживаемой субъектом и не играет, следовательно, большой роли в мотивации и поведении человека.

Г. Дилигенский отмечает, что социально-политические установки (независимо от того, каким образом они возникли) играют специфическую роль компенсатора когнитивного дефицита. Они моделируют реакцию людей не только на знакомые, но и неясные, непонятные социально-политические ситуации. Одна из функций этих установок – минимизировать риски, возможные в таких ситуациях. Закрепленное в данных установках отношение к определенной ситуации и событиям, их оценка с точки зрения потребностей субъекта позволяет данному субъекту адекватным образом реагировать на исходящие от внешней среды импульсы¹¹.

Однако при том, что установки в целом управляют человеческими действиями, по определенным причинам возможно не только рассогласование поведения с установкой, но и обратное воздействие на него со стороны поведения. Таким образом, в рамках данной модели исследователями признаются факты расхождений между установками и реальным поведением граждан. Это объясняется тем, что на выбор субъекта влияют иерархия реальных мотивов, уровень осознания ситуации, интенсивность связей со средой. В результате установка может расходиться с конкретным действием.

Г. Дилигенский выделяет наиболее типичные ситуации рассогласования поведения и осознанных установок.

1. Существующие общественные и политические отношения, положение человека в этих отношениях ограничивают возможности свободного выбора типа индивидуального поведения; человек по объективным причинам не в состоянии реализовать свои убеждения и ценности, выработанные им в процессе осмысления действительности или заимствованные от других. В результате он вынужден руководствоваться установкой, противоречащей этим убеждениям.

2. В сознании индивида сосуществуют различные, порой противоположные установки в отношении одного и того же объекта либо ситуации, что объясняется во многом противоречивостью сознания, социального и индивидуального опыта; установки актуализируются под влиянием конкретного сочетания ситуационных факторов. Так, люди, в принципе отрицательно относящиеся к забастовкам, нередко, тем не менее, участвуют в них, поскольку в то же время видят в забастовках способ действия в определенных экстремальных ситуациях.

3. Непосредственной причиной рассогласования установок и действий является вовлеченность индивида в социальную группу или межличностный контакт, в интересы «других», побуждающая действовать в соответствии с ролевой функцией в группе или с групповыми ожиданиями.

4. В жизни бывают такие ситуации, когда внутригрупповые и межличностные отношения, напротив, являются источником неконформистского (по отношению к группе)

¹¹ См: Дилигенский Г. Социально-политическая психология. Глава 3. М., 2001.

индивидуального поведения, противоречащего усвоенным индивидом групповым установкам. В подобных ситуациях проявляется глубинное стремление личности к автономии.

На основе углубленного теоретического и прикладного анализа социально-политических установок Г. Дилигенский пришел к выводу о том, что расширение «списка» ситуаций рассогласованных с действиями не решает проблемы, связанной с затруднением объяснения факторов человеческого поведения. Если стимулы объяснимы (это потребности и мотивы), то факторы индивидуального выбора сложно поддаются интерпретации и исчерпывающему научному анализу¹². Но ведь именно из такого выбора и рождается действие, участие в общественно-политической жизни. Как нам представляется, теория аттитудов, имеющая важное прикладное значение для осмысления влияния социально-политических мотивов и установок на характер политического участия вправе получить дальнейшее теоретическое развитие в современной политической науке и обогатиться новыми эмпирическими обоснованиями.

Поскольку процесс модернизации в значительной степени расширяет возможности политического участия субъектов, последние оказываются в ситуации выбора – «ценностей», «более или менее полезного», «эффективного и неэффективного». Исходя из этого, политические акторы ранжируют предоставляемые им возможности в зависимости от того, насколько они удовлетворяют их потребностям. При этом они стремятся обрести максимум политической информации, которая необходима для вычисления наиболее выгодных инвестиций на политическом рынке.

Однако на этом действительно чрезвычайно богатом поле субъективного выбора действует ряд ограничений реального поведения, среди которых, во-первых, наличные ресурсы (организационные, информационные, финансовые и др.), во-вторых, социальные нормы и предписания. Причем ограничения субъективного поведения, исходящие от социально-политических институтов, могут сопровождаться официальными санкциями – в одних случаях позитивными, в других – негативными, что оказывает на субъектов политических действий соответственно либо поощряющее, либо сдерживающее действие. В результате в одних случаях индивид может принять решение действовать в соответствии с правилами, а в другом – против правил.

Правила, определяемые институтами, с одной стороны, ограничивают возможности максимизации индивидуальной выгоды за счет других, а с другой, – позволяют разрешать дилеммы коллективного действия, дают возможность принимать стабильные и предсказуемые решения. Действующие нормы оказываются эффективными, если устанавливается согласие относительно того, что определенные люди обладают правом контролировать (благодаря нормам) действия других людей. Очевидно, что достижение консенсуса препятствует росту характерной для коллективного поведения неустойчивости. В то же время нет никакой уверенности в том, что если суммировать действия отдельных членов общества, то может получиться результат, соответствующий модели политической рациональности одного актора.

Тем не менее, индивид, хотя и не доволен личными издержками для производства социального результата, действует коллективно. Это объясняют теория коалиций и теория игр, в которых аргументируется, что каждый человек, участвуя в коалициях на политическом рынке, функционирующем согласно правилам, получает больший результат, нежели действуя в одиночку¹³. Эффект «сцепления» индивидуальных усилий в какой-то степени повышает роль и значимость меньшинства, поскольку его представители тоже становятся участниками политического торга, соответствующего принципам конституционной демократии. Таким образом, коллективные действия способны демонстрировать результаты, недоступные для частных действий; они смягчают негативные последствия, которые способны нанести индивиду частные действия. На этой основе можно сделать вывод о том, что коллективные действия выгодны для рационального индивида. Последний считает целесообразным поступать в соответствии с нормативно-правовыми предписаниями в своих долгосрочных интересах.

¹² См.: Дилигенский Г. Указ. соч.

¹³ См.: Сморгунюв Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002. С.79-85, 90-93.

Становится очевидно, что рациональный выбор способен минимизировать негативные ситуации в обществе. Такой выбор невозможен без анализа и оценки политической информации, которая оказывает на субъекта либо поощряющее, либо сдерживающее действие. Ограниченность информации приводит к тому, что человек оказывается неспособным предвидеть результаты своего участия и реакцию других на его действия, что не исключает ошибочного выбора. Поэтому рационально действующие акторы могут получать и нерациональные результаты.

К сожалению, модель рационального политического участия остается во многом равнодушной к значимости культурных норм и ценностей, хотя человек постоянно делает выбор из множества ценностей и стратегий. На его выбор, как известно, влияют самые различные факторы и обстоятельства, в т.ч. внутренние убеждения, социальный контекст, внешний прессинг (навязывание выбора) и прочее¹⁴. Тем не менее, ценность модели рационального политического участия состоит в ее способности обеспечивать общественное согласие, сохранять устойчивость политической системы, развивать институт социального контроля, от чего в немалой степени зависят результаты демократизации общества.

Следует отметить, что рассмотренные выше модели политического участия не существуют в «чистом виде», в своих исходных положениях зачастую пересекаются и дополняют друг друга, что обуславливает возможность построения интегративных моделей политического участия, учитывающих взаимодействие факторов, являющихся базовыми для выделенных моделей. Среди таких моделей автор предлагает рассматривать, в частности:

- модель расширенного политического участия, которая обеспечивает реальное всестороннее воздействие граждан на властные структуры, предполагает активную деятельность политических институтов, имеет широкую систему представительства интересов, развитый институт гражданского контроля;
- модель ограниченного политического участия, связанную с ограничением форм и способов политического волеизъявления;
- мобилизационную модель политического участия, которая характеризуется централизованным воздействием политических институтов с целью активизации общественно-политической активности.

Выделенные выше модели политического участия позволяют уточнить, как представляется, малоизученные содержательные аспекты данного феномена, зависимость политических действий от социально-демографических факторов, ценностных ориентаций субъектов политики, их когнитивных возможностей, мотивационных установок, характера политической культуры общества, эффективности функционирования в нем демократических институтов, и на этой основе исследовать особенности участия различных социальных групп и категорий граждан в политическом процессе, а также конструировать интегративные модели политического поведения.

MODELS OF POLITICAL PARTICIPATION: THE PROBLEM FIELD OF THE THEORETICAL ANALYSIS

T.S. BOLKHOVITINA

*Bryansk branch of Russian Academy
of National Economy and State Service
at the President of the Russian
Federation*

e-mail: info@bfrane.brk.ru

In the article the author considers the theoretical models of participation of citizens in political life, namely standard, liberal, valuable, cognitive, attitude, rational, populist, integrative models. The proposition is proved that the major criterion of successful modernization is the degree of involvement of citizens in the system of representative democracy, the variety of forms of political identity, the efficiency of political institutions.

Key words: political actions, models of political participation, political modernization, criteria of political activity.

¹⁴ См.: Глинчикова А.Г. Демократическая модернизация и национальная культура // Полис. 2010. №6. С. 54-64; Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2010. С. 85-92; Чемерис Е.С., Донцов С.А. Церковь и модернизация в России: в поиске новых ценностных основ // Полис. 2010. С. 68 – 75.

ВЫБОРЫ В ИСТОРИИ РОССИИ: ДИНАМИКА АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ И КОНКУРЕНТНОСТИ

В.Н. ШИЛОВ
А.П. РЫЛКИНА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru
e-mail: rylkinaalla@rambler.ru

В статье утверждается, что первоначально выборы в России носили безальтернативный и неконкурентный характер. С XVI в. наблюдается рост альтернативности, а со второй половины XIX в. появление конкурентности на выборах. В советский период выборы снова стали безальтернативными и неконкурентными. Возвращение к альтернативности и конкурентности произошло в конце 80-х гг. прошлого века.

Ключевые слова: Россия, выборы, альтернативность, политическая конкуренция, демократия, политическое участие, политическая элита.

Становление альтернативности и конкурентности как устойчивых характеристик выборов в России, их институционализация имеет длительную историю.

Если альтернативность предполагает наличие нескольких кандидатов на одну избираемую должность, то конкурентность предполагает соперничество этих кандидатов между собой. Понятие «политическая конкуренция» можно определить как соперничество в сфере политики за обладание властью, когда результаты соперничества определяет некто третий.

В условиях авторитарных (тоталитарных) режимов носителем верховной власти, суверенитета, этим «некто третьим» является отдельный индивид или узкая группа лиц, и те, кто стремится к участию во власти, добиваются именно их внимания и расположения. При демократии, «некто третьим», потребителем «политической продукции» является народ (население страны). Народ делегирует, дает власть тем или иным индивидам или группам лиц. Поэтому борьба за власть здесь проявляется как соперничество различных субъектов за внимание, «благосклонность» населения. Электорат за свои голоса «покупает» «политико-управленческие услуги», выбирая на политическом рынке специфические товары – политические проекты, кандидатов, стили руководства, политические партии. Отсюда и возникает соперничество производителей политических товаров и услуг, которое описывается и анализируется посредством понятия (концепта, теоретической модели) конкуренции¹.

Итак, демократическая политическая конкуренция предполагает участие населения в выборах. Однако выборы в России имеют более давнюю историю, нежели, их альтернативность и конкурентность. Вопрос о начале выборности власти в России является дискуссионным, обычно говорят о XI-м или XII-м веках², но это относится к выборам органов государственной власти, в то время как выборы власти были еще в догосударственный период, когда местная власть, как правило, формировалась, выборным путем, и проследить корни выборности, здесь нужно согласиться с мнением И.В. Минникес, в этот период не представляется возможным³.

Ярким проявлением выборности власти в ранний государственный период в России являются выборы на вече. Причем вечевой строй был характерен не только для Новгорода и Пскова, но и для всей Древней Руси. Так известна роль вече в призвании правителей в Киев. Вечевая электоральная практика была, видимо, общерусской вплоть до XV века⁴.

¹ Подробнее о политической конкуренции см.: Шилов В.Н., Рылкина А.П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 13(108). Вып. 19.

² Минникес И.В. Выборы в истории Российского государства в IX – начале XIX века. СПб., 2010. С. 23.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 34-36.

Но выборы как в догосударственный, так и ранний государственный периоды были не только неконкурентными, но и безальтернативными. Конкурентность и альтернативность не являются обязательными чертами выборов. Выборы в политической жизни представляют собой способ формирования органов власти с помощью выражения воли граждан (избирателей) в соответствии с законодательством или обычаем. Альтернативой самим выборам является назначение представителей власти более высокой инстанцией или самоназначение (захват власти).

Так вся административная система древнего Новгорода была выборной. Избирались посадник, тысяцкий, епископ (архиепископ), князь и др.⁵ В значительной мере выборной была местная власть и на других территориях Руси. Причем «... признаком наличия выборов в русском государстве в IX-XV вв. являлось одобрение кандидатуры будущего должностного лица вечем. При этом для признания приглашения выборами совершенно необязательно, чтобы вечу предлагалось несколько кандидатур. Главное, чтобы население могло вынести самостоятельное решение, даже отвергнуть нежелательного претендента»⁶.

Разумеется, имело место предварительное обсуждение кандидатур. Обычно это делалось верхушкой (элитой) соответствующего территориального образования. Властную элиту Новгорода составлял Совет господ (Оспода), в который входило до 300 человек, представляющих интересы боярства, церкви и крупных неродовитых земельных собственников и купцов. Совет господ предварительно рассматривало все дела, которые решались на вече, предлагал повестку дня, кандидатуры на замещение – занятие высших должностей и др.⁷ Это предварительное обсуждение кандидатур могло идти и в более широких массах населения. Обсуждение могло происходить и на самом вече. Как отмечает И.В. Минникес, во Владимире в 1175 г. именно вече предстояло отобрать кандидатов и сделать выбор между ними и найти одну кандидатуру для всеобщего одобрения. Видимо, любой участник вече мог вынести на обсуждение общины для предварительного обсуждения любую кандидатуру⁸. В ходе обсуждения число кандидатур, как правило, сводилось до одной. То есть здесь не было, подсчета голосов, применительно к каждой кандидатуре. Требовалось или единогласное решение или такое большинство, которое было видно без всякого подсчета. Это должно было быть подавляющее большинство⁹.

В XVI – XVII вв. характер выборов в России (Московии) в плане альтернативности и конкурентности не изменился. По существу безальтернативными и неконкурентными были и выборы царя после того как прервалась династия Рюриковичей. Кандидатуры подбирались заранее тем или иным составом элиты здесь имело место лишь обязательность одобрения народом выбранной кандидатуры царя. Одобрение народом в данном случае было основой легитимности царя. Народ представляла определенная часть населения, причем она должна быть в значительной мере репрезентативной, то есть действительно представлять авторитетные круги населения. При одобрении использовался порядок вече¹⁰.

Но здесь не было конкуренции в том плане, что претенденты обязательно боролись за «должность» царя. Так сам Михаил Романов не стремился стать царем, против царствования была и его мать. Конкуренции не было и в том плане, что выборы не проводились путем подсчета голосов поданных за различных кандидатов. Различные кандидатуры рассматривались лишь перед тем как остановиться на одной и уже по ней принять решение подавляющим большинством, а по существу, единогласно.

Выборными были и земские соборы как органы сословно-представительской монархии. Выборы на них, согласно имеющимся данным, проходили на безальтернативной основе, хотя альтернативы не исключались. При этом единогласие достигалось не всегда.

⁵ Российская историческая политология. Курс лекций: Учебное пособие. Ростов н/Д., 1998. С. 101-103.

⁶ Минникес И.В. Указ. соч. С. 22.

⁷ Российская историческая политология. С. 102.

⁸ Минникес И.В. Указ. соч. С.51.

⁹ Лукин А.В., Лукин П.В. Мифы о российской политической культуре и российская история // Полис. 2009. № 2. С. 152-153.

¹⁰ Минникес И.В. Указ. соч. С. 182.

Часто предлагались от разных группировок разные кандидаты. В этом случае отбор проводил воевода¹¹. И нередко прибывшие сверх нормы также допускались на Собор¹².

В XVI–XVII вв. неконкурентными были выборы органов местного самоуправления. При этом сохранялась возможность отбора приемлемых кандидатур на должность целовальников, тюремного сторожа, палача и др. При этом конкуренции в плане соперничества за обладание избираемой должностью не было. Часто избираемые лица отсутствовали при их избрании и были против своего избрания¹³. Несмотря на наличие альтернатив, в силу расхождения во мнениях при избрании в силу неоднородности состава избирателей, не имелось механизма подсчета голосов, выявления относительного большинства. Большинство должно было быть преобладающим, в противном случае в случае устойчивости противостояния разным группировкам давали возможность выдвигать своих должностных выборных лиц, например, старост¹⁴.

В XVIII в., выборное начало в формировании органов власти приобретает новые формы, однако при этом оно направлено, не на развитие демократических традиций в обществе. Напротив, его основным назначением, по мнению исследователей, является консолидация общества вокруг главы государства¹⁵. В значительной мере, поэтому выборы не несли в себе конкурентность.

К выборам общегосударственного уровня в этот период нужно отнести выборы комиссии по законодательству. Эти выборы были многоступенчатыми. Процедура выборов депутата от провинции начиналась с избрания поверенного от погоста. Поверенные, в свою очередь, на уездном собрании избирали поверенного от уезда. Наконец, собранию уездных поверенных предоставлялось право избрания депутата от провинции. Нужно отметить, что выборы уже не обязательно, особенно на уездном и провинциальном уровне, предполагали единогласное решения. Здесь кандидат выбирался согласно процедуре баллотировки по большинству («шарами») или через письменные отзывы. На нижнем уровне (в погостах) предусматривались иные варианты голосования, соответствующие обычаям, действующим в данной местности¹⁶.

Важно, что уже на выборах не только общегосударственного уровня, но на выборах местных (местного самоуправления, сословных) «с этого времени уже не упоминается о вероятности единогласного принятия решений. Баллотировка решала вопрос о победителях в соответствии с большинством голосов – предводителя дворянства, городской головой и депутатом считался тот, «у кого больше голосов *избираю*». Таким образом, можно говорить о законодательном оформлении мажоритарной избирательной системы относительного большинства в российских выборах»¹⁷.

Однако при наличии альтернативности выборов почти на всех уровнях органов власти они не были конкурентными. В этих выборах отсутствовал самый важный параметр, чтобы их можно было назвать конкурентными. А именно, отсутствовало соперничество кандидатов. Более того не требовалось самого согласия кандидата занять выборную должность.

Так на выборах в законодательную комиссию после избрания на должность само введение в избранную должность было часто принудительным. Уже на этапе оповещения кандидата об избрании его возникали трудности. Как пишет В.И. Минникес, «... за избранным помещиком И. Скобельцыным три раза посылали солдат, но он отказывался явиться в губернаторскую канцелярию. Только после угрозы властей посадить под караул его жену и конфисковать имущество, помещик, наконец, был доставлен в канцелярию и официально информирован о предстоящей выборной деятельности и необходимости выезда в столицу¹⁸ ... Иногда приезд выборных в Петербург растягивался на такой период, что власти, потеряв терпение, прибегали к крутым мерам (например, угрожали у всех, не

¹¹ Минникес И.В. Указ. соч. С. 222.

¹² Там же. С. 229.

¹³ Там же. С. 240–241.

¹⁴ Там же. С. 259.

¹⁵ Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX вв./ под общ. ред. А.А. Вешнякова. М., 2001. С. 226–227.

¹⁶ Минникес И.В. Указ. соч. С. 353–355.

¹⁷ Там же. С. 358.

¹⁸ Там же. С. 363–364.

явившихся в трехдневный срок после получения указа, освободить крестьян от оброков и от обязанности слушать хозяина)»¹⁹.

Избранные на должность часто искали возможность передать ее кому-либо другому. И подобная возможность была законодательно предусмотрена, хотя и оговаривалась рядом условий. Так «прибывший в столицу и зарегистрировавшийся в Сенате избранник мог «сдать полномочие» тому, «кого он к тому представит, и на кого положится»²⁰.

Неконкурентными были выборы и на местном уровне. Здесь они также проходили не только без соперничества кандидатов, но часто даже без их желания занять выборную должность. «...готовность или несогласие кандидата принять должность, как правило, в расчет не принималась. Например, к выбранному земским комиссаром Воронежского пехотного полка И. Пустобоярову воеводой были посланы «для взятия его к сбору подушных Воронежского полка солдаты...», но и эта мера не имела успеха. Только угроза «отписать» его деревни «по указу» в казну заставила избранного откликнуться»²¹.

Часто избирались больные, которые потом сами, ссылаясь на болезнь, отказывались от должности или бывали отвергнуты контролирующими органами²².

При этом на местном уровне оставалась приверженность к поиску единогласия, поэтому не всегда при наличии различных альтернатив выбор проходил по большинству, путем «баллотировки». Так часто при выборах органов городского самоуправления имело место несовпадение мнений «Но если горожане не могли остановиться на каких-то единых для всех кандидатов, каждая группа голосовала за собственный список. В этом случае данная стадия включала лишь подсчет голосов за каждый список, а решение принималось позднее самим магистратом, причем не всегда в соответствии с правилом «большинства голосов»²³. То есть в конечном итоге выбирал не «демос», он лишь подготавливал предварительные варианты, а власть выбирала из них наиболее для себя приемлемый.

Исследователи отмечают у населения не только нежелание быть избранным, но и нежелание участвовать в местных выборах. Активность жителей в выборах конца XVIII – начала XIX была настолько низкой, что в некоторых городах думы прекратили свое существование. Часто должности замещались не путем выборов, а через назначение²⁴.

Существенные изменения в выборах произошли в ходе реформ во второй половине XIX-го века. Главным образом это касается формирования земств.

Согласно положению о земствах «Гласным никаких служебных преимуществ не присвоается и содержания не полагается»²⁵. Но, тем не менее, на выборах в земства современники отмечают факты соперничества кандидатов на должность. Хотя эта конкурентность была не обязательной чертой выборов и проявлялась спорадически. Н.В. Щелгунов, известный публицист второй половины XIX-го века, объясняя имеющее место соперничество, говорит о следующих мотивах борьбы за избрание на должность: «Наиболее обыкновенная причина – простая корысть, погоня за земским местом. При теперешней трудной жизни, малой доходности и расстройстве хозяйств число лиц, ищущих земских занятий, очень увеличилось. В былые годы подобные люди держались за казенные места. Теперь же казенных мест поубавилось, а между тем, людей со средними способностями, годных лишь для «делопроизводства», прибавилось. Вот эти-то средние люди и составляют главных кандидатов в гласные, чтобы проложить себе дорогу в управу или на другое выборное место... Другие из алчущих не таят никакой материальной корысти... Побуждением у этих людей бывает то чувство власти, то желание влиять, а иногда и простая традиция положения»²⁶.

Выборы в земства были многоступенчатыми (сельские общества избирали выборных волостных сходов – первая степень; волостные сходы назначали выборщиков – вторая степень; выборщики избирали гласного – третья степень.), что лишало население на-

¹⁹ Минникес И.В. Указ. соч. С. 366.

²⁰ Там же С. 371.

²¹ Там же. С. 397.

²² Там же. С. 442-443.

²³ Там же. С. 398.

²⁴ Там же. С. 414, 491-493.

²⁵ Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1864, января 1. // Институт выборов в истории России... С. 355.

²⁶ Щелгунов Н.В. Кое-какие итоги (земские выборы) // Там же. С. 384.

прямою осуществлять выбор власти. Это имело ряд отрицательных последствий, в том числе попадание в органы земского управления случайных людей, неизвестных большинству населения²⁷.

Существовавший порядок выборов обеспечивал преобладающее влияние в земствах дворянства. В 1910-1912 гг. по дворянской курии один гласный приходился в среднем на 3,1 избирателя, а по второй курии (городских жителей) – на 28,6 избирателей. В крестьянской курии один гласный приходится на 3 000 домохозяев²⁸.

Спорадичность конкуренции на выборах в земские органы была связана с тем, что часто имел место дефицит желающих занять по избранию должность. В связи с этим земской деятель А.И. Новиков писал следующее: «В губернские гласные попадают почти исключительно дворяне. Продолжительность губернских собраний и расходы, сопряженные с поездкой в губернский город и с жизнью там, делают то, что в губернские гласные крестьянину идти невозможно. Понятно поэтому, что иногда затрудняются найти должное число губернских гласных в уездном собрании, и потому приходится подолгу упрашивать людей взять на себя эту обузу...»²⁹. Как писал Н.И. Лазаревский, «на избирательное собрание, в лучшем случае, дворян является лишь немного больше, чем сколько надо избрать гласных, и так как к тому же не все явившиеся согласны быть гласными, то свободы выбора нет вовсе и просто приходится зачислять в гласные всех согласных на это...»³⁰.

При избрании постоянных органов земств возникала и проблема отсутствия необходимого по качеству «политического товара», то есть в достаточной мере компетентных и ответственных людей. Как отмечал современники «лучшие люди» предпочитали работе в земстве «правительственную службу»³¹.

Таким образом, несмотря на имевшее место соперничество кандидатов, при выборах в земства мы не можем говорить о том, что это оно было обязательной чертой выборов.

После революции 1905 г. имело место определенная демократизация выборов в земство, в плане усиления моментов демократической политической конкуренции. Так указ императора от 5-го октября 1906 года предписывал следующее: «Отменить правило об утверждении губернатором земских гласных от сельских обществ из числа кандидатов, избранных волостными сходами... предоставив избранным кандидатам самостоятельное избрание из своего состава положенного числа гласных и определение очереди заступления их остальными кандидатами...»³². Таким образом, здесь авторитарная конкуренция (если она была как соперничество кандидатов за обладание выбранной должностью гласного) сменялась конкуренцией демократической.

Но главный сдвиг в электоральных процессах после революции 1905 г. – это их распространение с местного уровня на уровень общегосударственный, а именно выборы в новый институт власти, в Государственную Думу. Эти выборы с самого начала предполагались как альтернативные и конкурентные. Однако уже при осуждении порядка выборов был взят курс на снижение уровня политической конкуренции для обеспечения предсказуемости выборов. Так при осуждении порядка выборов преобладала точка зрения о преимуществах многоступенчатой сословной системы выборов, практиковавшейся на выборах земство, перед системой всеобщих прямых выборах по участкам.

А.А. Нарышкин на заседании 25 июля 1905 г., посвященном обсуждению закона о выборах в Государственную думу, говорил следующее: «При смешении всех выборщиков в одном избирательном собрании в нем не будет надлежащей объединенности для сознательного отношения к выборам членов Думы, а при разрозненности попадут в нее не те, кто лучше, а те, кто более ловок, кто менее разборчив в средствах борьбы. Не достаточно ли какому-нибудь адвокату посулить выборщикам из крестьян передел земли, чтобы

²⁷ Градовский А.Д. Крестьянские выборы в гласные уездных земских собраний // Там же. С. 386-394.

²⁸ Лазаревский Н.И. Земское избирательное право // Там же. С. 459.

²⁹ Новиков А.И. Записки земского начальника // Там же. С. 409.

³⁰ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 460-461.

³¹ А. Л. Гурко. Наши городские выборы вообще и Московские городские в особенности // Институт выборов в истории России... С. 468.

³² Указ об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных условий // Там же. С. 364.

склонить их голоса в свою пользу? Достойные люди могут быть избраны только обособленными по сословиям собраниями»³³.

С тем, чтобы избежать непредсказуемых эксцессов и сделать выборы в Государственную думу более управляемыми, они согласно императорскому указу проходили через ряд ступеней. Так применительно к рабочим, наиболее радикальной части общества, предполагался следующий порядок выборов: «Рабочие... избирают из своей среды уполномоченных ...Съезды уполномоченных от рабочих созываются под председательством городского головы или заменяющего его лица: губернские – в городах губернских, а городские – в городах...Съезды уполномоченных от рабочих избирают выборщиков из своей среды закрытою подачею голосов посредством баллотировки шарами... Избранные по губернии или городу выборщики от рабочих участвуют в выборе членов Государственной думы в составе подлежащего губернского или городского избирательного собрания, по принадлежности»³⁴.

Таким образом, выборщики от рабочих на конечном этапе смешивались с представителями более консервативных контингентов избирателей.

Несмотря на многоступенчатость и сословный характер выборов момент конкуренции все же наблюдался, ибо на одно и то же место в Государственную думу претендовало несколько кандидатов (беспартийные и представители разных партий). Хотя законодательство обеспечивало преимущество для привилегированных слоев населения и соответственно для правых партий, тем не менее, и левые партии, опираясь на мнение населения, пусть не выражаемое непосредственно, имели возможность быть представленными в Государственной Думе. Поэтому думы первого и второго созыва были досрочно распущены, в силу, по мнению царского правительства, их чрезмерного радикализма.

После февральской 1917 г. революции выборы во все органы власти стали более конкурентными. В мае июне была проведена земская реформа, коснувшаяся и порядка выборов в земство. Так впервые начали проводить прямые бессловные выборы волостных земских гласных. Причем они производились, по существу, по мажоритарной системе «закрытою подачею голосов посредством записок»³⁵, где указывались лица, за которых избиратель отдает свой голос. Состоялись и первые в России всеобщие (бессловные) выборы в городские думы³⁶.

Избрания уездных и губернских гласных также предполагалось проводить прямым голосованием, но при использовании уже пропорциональной системы. Так предполагалось, что «общее число гласных, подлежащих избранию во всем городском поселении или избирательном округе ...распределяется между заявленными списками ... соразмерно числу голосов, поданных на выборах за каждый из этих списков...»³⁷. На этих выборах должна была иметь место явная демократическая политическая конкуренция, ибо предполагалась соперничество партий (списков) и кандидатов в этих списках. Однако выборы на уездном и губернском уровнях по новому законодательству не были проведены в силу коренного изменения системы власти в ходе Октябрьской революции.

В значительной мере демократическими, конкурентными можно считать выборы в Учредительное собрание. «Положение о выборах в учредительное собрание» предусматривало: «...Учредительное собрание образуется из членов, избранных населением на основе всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права посредством прямых выборов и тайного голосования с применением начала пропорционального представительства... Выборы в Учредительное собрание проводятся подачей голосов за один из заявленных кандидатских списков...комиссия на основании протоколов заседаний уездных и городских комиссий производит общий подсчет голосов, поданных по всему избира-

³³ Протоколы заседаний Петергофских совещаний. Заседание 25 июля 1905 г. // Институт выборов в истории России. С. 506.

³⁴ Указ об изменении Положения о выборах в Государственную Думу и изданных в дополнение к нему узаконений. Именной, данный Сенату. 1905г., декабря 11 // Там же. С. 581-582.

³⁵ О волостном земском управлении. Временное положение от 21 мая 1917 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.democracy.ru/library/publications/voter/special/el_history/page30.html

³⁶ Российская историческая политология. С. 286.

³⁷ О производстве выборов губернских и уездных земских гласных. Временные правила от 21 мая 1917 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.democracy.ru/library/publications/voter/special/el_history/page30.html

тельному округу за каждый из заявленных кандидатских списков, а засим общее количество членов Учредительного собрания, подлежащих избранию в данном округе, распределяется между заявленными списками пропорционально числу голосов, поданных во всем округе за каждый из этих списков»³⁸.

Однако на выборах Учредительного собрания процесс выборов органов власти в России путем конкурентной борьбы кандидатов, партий прервался. Еще перед октябрьским восстанием, когда Г. Зиновьев и Л. Каменев предлагали дожидаться результатов выборов в Учредительное собрание и действовать далее, исходя уже из них, В. Ленин ответил им: «настроением масс руководствоваться невозможно, ибо оно изменчиво и не подлежит учету»³⁹. Согласно логике большевиков политический курс страны должен был определяться не волеизъявлением граждан, не их выбором тех или иных стратегий и политических сил, представляющих их, а исторической закономерностью, однозначно предписывающей движение в сторону коммунистической общественно-экономической формации. Считалось, что от имени этой исторической закономерности и действовали большевики.

В результате выборов в Учредительное собрание большевики не получили там большинства. При этом они имели его в советах, прежде всего в совете столицы России – Петрограде. Поэтому большевики сделали ставку на власть в советах, а Учредительное собрание в январе 1918 г. было разогнано.

Характер взаимоотношения с населением остался прежним и после того как большевистский режим укрепился. Выборы в органы власти (советы всех уровней) потеряли прямой и всеобщий характер. Согласно первой Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г. (это была самая первая конституция России в целом), бывшие эксплуататоры лишались гражданских прав, исключались из политической жизни нетрудовые элементы и предусматривались неравные права для избирателей города и села. Выборы были многоступенчатыми, что обеспечивало нужный большевистскому руководству состав всех Советов⁴⁰.

По существу, захватившая власть новая политическая элита использовала выборы лишь как механизм связи с массами, давая последним право утверждать кандидатуры, отобранные соответствующим партийным комитетом. Несмотря на имевшие место споры относительно политического курса, сама элита была консолидирована одной идеологией. Отсутствовала конкуренция между ее отдельными группировками, ибо она представляла собой иерархию с жесткой дисциплиной. Перемещение с одного уровня на другой этой властной пирамиды определяло не население, а верхушка элиты.

Но эта сплоченная элита, мало подверженная изменениям, смене персонального состава, через два десятилетия после овладения ею власти, самоуспокоилась, во многом оторвалась от руководимого ею населения, перестала в должной мере отвечать на вызовы времени. Стала задача обновления элиты. Этим ряд исследователей объясняют попытки Сталина и его ближайшего окружения ввести элементы политической конкуренции в ходе принятия новой конституции и выборов органов власти в соответствии с нею. Так 1 марта 1936 г. Сталин принял одного из ведущих американских газетных издателей Роя Уилсона Говарда и дал ему интервью следующего характера:

«Говард. В СССР разрабатывается новая Конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах будет выступать только одна партия?»

Сталин. ...Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные организации. А таких у нас сотни... я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу... Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать на труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их

³⁸ Положение о выборах в Учредительное собрание // Институт выборов в истории России.... С. 725 – 737.

³⁹ Цит. по: Российская историческая политология. С. 308.

⁴⁰ Российская историческая политология. С. 38.

из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имевших первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»⁴¹.

Однако широкого обсуждения высказанных Сталиным положений не состоялось, ибо «...не только широкое руководство, но часть аппарата ЦК ... не приняли сталинской новации. Они не захотели хотя бы чисто формально одобрить опасную для слишком многих альтернативность при выборах. Ту состязательность, которая, как следовало из слов Сталина... напрямую угрожала положению первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов. Их реальной власти»⁴².

Партократия выражала свое несогласие замалчиванием проблемы. Тем не менее, Сталин продолжал настаивать на введении состязательности на выборах. Выступая на VIII чрезвычайном съезде Советов СССР, состоявшемся в конце 1936 г. Сталин, говоря о необходимости предоставления всем избирательных прав и ликвидации категории «лишенцев», отметил: «Говорят, что это опасно, что так могут пролезть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и так далее. Но чего тут собственно бояться? Волков бояться – в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена плохо, а мы вполне заслуживает такой позор»⁴³.

В подобных высказываниях партийное руководство увидело угрозу себе и готовность Сталина отрешить их от власти. Но это не вызвало у тогдашней политической элиты стремления к улучшению работы и приобретению за счет этого большей популярности у масс, будущих избирателей. Акцент был сделан на поиске врагов на «очищении» подвластной им территории от всякого рода нежелательных элементов, могущих в ходе грядущих выборов повлиять на их результаты нежелательным образом для руководства на местах⁴⁴. Это было одной из причин развернувшихся массовых репрессий. Были и другие причины репрессий. В том числе и стремление Сталина обновить политическую элиту⁴⁵.

Это стремление Сталина преодолеть спаянность элиту, ее групповщину и семейственность выражалось и в его намерении подключить к процессу обновления элит широкие массы партии и рабочих. Так на февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС 1937 г. в докладах И. Сталина, и А. Жданова был сделан акцент на демократии. Подчеркивалась необходимость тайного голосования по поводу кандидатур, выдвигаемых на посты в партии, в органах государственной власти и профсоюзах. Таким образом, по мнению В.З. Голдман, «...пленум распахнул двери для молниеносной мобилизации масс... Партийные верхи, возмущенные неспособностью низовых партийных организаций очистить свои ряды от бывших оппозиционеров, внесли предложение о привлечении к чистке рядовых членов партии. Таким образом, демократия была одним из способов усилить поддержку партии массами, вдохновить рядовых членов партии и тем самым обеспечить более тщательную чистку региональной партийной элиты»⁴⁶.

⁴¹ Цит. по: Жуков Ю.Н. Народная империя Сталина // Загадка 37-го. М., 2010. С. 261-262.

⁴² Там же. С. 264.

⁴³ Цит. по: Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 298.

⁴⁴ См.: Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 338-340; Мухин Ю.И. Почему врут учебники истории // Загадка 37-го. С. 466-467; Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М., 2011. С. 111-115.

⁴⁵ По мнению С.А. Кислицына, «Сталин обоснованно боялся разрастания оппозиционных взглядов и их перерастание в перспективе в инакодействие... определенная часть большевистской элиты подверглась моральному разложению, погрязла в привилегиях и подрывала тем самым нравственные устои власти. Советскому обществу, как и всякому иному, важно было обеспечить периодическую легитимную ротацию элиты, но демократический механизм такого обновления верхушки не был отработан. Все эти соображения в сочетании с развивающейся психопатологической подозрительностью Сталина обусловили начало массовых репрессий». См.: Российская историческая политология. С. 152.

⁴⁶ Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010. С. 147, 148.

Альтернативность и конкурентность предполагалось сделать средством обновления партийного руководства на местах.

Однако партократия не желала сдавать свои позиции. Уже после открытых призывов к развертыванию демократии на выборах партийные лидеры на местах сохраняли авторитарную практику формирования взаимоотношений, как с населением, так и с партийными массами. Были массовыми попытки выборов партийных органов вопреки принятому решению не тайно, а открыто, списком, без обсуждения кандидатур⁴⁷. Выборы партийных органов 1937 г. показали, что основная масса партийных руководителей сохранили свои позиции, «продемонстрировав тем Москве, узкому руководству, что именно они являются хозяевами положения в своих регионах, и добровольно уходить не собираются – даже в ходе альтернативных выборов в Верховный Совет СССР»⁴⁸.

Но и в этой ситуации Сталин от идеи альтернативности выборов не отказывался. А.Я. Яковлев, глава комиссии по выработке законодательства о выборах, выступая на июльском Пленуме ЦК партии с докладом о проекте закона о выборах, сказал следующее: «На окружные избирательные комиссии возлагается обязанность зарегистрировать и внести в избирательный бюллетень по соответствующему округу всех без исключения кандидатов в Верховный Совет СССР, которые выставлены общественными организациями и обществами трудящихся»⁴⁹. На предстоящих выборах предлагалась к использованию мажоритарная система абсолютного большинства при необходимости со вторым туром⁵⁰. К концу августа 1937 г. был подготовлен образец бюллетеня, содержащий три фамилии и текст «Оставьте в избирательном бюллетене ОДНОГО кандидата, за которого Вы голосуете, остальных вычеркните»⁵¹. Т.е ставка на альтернативные выборы вопреки негативному отношению к ним со стороны широкой массы партийного руководства сохранялась.

И лишь 10 октября 1937 г. появилось неожиданное решение Политбюро ЦК партии, где были утверждены тезисы выступления на пленуме ЦК В. Молотова, согласно которым альтернативность становилась необязательной⁵². С чем было связано это решение об отмене альтернативности и конкурентности выборов? Предположительно, большинство членов Политбюро отвергли альтернативность. Поэтому на Пленуме ЦК ВКП(б) 11 октября уже речи о свободном выдвижении кандидатов от общественных организаций не было. Зародилось новое понятие «блок коммунистов и беспартийных». Было предложено наличие до 20% беспартийных в Верховном Совете СССР. Предполагалось выдвижение кандидатов в депутаты под контролем партийных органов⁵³.

Именно под партийным руководством и прошли первые выборы в Верховный Совет СССР. Они были не только неконкурентными, но и безальтернативными.

Однако демократизация дала определенные результаты на уровне производственной, профсоюзной демократии. Рядовой состав партии, профсоюзов, рабочий класс были привлечены к поиску врагов. «Демократия не являлась второстепенным делом, не была домовою завесой или набором ничего не значащих лозунгов, предназначенных скрыть реальное состояние событий. Она была тем средством, при помощи которого репрессии дошли до каждой профсоюзной организации, завкома или первички. Если охота на оппозиционеров разожгла пожар в партии и профсоюзах, то кампания за «демократию» послужила для него бензином»⁵⁴, – отмечает В.З. Голдман. Это привело к тому, что руководство профсоюзов было существенно обновлено: в 1937 г. 65% членов фабкомом были вновь избранными⁵⁵. Результаты выборов в ЦК Союзов оказались еще более впечатляющими: более 96% членов пленума, 87% членов президиума, 92% секретарей и 68% председателей были заменены⁵⁶.

⁴⁷ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 346-366.

⁴⁸ Там же. С. 378.

⁴⁹ Цит. по: Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 381.

⁵⁰ Там же. С. 382.

⁵¹ Там же. С. 391.

⁵² Там же. С. 398-399.

⁵³ Там же. С. 399-400.

⁵⁴ Голдман В.З. Указ. соч. С. 172.

⁵⁵ Там же. С. 191.

⁵⁶ Там же. С. 194.

Демократия дала рабочим возможность избирать новых руководителей, террор позволял устранять старых, но не решались базисные, структурные проблемы страны⁵⁷. В целом нарастала кадровая чехарда и неуправляемость производством, поэтому весной 1939 года руководители партии и профсоюзов негласно дали обратный ход профсоюзной демократии.

Новые правила отменяли прямые выборы. Вместо этого рабочие должны были избирать выборщиков, которые будут отбирать кандидатов – после консультации с парткомом и завкомом. Рабочим не разрешалось дополнять список независимыми кандидатами. Была в профсоюзах возобновлена практика голосования списком⁵⁸. Так альтернативность и конкурентность, имевшая определенное место на уровне профсоюзов сошли на нет.

В течение последующих десятилетий советского периода выборы были безальтернативными и неконкурентными. Имел место идеологический и политический монизм: одна единственно верная идеология, одна партия и один кандидат, выражающие интересы единого советского народа. Конституция 1977 г. закрепила руководящую роль КПСС в политической системе, в которой Советы считались государственным стержнем, а фактически играли подчиненную по отношению к партии роль: их состав целиком определялся партийными комитетами соответствующего уровня. Населению оставалось на выборах лишь одобрить предложенные кандидатуры.

Возвращение к конкурентным выборам произошло в позднесоветский период. М. Горбачев в качестве первоочередной цели поставил задачу обновления политической элиты советского общества. Первоначально оно происходило в недрах партии. К началу 1987 г. было заменено 70% членов политбюро, 60% секретарей областных организаций 40% членов ЦК КПСС брежневского «набора»⁵⁹. Была развернута производственная демократия. Согласно Закону о трудовых коллективах предполагались выборы руководящих работников. Выявились негативные последствия подобной выборности: «трудовые коллективы обнаружили склонность к «коллективному эгоизму», выбирая удобных и покладистых начальников, стремясь любой ценой повысить цену выпускаемой продукции и зарплату»⁶⁰. Но, тем не менее, высшее руководство КПСС решило расширить и углубить демократизацию страны. «Уже на январском 1987 г. пленуме ЦК КПСС Горбачев предложил ввести альтернативные, то есть на основе соперничества двух и более претендентов на каждое место, выборы депутатов и иных государственных лиц всех уровней власти»...Предполагалось, что «тотальная демократизация всех сфер управления общества должна была создать естественные механизмы динамичного развития общества»⁶¹.

Считалось, что эта демократизация не выйдет за рамки «социалистического выбора» и будет предсказуемой. Но предполагаемая управляемость процессов демократизации не состоялась. На выборах Верховного Совета СССР в марте 1989 г. многие представители партийной и советской номенклатуры провалились в условиях альтернативности и конкурентности выборов. Хотя выборы 1989 г. не были в полной мере демократическими. Не все, а только две трети депутатов получали мандаты на основе всеобщего голосования. Бюрократическими препонами была обставлена процедура выдвижения кандидатов в депутаты. Однако недемократические процедуры очень часто срабатывали не в пользу, а против партийно-государственной номенклатуры: чем больше препятствий выдвигалось на пути независимого кандидата, тем тверже становилось решимость избирателей видеть именно его в качестве депутата. Так Б. Ельцин, гонимый партийным руководством, стал подлинным кумиром москвичей, во время выборов получил около 90% голосов⁶². Уже более конкурентными, с меньшим количеством бюрократических барьеров, были выборы народных депутатов РСФСР в марте 1990 г. и первые выборы Президента РФ в июне 1991 года.

⁵⁷ Там же. С. 211.

⁵⁸ Голдман В.З. Указ. соч. С. 327-328.

⁵⁹ Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 21.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 31.

⁶² Там же. С. 50.

В качестве общего результата анализа альтернативности и конкурентности выборов в истории России в период с 11-го века до конца распада Советского Союза можно предложить табл. 1.

Таблица 1

Альтернативность и конкурентность выборов в России

Период	Альтернативность	Конкурентность
IX – XV вв.	Отсутствие альтернативности. Предварительный подбор кандидатуры для последующего единогласного одобрения	Отсутствие конкурентности
XVI – XVII вв.	Отсутствие обязательности альтернативности. Альтернативность в спорадической форме. Предварительный подбор кандидатуры для последующего единогласного одобрения. Отсутствие механизма сопоставления альтернатив в ходе выборов	Отсутствие конкурентности
XVIII – первая половина XIX вв.	Альтернативность выборов. Законодательное оформление мажоритарной системы относительного большинства	Отсутствие конкурентности в силу отсутствия соперничества кандидатов. Введение кандидатов на избираемую должность без их обязательного согласия
Вторая половина XIX в. – начало XX в.	Альтернативность выборов	Спорадическая конкурентность выборов, как соперничество кандидатов за обладание местом в системе земского самоуправления
Начало XX в.	Альтернативность выборов	Управляемая, ограниченная конкурентность на выборах в Государственную Думу Российской империи. Появление межпартийной конкуренции. Демократическая политическая конкуренция на выборах в Учредительное собрание
1918 – 1989 гг.	Отсутствие альтернативности, предварительный подбор кандидатуры партийными комитетами для последующего единогласного одобрения при выборах органов государственной власти. Использование альтернативности в ходе выборов в партийные и профсоюзные органы в 1937-1938 гг. с целью обновления регионального руководства. Обсуждение в 1936-1937 гг. вопроса о проведении альтернативных выборов в Верховный Совет СССР	Спорадическое появление конкуренции в ходе выборов в партийные и профсоюзные органы в 1937-1938 гг. Обсуждение в 1936-1937 гг. вопроса о проведении конкурентных выборов в Верховный Совет СССР
1989-1991 гг.	Альтернативность выборов	Ограниченная конкурентность выборов в Верховный Совет СССР в марте 1989 г. Конкурентность выборов народных депутатов РСФСР в марте 1990 г. и Президента РФ в июне 1991 г.

Рассматривая динамику выборов в России в анализируемый период, мы можем наблюдать постепенное нарастание альтернативности начиная с XVI-XVII вв., и конкурентности, начиная со второй половины XIX-го в. Оба эти процесса были оборваны в начале советского периода. По этим параметрам произошло, по существу возвращение к уровню XV-го века. В конце советского периода имело место полномасштабное обращение к началам альтернативности и конкурентности, именно эта резкость перехода к новому порядку выборов органов государственной власти сыграла не последнюю роль в нарастании неуправляемости социальных процессов. Общий политический результат (распад СССР, экономический кризис, резкое падение уровня жизни большинства населения) ставят под сомнение необходимость форсированного внедрения альтернативности и кон-

курентности выборов в тогдашнем Советском Союзе. Компетентность населения и ответственность политической элиты были в то время явно переоценены⁶³.

ELECTIONS IN HISTORY OF RUSSIA: DYNAMICS OF ALTERNATIVENESS AND COMPETITION

V.N. SHILOV
A.P. RYLKINA

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru
e-mail: rylkinaalla@rambler.ru

As article affirms, that originally elections in Russia had uncontested and not competitive character. With XVI century is observed alternativeness growth, and from second half XIX century competition occurrence on elections. During the Soviet period elections again became uncontested and not competitive. Returning to alternativeness and competition has occurred in the late eighties of the last century.

Key words: Russia, elections, alternativeness, a political competition, democracy, political participation, political elite.

⁶³ О необходимых предпосылках для внедрения демократической политической конкуренции см.: Шилов В.Н. Демократическая политическая конкуренция и ее предпосылки: Йозеф Шумпетер и современность // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 1(120). Выпуск 21.

УДК [324+342.8](470+571) «2005/2012»

«НАЗНАЧЕНИЕ» ГУБЕРНАТОРОВ В РОССИИ: ИТОГИ ЭКСПЕРИМЕНТА**Е.В. РЕУТОВ***Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**E-mail: reutovevg@mail.ru*

В статье анализируется практика наделения полномочиями глав исполнительной власти Российской Федерации Президентом РФ в период 2005-2012 гг. Прекращение эксперимента по «назначению» региональных руководителей рассматривается, с одной стороны, как косвенное свидетельство признания федеральным центром ее инструментальной неэффективности. С другой стороны, система «назначений» позволила существенно изменить структуру региональных элит и их ресурсную базу.

Ключевые слова: субъекты федерации, губернаторы, федеральный центр, региональные элиты, наделение полномочиями, региональные выборы.

С вступлением в силу с 1 июня 2012 года Федерального закона от 2 мая 2012 г. №40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"» завершился весьма важный этап эволюции постсоветской политической системы в части взаимоотношений федерального центра и регионов. Цикличность эволюции российской политической системы в немалой степени отразилась на таком ее элементе, как наделение полномочиями высшего регионального руководства в лице главы исполнительной власти региона. Когда в начале 1990-х гг. были проведены выборы президентов почти всех республик в составе Российской Федерации, федерализм в России из фикции стал реальностью. Механизм выборов, фактически независимый от федерального центра, призван был подтвердить суверенитет этих субъектов Российской Федерации, закрепленный в местных конституциях. В регионах, не имевших статуса республик, главы администраций продолжали назначаться Указами Президента РФ по рекомендации региональных Советов. Однако после событий октября 1993 г. в целях предотвращения региональной Фронды Советы были упразднены, и главы исполнительной власти регионов до 1996 г. наделялись полномочиями исключительно Указами Президента РФ. В данный период в региональном пространстве сосуществовали руководители, избранные населением региона (президенты республик) и те, кто был назначен Президентом РФ.

Мораторий на выборы прекратил действие в 1996 году. И во второй половине 1990-х гг. выборы глав исполнительной власти субъектов федерации стали значимым способом ротации власти и «проявлением эффектов демократизации на региональном уровне. Несмотря на очевидно несправедливый характер выборов (административная мобилизация, неравные возможности кандидатов в ведении кампании и т.д.), в 27 из 52 субъектов РФ, где осенью-зимой 1996 г. прошли выборы глав регионов, граждане переизбрали региональных руководителей. В отличие от общенационального уровня, где правящей группировке удалось не допустить подобного сценария развития событий, в более чем половине регионов демократическое волеизъявление избирателей (пусть и в форме протестного голосования) дало, с точки зрения перспектив укрепления демократических институтов, весьма значимые результаты»¹. Факт избрания на всеобщих выборах дал главам исполнительной власти регионов принципиально новую – демократическую – легитимность, сделав их полноправными и не зависящими от кадровой политики Центра руководителями.

С начала 2000-х гг. доминирующее влияние на исход выборов стал оказывать фактор инкубентства. Если в избирательном цикле 1998-1999 гг. сохранили свои посты

¹ Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998. №1. С. 98.

50% глав исполнительной власти (причем в 1999 г. – 68,75%), то в ходе избирательного цикла 2000–2002 гг. из 52 регионов в 29 победу одержали инкубенты, еще в пяти – их публично названные преемники (65,4%). При этом наиболее прочными оказались позиции как раз тех губернаторов, которые пришли к власти с помощью выборов. Из этой группы выборы выиграли 22 губернатора (включая президентов ряда республик, которые часто являлись региональными руководителями на момент первых выборов), тогда как проиграли лишь восемь. В то же время из бывших ельцинских назначенцев отсеклась почти половина: семеро выиграли, а пятеро проиграли. То есть более прочными оказались позиции не тех, кто годами занимал губернаторское кресло, а тех, кто прорвался на этот пост на оппозиционной волне и за счет своей харизмы².

В 2002–2004 гг., накануне реформы избирательного законодательства в части избрания губернаторов поддержка губернаторов на выборах уменьшалась, что свидетельствует о нарастании гражданского давления. Таким образом, накануне своей отмены губернаторские выборы все более приобретали признаки «электоральной нормальности». Коэффициент сменяемости глав регионов в эпоху выборов составлял в целом 42,5%³. Выборность губернаторов способствовала их привязке к региону. Трудно предположить, что победить на региональных выборах мог человек, никак не связанный с конкретным субъектом федерации – за исключением тех случаев, когда население региона полностью отчаялось в способности местных политических фигур вывести их территорию из депрессивного состояния. Примером может служить избрание «олигарха» Р.А. Абрамовича губернатором Чукотского АО в 2000 году, а также избрание харизматичного генерала А.И. Лебеда губернатором Красноярского края в 1998 году.

В сентябре 2004 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным было принято неожиданное для многих решение, изменившее как политический дизайн, так и существенные параметры российской политической системы – были ликвидированы прямые выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. С этого момента кандидатура главы исполнительной власти региона вносилась Президентом РФ на рассмотрение регионального законодательного собрания, которое и выносило окончательное решение по ее утверждению. Данное решение было легализовано Федеральным законом №159-ФЗ от 11 декабря 2004 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», и уже в феврале 2005 года система фактически вступила в действие.

Через семь лет – в декабре 2011 года – уже другой Президент РФ – Д.А. Медведев объявил о необходимости политических реформ, в числе которых – возвращение к выборности глав исполнительной власти регионов, оформив это соответствующим законопроектом, который обрел статус закона уже при вновь вступившем в должность Президента РФ В.В. Путине. Следует отметить, что именно он, а не Д.А. Медведев несколько ранее высказался о возможности возвращения к выборности губернаторов – с оговоркой о необходимости «президентского фильтра» для кандидатов. Этим высказыванием Путин переиграл Медведева на его же поле – либерализации, продемонстрировав, что именно он может принимать неожиданные решения. С другой стороны, это вполне соответствовало ожиданиям значительной части активного и самостоятельного населения, порядком уставшего от вертикализации всех публичных процессов. В ходе проведенного Фондом «Общественное мнение» в январе 2012 года накануне реформы опроса большинство (60%) респондентов отметило положительные последствия возвращения к выборной практике. На отрицательные последствия указали лишь 9%⁴. Причем, легитимность выборности губернаторов в общественном сознании не была обусловлена исключительно политическим моментом. На всем протяжении второй половины 2000-х гг. население,

² Козлов В. Выборы глав исполнительной власти регионов // Регионы России в 1999 г.: Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России». М., 2001. С. 130; Туровский Р.Ф. Итоги и уроки губернаторских выборов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.electoralgeography.com/docs/turovsky/gub2000-2002.doc>

³ Туровский Р.Ф. Указ. соч.

⁴ Прямые выборы губернаторов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1202/d120205>

скорее, поддерживало выборность губернаторов, чем их фактическое назначение. Так, по данным Левада-центра, минимальная доля респондентов, поддерживающих или скорее поддерживающих выборность губернаторов составляла 54% (в 2009 году), а максимальная доля сторонников их назначения из центра – 22% (в том же году)⁵.

Таким образом, эксперимент с назначением губернаторов федеральным центром, по крайней мере, на современном этапе развития политической системы России, завершился, и ему уже можно подводить итоги.

Система наделения полномочиями глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации региональными законодательными собраниями по представлению Президента РФ функционировала в течение неполных восьми лет (с января 2005 г. по май 2012 г.). За этот период был назначен 161 руководитель исполнительной власти регионов (дальнейший анализ проведен на основе данных, взятых с сайта Независимого института выборов – до 2009 года⁶ а также официальных сайтов органов власти субъектов Российской Федерации).

Наибольшее количество наделения полномочиями отмечается в 2005 году, когда система назначений была только введена в действие (табл. 1).

Таблица 1

Статистика наделения полномочиями глав исполнительной власти субъектов РФ

2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
42	8	24	12	15	32	8	21

Это объясняется тем, что среди губернаторов (будем так для краткости называть региональных руководителей, включая президентов республик) распространилась установка о необходимости досрочного прекращения полномочий и представления собственной кандидатуры на рассмотрение Президенту РФ с тем, чтобы он решил, достойны ли они продолжения легислатуры. Таким образом, де-факто легитимность на основе всенародных выборов ставилась в подчиненное положение легитимности, полученной персонально от Президента РФ. Вопрос о доверии к ним Президента РФ был поставлен 21 губернатором, которые, таким образом, составили 50% всех региональных руководителей, наделенных полномочиями в 2005 году. Первым вопрос о доверии в январе 2005 года поставил С.М. Дарькин, избранный губернатором Приморского края в 2001 году и находившийся в достаточно сложном положении – его имя связывали с криминалом, в регионе периодически возникали коррупционные скандалы, и была высока вероятность отстранения его от власти. Тем не менее, его кандидатура была внесена Президентом РФ на рассмотрение регионального парламента и была утверждена в феврале 2005 года. Точно так же были поддержаны все 21 губернаторов, поставивших вопрос о доверии к ним со стороны Президента РФ.

Смена глав исполнительной власти произошла в 2005 г. в 11 регионах. Удельный вес новых назначений составил 26,2% от всех утвержденных Президентом РФ кандидатур (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент сменяемости глав исполнительной власти субъектов РФ, %

2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
26,2	37,5	41,7	83,3	60	53,1	75	90,5

Как правило, смена губернаторов проходила «мирно» – по истечении сроков их легислатуры. Но один губернатор был отстранен от должности досрочно – «в связи с утратой доверия президента» – глава Корякского АО В.А. Логинов, ставший, таким образом, первым региональным руководителем, отстраненным от должности с подобной формулировкой. Еще в двух регионах – Республике Северная Осетия – Алания и Кабардино-Балкарская республика руководители добровольно ушли в отставку. Причем, один

⁵ Россияне о выборном законодательстве (губернаторы, парламент). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2010021502.html>

⁶ Информация о наделении полномочиями высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vibory.ru/elects/termlead.html>

из них – В.М. Коков – будучи смертельно болен; второй – А.С. Дзасохов – в результате давления как местных элит, так и федерального центра через год после трагедии с захватом заложников в Беслане. В Алтайском крае смена руководства произошла по причине смерти в автокатастрофе губернатора М.С. Евдокимова.

В 2006 году были наделены полномочиями всего восемь губернаторов, из которых сменилось трое. Один подал в добровольную отставку – М.М. Магомедов (Республика Дагестан), второй – губернатор Ненецкого АО А.В. Баринин был отстранен от должности, третий завершил свой срок и не был переназначен. Вопрос о доверии ставили трое губернаторов, и все они были переназначены на следующий срок. Удельный вес регионов, в которых произошла смена руководства, в 2006 году составил 37,5%.

В 2007 году наделение полномочиями глав исполнительной власти произошло в 24 субъектах федерации. Этот год стал последним, когда губернаторы объявляли о досрочном прекращении полномочий в связи с постановкой вопроса о доверии к ним со стороны Президента РФ. В 2007 году 12 губернаторов поставили вопрос о доверии, и их кандидатуры были предложены Президентом РФ на рассмотрение региональных парламентов и, соответственно, утверждены. Тем не менее, смена руководства в этом году оказалась достаточно ощутимой – она произошла в 10 регионах – 41,7%. Для смены руководства в основном были задействованы механизмы добровольной отставки (в 4 регионах) и истечения срока с последующей сменой регионального руководителя (также в 4 регионах). Один был отстранен от должности – губернатор Амурской области Л.В. Коротков.

В 2008 году было наделено полномочиями не так много региональных руководителей – всего 12, но при этом почти все регионы получили новых губернаторов. Смена руководства произошла в 10 из них (83,3%). Отстранений от должности не было. Шесть губернаторов завершили свои сроки, и еще четверо ушли в добровольную отставку – в их числе губернатор Чукотского АО Р.А. Абрамович, уже давно тяготившийся своей должностью и один из немногих, чья отставка действительно была добровольной, а не вынужденной – под давлением центра, местных элит или регионального сообщества – как у М.М. Зязикова (Республика Ингушетия), полтора своих сроков конфликтовавшего с местными элитами и, в конце концов, возбудившего массовое протестное движение в республике.

В 2009 году смена региональных элит продолжилась, хотя и не столь радикально – новые губернаторы пришли в 9 регионов из 15 (60%). В 2009 году количество губернаторов, добровольно ушедших в отставку, превысило число тех, кто завершил свой срок и не был переназначен (4 против 3). Однако, учитывая то, что один губернатор «пошел на повышение» – В.И. Ишаев был назначен полномочным представителем Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе, – преобладала все-таки относительно бесконфликтная смена региональных элит.

2010 год в определенном смысле стал знаковым в контексте взаимоотношений федеральной и региональных элит. Этот год стал последним для ряда региональных руководителей, олицетворявших собой процессы регионализации и децентрализации России 1990-х гг. – М.Ш. Шаймиева (Республика Татарстан, во главе региона с 1985 года), М.Г. Рахимов (Республика Башкортостан, во главе региона с 1990 года), К.Н. Илюмжинова (Республика Калмыкия, во главе региона с 1993 года), Ю.М. Лужкова (Москва, во главе субъекта федерации с 1992 года). Вместе с ними ушли региональные «долгожители» второго плана, также возглавлявшие свои регионы с начала – середины 1990-х гг. – Н.В. Федоров (Республика Чувашия, во главе региона с 1994 года), В.Ф. Чуб (Ростовская область, во главе региона с 1991 года), Ю.В. Неелов (Ямало-Ненецкий АО, во главе региона с 1994 года), А.В. Филиппенко (Ханты-Мансийский АО – Югра, во главе региона с 1995 года), Н.М. Волков (Еврейская АО, во главе региона с 1991 года), В.А. Торлопов (Республика Коми, во главе региона с 1995 года).

Всего в 2010 году сменились руководители 17 регионов из 32 (53,1%), причем, как было сказано выше, большинство из ушедших губернаторов были представителями старой губернаторской когорты ельцинского времени. При этом для отстранения двоих из ушедших были задействованы экстраординарные меры. М.Г. Рахимов ушел в добровольную отставку после неоднократных выбросов компромата по поводу доходов от топливно-энергетических предприятий Башкортостана, которыми до 2009 года руководил его сын. А Ю.М. Лужков был отстранен от должности «в связи с утратой доверия» – форму-

лировкой, в последний раз до этого применявшейся в 2007 году. Причем, незадолго до этого на центральных телеканалах было организовано сильное информационное давление на него и его супругу Е.Н. Батурину, одну из богатейших женщин мира (по версии «Форбс»), владеющую строительным бизнесом. Всего в 2010 году досрочно покинули свои посты 6 губернаторов. Двое – А.Г. Хлопонин и В.А. Толоконский были назначены полномочными представителями Президента РФ в Северо-Кавказском и Сибирском федеральных округах соответственно, один «утратил доверие» и трое – досрочно сложили свои полномочия добровольно.

Таким образом, в предпоследний год президентства Д.А. Медведева федеральный центр почти полностью избавился от губернаторов, легитимность которых проистекала не только из президентских указов, но и от избравшего их населения региона, и практически полностью – от тех, кто периодически позволял себе оспаривать те или иные решения Центра (Ю.М. Лужков, М.Ш. Шаймиев, М.Г. Рахимов).

Для 2011 года было характерно большое количество досрочных отставок губернаторов, лишь одна из которых (В.И. Матвиенко) была связана с карьерным ростом, хотя по накопившимся к ней претензиям со стороны населения петербургский губернатор явно не выглядела благополучной. Остальные шесть завершивших досрочно свои полномочия губернаторов уходили хотя и добровольно, но на грани скандала. В 2011 году впервые была инициирована процедура добровольной отставки губернатора, публично увязанная с низкими показателями «Единой России» в регионе на выборах депутатов Государственной Думы. За это заплатился губернатор Вологодской области В.Е. Позгалев, возглавлявший до этого региональный список «Единой России». Еще одна добровольная отставка по своему «внешнему» поводу также не имела прецедентов в прошлом. Губернатор Тверской области Д.В. Зеленин в течение своего первого срока не смог изменить ситуацию в регионе, но, тем не менее, был переназначен на второй срок. В отставку же он ушел через некоторое время после того, как неосторожно разместил в своем микроблоге фотографию своей тарелки с червяком в ней, которую он сделал на приеме в Кремле.

В целом, в 2011 году смена губернаторов произошла в 6 из 8 регионов (75%), в которых происходила процедура наделения полномочиями.

Начало 2012 года ознаменовалось досрочными отставками губернаторов Архангельской и Волгоградской областей И.Ф. Михальчука и А.Г. Бровко. Оба были вынуждены уйти «по собственному желанию». Первый – в результате периодически повторяющихся скандалов и провальную ситуацию в сфере ЖКХ, вызвавшую убийственную реплику Президента РФ на видеоконференции с полпредами: «Я вообще не понимаю, что там в Архангельской области происходит. Где там губернатор? Есть он там или нет?»⁷. Уход последнего был обусловлен конфликтами с региональными элитами, коррупционными скандалами в окружении губернатора и, как следствие, резким падением рейтинга «Единой России» в регионе, отразившимся на результатах выборов в Государственную Думу.

По своей интенсивности процесс наделения полномочиями глав исполнительной власти в 2012 году фактически превзошел аналогичные мероприятия предыдущих лет. Хотя в 2012 году были наделены полномочиями только 21 губернатор (в 2005 г. – 42, в 2007 г. – 24, в 2010 г. – 32), все назначения пришлось на компактный временной промежуток с начала года до конца мая, поскольку с 1 июня 2012 г. вступил в действие закон о выборности глав исполнительной власти регионов. Характерной особенностью губернаторских назначений был необычно высокий удельный вес вновь назначенных кандидатов. Из всех двадцати свои посты сохранили лишь губернатор Краснодарского края А.Н. Ткачев, возможно, благодаря ведущейся подготовке к Олимпиаде в Сочи, и Глава Республики Бурятия В.В. Наговицын, пошедший на второй срок. Таким образом, коэффициент сменяемости губернаторов в 2012 году стал рекордным – 90,5%.

В 2012 году покинули свои посты такие знаковые фигуры, как В.М. Кресс, возглавлявший Томскую область с 1991 года, и С.М. Дарькин – губернатор Приморского края, в свое время первым обратившийся к Президенту РФ В.В. Путину с вопросом о доверии. Новшеством 2012 года стал транзит на губернаторские должности двух федераль-

⁷ «Терпеть больше нельзя». Взгляд. 11.10.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2011/10/11/529429.html>

ных министров – В.Ф. Басаргина (Министерство регионального развития), ставшего губернатором Пермского края, и С.К. Шойгу (Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий) – Московская область. Не имел аналога до этого и акт горизонтальной ротации – переход Главы Республики Мордовия Н.И. Меркушкина на руководство Самарской областью.

Всего в процессе наделения полномочиями в 2005-2012 гг. были приведены к власти 75 новых губернаторов (из всех 162 «назначений») – коэффициент сменяемости регионального руководства составил, таким образом, 46,3%. Как видим, он оказался на 3,8 п.п. выше, нежели в период выборности глав регионов. Если на первых порах, в 2005-2006 гг. федеральный центр действовал предельно осторожно и предпочитал не совершать резких движений в отношении регионального руководства (хотя на 2006 год приходится первый прецедент отстранения губернатора от должности), то, начиная с 2007 года, кадровые решения становятся более решительными.

Однако, помимо кадрового обновления губернаторского корпуса существенным эффектом отмены всеобщих выборов глав исполнительной власти регионов было то, что она «вызвала коммуникативные эффекты отчуждения электората от политики»⁸, что во многом сказалось на легитимности как процедурных, так и структурных элементов региональных политий. В российский политический лексикон с 2005 года прочно вошел термин «варяг» – обозначение наделенного Президентом РФ полномочиями губернатора, не имеющего значимых (или вообще никаких) связей с местом его легислатуры. Инкорпорирование «варягов» в региональные элиты имело целью разрушение сложившихся в регионах клановых (в том числе, коррупционных) связей. Однако оборотной стороной данного процесса стала неготовность значительной части назначенных губернаторов находить компромисс с местными элитами и, в принципе, рассматривать себя в качестве проводника региональных интересов, а не интенций федерального центра.

Результаты опроса Фонда «Общественное мнение», проведенного через полгода после введения новой системы ротации губернаторов – в июне 2005 г., свидетельствовали, что положительно относятся к новой практике избрания губернаторов законодательными собраниями по представлению Президента РФ 35% респондентов, и столько же (35%) относятся к этому отрицательно. Еще 30% респондентов вообще не слышали об изменениях в избирательном законодательстве. Причем доля осведомленных – знающих или хотя бы что-то слышавших о новом порядке наделения полномочиями не выросла за полгода его действия и составляла на тот момент 72% россиян. Такое отсутствие динамики косвенно свидетельствовало о безразличии немалой части россиян к тому, кто и как избирает губернаторов. Еще показательнее в этом отношении тот факт, что 20% участников опроса не смогли тогда ответить на вопрос, как был избран действующий глава их региона – по старой или по новой системе⁹. Однако в течение последующих двух лет в общественном сознании сформировался устойчивый тренд отношения к выборности губернаторов. Так, отвечая на прямо поставленный вопрос об отношении к возвращению выборности губернаторов, абсолютное большинство населения (данные Левада-Центра, июль 2010 г.) – 59% – дало положительный ответ (против – 20%). Причем, с 2008 г. эти данные фактически не изменились¹⁰.

Возвращение к выборности региональных руководителей, воплощенное в президентском законопроекте, с одной стороны, можно расценивать как косвенное признание неэффективности практики фактического назначения ключевых региональных политических персон Президентом РФ, вынужденным, таким образом, принимать на себя ответственность за просчеты и даже преступления своих назначенцев. Попытка разделить данную ответственность с партией, завоевавшей большинство в региональном парламенте, наделенной в 2009 году правом внесения кандидатуры губернатора на рассмотрение

⁸ Баранов А.В. Актеры региональных политических процессов в постсоветской России. Автореф. дис. ... д. полит. наук. Волгоград, 2007. С. 41.

⁹ Российские губернаторы и механизм их селекции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/reg_pow/governor/tbo52407

¹⁰ Россияне о расширении избирательных прав. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2010080600.html>

Президента РФ¹¹, по-видимому, оказалась паллиативом. Политическая система подверглась испытанию централизацией, которая в ряде случаев обернулась против нее. Однако нужно учитывать и то, что нынешняя ситуация значительно отличается от той, что была в первой половине 2000-х гг. Российские регионы (по крайней мере, большинство из них) перестали быть политическими, экономическими и социокультурными анклавами. В этих условиях возвращение к выборности губернаторов может способствовать росту политической зрелости как региональных элит, так и территориальных сообществ. Правда, «на выходе» данный аспект политической реформы оказался не совсем таким, как «на входе». К изначально задуманному «президентскому фильтру» добавился гораздо более жесткий «муниципальный фильтр» – необходимость кандидату на должность главы исполнительной власти субъекта РФ заручиться поддержкой от 5 до 10% «депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта Российской Федерации... При этом кандидат должен быть поддержан указанными лицами не менее чем в трех четвертях муниципальных районов и городских округов субъекта Российской Федерации»¹². При этом право на определение возможности самовыдвижения кандидатов Федеральным законом было отдано субъектам федерации. Таким образом, «прямые» выборы губернаторов оказались не вполне прямыми – в закон изначально оказались заложены предпосылки жесткой управляемости выборов. Необходимость же нотариального засвидетельствования подлинности подписей депутатов представительных органов муниципальных образований и глав муниципальных образований, поддержавших кандидата при сохраняющейся процедуре их проверки явно будет способствовать дальнейшей бюрократизации избирательного процесса.

Заложенные в политическую реформу ограничения делают ее результаты неустойчивыми и, скорее всего, рано или поздно приведут к смещению маятника централизации/децентрализации в наделении полномочиями губернаторов в ту или другую сторону – либо в направлении дальнейшей либерализации формирования губернаторского корпуса, либо к выхолащиванию духа реформы и пролонгации системы жесткого контроля над политическим процессом в регионах.

"APPOINTMENT" OF GOVERNORS IN RUSSIA: EXPERIMENT RESULTS

E.V. REUTOV

Belgorod National Research University

e-mail: reutovevg@mail.ru

In the article is analyzed the practice of empowering the heads of executive authorities of the Russian Federation the Russian President in 2005-2012. The experiment termination on "appointment" of regional heads is examined, on the one hand, as the indirect certificate of a recognition by the federal centre of its instrumental inefficiency. On the other hand, the system of «appointments» has significantly changed the structure of the regional elites and their resource base.

Key words: subjects of the federation, governors, federal center, regional elites, empowerment, regional elections.

¹¹ Федеральный закон от 17 декабря 2009 г. №319-ФЗ «О внесении изменений в статьи 18 и 19 Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и статью 26.1 Федерального закона "О политических партиях"». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/196863/#42>

¹² Федеральный закон Российской Федерации от 2 мая 2012 г. №40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"» // Российская газета. 4.05.2012.

УДК 327.7(4)

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОЦЕССОВ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

А.И. НИКИТЕНКО

Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: alexey.nikitenko@mail.ru

Исследование молодежной политики Европейского Союза в сфере высшего образования позволяет утверждать, что учрежденные в рамках Евросоюза институты способствуют интенсификации молодежной мобильности как в рамках европейского интеграционного объединения, так и за его пределами.

Ключевые слова: Европейский Союз, болонский процесс, молодежная политика, образовательное пространство, мобильность молодежи.

Как известно, в условиях развития интеграционных процессов Европа все более ощущает себя единой: создано общее экономическое пространство, открылись границы, во многих государствах-членах Европейского Союза введена единая валюта, формируется общеевропейский рынок труда. В этих условиях диверсифицированная система высшего образования и несопоставимость присваиваемых квалификаций тормозят мобильность квалифицированной рабочей силы.

Предпосылки к построению общего образовательного пространства возникли в 1971 г., когда впервые за «круглым столом» встретились министры образования ФРГ, Италии, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Итогом встречи стало учреждение двух рабочих групп с целью рассмотрения будущего сотрудничества в сфере образования. А в 1976 г. Совет министров образования Европейского экономического сообщества принял Резолюцию о Программе действий в области образования¹. В 1986 г. 430 европейских университетов подписали Великую Хартию университетов о сотрудничестве.

В 1998 г. в Париже во время празднования юбилея Сорбонского университета состоялось совещание министров образования Великобритании, Франции, Италии и Германии, итогом которого стало подписание Декларации «О гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования»², впервые обосновавшей стратегическую цель создания зоны европейского высшего образования. В документе, в частности, говорилось, что:

– европейское пространство высшего образования имеет большие перспективы, однако требует постоянных усилий по устранению существующих барьеров, а также такой основы для обучения и преподавания, которая бы способствовала мобильности и более тесной кооперации участников;

– люди, получившие неполное высшее образование, должны иметь возможность дальнейшего обучения по различным программам, включая междисциплинарную подготовку, изучение иностранных языков и новых информационных технологий;

– люди, имеющие полное высшее образование, могут выбирать между магистратурой и докторантурой, имея при этом возможность переходить с одного вида обучения на другой;

– получая высшее образование, выпускники должны иметь возможность в течение хотя бы одного семестра пройти обучение в зарубежных европейских университетах;

– преподаватели и научно-исследовательский состав также должны иметь возможность работать в других европейских странах.

В 1999 г. в Болонье состоялась знаменательная конференция с участием представителей 29 государств Европы, где была принята Декларация «Зона европейского высшего образования»³, которая определила основные цели, ведущие к достижению сопоста-

¹ Resolution of the Council of Ministers of education meeting within the Council comprising and action programme in field of education // Official Journal N° C 38. 19.02.1976.

² Garben S. EU higher education law. Bedfordshire, 2011. P. 249-251.

³ Ibid. P. 253-255.

вимости и, в конечном счете, к гармонизации национальных образовательных систем высшего образования в европейских государствах.

Главная цель Болонской декларации заключалась в построении европейской зоны высшего образования и активизации европейской системы высшего образования. Среди основных приоритетов данного документа необходимо выделить следующие:

- трудоустройство выпускников;
- введение двухуровневой системы высшего образования;
- создание кредитной системы зачетных единиц;
- активное развитие мобильности обучающихся;
- приведение высшего образования в соответствие с едиными образовательными стандартами;
- внедрение в жизнь концепции непрерывного обучения.

Одним из ключевых положений Болонского процесса является трудоустройство выпускников, приведение дипломов об образовании к единому стандарту, подтверждающему уровень и качество полученных знаний, а также рациональное использование приложений к диплому в соответствии с рекомендациями в сфере образования, науки и культуры.

Для стандартизации степеней и специализаций было намечено *внедрение двухуровневой* (бакалавриат – магистратура) *системы высшего образования*. Унификация европейской образовательной системы предполагает *учреждение кредитной системы* согласно Европейской кредитно-трансфертной системе, где кредиты обозначают зачетные единицы, определяющие объем усвоенных знаний и понятий, навыков и т.п. Данная система зачетных единиц рассматривается как средство повышения мобильности обучающихся при переходе на различные учебные программы, в том числе и на программы последиplomного образования. Ожидается, что введение такой унифицированной системы станет многоцелевым инструментом признания образования и повышения мобильности обучающихся, поскольку последние смогут поступать в высшее учебное заведение в одной стране, а заканчивать – в другой, сменить избранную специальность, закончить обучение на любом этапе, получив необходимую степень, при желании продолжить обучение в любой период жизни.

Созданная в 1984 г. в ряде стран Европы Сеть национальных информационных центров признания образования предоставляет информацию по вопросам признания дипломов и периодов обучения в других европейских странах, а также оказывает консультации в отношении иностранных дипломов о высшем образовании, выданных в государствах Европы, имеющих данную сеть. Европейская Комиссия оказывает сети разностранную поддержку, в том числе посредством обмена информацией и опытом между разными странами, выявления наилучшей практики, проведения сравнительного анализа систем и политики в этой области, обсуждения и анализа актуальных вопросов образовательной политики. Различные мероприятия Еврокомиссии способствуют диверсификации кооперации между участниками сети национальных и информационных центров признания образования.

Для активизации академической мобильности ставится задача приведения программ высшего образования европейских стран в соответствие с едиными образовательными стандартами, что выражается в разработке единых или схожих учебных планов, проведении тренингов и соответствующих исследований.

Внедрение в образовательную среду концепции непрерывного обучения позволит людям получить несколько квалификаций или ученых степеней в течение жизни, а высшим учебным заведениям – улучшить материальное и финансовое обеспечение за счет широкого предоставления информационно-образовательных ресурсов своим абитуриентам.

События последних лет, происходящие в различных европейских странах, выявили, что проблематика социальной ответственности государства в области высшего образования является чрезвычайно важной. Среди ключевых моментов можно выделить оказание значительной государственной финансовой поддержки сфере образования, содействие трудоустройству выпускников учебных заведений, социальное обеспечение молодежи, ее поддержку в период обучения и т.п. Болонский процесс создает при этом благоприятные условия для активизации мобильности молодежи в пределах общеевропейского образо-

вательного пространства, способствует взаимодействию между отдельными образовательными и исследовательскими учреждениями, дальнейшей интенсификации и диверсификации культурных и гуманитарных связей внутри Европейского континента, а также укреплению европейской экономической кооперации.

Одним из ключевых моментов, призванных интенсифицировать политику мобильности среди молодежи и придать высшему образованию отчетливо выраженную европейскую направленность, является запущенная в 1987 г. программа «Эразмус Мундус». Основная цель программы состоит в укреплении европейского сотрудничества и диверсификации международных связей в области высшего образования на основе поддержки высококачественных европейских программ. Программа является ключевым направлением в сфере реализации стратегии непрерывного обучения Европейского Союза. В 1994 г. программа «Эразмус Мундус» наряду с другими европейскими программами была включена в общую программу Европейской Комиссии «Сократ», просуществовавшую до конца 1999 года. В 2000-2006 гг. функционировала Программа «Сократ II», а в 2007 г. ее заменила стратегия непрерывного образования Европейского Союза, рассчитанная до 2013 года.

В рамках программы «Эразмус Мундус» существует также направление программы «Организованная мобильность» (партнерство), что выражается в форме междууниверситетского сотрудничества и организованной мобильности студентов и профессорско-преподавательского состава из третьих стран, включая Россию.

Таким образом, российские высшие учебные заведения, имеющие официальный юридический статус, лицензии и аккредитацию Министерства образования и науки РФ, могут принимать участие в таких программах в рамках консорциума, возглавляемого европейскими университетами.

Программа «Темпус» является еще одной программой Европейского Союза, предназначенной для оказания помощи в проведении социально-экономических реформ и развитии систем высшего образования в государствах-партнерах: странах Западных Балкан, Восточной Европы (включая Россию), средиземноморского и центрально-азиатского регионов. Ключевым направлением данной программы является совершенствование систем высшего образования третьих стран посредством тесной кооперации с ними Европейского Союза. Зарождение программы «Темпус» началось в 1990 г., когда Совет Европейского экономического сообщества одобрил схему трансъевропейской мобильности высшего образования на «пятилетнюю перспективу, но с первоначальной трехлетней пилотной фазой»⁴. Данная фаза проекта была запущена с целью поддержки модернизации сферы высшего образования в странах Центральной и Восточной Европы после падения Берлинской стены в 1989 году.

Участниками Программы «Темпус» являются самые разнообразные институты, начиная от высших учебных заведений и заканчивая учреждениями, не относящимися к академической сфере (к примеру, неправительственные организации, компании, промышленные предприятия, государственные органы и др.).

Программа «Темпус» направлена на оказание содействия процессам развития и реформирования посредством механизмов, предназначенных для сферы высшего образования, к которым можно отнести:

- оказание помощи в создании новых или преобразовании старых образовательных курсов, что способствует облегчению внедрения инновационных педагогических методик, ставящих в центр внимания студента;
- оказание помощи учебным заведениям в осуществлении реструктуризации;
- поддержку учреждений и отдельных лиц, занимающихся вопросами высшего образования, в разработке и реализации реформ и развитии стратегий;
- стимулирование учебных и неучебных организаций к совместной работе по определенной дисциплине;
- оказание материальной помощи (однако, исключительно в мере, необходимой для достижения целей проектов, финансируемых данной программой).

Реализация программы осуществляется посредством:

- совместного финансирования через гранты, проекты и деятельность;

⁴ Internal Market. 1993. Vol. 6. P. 210; British journal of non-destructive testing. 1991. Vol. 33. P. 22.

– поощрения кооперации между образовательными учреждениями и государствами-участниками программы;

– поощрения обмена мнениями, и передовым опытом между государствами Европейского Союза и третьими странами.

Непосредственно управляет программой «Темпус» расположенный в Брюсселе Генеральный Директорат по вопросам образования и культуры Европейской Комиссии, а техническую поддержку оказывает расположенный в Турине Отдел Европейского Фонда образования. Юридическая ответственность за осуществление контроля в ходе реализации программы лежит на плечах двух учреждений Еврокомиссии: Генерального директората по развитию и сотрудничеству и Генерального директората по расширению ЕС.

Деятельность Европейской Комиссии обеспечивается сетью представительств и референтов в государствах Европейского Союза и странах-партнерах следующим образом. Каждая страна Евросоюза назначает Национальный контактный пункт. Его роль заключается в функционировании в качестве справочного пункта, предоставляющего информацию и оказывающего помощь участвующим в проекте учреждениям из конкретного государства Евросоюза, а также в продвижении сотрудничества с третьими странами.

Для скорейшего развития и достижения поставленных перед государствами-участниками целей среди семи приоритетных направлений деятельности Европейского Союза важное значение приобретает направление «Молодежь в движении»⁵. Данная программа нацелена на усиление международной привлекательности европейского высшего образования и образовательных систем, повышение качества образования и обучения на всех уровнях Евросообщества.

В перспективе в общеевропейском масштабе Европейская Комиссия намерена реализовывать следующие направления деятельности:

– разработку и реализацию программ Европейского Союза в сферах свободы передвижения, обучения в университетах, проведения исследований, а также координации общеевропейских и национальных программ и возможностей государств-членов;

– проведение плана модернизации высшего образования;

– поддержку программ обучения молодых предпринимателей;

– реализацию мер, направленных на сокращение безработицы в молодежной среде.

На национальном уровне государства-члены Евросоюза в настоящее время акцентируют внимание на проблемах достаточного финансирования образовательных учреждений, совершенствования обучающих систем на всех уровнях, улучшении показателей качества дошкольного, начального, среднего, профессионального и высшего образования, повышении степени доступности образования, решении проблем занятости специалистов.

В 2011 г. была разработана модель проекта Европейской Комиссии «*Ваша первая ЕВРО-работа*»⁶, ориентированная на молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет. Данный пилотный проект, запущенный в 2012 г. и рассчитанный на долгосрочную перспективу, должен способствовать оказанию поддержки молодым выпускникам, желающим получить работу за границей. С учетом того, что уровень безработицы среди молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет в странах-членах Евросоюза по сравнению с прошлыми годами увеличился и по состоянию на начало 2012 г. составил 5,5 млн. человек, данный европейский проект приобретает все более весомую и первостепенную значимость. В проекте задействованы национальные службы занятости и специализированная европейская сеть. Ожидается, что в ходе реализации данного проекта только в 2012-2013 гг. должно появиться уже около 5 тыс. новых рабочих мест для молодых работников.

Еврокомиссия учредила специальную экспертную группу, цели которой заключаются в определении путей и способов сотрудничества, обмене информацией и передовой практикой. В настоящее время экспертная группа занимается разработкой первого про-

⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions COM (2010) 477 Final on An initiative to unleash the potential of young people to achieve smart, sustainable and inclusive growth in the European Union: «Youth on the Move». Brussels, 2010.

⁶ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions COM (2011) 933 Final on Youth opportunity initiatives. Brussels, 2011. P. 10, 13.

екта по трансграничной волонтерской работе, и параллельно ведет разработку Молодежного волонтерского портала, который станет составной частью модернизированного Молодежного портала Европейского Союза.

Говоря об инструментах молодежной политики стран ЕС, стоит отметить прямую государственную услугу «*Европасс*», предоставляемую в целях упрощения толкования квалификаций и умений на европейской территории. Данная услуга призвана помочь в упрощении процедур определения квалификации, навыков и умений среди желающих найти работу на своей родине или за рубежом.

Не менее важную роль в реализации образовательных программ Европейского Союза, в особенности для молодежи, играют *консультации по возможностям непрерывного обучения на протяжении всей жизни*. Такие консультации направлены на помощь европейцам в принятии наиболее верных и отвечающих их интересам решений. В рамках функционирования консультативного механизма европейскими институтами разработан целый ряд инструментов, в частности:

– «портал возможностей европейского пространства», направленный на оказание помощи студентам, преподавательскому составу, консультантам и другим слоям общества в поисках информации об учебе и работе в Европе, включая возможности получения высшего и профессионального образования в Евросоюзе, участия в обменах и получения грантов, а также в предоставлении информации о переезде за рубеж;

– «европейский портал трудовой мобильности», предоставляющий информацию, советы и услуги безработным и работодателям, изъявившим желание воспользоваться принципом свободы перемещения (портал имеет большое значение для приграничных европейских регионов, оказывая помощь в решении проблем, возникающих с трудовой мобильностью);

– сеть «евроконсультирование», включающая страны-члены Европейского Союза, Исландию, Лихтенштейн, Турцию и Швейцарию, и сопровождающая работу консультантов, предоставляя им необходимую документацию и информацию (данная сеть играет одну из ключевых ролей в актуализации «европейского портала трудовой мобильности»).

В ноябре 2011 г., в ходе встречи министров ЕС в рамках заседания Совета по образованию, молодежной политике, культуре и спорту, были выработаны заключения Совета по программе повышения активности и мобильности молодежи стран Восточной Европы посредством «Восточного партнерства» как стратегической инициативы, имеющей важное значение для стабильности и безопасности государств Восточной Европы, участвующих в Европейской политике соседства, и для Европейского Союза в целом⁷. В ходе работы Совета было высказано предложение о расширении географических рамок ряда программ и инструментов Евросоюза, таких как «Молодежь в действии», «непрерывное обучение», для вовлечения в них молодежи стран Восточной Европы. В п. 10 Заключений Совета были также определены одни из важнейших элементов партнерства между Европейским Союзом и Российской Федерацией в области мобильности молодежи, выражающиеся в облегчении контактов между людьми и укреплении диалога с гражданским обществом⁸.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в политике Европейского Союза одним из ключевых направлений является работа с молодежью как составная часть социальной политики Единой Европы. Однако, несмотря на эффективные общеевропейские программы образовательной мобильности «Темпус» и «Эразмус Мундус», представители Единой Европы осознают, что в условиях динамично развивающегося европейского общества и активной фазы процессов глобализации и интеграции необходимо постоянно совершенствовать текущие программы, и в то же время разрабатывать новые инструменты, позволяющие углубить процессы образовательной интеграции с тем, чтобы вовлечь в них как можно большее количество европейской молодежи. В том числе именно поэтому в рамках стратегии Евросоюза было выделено специальное направление «Молодежь в движении», принят целый ряд рекомендаций в области повышения качества образования, количества

⁷ Council conclusions on the Eastern dimension of youth participation and mobility // Official Journal C 372. 20.12.2011. P. 11.

⁸ Ibid.

дипломированных специалистов, их дальнейшего трудоустройства в рамках единого пространства Евроинтеграционного объединения и т. п.

Такая политика ЕС в образовательной сфере будет осуществляться и в дальнейшем, с привлечением межведомственных структур в рамках институтов Евросообщества, а также с участием заинтересованных негосударственных акторов, занимающихся вопросами разработки и реализации политики европейской мобильности молодежи. Стоит надеяться, что в условиях перехода к болонской системе образования российские бакалавры и магистры смогут активнее участвовать в образовательных обменах, а российские вузы станут активнее сотрудничать с европейскими образовательными учреждениями.

THE EUROPEAN UNION POLICIES IN SPHERE OF EDUCATION PROGRAMMES IN THE CONTEXT OF INTENSIFICATION OF YOUTH MOBILITY

A.I. NIKITENKO

*Orel Branch of Russian Presidential
Academy of National Economy and
Public Administration*

e-mail: alexey.nikitenko@mail.ru

The research of youth policies within the European Union in the sphere of higher education points out that the EU mechanisms and institutions are effective instruments promoting intensification of youth mobility within the European communities and outsides.

Key words: European Union, Bologna process, youth policies, education area, youth mobility.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Белевцева С.Н.** – доцент кафедры всеобщей истории Курского государственного университета, кандидат исторических наук
- Болгов Н.Н.** – профессор, заведующий кафедрой российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Болгова А.М.** – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Болховитина Т.С.** – профессор кафедры менеджмента и государственного управления Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат политических наук, доцент
- Гончар М.И.** – аспирант кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета
- Денисов В.В.** – директор Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея, кандидат культурологии
- Елисеева О.Н.** – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ермолин А.Л.** – научный сотрудник Центра археологии и морских цивилизаций Университета г. Хайфа, Израиль
- Иванов В.А.** – доцент кафедры отечественной истории Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, кандидат исторических наук
- Иванова Е.Г.** – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Козлов К.В.** – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Красникова Е.А.** – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Краснова И.А.** – заведующая кафедрой истории древнего мира и средних веков Ставропольского государственного университета, доктор исторических наук, профессор
- Лазарев Я.А.** – аспирант исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

- Лобанов К.Н.** – профессор кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор политических наук
- Макаренко П.В.** – доцент кафедры философии Воронежской государственной лесотехнической академии, кандидат исторических наук
- Никитенко А.И.** – преподаватель кафедры социальной работы и педагогики профессиональной деятельности Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат политических наук
- Пенской В.В.** – профессор кафедры теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Прокофьева Е.Ю.** – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Реутов Е.В.** – доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук
- Рылкина А.П.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Самойлова М.П.** – доцент кафедры культурологии и классических языков Нижегородского государственного лингвистического университета, кандидат исторических наук
- Семененко А.А.** – заместитель директора Воронежского колледжа «Номос», кандидат исторических наук
- Синица М.М.** – студент IV курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Смирнов А.С.** – ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, кандидат экономических наук, г. Москва
- Тельменко Е.П.** – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Ставропольского государственного университета, кандидат исторических наук
- Шаповалов В.А.** – профессор кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Шатохин И.Т.** – профессор кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Шилов В.Н.** – профессор кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – vasilenko_v@bsu.edu.ru (Василенко Виктория Викторовна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	<p>на русском
и английском
языках</p>
	}	<p>на русском
языке</p>

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – **9 пт**.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65.01

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

А. В. ИВАНОВ¹**Л. Н. ПЕТРОВ²**¹⁾ *Департамент экономического развития Белгородской области*²⁾ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет**e-mail: bor@bsu.edu.ru*

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики¹.

KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

A. V. IVANOV¹**L. N. PETROV²**¹⁾ *Department of Economic Development, Belgorod Region*²⁾ *Belgorod National Research University**e-mail: bo@bsu.edu.ru*

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Key words: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

- кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail.ru, тел. 33-22-44

¹ Караганов С.А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

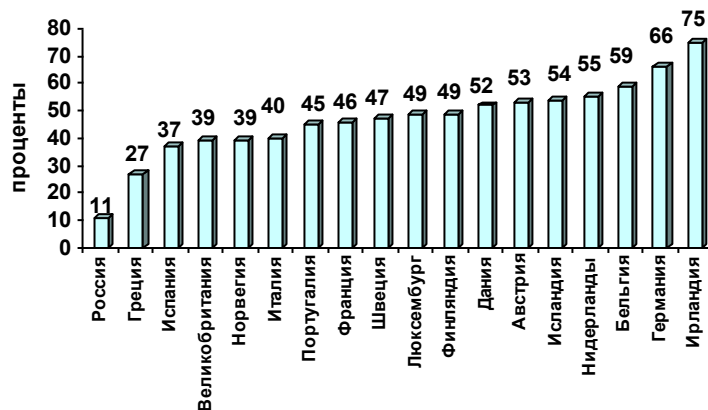

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

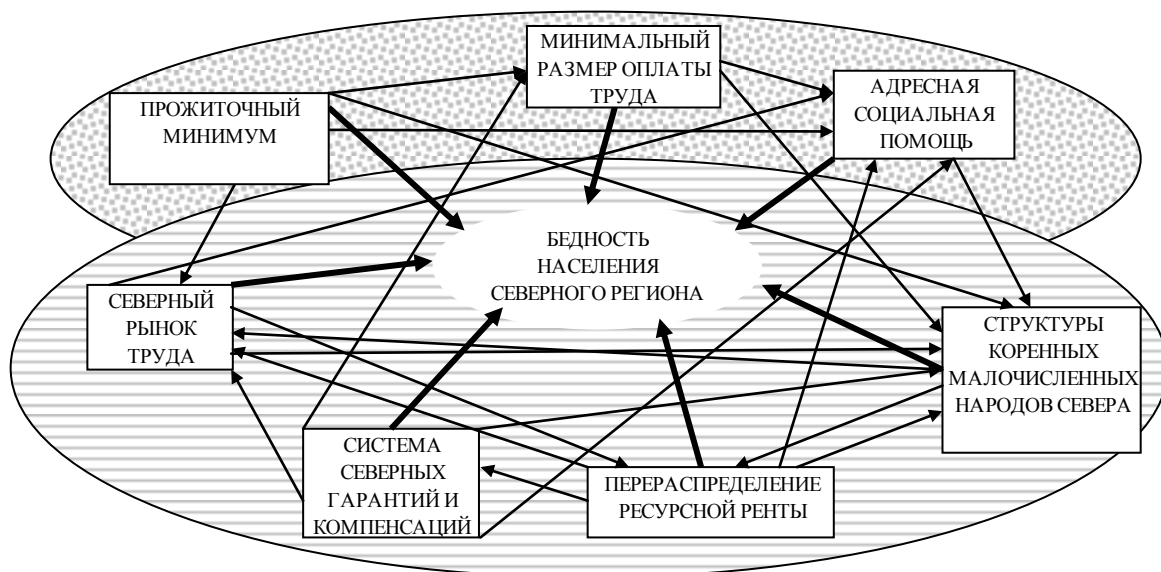

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.